

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 8

Август 2025

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институту государства и права
Российской академии наук – 100 лет*

Ж.-Ж. Руссо: утопия тоталитарной демократии • Современная доктрина источников права в англо-американской юриспруденции • О кодификации предпринимательского законодательства Российской Федерации (окончание) • Проблемы преподавания военного права в России и пути их решения • Власть и право в технологическом контексте (к юбилею И.А. Исаева) • Выдающийся ученый и организатор науки (к 80-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова) • Кодификация международного частного права Франции: эволюция коллизионного регулирования • Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: воплощение государственной воли и научной мысли (к 180-летию со дня принятия)

НАУКА
— 1727 —

Российская академия наук
Институт государства и права
**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО/
STATE AND LAW**

№ 8 2025 Август

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927—1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930—1931 гг.)
«Советское государство» (1932—1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. — первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. — по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
академик РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.- корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.- корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.- корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришконец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Сreto Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, акад. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревич, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Москва

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО/ STATE AND LAW

No. 8 2025 August

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief
A.N. Savenkov,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Academician of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchaev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2025
© Institute of State and Law of the RAS, 2025
© Editorial Board of “State and Law”, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 8, 2025

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

- Ж.-Ж. Руссо: утопия тоталитарной демократии
В.Н. Жуков 7
- Концепция а-законности Г. Линдаля: философско-правовые основания и перспективы
А.А. Савенков 19

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Современная доктрина источников права в англо-американской юриспруденции
В.С. Горбань, Н.В. Кроткова, Г.В. Груздев 28
- Ответственность религиозных организаций за деяния подчиненных им священнослужителей в зарубежных странах и Российской Федерации: между каноническим и светским правом
И.А. Побаев 37

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

- Унификация гражданского процесса как фактор снижения нагрузки на бюджетную систему Российской Федерации
С.Ю. Чуча, В.П. Сорокин 48

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

- О кодификации предпринимательского законодательства Российской Федерации (окончание)
М.И. Клеандров 57
- Личные элементы корпоративного договора
А.С. Позднякова 68

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

- К вопросу о сроках в трудовом праве
М.О. Буянова 77

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

- Понятие и правовое значение рационального природопользования
М.М. Бринчук 83

ВОЕННОЕ ПРАВО

- Проблемы преподавания военного права в России и пути их решения
А.В. Кудашкин 97
- О сущности и роли военно-административных отношений в военном праве
В.В. Кудашкин 109

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЮРИСТЫ – УЧЕНЫЕ И ПЕДАГОГИ

- Власть и право в технологическом контексте (к юбилею Игоря Андреевича Исаева)
С.С. Зенин 121
- Выдающийся ученый и организатор науки (к 80-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Владимира Михайловича Баранова)
Б.С. Эбзеев 129

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Кодификация международного частного права Франции:
эволюция коллизионного регулирования

Н.Ю. Ерпылева, И.В. Гетьман-Павлова, А.С. Касаткина

138

ЗА РУБЕЖОМ

Особенности современного федеративного устройства Боснии и Герцеговины
в условиях сохраняющегося межэтнического конфликта

С.И. Коданева

154

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных:
воплощение государственной воли и научной мысли (к 180-летию со дня принятия)

А.И. Чучаев

162

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Защита публичного интереса при регистрации прав на недвижимость

А.В. Пушкина

175

К вопросу о закреплении в национальном законодательстве России права ребенка
быть заслушанным в ходе разбирательства по делу

Е.В. Карпеева

182

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Искусственный интеллект, труд и общество / под ред. А.П. дель Кастильо. Брюссель, 2024

К.Л. Томашевский, И.А. Филипова

189

CONTENTS

Number 8, 2025

LEGAL, POLITICAL, PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

- J.-J. Rousseau: the utopia of totalitarian democracy
V.N. Zhukov 7
- The concept of a-legality by G. Lindahl: philosophical and legal foundations and prospects
A.A. Savenkov 19
-

COMPARATIVE LAW

- The modern doctrine of the sources of law in Anglo-American jurisprudence
V.S. Gorban, N.V. Krotkova, G.V. Gruzdev 28
- Responsibility of religious organizations for the actions of their subordinate clergy in foreign countries and the Russian Federation: between canonical and secular law
I.A. Pibaev 37
-

COURT, PROCURATOR'S OFFICE, THE BAR

- Unification of the civil process as a factor in reducing the burden on the budgetary system of the Russian Federation
S. Yu. Chucha, V.P. Sorokin 48
-

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

- On the codification of entrepreneurial legislation of the Russian Federation (the end)
M.I. Kleandrov 57
- Personal elements of a corporate agreement
A.S. Pozdnyakova 68
-

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

- On the issue of time limits in Labor Law
M.O. Buyanova 77
-

ENVIRONMENTAL LAW

- The concept and legal significance of rational use of natural resources
M.M. Brinchuk 83
-

MILITARY LAW

- Problems of teaching Military Law in Russia and ways to solve them
A.V. Kudashkin 97
- On the essence and role of military-administrative relations in Military Law
V.V. Kudashkin 109
-

DOMESTIC LAWYERS – SCIENTISTS AND EDUCATORS

- Authority and law in the technological framework (dedicated to the anniversary of Igor Andreevich Isaev)
S.S. Zenin 121
- An outstanding scientist and scientific organizer (to the 80th anniversary of the Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Vladimir Mikhailovich Baranov)
B.S. Ebzeev 129

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Codification of Private International Law of France: evolution of conflict-of-laws regulation

N. Yu. Erpyleva, I.V. Get'man-Pavlova, A.S. Kasatkina

138

ABROAD

Features of the modern federal structure of Bosnia and Herzegovina in the context of the ongoing interethnic conflict

S.I. Kodaneva

154

PAGES OF HISTORY

The Code of Criminal and Correctional Punishments: a reflection of the state will and scientific thought (on the 180th anniversary of its adoption)

A.I. Chuchaev

162

SCIENTIFIC REPORTS

Protection of public interest in registration of rights to real estate

A.V. Pushkina

175

On the issue of securing in the national legislation of Russia the right of the child to be heard during the proceedings in the case

E.V. Karpeeva

182

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Artificial Intelligence, labour and society / ed. by A.P. Del Castillo. Brussels, 2024

K.L. Tomashevski, I.A. Filipova

189

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

УДК 340

Ж.-Ж. РУССО: УТОПИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

© 2025 г. В. Н. Жуков^{1, 2}

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 27.06.2025 г.

Аннотация. В статье рассматривается модель либеральной демократии, разработанная Ж.-Ж. Руссо. Отмечается, что Руссо, отождествляя государство и общество и делая упор не на свободе, а на равенстве, фактически обосновывает тоталитарную модель власти. Права человека, свобода, которые объявляются целью общественного договора, на самом деле растворяются в общей воле и народном суверенитете. Утверждается, что западноевропейский индивидуализм, создав рыночную экономику и правовое государство, вместе с тем имеет тенденцию порождать и тоталитаризм. Делается вывод, что Руссо — один из тех, кто стоял у истоков тоталитарной модели власти.

Ключевые слова: Ж.-Ж. Руссо, демократия, теория общественного договора, народный суверенитет, тоталитаризм, авторитаризм, права человека, социальная утопия.

Цитирование: Жуков В. Н. Ж.-Ж. Руссо: утопия тоталитарной демократии // Государство и право. 2025. № 8. С. 7–18.

DOI: 10.31857/S1026945225080017

J.-J. ROUSSEAU: THE UTOPIA OF TOTALITARIAN DEMOCRACY

© 2025 V. N. Zhukov^{1, 2}

¹Lomonosov Moscow State University

²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 27.06.2025

Abstract. The article examines the model of liberal democracy developed by J.-J. Rousseau. It is noted that Rousseau, by identifying the state and society and emphasizing equality rather than freedom, actually justifies the totalitarian model of power. Human rights and freedom, which are declared the goal of a social contract, actually dissolve into the common will and national sovereignty. It is argued that Western European individualism, having created a market economy and a Rule of Law, at the same time tends to generate totalitarianism. It is concluded that Rousseau is one of those who stood at the origins of the totalitarian model of power.

Key words: J.-J. Rousseau, democracy, theory of social contract, popular sovereignty, totalitarianism, authoritarianism, human rights, social utopia.

For citation: Zhukov, V.N. (2025). J.J. Rousseau: the utopia of totalitarian democracy // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 7–18.

Либеральная демократия формируется в эпоху буржуазных революций и является своего рода венцом западной цивилизации, предметом гордости ее носителей. Ядром западной цивилизации, ее культурным кодом стал индивидуализм, т.е. такая мировоззренческая позиция, принцип, согласно которому признается приоритет интереса индивида над коллективным (групповым или общественным) интересом, благо человека считается высшей целью, а социальные институты и группы — средством его достижения. Западноевропейский индивидуализм дополняется такими мировоззренческими принципами, как антропоцентризм (человек — это центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий) и гуманизм (человек представляет собой ценность, деятельное, творческое существо). Марксизм попытался доказать, что сила экономического развития породила буржуазную политико-правовую культуру, центром которой выступила идея ценности личности и ее прав. Представляется, что рыночная экономика, институт частной собственности сами стали результатом действия западноевропейских архетипов, т.е. глубинных ценностных и психологических установок. В этом смысле западные европейцы — это особый антропологический и культурно-исторический тип, не встречающийся в других регионах мира. Великая хартия вольностей (1215) есть следствие не рыночной экономики (ее тогда не было), а ценностных архетипов английской аристократии, их индивидуалистического сознания и правосознания.

Вместе с тем западноевропейский индивидуализм — это не только права человека. Естественным свойством индивидуализма, его модусом является жесткая дисциплина и этика самоограничения. Для западного европейца свобода есть прежде всего самоограничение своей воли, установление ее границ. На этом строится межличностный и социальный компромисс как основа общественного устройства. Своего рода апогей понимания свободы западным европейцем демонстрирует кальвинизм с его учением о предопределении: еще до сотворения мира Бог одних грешников избрал к спасению (проявление его высшего милосердия),

а других обрек на вечные муки (проявление высшей справедливости), и ничто — ни добрые дела, ни подвиги благочестия — не может изменить этого предначертания. Данная установка приобретает светский, общеполитический характер у Спинозы, для которого свобода есть познанная необходимость. Свобода воли, рассуждает он, — иллюзия, порождаемая неадекватным чувственно-абстрактным познанием. Истинная свобода — «свободная необходимость», вытекающая из единства и всеобщей связи вещей. Человек — раб своих страстей, только познание необходимости делает человека свободным. Согласно логике Спинозы, освобождение человека лежит на пути его подчинения необходимости, так сказать, «року судьбы». Несколько утрируя, можно так сформулировать мысль Спинозы: свобода человека есть признание над собой власти необходимости. Или по-другому: подчинение — это и есть свобода. У Гегеля мы находим нечто похожее в его известной формуле: «все действительное разумно, все разумное действительно», где действительное есть исторически необходимое. Свобода, полагает он, есть познанная необходимость, а значит, и подчинение ей. Свое полное развитие свобода находит в государстве, а если более конкретно, в его родной абсолютистской прусской монархии. Здесь имеет место та же ценностная установка: свобода есть самоограничение, она — проявление твердого порядка, подчинения и дисциплины.

Вот эта сторона западноевропейского индивидуализма (стремление к порядку, подчинению и жесткой дисциплине) и порождает в первой трети XX в. авторитарные и тоталитарные режимы, на что точно указал выдающийся неопрейдист Э. Фромм. Истоки германского национал-социализма он усматривает не в экономике и политике, а в индивидуализме и его естественном следствии — протестантизме. Реформация, с его точки зрения, помимо свободы несла с собой идею порочности, беспомощности и ничтожества человека, требующей его подчинения внешней силе.

Если в XIX в. либеральной демократии как-то удавалось соблюдать баланс между свободой, равенством и твердым порядком, то в условиях массовой культуры, возникающей в XX в., начинает заметно доминировать идея равенства и основанное на ней стремление к подчинению стандартам большинства. Как верно отмечали Х. Ортега-и-Гассет, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев¹ и многие другие философы-экзистенциалисты, именно массовая культура, унифицируя сознание и поведение, создает условия для тоталитаризма. Во второй половине XX в. фрейдомарксист Г. Маркузе в своей знаменитой работе «Одномерный человек» предпринял попытку доказать, что либеральная демократия современных ему стран Запада есть типичный тоталитаризм. За помпезным фасадом буржуазных конституций, буржуазной законности стоит стремление к всевластию, тотальному господству капиталистического государства. Таким образом, именно либеральная демократия с ее апелляцией к народу как источнику власти в первой трети XX в. порождает фашистские режимы. Именно западноевропейский индивидуализм с его стремлением к самоограничению свободы порождает тоталитаризм в его многоликих формах.

Жан-Жак Руссо — один из столпов либеральной демократии современного Запада. В его творчестве весьма характерным образом представлена идея доминирования равенства и большинства перед идеей прав человека и защитой прав меньшинства (политического, религиозного, национального). Как верно отмечали П.И. Новгородцев и М.М. Ковалевский, если английская политическая мысль стремилась к обоснованию свободы, то французская — к обоснованию равенства². В известном смысле Руссо можно назвать одним из родоначальников тоталитарной политической модели, реализованной в XX в. К. Поппер в своем известном труде «Открытое общество и его враги» причислил к отцам тоталитаризма Платона, Гоббса, Гегеля и Маркса, Руссо в этом перечне нет. А между тем в учении Руссо за красивыми словами о свободе отчетливо проступает призрак тоталитаризма, что с очевидностью демонстрирует современная либеральная демократия стран Запада. Уже вожди якобинской диктатуры признали Руссо своим идейным вдохновителем, а прах его перенесли в Пантеон (1794). Во многом именно с этим фактом была связана его огромная посмертная

популярность. Весь XIX в. в Европе и России интенсивно обсуждали якобинский террор (он произвел шок на современников), а с ним — идеи Руссо. И наоборот: обсуждая Руссо, всегда вспоминали реки пролитой крови во времена Великой французской революции. Имя Руссо и якобинская кровавая диктатура слились воедино.

Главное сочинение Руссо — «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762). К нему тематически примыкают несколько небольших работ: «Рассуждение по вопросу: “Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов”» (1750), «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755), «Суждение о вечном мире» (1761), «Проект конституции для Корсики» (1765). Кроме того, Руссо написал романы «Юлия, или Новая Элоиза», «Эмиль», стихотворения, комедии, письма, оставил специальные работы по ботанике, музыке, языкознанию. Представляет большой интерес «Исповедь» Руссо, характеризующая автора как человека безнравственного. Руссо — не только выдающийся политический мыслитель, но также блестящий стилист, его в том числе теоретические работы — образец хорошей прозы.

Методология Руссо является типичной для эпохи Просвещения. Он — деист, отрицает религиозный фанатизм, но осуждает атеистов. Стоит на позициях рационализма и антиисторизма. В своей научной деятельности — агностик и сенсуалист. Ему свойствен антропологизм, культ «естественного» человека: чтобы выявить основания социального устройства, Руссо ставит перед собой задачу понять природу «естественного» человека. Он продолжает традицию географического детерминизма.

Руссо создает свою концепцию человека, одна из центральных установок которой — выделить в человеке природное и приобретенное (искусственное), установить его природные качества, дать характеристику «человеку естественному». Тему происхождения человека Руссо считает возможным обойти, так как слишком мало, с его точки зрения, исторических сведений об этом. В человеческой душе, рассуждает он, есть два главных начала: 1) стремление к благосостоянию и самосохранению; 2) чувство сострадания ко всему живому, прежде всего к себе подобным. Из этих двух начал вытекают все принципы естественного права. Человек есть сначала чувствующее существо, и лишь потом — мыслящее (влияние Кондильяка). Человеческий разум многим обязан страстям, он совершенствуется благодаря их действию. Человек отличается от животного двумя вещами: 1) животное не может уклониться от естественного порядка, а человек, поскольку обладает свободной волей, может; 2) способность к самосовершенствованию.

¹ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избр. труды. М., 1997. С. 43; Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию новой эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 341–345; Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры // Вышеславцев Б.П. Соч. М., 1995. С. 380; и др.

² См.: Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права // Новгородцев П.И. Соч. М., 1995. С. 165.

Эти два качества, указывает Руссо, ведут человека к вырождению. Человек, делает он вывод, по природе добр, его разрушительные качества рождаются социальной средой.

В век Просвещения, когда культура, науки и искусства были предметом поклонения, Руссо пишет трактат, где, ссылаясь на Сократа, ставит под сомнение ценность культуры. Он ставит проблему конфликта природы и культуры, которая будет большой самостоятельной темой только в последней трети XIX — первой трети XX в. в рамках философии культуры (в частности, в учении З. Фрейда и других представителей психоанализа).

Руссо признает преимущества искусств: они делают людей более общительными, внушают им желание друг другу нравиться. Вместе с тем утверждается, что науки и искусства выросли из человеческих пороков: «астрономия родилась из суеверий; красноречие из честолюбия, ненависти, лести, лжи; геометрия — из скупости; физика — из праздного любопытства, — все они и даже сама мораль вместе с ними — из человеческой гордыни»³. Культура (науки, искусство) искажает природу человека, мешает ему быть самим собой. Культура ведет к дифференциации понятий, чувств и интересов, отчуждает человека от самого себя, человек хочет казаться, а не быть, для него приобретает перво-степенное значение не его собственное автономное бытие, а мнение о нем окружающих, человек становится рабом общества. Культура — это та духовная среда, которая способствует персонификации и индивидуализации человека, ведет к сравнению и оценке людьми друг другом, к выделению их по их достоинствам (истинным и мнимым). Культура, делая жизнь людей более комфортной, развивает в них ненужные, лишние потребности, что ослабляет природные качества человека (как биологического вида), общество в целом, а с ним и государство (люди, изнеженные роскошью, не способны, например, переносить тяготы войны). Чтобы жить в условиях естественного состояния, человеку достаточен инстинкт, чтобы жить в обществе — нужны знания. Науки, искусство, законы — угроза жизни для человечества. Познание ослабляет нравственность, тогда как человеку важно быть нравственным, а не знающим. Культура проводит резкую грань между человеком науки и искусства, с одной стороны, и гражданином, человеком политическим — с другой, а главное в человеке не творческое, а политическое начало: «у нас есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, художники — у нас нет больше граждан»⁴.

³ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение по вопросу: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов» // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 19.

⁴ Там же. С. 26.

Руссо — классический представитель теорий естественного состояния, естественного права и общественного договора.

Создавая модель естественного состояния, Руссо считает необходимым отбросить факты антропологов и историков (они, на его взгляд, сомнительны) и руководствоваться только рационалистическим методом (т.е. выстраивать дедуктивную схему на основе умозрительных идей). Он признает также, что, приступая к изучению т.н. естественного человека, вступает в противоречие с христианской догмой, так как Библия такого человека не знает, она говорит о человеке социальном, а не естественном. Главная черта естественного состояния, привлекающая внимание Руссо, — наличие свободного и равного другим человека, человека, принадлежащего самому себе. Одна из целей создания модели естественного состояния — доказать, что неравенство было не всегда: «Неравенство едва ощущается в естественном состоянии и его влияние в этом состоянии почти равно нулю»⁵. Существует только естественное неравенство (в физической силе, ловкости и т.п.), утверждает он, в остальном люди равны.

В естественном состоянии Руссо выделяет две стадии: стадию дикости и стадию коллективного существования.

Стадию дикости Руссо описывает в полном противоречии с данными археологии, антропологии и истории. Человек той эпохи, с его точки зрения, — это атомизированный, асоциальный индивид, слабо связанный со своим видом и не знающий коллективных форм существования. Конечно, Руссо здесь совершенно не прав, человек — стадное существо и никогда не жил изолированно от других людей. Он пишет: «Дикий человек, который, блуждая в лесах, не обладал трудолюбием, не знал речи, не имел жилища, не вел ни с кем войны и ни с кем не общался, не нуждался в себе подобных, как и не чувствовал никакого желания им вредить, даже, может быть, не знал никого из них в отдельности. <...> Первым чувством человека было ощущение его бытия; первой его заботой — самосохранение. Плоды земли доставляли ему все необходимые средства к жизни; инстинкт научил его ими пользоваться»⁶. Семьи не было, мужчина и женщина, удовлетворив свой сексуальный инстинкт, «уже больше не узнавали друг друга, и даже ребенок ничего уже больше не значил для матери, как только он мог обойтись без нее»⁷.

Описание стадии коллективного существования также страдает антиисторизмом и наивностью.

⁵ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основании неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 71.

⁶ Там же. С. 69, 73.

⁷ Там же.

Основная причина появления человеческих коллективов, по Руссо, — стремление к благополучию: человек надеялся с помощью коллектива приобрести выгоду для себя. Появление жилищ привело к оседлости и образованию семьи — первой социальной организации. Затем семьи объединяются в стада и, наконец, образуется народ. Коллектив стимулирует развитие сознания, языка, морали, собственности, производства, в целом культуры, которая еще не несет в себе социального неравенства. С возникновением коллектива появляются обязанности, которые одновременно и помогают выжить, и порабащают. Культура на этой стадии проста, примитивна и имеет две взаимоисключающие тенденции: 1) поддерживает свойства «человека естественного»; 2) создает условия для возникновения социального неравенства, ограничения свободы и в целом для деградации человечества. Такой противоречивый баланс между природным и культурным началами в человеке сделал возможным «золотой век человечества»: культура, создавая комфорт и одновременно ослабляя природные склонности человека (например, благодаря появлению сострадания), еще не стала разрушительной силой, а человек обрел спокойствие и счастье.

Главной причиной выхода из «золотого века» Руссо считает появление неравенства. Он различает два вида неравенства: 1) естественное (физическое), установленное природой (различия в возрасте, здоровье, физической силе, умственных и душевных качествах); 2) условное (политическое), устанавливаемое людьми (привилегии, богатства и т.п.). Именно политическое неравенство, по Руссо, и становится разрушительным для общества и человека.

Оснований появления политического неравенства несколько: возникновение человеческих коллективов, которые, создав взаимную зависимость, в конечном счете порабащают человека; развитие человеческого ума и появление культуры; развитие производства и сельского хозяйства, появление собственности (прежде всего на землю) и излишка труда, накопление собственности в одних руках.

Взгляды Руссо на концепцию общественного договора заметно отличаются от подходов, например Гоббса или Локка. Для английских авторов заключенный когда-то общественный договор — основа модели государственного устройства, за которую они выступают. Создав свою модель общественного договора, они выводят из него принципы и критерии, призванные, как они считают, формировать идеальное государство. Руссо, напротив, рассматривает договор, заключенный ради выхода из естественного состояния, как источник конфликтов современного общества. Здесь имеет место попытка дать исторический анализ

происхождения социальных институтов (включая государство). Констатируя всю губительность ранее заключенного договора, Руссо предлагает заключить новый договор на принципах, нацеленных, как ему представляется, на достижение социальной гармонии. Вот этому второму договору и посвящен почти весь труд «Об общественном договоре».

Первопричина заключения договора, по Руссо, — появление частной собственности на землю: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: “Это мое!” и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберечь бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: “Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!”»⁸. В результате возникновения социального неравенства «общество пришло в состояние самой страшной войны» между богатыми и бедными, между богатыми соседями. При таком положении дел богатые оказывались в худшем положении, чем бедные, поскольку если угроза жизни была общей для всех, то угроза лишения имущества — только для богатых. Поэтому богатые решили заключить договор и использовать его в своих интересах. Договор, делает вывод Руссо, стал скрытой узурпацией власти, он был призван, по плану богатых, подвести правовую основу под факт силового захвата имущества и земли. Бедные, также уставшие от всеобщей войны, были заинтересованы в договоре, но по своему легковерию не предвидели угрозу потери свободы.

Вместе с тем Руссо признает неизбежность и необходимость даже такого несправедливого договора. Общественный договор, утверждает он, стал средством самосохранения человечества, в противном случае «человеческий род погиб бы». Говорится о преимуществах гражданского состояния перед естественным: несмотря на утрату отдельных позитивных качеств «человека естественного» гражданское состояние развивает у человека мораль и разум, из животного формирует социальное существо. По общественному договору человек теряет естественную свободу и самовольный захват имущества, но приобретает свободу гражданскую и гарантированное право собственности. К приобретению человека в гражданском состоянии «можно было бы добавить моральную свободу, которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться

⁸ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. С. 72.

закону, который ты сам для себя установил, есть свобода»⁹.

Механизм заключения договора имеет две фазы. Сначала был заключен договор об образовании гражданского общества, но, убедившись, что в таком обществе нет механизма исполнения и защиты законов, было принято решение вручить публичную власть отдельным лицам и «возложить на магистратов заботу надзирать за соблюдением решений народа»¹⁰. Основная цель договора — защитить свободу людей, заключающих договор, предотвратить угнетение человека человеком, другие цели — обеспечение безопасности, защита имущества и жизни.

Результатом заключенного договора, согласно Руссо, стало лишение людей свободы: «Таково было или должно было быть происхождение общества и законов, которые наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету»¹¹.

Чтобы покончить с таким бедственным положением дел, Руссо предлагает заключить новый договор, основная задача которого формулируется так: «Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде»¹². Очевидно, что изначальная цель данного договора страдает утопизмом, а в практическом плане — политической демагогией, так как предлагаемое осуществить невозможно. Много глубже и мудрее был Маркс, когда утверждал, что нельзя жить в обществе и одновременно быть свободным от него.

Утопизм проекта усугубляет планируемый результат заключения договора — достижение тождества государства и общества: «Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое, состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее Я, свою жизнь и волю. Это лицо юридическое, образующееся следовательно

в результате объединения всех других, некогда именовалось Гражданскою общиною, ныне же именуется Республикою, или Политическим организмом: его члены называют этот Политический организм Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою — при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти, и подданными как подчиняющиеся законам Государства. Но эти термины часто смешиваются и их принимают один за другой; достаточно уметь их различать, когда они употребляются во всем их точном смысле»¹³. Иными словами, предлагается, говоря терминами современной политической науки, тоталитарный строй, где государство поглощает общество, а индивид растворяется в государстве. Гармония взаимоотношений государства, общества и личности достигается на пути всевластия государства. В этом случае индивидуальная свобода исчезает полностью, а люди становятся действительно равными в своем бесправии.

Теория общественного договора, разработанная просветителями, конечно, отражает прямые и обратные связи между обществом и властью. Государство (если оно возникает не в результате завоевания) вырастает из общества и в известном смысле является итогом социального компромисса. Государство — это и есть народ в его институциональном и формальном выражении. Отсюда понятна мысль идеологов Просвещения, что суверен (народ) не может поступать не по праву, так как он — источник права, и не может свергать власть, поскольку она есть результат его воли. Но здесь надо понимать ту простую мысль, что данная политическая модель объясняет (оправдывает) любую форму власти, в том числе тоталитарную. Авторитарные и тоталитарные режимы XX в. убедительно доказали, что они в конечном счете создаются не кликой политических фанатиков и авантюристов, а большинством народа. Авторитарные или тоталитарные режимы порождались подлинно народными движениями, так как был запрос на твердую власть и вождей-пророков. В этом смысле Руссо выразил глубокую мысль о единстве (тождестве) общества и власти. Другое дело, что в практическом отношении монистическая модель (тождество государства и общества) довольно быстро превращается в заурядную кровавую тиранию.

Руссо называет условия договора, которые, как он полагает, хотя и не были никогда точно сформулированы, повсюду одни и те же и молчаливо принимаются до момента их нарушения. Условий немного и они типичны для концепции

⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Тракаты. С. 165.

¹⁰ Там же. С. 86.

¹¹ Там же. С. 84.

¹² Там же. С. 160.

¹³ Там же. С. 161, 162.

общественного договора. Все статьи по своему смыслу, утверждает Руссо, можно свести к одной: «Полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины»¹⁴. В результате индивид становится нераздельной частью целого. Вступая в договор, он принимает на себя двоякое обязательство: 1) как член суверена в отношении частных лиц; 2) как член государства по отношению к суверену.

Вступление в договор строго добровольное. Выход из договора также возможен, но это не влечет за собой прекращение договора для всех остальных его участников. Если человек проживает на территории государства, он тем самым дает молчаливое согласие на действие в отношении него договора. Выход из договора превращает индивида в иностранца. Здесь Руссо фактически говорит об институте гражданства.

Договор обязателен для всех и обеспечен механизмом принуждения. Главная роль отводится решению большинства, которому индивид обязан подчиняться. Механизм принуждения связывается со свободой, существо которой состоит в том, чтобы соответствовать воле суверена (т.е. народа): «Если одерживает верх мнение, противное моему, то сие доказывает, что я ошибался и что то, что я считал общею волею, ею не было. Если бы мое частное мнение возобладало, то я сделал бы не то, чего хотел, вот тогда я не был бы свободен»¹⁵. Суверен, принудительно подчиняя индивида общей воле, заставляет его быть свободным. Принудительность связана, по Руссо, и с разумом: суверен не будет налагать обязанности, противоречащие закону разума и естественному закону.

Договор, по Руссо, может быть расторгнут: каждое новое поколение должно иметь такое право, если сочтет нужным. Данное положение в полной мере использовалось в ходе буржуазных революций, чтобы либо ограничить власть монарха, либо упразднить данный институт. За темой расторжения договора фактически речь шла о праве народа на сопротивление власти, о праве на восстание против деспотизма. В научной и политикопублицистической литературе распространено мнение, что Руссо — политический радикал, едва ли не идеолог приближавшейся революции во Франции. На самом деле это не так. Руссо — салонный писатель, очень далеко стоявший не только от идеи революции, но и от политики в целом. В сознании многих он стал радикалом благодаря Робеспьеру, сделавшего из Руссо символ Французской революции. Именно якобинцы, повторим,

соединили устроенный ими революционный террор с именем Руссо. В отличие, например, от Локка или Джефферсона, которые действительно теоретически обосновывали борьбу с абсолютизмом, Руссо в своем главном трактате делает лишь две случайные оговорки о возможности свержения деспотической власти. Первая звучит так: «Пока народ принужден повиноваться и повинуетя, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его, — он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать»¹⁶. В другом месте говорится: деспотизм уничтожает договор и ввергает общество в «новое естественное состояние», в условиях которого у народа появляется право на восстание и свержение деспота. Народ свергает деспота по тому же праву, по которому деспот распоряжался жизнью и имуществом своих подданных¹⁷. При этом Руссо предостерегает, что расторжение договора грозит большими опасностями, может повлечь за собой «ужасные раздоры и бесконечные неурядицы».

Руссо предлагает принципы нового общественного договора, которые он берет у Гоббса и Локка, несколько их переработав и сместив акценты. Такими принципами являются: свобода и равенство, общий интерес, единство воли, народный суверенитет.

Хотя Руссо и называет свободу и равенство важнейшими в одинаковой мере качествами человека, в контексте его политической теории идея равенства доминирует, свобода растворяется в равенстве. Свобода человека, утверждает он, непередаваема и не может принадлежать какому-либо лицу. Свобода лежит в природе человека, отказ от свободы несовместим с природой человека.

Равенство, по Руссо, состоит в том, что ни один человек не имеет власти над себе подобными. В гражданском обществе равенство не устраняется, но получает новое качество: естественное неравенство остается, но люди становятся равными перед законом и в силу закона. Договор устанавливает равенство прав и обязанностей. Равенство проявляется себя в политическом, юридическом и имущественном отношении: «Что касается до равенства, то под этим словом не следует понимать, что все должны обладать властью и богатством в совершенно одинаковой мере; но, что касается до власти, — она должна быть такой, чтобы она не могла превратиться ни в какое насилие и всегда должна осуществляться по праву положения в обществе

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. С. 161.

¹⁵ Там же. С. 231.

¹⁶ Там же. С. 152.

¹⁷ См.: там же. С. 96.

и в силу законов; а что до богатства, — ни один гражданин не должен обладать столь значительным достатком, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один — быть настолько бедным, чтобы быть вынужденным себя продавать: это предполагает в том, что касается до знатных и богатых, ограничение размеров их имущества и влияния, что же касается до людей малых — умерение скарденности и алчности»¹⁸.

В основе договора, полагает Руссо, лежит общее благо, общий интерес, без чего общество распалось бы. У суверена (народа) нет и не может быть интересов, которые противоречили бы интересам частных лиц, но у частных лиц есть интересы, противоречащие общему интересу, благу суверена. Высшее общее благо, высший общий интерес — свобода и равенство.

Общий интерес рождает общую волю (единство воли), а общая воля, в свою очередь, всегда направлена к достижению общей цели, общего блага. Решения народа не всегда соответствуют общей воле: хотя «люди всегда стремятся к своему благу, но не всегда видят, в чем оно. Народ не подкупишь, но часто его обманывают и притом лишь тогда, когда кажется, что он желает дурного». Проводится различие между общей волей и волей всех: общая воля отстаивает общий интерес, воля всех отстаивает «интересы частные и представляет собой лишь сумму изъявлений воли частных лиц. Но отбросьте из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности; в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля»¹⁹. Между общей волей и частным интересом может быть конфликт: «Воля отдельного человека по своей природе стремится к преимуществам, а общая воля — к равенству»²⁰. Единство воли определяется не числом голосов, а общим интересом. В общей воле заинтересованы все, поскольку все заинтересованы в равенстве и свободе. Общая воля неразрушима, даже если у граждан возобладал частный интерес, это лишь означает, что они заблуждаются относительно своего блага.

Руссо уделяет внимание механизму выявления общей воли. Чтобы выявить общую волю, рассуждает он, в государстве не должно быть «частных сообществ» (т.е. партий), каждый гражданин должен высказывать только свое собственное мнение. Общая воля требует единодушия, преобладание частных интересов говорит об упадке государства. Общая воля определяется путем голосования на собраниях и требует большинства голосов.

Оказавшиеся в меньшинстве обязаны подчиниться большинству, так как в этом случае меньшинство принуждается приобщиться к общей воле и быть свободным. Для принятия законов требуется, говоря современным языком, квалифицированное большинство («близкое к единогласию»), для решения дел — простое большинство (достаточен перевес в один голос).

Руссо — последовательный и категоричный сторонник народного суверенитета. Народ, утверждает он, — источник договора, а значит, народ — источник власти, возникающий в силу договора. Суверенитет народа неотчуждаем (поскольку суверенитет есть осуществление общей воли, она может быть представлена только самим народом, «передаваться может власть, но никак не воля»), неделим (общая воля не делится), абсолютен (суверенитет народа есть неограниченная власть над людьми в той мере, в какой эта власть выражает общую волю). У суверена есть право на жизнь гражданина, если этого требует общее благо. При этом делается оговорка, что власть суверена над гражданами ограничивается рамками договора, т.е. общей волей.

Руссо детально рассматривает организацию власти в новом договоре. Основой любой законной власти, убежден он, является договор. Государство должно управляться посредством законов (акты, принятые всем народом), в этом случае такое государство всегда республика. Парламент исключается, вводится «прямое народоправство»: поскольку суверенитет народа неделим и неотчуждаем, неделима и неотчуждаема общая воля, которая может быть представлена только непосредственно на общих собраниях, парламент не способен выразить общую волю. Появление депутатов (так же, как и наемной армии) есть, по Руссо, показатель деградации государства, есть проявление нежелания граждан заниматься делами государства. Собрания должны быть регулярными, их созыв гарантируется законом. Открытие собраний всегда должно сопровождаться постановкой на голосование двух вопросов: 1) угодно ли суверену сохранить настоящую форму правления; 2) угодно ли народу оставить управление в руках тех, на кого оно в настоящее время возложено. Поскольку прямое народоправство предполагает ограниченное количество участников собраний, Руссо выступает за малые государства. Такое государство не должно иметь столицы, а правительство должно иметь «местопребывание попеременно в каждом городе и собирать там Штаты страны»²¹.

Отношение Руссо к разделению властей противоречиво. В контексте своей общей установки

¹⁸ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. С. 188.

¹⁹ Там же. С. 170.

²⁰ Там же. С. 168.

²¹ Там же. С. 219.

о неделимости общей воли и народного суверенитета он отвергает идею разделения верховной власти, но в функциональном плане признает деление власти на законодательную (она всегда принадлежит народу) и исполнительную (подчинена законодательной) и необходимость их взаимного сдерживания. Законодатель не должен иметь исполнительной власти, чтобы не было злоупотреблений. Законодательная власть есть воля, исполнительная — сила. Если законодательная власть существует в силу договора, то исполнительная власть, правительство — в силу поручения суверена. Правительство (в том числе монарх) — нанятые народом чиновники. Правительство появляется в силу двух актов: 1) акт суверена об учреждении правительства (закон); 2) акт суверена о назначении должностных лиц (акт частного характера). Юрисдикция правительства прерывается, как только весь народ на законном основании собрался в качестве суверена. «Эти промежутки времени, когда исполнительная власть временно отрешена и государь признает или должен признать того, кто в действительности его выше, всегда были для него опасны; и эти собрания народа — защита Политического организма и узда для Правительства во все времена вселяли ужас в сердца правителей; поэтому они, чтобы отвратить граждан от таких собраний, никогда не жалеют стараний, чинят препятствия и затруднения, раздают посулы»²².

В развитие системы сдержек и противовесов проект Руссо предполагает трибунал — орган, предназначенный для внесения стабильности в отношения между законодательной и исполнительной властями, между составными частями государства. Трибунал наделен огромной властью, способной повлиять на любую власть. Чтобы трибунал не узурпировал власть, предлагается ряд мер (например, не делать этот корпус постоянным).

Возможна и диктатура (в духе Древнего Рима): в случае чрезвычайной ситуации, грозящей гибели страны, законы могут быть приостановлены. Диктатура должна быть ограничена сроком, иначе есть опасность превращения ее в тиранию.

Предлагается введение института цензуры. Назначение цензоров или цензорских трибуналов состоит в том, чтобы формулировать и объявлять народное мнение (общественное мнение): «Цензура оберегает нравы, препятствуя порче мнений, сохраняет их правильность, мудро прилагая их к обстоятельствам, иногда даже уточняет их, когда они еще неопределенны»²³. Общественное мнение

есть своего рода закон, который применяет Цензор к частным случаям.

Проект нового договора включает в себя вопросы религии и собственности. Руссо выступает за веротерпимость, но с условием, что религия не противоречит долгу гражданина и не подрывает власть суверена. Он критично относится к христианству и высоко оценивает язычество. Во времена язычества, указывает он, не было религиозных войн, так как у каждого государства были свои боги. «Христианство проповедует лишь рабство и зависимость. Его дух слишком благоприятен для тирании, чтобы она постоянно этим не пользовалась. Истинные христиане созданы, чтобы быть рабами». Христианство спровоцировало борьбу церкви и государства за власть, что привело к отторжению религии государством.

Руссо — сторонник трудовой собственности, т.е. имущества, которое создается непосредственно самим человеком в размерах, необходимых для его индивидуального физического существования. При заключении договора в подчинение суверена переходит не только сам человек, но и его имущество. Земля частных лиц также переходит в собственность государства, впоследствии владельцы земли рассматриваются как ее хранители. Право частного лица на землю подчинено праву общины на землю.

Политический идеал Руссо вольно и невольно стремится к «золотому веку» человечества, где господствуют мир, единение, равенство, простота. Он против политических и юридических ухищрений. Реализацию своего проекта Руссо во многом связывает с изменением самих людей, которые должны осознать себя свободными гражданами. Но, убежден он, свобода доступна не всем народам. «Народы новых времен — рабы». Для Руссо пример народа, где свободы нет и вряд ли будет, — Россия: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого. Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он пометал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются. Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством.

²² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. С. 220.

²³ Там же. С. 246.

Российская империя пожелает покорить Европу — и сама будет покорена. Татары, ее подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими, повелителями. Переворот этот кажется мне неизбежным. Все короли Европы сообща способствуют его приближению»²⁴. Здесь Руссо демонстрирует типичные для западного европейца ограниченность и высокомерие в отношении культур, находящихся за рамками европейского региона.

Следуя традиции, Руссо рассматривает формы государства. Он различает суверена (народ, государство) и правительство и, соответственно, форму того и другого. Форма государства — всегда республика (т.е. государство, управляемое посредством законов), форму правительства определяет народ. Вопрос о форме правительства Руссо связывает с поиском путей выявления общей воли и реализацией общего интереса и поэтому не придает большого значения юридическим признакам форм правительства идеального государства.

Критерий формы правительства — кому суверен (т.е. народ) вручает правление (исполнительную власть). Форм правительства три: 1) демократия (суверен вручает правление всему народу или большей его части); 2) аристократия (суверен вручает правление малому числу лиц); 3) монархия (суверен вручает правление одному лицу). Руссо делает существенную оговорку: «отдельные виды правления в чистом виде не существуют», в жизни формы правления, как правило, смешанные.

Демократия. В ней недостатков больше, чем достоинств, так как: 1) предполагает соединение законодательной власти с исполнительной («нельзя представить, чтобы народ все время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами»); 2) подвержена гражданским войнам; 3) не обладает стабильностью.

Аристократия. Различается аристократия природная, выборная и наследственная. Наследственная аристократия — лучшая форма правительства, так как: 1) правительство и суверен разделены, что повышает эффективность управления; 2) власть осуществляется лучшими людьми; 3) более реалистична при воплощении в жизнь, чем демократия (государство может не быть слишком малым, а народ — слишком простодушным, что исключает демократию).

Монархия. В ней больше недостатков, чем достоинств: 1) правление монарха, как правило, оборачивается во вред государству (личный интерес монарха «прежде всего состоит в том, чтобы народ был слаб, бедствовал и никогда не мог им сопротивляться»); 2) при монархии высшие должности

часто занимают негодные люди; 3) отсутствие преемственности в политике монархов; 4) наследственная монархия сажает на трон негодных людей, а выборная монархия ведет к раздорам. Руссо часто отождествляет монархию с деспотизмом.

Называются основные причины вырождения государства: 1) победа частного интереса над общим; 2) борьба правительства и его должностных лиц с сувереном за власть; 3) лишение суверена власти, что фактически означает разрыв общественного договора. Варианты вырождения: демократия вырождается в охлократию, аристократия — в олигархию, монархия — в тиранию и деспотию.

Руссо различает тиранию и деспотию. «Тирани — это тот, кто против законов провозглашает себя правителем, действующим согласно законам; деспот — тот, кто ставит себя выше законов. Таким образом, тиран может не быть деспотом, но деспот — всегда тиран».

Проблему лучшей формы правления Руссо решает очень компромиссно. Формы правления, говорит он, могут быть бесконечно разнообразны, лучших форм правления может быть столько, сколько существует народов. Лучшая из форм правления та, которая подходит к условиям конкретной страны. Называются критерии (материальные) лучшего государства: 1) ставит своей целью «бережение и благоденствие» своих граждан; 2) рост численности населения.

Руссо связывает форму правления с географическими условиями, в основном повторяя Монтескье. Государство, чтобы быть здоровым и прочным, должно «больше рассчитывать на силу, порождаемую хорошим образом правления, нежели на средства, даваемые большой территорией». Государство должно стараться обходиться собственными ресурсами, не рассчитывая на территориальные приобретения и торговлю.

О праве Руссо говорит немного, видно, что эта тема его мало занимает. Он — сторонник теории естественного права, о котором рассуждает так: современные представления о естественном праве искажены культурой, ученые оценивают естественное право сквозь призму научных теорий, что мешает восприятию собственно природы. Представления о естественном праве — результат заключенных договоренностей между учеными, а они противоречивы. Чтобы понять естественное право (естественный закон), убежден Руссо, необходимо понять естественного человека. После образования гражданского общества естественное право сменяется гражданскими законами. В условиях гражданского общества естественное право частично продолжает свое действие лишь в международных отношениях. Завоевание, сила не могут быть источником права, сила не творит права.

²⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. С. 183.

Руссо называет признаки закона: 1) акт общей воли; 2) устанавливает общую норму; 3) направлен на неопределенный круг лиц; 4) подчиняет себе правительство и частных лиц; 5) реализует идею справедливости (справедливость — от Бога, но реализовать ее в обществе можно только с помощью закона).

Виды законов, по Руссо, такие: 1) политические (определяют форму государства, государственный строй); 2) гражданские (регулируют отношения между гражданами, между государством и гражданами); 3) уголовные (устанавливают ответственность за правонарушения); 4) общественное мнение, нравы, обычаи (самый важный вид законов, так как они определяют и государственное устройство, и все остальные законы).

Законы, согласно Руссо, есть средство реализации договора и условия существования гражданского общества. Цель всякой системы законов — свобода и равенство. Руссо выступает за консерватизм и стабильность законов (длительное существование законов говорит об их мудрости). Законов (актов общей воли) должно быть немного.

Руссо усматривает связь между качествами народа и законами. Законы, убежден он, не могут быть усвоены любыми народами. Основное, что мешает народам устроить свою жизнь в соответствии с законами, — это косность, укоренившиеся привычки, обычаи и нравы. Народы наиболее восприимчивы к законам на ранних стадиях своего существования. Законы и обычаи должны совпадать. Законодатели должны обладать высокими умственными и моральными качествами.

В духе своей этикостатистской концепции общественного договора Руссо высказывается о смертной казни. При заключении договора, рассуждает он, лицо дает свое согласие на применение к нему смертной казни в случае совершения преступления. Преступник перестает быть членом гражданского сообщества: «Всякий преступник, посягающий на законы общественного состояния, становится по причине своих преступлений мятежником и предателем отечества; он перестает быть его членом, если нарушил его законы; и даже он ведет против него войну. Тогда сохранение Государства несовместимо с сохранением его жизни; нужно, чтобы один из двух погиб, а когда убивают виновного, то его уничтожают не столько как гражданина, сколько как врага»²⁵. Очевидно, что такая трактовка преступления и преступника далеко стоит от принципов современного правового государства. Вместе с тем указывается, что частые

казни — это всегда признак слабости и нерадивости правительства.

Взгляды Руссо на международные отношения отличаются известным реализмом. Между государствами, полагает он, во многом продолжает действовать естественное право. Вечный мир в настоящее время — проект совершенно бессмысленный. Война предопределена целями государей: 1) распространять свое господство за пределами своей страны; 2) делать свое господство внутри страны как можно более неограниченным. Государи, делает вывод Руссо, не смогут согласиться с проектом вечного мира. Кроме того, война порождается стремлением к обогащению.

Войны ведутся не между людьми, а между государствами («от природы люди вовсе не враги друг другу»). «Война — это отношение отнюдь не человека к человеку, но Государства к Государству, когда частные лица становятся врагами лишь случайно и совсем не как люди и даже не как граждане, но как солдаты; не как члены отечества, но только как защитники его»²⁶. Война как всякое насилие не рождает права, в том числе права рабовладения.

* * *

Таким образом, теория договорного государства Руссо — это не только идейный оплот современной либеральной демократии, но также один из истоков тоталитарной модели власти. Сама договорная теория, как утверждалось выше, может выступать теоретической основой тоталитаризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию новой эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 341–345.
2. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры // Вышеславцев Б.П. Соч. М., 1995. С. 380.
3. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права // Новгородцев П.И. Соч. М., 1995. С. 165.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избр. труды. М., 1997. С. 43.
5. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 84, 86, 96, 152, 157, 160, 161, 165, 168, 170, 175, 183, 188, 220, 231, 246.
6. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 69, 71–73.
7. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение по вопросу: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов» // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 19, 26.

²⁵ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. С. 175.

²⁶ Там же. С. 157.

REFERENCES

1. *Berdyayev N.A.* The fate of man in the modern world. Towards understanding the new era. // *Berdyayev N.A. Philosophy of the free spirit.* M., 1994. Pp. 341–345 (in Russ.).
2. *Vysheslavtsev B.P.* Crisis of industrial culture // *Vysheslavtsev B.P. Essays.* M., 1995. P. 380 (in Russ.).
3. *Novgorodtsev P.I.* Lectures on the history of Philosophy of Law // *Novgorodtsev P.I. Essays.* M., 1995. P. 165 (in Russ.).
4. *Ortega y Gasset H.* The uprising of the masses // *Ortega y Gasset H. Selected works.* M., 1997. P. 43 (in Russ.).
5. *Rousseau J.-J.* On the social contract, or the Principles of political law // *Rousseau J.-J. Treatises.* M., 1969. Pp. 84, 86, 96, 152, 157, 160, 161, 165, 168, 170, 175, 183, 188, 220, 231, 246 (in Russ.).
6. *Rousseau J.-J.* A discussion on the origin and grounds of inequality between people // *Rousseau J.-J. Treatises.* M., 1969. Pp. 69, 71–73 (in Russ.).
7. *Rousseau J.-J.* A discussion on the question: “Did the revival of sciences and arts contribute to the purification of morals” // *Rousseau J.-J. Treatises.* M., 1969. Pp. 19, 26 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; эксперт РАН

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; RAS expert

УДК 340

КОНЦЕПЦИЯ А-ЗАКОННОСТИ Г. ЛИНДАЛЯ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2025 г. А. А. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: artem.199417@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.07.2025 г.

Аннотация. В статье рассматривается трактовка законности с точки зрения оригинального подхода, разработанного голландским и английским ученым Г. Линдалем. В основу представлений о законности в русле данного подхода положены идеи юридического позитивизма, феноменологии, структурно-функционального анализа. В исследовании раскрываются характер, содержание, основные позиции и место концепции а-законности Линдаля в современной правовой мысли. Показаны основные характеристики представлений об а-законности как способе поиска «слепых пятен», в частности, в контексте ориентирующегося на познавательные возможности социологии анализа правопорядка и моделей поведения. Оценивается эвристический и познавательный потенциал сформулированных Линдалем аргументов о возможности различения законности, незаконности и а-законности. Приводятся соображения относительно философско-правовых оснований и перспектив использования познавательного потенциала системы правовых представлений Линдаля. Продемонстрировано, что концепция а-законности Линдаля содержит несколько уровней анализа проблематики правопорядка — формальный и генетический (нормативный). Проанализированы агонистические теории демократии как основа для построения ключевых характеристик и смыслов концепции а-законности. Выявлены ограниченности, которые содержит концепция Линдаля.

Ключевые слова: Линдаль, а-законность, законность, легитимность, правопонимание, феноменология, юридический позитивизм, право и закон, правопорядок, структурно-функциональный анализ, агонизм, теория демократии.

Цитирование: Савенков А.А. Концепция а-законности Г. Линдаля: философско-правовые основания и перспективы // Государство и право. 2025. № 8. С. 19–27.

DOI: 10.31857/S1026945225080022

THE CONCEPT OF A-LEGALITY BY G. LINDAHL: PHILOSOPHICAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND PROSPECTS

© 2025 A.A. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: artem.199417@yandex.ru

Received 07.07.2025

Abstract. The article examines the interpretation of legality from the point of view of the original approach developed by the Dutch and English scientist G. Lindahl. The ideas of legal positivism, phenomenology, and structural and functional analysis are based on the ideas of legality in line with this approach. The study reveals the nature, content, main positions and place of Lindahl's concept of a-legality in modern legal thought. The main characteristics of the concepts of a-legality as a way of searching for "blind spots" are shown, in particular, in the context of the analysis of law and order and behavioral patterns based on the cognitive capabilities of sociology. The heuristic and cognitive potential of the arguments formulated by Lindahl on the possibility of distinguishing legality, illegality and a-legality is evaluated. Considerations are given regarding the philosophical and legal foundations and prospects for using the cognitive potential of the Lindahl system of legal representations. It is demonstrated that Lindahl's concept of a-legality contains several levels of analysis of the problems of law and order – formal and genetic (normative). The agonistic theories of democracy are analyzed as a basis for constructing the key characteristics and meanings of the concept of a-legality. The limitations of the Lindahl concept are revealed.

Key words: Lindahl, a-legality, legality, legitimacy, legal understanding, phenomenology, legal positivism, law and the law, law and order, structural and functional analysis, agonism, theory of democracy.

For citation: Savenkov, A.A. (2025). The concept of a-legality by G. Lindahl: philosophical and legal foundations and prospects // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 8, pp. 19–27.

Изучение законности в современной правовой литературе связано с разнообразными ракурсами и точками зрения, значительная часть которых воодушевляется междисциплинарными подходами и соответствующим познавательным инструментарием. В зарубежной литературе, особенно западноевропейской и англо-американской, в XX в. распространение получили разнообразные социологически ориентированные объяснения социальных, политических и правовых явлений и процессов. На традиционные схемы и логические трактовки анализа правопорядка, законности, правосознания накладываются идеи системы, структуры, процесса протекания, социально-психологические познавательные шаблоны и формы. В итоге возникает дополнительный набор возможностей уточнения и раскрытия под новым углом зрения качеств и свойств современного права. Академик А.Н. Савенков верно обращает внимание на необходимость изучения морфологии современного права, что позволяет внести существенные уточнения в представления о роли права в современном обществе¹.

Для понимания возможностей современных приемов и моделей анализа необходимо учитывать историографические смыслы и контексты их развертывания в юридических концепциях². Иначе просто невозможно понять смысловые характеристики того или иного подхода, выстроить критику, определить философско-правовые основания и перспективы применения соответствующих эвристических средств и приемов.

¹ См.: Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024.

² См.: Горбань В.С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // *Антиномии*. 2025. Т. 25. № 1. С. 107–127.

Среди вариантов интерпретации концептуальных основ понимания законности в современной мировой литературе присутствуют такие конструкции, которые соединяют идеи классического структурно-функционального анализа, юридический и философский позитивизм, неявно идеи классической философии, феноменологические учения о праве и мире в целом, что дает основания для повышенного внимания к соответствующим подходам³.

Голландский ученый Г. Линдаль, возглавляющий в настоящее время кафедру глобального права юридического факультета Лондонского университета королевы Марии, а прежде профессор философии права в Тилбургском университете в Нидерландах, в 2013 г. опубликовал книгу под названием «Линии разлома глобализации: легальный порядок и политика а-легальности»⁴. Автор предлагает концепцию правового порядка, основанную на сочетании идей позитивизма и феноменологии, которая показывает, как и почему границы и предельные значения играют определенную роль в понимании правового порядка как особого вида нормативного порядка. По задумке ученого, согласно его

³ См.: Chen B. The Principle of Legality: Protecting Statutory Rights from Statutory Infringement? (August 13, 2018). *Sydney Law Review*. 2019. 41(1). Pp. 73–104; Joseph P. The Principle of Legality: Constitutional Innovation // Meagher D. and Groves M. (eds). *The Principle of Legality in Australia and New Zealand*. Federation Press. 2017. Pp. 31–42; Meagher D. The Principle of Legality as Clear Statement Rule: Significance and Problems // *Sydney Law Review*. 2014. No. 36(3). Pp. 413–443.

⁴ Lindahl H. *Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality*. Oxford, 2013; Lindahl H. The opening: alegal political agonism. In: *Law and agonistic politics*. Farnham [u.a.]: Ashgate, 2009. Pp. 57–70; Lindahl H. *Authority and the globalisation of inclusion and exclusion*. Cambridge. New York, Port Melbourne, New Delhi, Singapore, 2018.

концепции правового порядка во множественном числе от первого лица, можно прояснить, почему и как правовые порядки должны устанавливать границы, если они хотят быть нормативными.

На примере бытовых ситуаций совместного поведения он показывает, что правовые предписания выступают в качестве конкретных нормативных предписаний с точки зрения совместного действия от первого лица множественного числа. Это служит для подтверждения высказывания автора о том, что рассматривать единство правовых предписаний как единство множества норм является упрощенным, а также позволяет провести предлагаемое автором различие между законностью, незаконностью и а-законностью с целью продемонстрировать различие и взаимосвязь между границами и ограничениями правовых порядков.

Концепция «а-законность» разбивается на две составляющие: «а-законность» и «а-законность», на фоне трехстороннего различия между порядком, беспорядком и неупорядоченностью. Далее описывается нормативная сложность а-законности и почему строгое измерение а-законности выявляет правовые границы как нормативные линии разлома. А-законность противопоставляется как вражде, лежащей в основе политической теории Шмитта, так и гражданскому неповиновению, лежащему в основе либеральных теорий политического конфликта. Наконец, концепция Линдаля указывает на контраст между правовым порядком и хаосом с точки зрения а-законности.

Концепция «а-законность» Линдаля представляет собой позитивистско-феноменологический анализ взаимосвязи между правом и политикой в контексте соотношения глобализации и национальных правопорядков. Он оспаривает распространенное предположение о том, что глобализация допускает возникновение космополитических и демократических правовых порядков, которые (в отличие от территориального национального государства) не будут отличать внутренний гражданский порядок от внешнего. Линдаль решительно опровергает эту возможность демократического правового порядка без каких-либо исключений, настаивая на том, что невозможно представить себе правовой порядок, который не замыкался бы внутри по отношению к внешнему⁵.

Линдаль признает, что пространственное различие между внутренним и внешним миром, поскольку оно относится к национальному правопорядку, исторически обусловлено и, следовательно, подвержено трансформации в ответ на глобальные процессы (границы любого государства всегда

могут быть проведены иным образом). Однако, настаивает он, любой правовой порядок, тем не менее, опирается на основополагающее различие между внутренним и внешним, которое не сводится к территориальным границам национального государства и не обязательно совпадает с ними. Это различие находит свое изначальное выражение в различии между знакомым (своим) и незнакомым (чужим), т.е. между пространством, которое юридическое сообщество считает своим собственным, и чужими пространствами⁶.

С точки зрения концепции Линдаля, т.н. конститутивное закрытие является условием возможности политики а-законности, которая рассматривает правовой порядок, раскрывая его границы (устанавливающие порядок) как пределы (упорядочиваемого). Понятие «а-легальность», предложенное Линдалем, перекликается с концепцией агонизма, которая используется в дискуссиях о т.н. радикальной демократии⁷. Косвенно устраняя тройной недостаток, от которого обычно страдают теории агонистической демократии, рассматриваемая концепция предлагает некоторые уточнения онтологических условий, институциональной среды и нормативных последствий политики, опирающейся на т.н. агонистический подход.

Один из современных классиков агонистических теорий Ш. Муфф⁸ опирается на онтологическое различие в соотношении политики (онтического) от политического (онтологического). Линдаль исходит из того, что в агонистических теориях, как правило, нет четкого представления о том, как политическое раскрывается через политику. Поэтому Линдаль пытается сформулировать инструментарий понимания условий возникновения агонизма в правовой сфере (или а-легальности), и ответ он находит в описании идентичности юридических коллективов. С позиции Линдаля, обычное понимание права в терминах единства норм представляет собой лишь производное теоретическое понимание права как «имеющегося в наличии», которое предполагает более изначальное понимание права как «готового к использованию». Отсюда возникает линдальская формула о правовом порядке в контексте «первого лица множественного числа», где «мы»

⁶ См.: *ibid.*

⁷ См.: *Wenman M. Agonistic Democracy: Constituent Power in the Era of Globalisation. Cambridge, 2013; Demokratietheorien: von der Antike bis zur Gegenwart: Texte und Interpretationshilfen / H. Buchstein, K. Pohl, R. Tringev (Hg.). 10, vollständig überarbeitete Auflage. Frankfurt am Main, 2021.*

⁸ См.: *Mouffe Ch. Eine grüne demokratische Revolution: Linkspopulismus und die Macht der Affekte / aus dem Englischen von U. Bischoff. Berlin, 2023; Mouffe Ch. Agonistik: die Welt politisch denken / aus dem Engl. von R. Barth. Berlin, 2014.*

⁵ См.: *Lindahl H. Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality. P. 4.*

понимается как способные признавать закон как свой собственный.

В основу представления, выраженного в концепции Линдаля, о различии между знакомым и странным как основополагающего для понимания правового порядка положено феноменологическое понятие мира⁹. Отсюда возникает понимание, что мир — это не вещь, которая содержит и упорядочивает множество сущностей, а связь или совокупность смысловых отношений. Элементы, события и действия присутствуют, т.е. проявляются как нечто на фоне этого единства отношений, которое само по себе косвенно проявляется в этих вещах, событиях и поступках и через них¹⁰. Окружающий мир рассматривается как субъективный и относительный, поскольку, описывая, как мир дан, мы всегда ссылаемся на то, каким он нам представляется. Существенное значение в концепции Линдаля имеет представление, что мы замечаем все смысловые отношения, которые обычно считаем само собой разумеющимися, только тогда, когда наша обычная деятельность прерывается неожиданным событием¹¹.

Феноменологический подход, положенный в основу концепции а-законности Линдаля, раскрывается самим автором в четырех тезисах¹²:

1) любой правовой порядок должен иметь границы, поскольку право определяет, кто, что, где и когда должен делать в рамках конкретного единства порядка;

2) в то время как границы объединяют и разделяют места, времена, субъекты и содержание действий в рамках единства правового порядка, границы отличают правовой порядок от области того, что остается для него юридически неупорядоченным;

3) границы правовых предписаний проявляются в странном поведении, которое выходит за рамки, определяющие, является ли поведение законным или незаконным... Если границы правовых предписаний определяют, что является законным, они проявляются как пределы, когда оспаривается законность;

4) границы правового порядка проявляются как нормативные линии разлома, когда противоправное поведение выдвигает требования, которые не могут быть учтены в существующем правовом порядке правовым коллективом, изменяющим свои собственные границы.

В своей концепции а-законности Линдаль трактует границы в пространственных терминах как распределение должных мест в рамках правового порядка, в которых размещаются вещи, люди и т.д. При этом пространство здесь понимается не как пустое пространство, в котором расположены предметы, а скорее как пространственность, в которой вещи могут быть размещены не на своем месте, смещены и т.д. Границы понимаются не только как пространственные. Они также временные, субъективные и материальные. Причем действие в рамках соответствующего правового порядка представляется юридически значимым в зависимости от надлежащей последовательности, в которой мы совершаем действия (временные границы), от того, кто является надлежащим исполнителем действия (субъективные границы) и что именно делают эти исполнители (материальные границы).

С позиции линдалевской концепции пространственные, временные, материальные и субъективные границы правового порядка есть условие возможности проявления законности. Никакое поведение не является законным «само по себе», а только проявляется как таковое в рамках существующей нормативной базы. Поэтому сам Линдаль указывает, что было бы ошибкой рассматривать предлагаемую им а-законность как определенную категорию действий, поскольку он стремится понять а-законность как способ проявления.

Соответственно, концепция а-законности разворачивается в ряд релевантных категорий. Так, а-правовые акты могут возникать в рамках правового порядка из-за их правовой двусмысленности: они похожи как на законные, так и на незаконные, и в этом смысле всегда являются пограничными. Выделяя границу правового порядка как его предел (между законно упорядоченным и неупорядоченным), а-правовое поведение ставит под сомнение общее у членов общества. В этом смысле легальное поведение кажется сверхъестественным, проявлением странного в привычном.

Традиционный упрек в адрес агонистов заключается в том, что они обращают внимание на изменчивость политики и часто не в состоянии в достаточной мере объяснить, как демократическая борьба трансформируется или ассимилируется теми институтами, которые, как предполагается, должны сохранять идентичность политического сообщества с течением времени. С позиции подхода Линдаля эта проблема решается путем указания на поведение, которое не может быть легко согласовано с правовым порядком (как законное, так и незаконное), но может, тем не менее, проявляться в рамках этого порядка (как не-законное) таким образом, что вызывает (потенциально трансформирующую) правовую реакцию. Поведение может

⁹ См.: *Lindahl H. Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality*. P. 262.

¹⁰ См.: *ibid.* P. 263.

¹¹ См.: *ibid.*

¹² См.: *ibid.* Pp. 3, 4.

быть классифицировано как законное (ограниченное границами) или незаконное (нарушающее границы). Напротив, поведение предстает как неправомерное, когда оно создает видимость конкурирующего правового порядка: таким образом, оно показывает, что граница между законным и незаконным также есть предел существующего порядка.

Линдаль объясняет, что законность воспринимается коллективом как нечто само собой разумеющееся, когда его члены занимаются своими повседневными делами. Эта незаметность законности возникает из-за совпадения между тем, что есть, и тем, что должно быть в нашей повседневной жизни, когда мы действуем в соответствии с общими ожиданиями, которые координируют наше поведение.

В качестве примера для понимания, каким образом работает познавательный и объяснительный потенциал выдвинутой им концепции а-законности, Линдаль описывает повседневный опыт группы людей, которые отправляются за покупками для вечеринки. В связи с этим он пытается смоделировать, как право предстает в качестве нормативного порядка для тех, чье поведение он регулирует. Соответственно, магазин — это особое место, где ожидается определенное поведение; покупки упорядочиваются во времени с помощью надлежащей последовательности действий (выбор товаров, доставка их к кассе, оплата и т.д.); в материальном плане это описано в праве как единичный акт (продажа) между конкретными субъектами (покупателем и продавцом).

Линдаль объясняет, как границы правового порядка становятся очевидными, приводя еще один пример, в котором один из участников вечеринки решает украсть какую-то вещь. Противоправное поведение делает границы видимыми, нарушая нашу взаимную ориентацию по отношению к миру, основанному на праве. Пытаясь осмыслить природу того или иного деяния как незаконного, мы подтверждаем законность тех границ, которые нарушаются, их обязательный характер для нашего поведения. Мы начинаем осознавать правовой порядок не только как объективную основу (закон), но как наш правовой порядок (как правовой порядок, которого мы придерживаемся и который не должен нарушаться). Таким образом, объявление деяния незаконным также делает коллектив («мы», которое предполагает правовой порядок) очевидным для самого себя, раскрывая право как социальный порядок, регулирующий отношения между его членами. Реакция государства на такое вмешательство заключается в восстановлении и подтверждении границы между законным и незаконным, с тем чтобы вновь утвердить идентичность своих членов.

В такой трактовке явно считается гегелевская тема о преступнике, который, совершая нарушение права (неправо), тем самым с логической необходимостью признает само право. Хотя у Линдаля нет таких отсылок к философии права Гегеля¹³, которые явно могли бы прояснить для автора важные моменты философско-правовых оснований предлагаемых им трактовок.

Концепция а-законности показывает, как различие между законным и незаконным отделяет правовой порядок от того, что остается неупорядоченным по отношению к нему. Линдаль приводит пример группы людей, принадлежащих к политическому движению, которые заходят в магазин, наполняют свои корзины продуктами и выстраиваются в очередь одновременно у всех касс. После того, как кассиры обработают их товары, они отказываются платить и просят менеджера выдать им продукты для раздачи безработным и бездомным. Линдаль называет такое поведение «а-законным», поскольку оно делает границы правового порядка очевидными, как границы, которые могли бы быть проведены в ином случае. Иными словами, это указывает на другой возможный способ правового упорядочения.

Такое поведение кажется странным, поскольку его нелегко свести к различию между законным и незаконным. Как и в случае с актом кражи, акт автоматического сокращения границ правового порядка делает его навязчивым и нарушает предполагаемую общность правового порядка для тех, кто его соблюдает, и для тех, кто его не соблюдает. Но это отличается от воровства тем, что вместо того, чтобы быть просто «иррациональным» с юридической точки зрения, оно подразумевает другой вид рациональности. Хотя это и не воровство (незаконное), но и не шопинг (законный). Таким образом, их поведение привлекает внимание к условиям включения и исключения, которые предусмотрены правовым порядком. А-правовое поведение не просто нарушает границы правового порядка, но и нарушает границы таким образом, что создает ситуацию неопределенности¹⁴.

Следовательно, а-правовые нарушения «источают нормативность», на которую претендует сам правовой порядок¹⁵. В отличие от привычного нам правового порядка, который является нашим собственным, а-законность подразумевает другой правовой порядок. Или, как выразился Линдаль, это приводит к странному порядку. Проводя различие

¹³ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.; авт. вступ. ст., с. 3—43, и примеч. В. С. Нерсисянц. М., 1990.

¹⁴ См.: Lindahl H. Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality. P. 36.

¹⁵ См.: *ibid.*

между а-законностью и не-законностью, Линдаль, таким образом, объясняет, как агонистическая политика может найти отражение в институциональном порядке: как то, что считается общим для членов государства, может быть оспорено в рамках правового порядка.

Феноменологический анализ в концепции Линдаля предполагает, что точно также как никакое поведение не является правовым по своей сути, а только проявляется как таковое по отношению к конкретному правовому порядку, точно также нет нормативного предпочтения в различии между а-правовым и не-правовым поведением на формальном уровне.

При обсуждении концепции а-законности Линдаль в дальнейшем переходит от структурного анализа правового порядка к генетическому. В связи с этим анализ процессов установления границ и предельных значений позволяет ему объяснить возникновение противоречий в рамках правовых порядков. Его ключевое понимание заключается в том, что «условия, определяющие возникновение правового коллектива, также постоянно подрывают авторитетное утверждение о том, что есть “мы, члены которого действуют сообща, и в чем заключается суть их совместных действий”»¹⁶. Если противоправное поведение представляет собой вторжение действия из области неупорядоченного в правовой порядок (странного в привычное), то такое поведение может проявляться в рамках правового порядка либо как нормативно упорядоченное, либо как неупорядоченное правовым коллективом. А-правовое поведение может быть упорядоченным, когда правовое объединение стирает границы между законным и незаконным, так что правовое изменение возможно без фундаментального изменения идентичности его членов (слабая а-законность). Однако предел правового порядка проявляется как нормативная граница, когда противоправное поведение выдвигает практические требования, на которые правовое сообщество должно отреагировать, но которые, тем не менее, не могут быть реализованы как его собственная возможность (строгая а-законность). Действительно, при реализации такой возможности юридическое единство (т.е. конкретное политическое) должно было бы стать иным.

Проблема нормативности решается в концепции Линдаля через т.н. коллективное самоограничение¹⁷. Этот нормативный принцип основан

на признании основополагающего характера различия между внутренним и внешним правопорядком: самоопределение возможно только путем исключения инаковости (как неупорядоченной) и включения инаковости (как беспорядочной).

Коллективное самоограничение означает, что коллективы должны признать, что у них есть нормативное «слепое пятно», которое они не могут ни полностью оправдать, ни устранить, и они должны принимать это во внимание, когда реагируют на нарушение законности в процессе установления правовых границ¹⁸.

Линдаль упрекает в дефиците внимания к проблеме идентичности права, смысл которой характеризуется вопросом о том, что является специфичным для правовых предписаний, если другие нормативные предписания также организуют поведение с точки зрения его временных, субъективных, пространственных и материальных измерений. При этом наряду со специфичностью правовых предписания выдвигается упрек в необходимости обосновать единство правовых норм, присущих правовому порядку.

В центре внимания концепции а-законности, сформулированной Линдалем, находится трехстороннее различие между границами, предельными значениями и линиями разлома правовых порядков. Правовым нормам и их (предполагаемому) единству автор почти не уделяет никакого внимания. При этом для объяснения смысла своей концепции при рассмотрении правового порядка было проведено различие между тремя его аспектами или гранями: правовым коллективом, правовой системой и конкретным порядком. По мнению Линдаля, правовой коллектив обозначает правовой порядок с точки зрения множественного числа первого лица. Это выражение отражает идею о том, что правовой порядок предполагает единство в форме множества участвующих агентов, которые относятся к себе как к действующей единице. Правовая система относится к правовому порядку с точки зрения установления коллективом нормативной точки зрения совместных действий по умолчанию. Здесь правовой порядок рассматривается как предполагаемое единство правил. Наконец, конкретный порядок, как полагает Линдаль, означает правовой порядок как единство взаимосвязанного распределения мест, времени, субъектов и содержания действий. В то время как концепция правовой системы рассматривает эти аспекты порядка как «сферы действия» правовых норм, концепция конкретного порядка рассматривает тех, чье поведение регламентируется

¹⁶ См.: *Lindahl H. Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality*. P. 6.

¹⁷ См.: *ibid.* P. 249; см. подр. также обзор современных представлений о легитимности: *Плигин В. Н.* Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.

¹⁸ См.: *Lindahl H. Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality*. Pp. 249, 250.

законом посредством установления определенных видов должностования — отношений между местами, субъектами, временем и действиями — как их содержание.

По замыслу автора, одним из достоинств предлагаемого им подхода является то, что он позволяет провести различие между различными аспектами правового порядка, а также объединяет их в рамках концепции, которая нацелена на преодоление односторонности других релевантных правовых теорий. В частности, концепция а-законности рассматривается в качестве контрастного фона для позитивистских теорий права, таких как чистое учение о праве Г. Кельзена¹⁹, которое фокусируется на понимании права как единства множества норм. Другим оппонентом концепции а-законности выступает теория права Р. Дворкина²⁰, сосредоточенная на понятии юридической практики, а также, как подчеркивает Линдаль, такие современные социально-правовые исследования, как адаптированная для нужд социолого-правового анализа идея известного русского филолога М. Бахтина о хронотопах, которая активно используется в творчестве канадской ученой М. Вальверде, работы которой направлены на исследование пространственно-временной структуры правовых порядков²¹.

М. Вальверде, известный социолог права, криминолог, автор оригинальной концепции анализа пространственно-временного функционирования права и других форм управления. Она утверждает, что изучение права и управления может быть активизировано за счет использования набора весьма разнородных аналитических инструментов, которые не имеют единого происхождения или единой политической или нормативной цели, но которые хорошо работают в сочетании. По ее мнению, в основу исследования проблемы правопорядка могут быть положены современные работы по изучению правовой темпоральности, проводимые антропологами, и исследования права и пространства, проводимые географами и правоведами, которые пока учитываются явно недостаточно. Она подчеркивает значение таких понятий, как «интертекстуальность», «диалогизм» и «хронотоп» М. Бахтина, а именно понятий, разработанных специально для синтеза представлений о пространстве и времени в рамках открытой, интерактивной и динамичной

концепции. В итоге М. Вальверде пытается выстроить и обосновать своего рода антиметафизическую теорию и метод юридических исследований. Основной целью данной теории является попытка преодоления институциональных и дисциплинарных барьеров, что может, по замыслу автора, способствовать теоретикам в использовании эмпирических исследований, как и наоборот.

Концепция а-законности Линдаля обосновывает модель права, пытающуюся интегрировать каждое из измерений во всеобъемлющее представление о правовом порядке, в котором синтезируются единство коллективного «мы», выдвигаемого от имени правового порядка, правовой системы и конкретного порядка.

Упрек в недостаточности разработки вопроса об идентичности правовых предписаний, правовых норм снимается Линдалем аргументом о том, что предлагаемая им модель права предполагает наличие определенной структуры правовых порядков в отличие от других нормативных порядков, и их структура основывается на том, что Линдаль называет «институционализированными авторитетными коллективными действиями». Так, в частности, поясняя свою точку зрения, он приводит следующий пример. В отличие, скажем, от совместной прогулки или покраски дома (канонические примеры теории коллективных действий), закон предполагает авторитетное опосредование сути коллективных действий, подразумевая под этим формулирование, мониторинг и обеспечение выполнения коллективных действий должностными лицами, на которых конкретно возложена эта функция. При этом, хотя авторитетное посредничество есть необходимое условие для выполнения юридических предписаний, оно не является достаточным условием для этого.

Другой видный представитель структурно-функционального анализа права, автор плановой теории законности С. Шапиро тоже подчеркивает институциональный характер правовых порядков в наше время, подразумевая под ними такие юридические коллективы, которые устанавливают безличные, даже анонимные, отношения между участниками коллективных действий. Он исходит из того, что правовые предписания структурируют взаимодействие в форме своего рода «готовых планов», в которых участникам нужно только следовать своей части плана, а не активно реагировать на намерения и действия друг друга, как того требует законодательство²².

Исследование права как особого нормативно-го порядка, по мнению Линдаля, может опираться

¹⁹ См.: *Kelsen H. Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen, Wien, 2017.*

²⁰ См.: *Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой. М., 2004.*

²¹ См.: *Valverde M. Chronotopes of law: jurisdiction, scale, and governance. New York, 2014.*

²² См.: *Шапиро С. Законность / пер. с англ.; под науч. ред. А. Павлова. М., 2021.*

на теорию систем Н. Лумана, а именно его представление о дифференциации общества на ряд социальных систем, таких как право, экономика, религия, мораль и т.д. Вопрос об идентичности права имеет смысл только с этой стороны в русле концепции а-законности.

Исследование Линдаля опирается на предположение, распространенное в ряде социальных наук, о случайности социальных порядков, которое касается как того, что «мы делаем как коллектив (что могло бы быть иначе)», так и того, что «мы являемся коллективом (что всегда можно опровергнуть)». Поэтому предполагаемый анализ структуры правовых предписаний на основе концепции а-законности стремится подчеркнуть оба аспекта случайного характера в понимании существования правовых предписаний, а это, в свою очередь, с онтологической точки зрения означает, что юридические коллективы существуют в режиме, так сказать, ограниченной возможности задавать вопросы и ограниченного реагирования.

Оба аспекта правового регулирования в русле рассматриваемой концепции взаимосвязаны через различие и противопоставление законности и не-законности. С одной стороны, контраст между законным и незаконным, как подчеркивает Линдаль, предполагает, что право стало отличаться от других нормативных предписаний, даже если противопоставление законного и незаконного никоим образом не ограничивается действующим государственным правом. С другой стороны, а-законность — это категория, которая мыслится как отражение опыта непредвиденных обстоятельств, которым могут подвергаться члены правового коллектива, так что то, как они очертили границы законности, не только показывает, что данный коллектив мог бы распорядиться иначе (пределы), но и то, что существуют формы коллективного упорядочения, которые превышают его нормативные возможности (линии разлома).

С позиции концепции Линдаля, общая теория права возможна в том смысле, что она включает в себя не только государственное право, но и ряд других правовых систем, которые к нему не сводимы. Но, поскольку она пытается стать общей теорией права, т.е. теорией, основанной на различии законности и незаконности, она остается в рамках современной дифференциации общества на различные нормативные порядки.

Формулируя концепцию права с точки зрения соотношения истории и современности, предлагаемый Линдалем подход к а-законности стремится избегать телеологического или эволюционного понимания права, так как эти типы понимания, по мнению автора, нейтрализуют опыт а-законности, превращая то, что кажется странным, в нечто новое, предшествующий этап того, что принято считать собственной историей.

Линдаль в своей концепции а-законности на самом деле активно использует типичный социологический инструментарий, прежде всего структурно-функциональные подходы, популярные особенно в XX в., а потому упрек в том, что его концепция отличается формальным и ограниченным представлением о праве и теории права, небезоснователен. У Линдаля, который обосновывает свои аргументы в пользу границ и разграничительных линий, читается попытка описать социологическим языком феноменологический подход к праву.

Линдаль уверяет, что правовой порядок непременно предполагает посредничество власти в коллективных действиях, поскольку точку зрения властей относительно того, что следует считать законным или незаконным поведением, нельзя проигнорировать. При отсутствии такой точки зрения можно описывать что угодно, но не правовой порядок. Точно так же с позиции концепции а-законности невозможно разобраться в правопорядке, если не принимать всерьез требование единства, которое власти выдвигают от имени коллектива каждый раз, когда они (заново) устанавливают и укрепляют границы, определяющие, кто что должен делать, где и когда.

* * *

Концепция а-законности Линдаля представляет собой познавательный вариант интерпретации смысла законности, подсвечивает новые грани анализа данной тематики. При этом представления Линдаля сохраняют ограниченности, характерные для односторонних версий социологически ориентированного толка, в которых демонстрируется возможность нового понимания лишь в условиях специального предполагаемого контекста. Интересной может быть также интерпретация представлений о законности как типе рациональности, связанном с определенным механизмом формирования правовых смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / пер. с нем.; авт. вступ. ст., с. 3–43, и примеч. В. С. Нерсисянц. М., 1990.
2. Горбань В. С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // *Антиномии*. 2025. Т. 25. № 1. С. 107–127.
3. Дворкин Р. *О правах всерьез* / пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М., 2004.
4. Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.
5. Савенков А. Н. *Философия права и становление российского государства-цивилизации*. М., 2024.
6. Шапиро С. *Законность* / пер. с англ.; под науч. ред. А. Павлова. М., 2021.

7. *Chen B.* The Principle of Legality: Protecting Statutory Rights from Statutory Infringement? (August 13, 2018). Sydney Law Review. 2019. 41(1). Pp. 73–104.
8. *Joseph P.* The Principle of Legality: Constitutional Innovation // Meagher D. and Groves M. (eds). The Principle of Legality in Australia and New Zealand. Federation Press, 2017. Pp. 31–42.
9. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen, Wien, 2017.
10. *Lindahl H.* Authority and the globalisation of inclusion and exclusion. Cambridge. New York, Port Melbourne, New Delhi, Singapore, 2018.
11. *Lindahl H.* Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality. Oxford, 2013. Pp. 3, 4, 6, 36, 249, 250, 262, 263.
12. *Lindahl H.* The opening: a legality political agonism. In: Law and agonistic politics. Farnham [u.a.]: Ashgate, 2009. Pp. 57–70.
13. *Meagher D.* The Principle of Legality as Clear Statement Rule: Significance and Problems // Sydney Law Review. 2014. No. 36(3). Pp. 413–443.
14. *Mouffe Ch.* Agonistik: die Welt politisch denken / aus dem Engl. von R. Barth. Berlin, 2014.
15. *Mouffe Ch.* Eine grüne demokratische Revolution: Linkspopulismus und die Macht der Affekte / aus dem Englischen von U. Bischoff. Berlin, 2023.
16. *Valverde M.* Chronotopes of law: jurisdiction, scale, and governance. New York, 2014.
17. *Wenman M.* Agonistic Democracy: Constituent Power in the Era of Globalisation. Cambridge, 2013; Demokratietheorien: von der Antike bis zur Gegenwart: Texte und Interpretationshilfen / H. Buchstein, K. Pohl, R. Trimçev (Hg.). 10, vollständig überarbeitete Auflage. Frankfurt am Main, 2021.
3. *Dvorkin R.* On rights in earnest / transl. from English by M.D. Lahuti, L.B. Makeeva. M., 2004 (in Russ.).
4. *Pligin V.N.* The problem of legitimacy in modern political and legal doctrines: abstract ... Doctor of Law. M., 2021 (in Russ.).
5. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024 (in Russ.).
6. *Shapiro S.* Legality / transl. from English; under the scientific ed. of A. Pavlov. M., 2021 (in Russ.).
7. *Chen B.* The Principle of Legality: Protecting Statutory Rights from Statutory Infringement? (August 13, 2018). Sydney Law Review. 2019. 41(1). Pp. 73–104.
8. *Joseph P.* The Principle of Legality: Constitutional Innovation // Meagher D. and Groves M. (eds). The Principle of Legality in Australia and New Zealand. Federation Press, 2017. Pp. 31–42.
9. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen, Wien, 2017.
10. *Lindahl H.* Authority and the globalisation of inclusion and exclusion. Cambridge. New York, Port Melbourne, New Delhi, Singapore, 2018.
11. *Lindahl H.* Fault Lines of Globalization: Legal Order and the Politics of A-Legality. Oxford, 2013. Pp. 3, 4, 6, 36, 249, 250, 262, 263.
12. *Lindahl H.* The opening: a legality political agonism. In: Law and agonistic politics. Farnham [u.a.]: Ashgate, 2009. Pp. 57–70.
13. *Meagher D.* The Principle of Legality as Clear Statement Rule: Significance and Problems // Sydney Law Review. 2014. No. 36(3). Pp. 413–443.
14. *Mouffe Ch.* Agonistik: die Welt politisch denken / aus dem Engl. von R. Barth. Berlin, 2014.
15. *Mouffe Ch.* Eine grüne demokratische Revolution: Linkspopulismus und die Macht der Affekte / aus dem Englischen von U. Bischoff. Berlin, 2023.
16. *Valverde M.* Chronotopes of law: jurisdiction, scale, and governance. New York, 2014.
17. *Wenman M.* Agonistic Democracy: Constituent Power in the Era of Globalisation. Cambridge, 2013; Demokratietheorien: von der Antike bis zur Gegenwart: Texte und Interpretationshilfen / H. Buchstein, K. Pohl, R. Trimçev (Hg.). 10, vollständig überarbeitete Auflage. Frankfurt am Main, 2021.

REFERENCES

1. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law / transl. from German; author intro., pp. 3–43, and note by V.S. Nersesyants. M., 1990 (in Russ.).
2. *Gorban V.S.* The role of historiography in the Philosophy of Law and the formation of the conceptual language of modern legal theory // Antinomies. 2025. Vol. 25. No. 1. Pp. 107–127 (in Russ.).

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Артем Александрович —
кандидат юридических наук,
докторант Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Artyom A. —
PhD in Law,
Post-Doctoral Student,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340.5

СОВРЕМЕННАЯ ДОКТРИНА ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

© 2025 г. В. С. Горбань*, Н. В. Кроткова**, Г. В. Груздев***

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: gorbantv@gmail.com

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

***E-mail: philosophyoflaw@igpran.ru

Поступила в редакцию 07.07.2025 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика определения содержания и характера современной доктрины источников права в англо-американской юриспруденции. Традиционные подходы к судебной практике как основной характеристике форм и способов выражения права в англо-американской правовой традиции в настоящее время существенно дополняются в русле различных теорий правопонимания, фокусирующихся прежде всего на процессуальных моделях выработки юридически значимых решений. В исследовании указывается на динамику представлений об источниках права в целом и англо-американской правовой традиции в частности. Определяются причины и особенности изменений. Подчеркивается, что в русле англо-американской юриспруденции многие традиционные проблемы правопонимания, в том числе по вопросу об источниках права, понимаются в плоскости логико-когнитивных интерпретаций. Рассматриваются попытки ряда известных английских и американских правоведов, а также их европейских коллег отнести проблематику понимания источников права к сфере логики юридической аргументации и соответствующего смыслополагания. Высказываются предположения о возможности более детального изучения конструкции правовых формантов и их характеристик как в рамках предложенных подходов (теория аргументации, юридическая герменевтика), так и в целом.

Ключевые слова: источник права, форма права, национальные типы развития права, методы толкования права, англо-американское право, судебный прецедент, правовые основания, теория аргументации, юридическая герменевтика, иерархия правовой системы, правовые форманты.

Цитирование: Горбань В. С., Кроткова Н. В., Груздев Г. В. Современная доктрина источников права в англо-американской юриспруденции // Государство и право. 2025. № 8. С. 28–36.

DOI: 10.31857/S1026945225080037

THE MODERN DOCTRINE OF THE SOURCES OF LAW IN ANGLO-AMERICAN JURISPRUDENCE

© 2025 V. S. Gorban*, N. V. Krotkova**, G. V. Gruzdev***

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: gorbantv@gmail.com

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

***E-mail: philosophyoflaw@igpran.ru

Received 07.07.2025

Abstract. The article examines the problems of determining the content and nature of the modern doctrine of sources of law in Anglo-American jurisprudence. Traditional approaches to judicial practice as the main characteristic of the forms and ways of expressing law in the Anglo-American legal tradition are currently being significantly supplemented in line with various theories of legal understanding, focusing primarily on procedural models for developing legally significant decisions. The study points to the dynamics of ideas about the sources of law in general and the Anglo-American legal tradition in particular. The causes and features of the changes are determined. It is emphasized that in line with Anglo-American jurisprudence, many traditional problems of legal understanding, including the question of the sources of law, are understood in the plane of logical and cognitive interpretations. The article examines the attempts of a number of well-known English and American jurists, as well as their European colleagues, to relate the problem of understanding the sources of law to the sphere of logic of legal argumentation and the corresponding semantic analysis. Suggestions are made about the possibility of a more detailed study of the construction of legal formants and their characteristics both within the framework of the proposed approaches (argumentation theory, legal hermeneutics) and in general.

Key words: source of law, form of law, national types of legal development, methods of interpretation of law, Anglo-American law, judicial precedent, legal foundations, theory of argumentation, legal hermeneutics, hierarchy of the legal system, legal formants.

For citation: Gorban, V.S., Krotkova, N.V., Gruzdev, G.V. (2025). The modern doctrine of the sources of law in Anglo-American jurisprudence // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 8, pp. 28–36.

В качестве одной из узловых тем, которые могут оказать существенное влияние на развитие как фундаментальной юридической проблематики, так и сравнительного правоведения, можно рассматривать обсуждение источников права и динамику теоретических, доктринальных представлений о них в разных традициях правового смыслополагания. В настоящее время мы в основном пользуемся традиционными представлениями о роли внешних, формальных источников права, которые в целом лишь указывают на самые общие типологические черты отдельных правовых традиций. Так, например, в англосаксонском ареале подчеркивается роль судебных прецедентов, а соответственно, судебной практики. Напротив, для континентальной Европы, для России утверждается представление о доминирующей роли нормативных правовых актов, прежде всего в виде законов и иных систематизированных собраний норм и правил абстрактного и универсального характера. Вместе с тем подобный подход дает лишь контурные представления о характере правовых традиций.

Проблематика источников права и форм права предполагает их последовательное разграничение, что пока далеко не всегда освоено юридической наукой. Часто слова «источник» и «форма» права употребляются как взаимозаменяющие. Вместе с тем такое отождествление логически оправданно только в том случае, если право и закон не различаются. Тогда границы права — это формально изданный акт, который легитимирует право как право (официальное, приказное). Иными словами, если каким-то правилам придана официальная форма и в ней видится, собственно, смысл права, то явно правомерно предположить совпадение моментов формы и источника права. Однако даже в этом

случае все же возникает вопрос о том, что именно порождает соответствующие предписания, их смысловое содержание, что становится определяющим моментом в логике смыслополагания, которая фиксируется в суждении или правиле. Поэтому источники права — это прежде всего те субстанциональные моменты, которые как идеи порождают правовые представления и правовые требования. Они могут разъясняться на основе социологической, психологической, философской или иной интерпретации. Однако в любом случае в постановке вопроса об источниках права мыслится конкретная причина, которая вызывает право к жизни, которая определяет спецификацию права вообще в виде конкретных правовых норм и требований.

В рамках исследований, посвященных изучению источников права, проблематика их понимания и трактовки в англо-американской традиции занимает самостоятельное место и отличается рядом специфических характеристик. До сих пор основные сведения о характере и типах источников права исторически в англосаксонской правовой культуре добываются с помощью исследований сравнительного плана, в русле которых освещаются фактологически преимущественно вопросы форм права, способы его внешнего выражения, основная роль среди которых принадлежит судебным прецедентам.

В юридической литературе верно отмечается: «Прецедентное право, сводясь к сумме норм, содержащихся в форме судебных прецедентов, несет в себе новое качество. В широком понимании оно включает в себя и методы, которыми пользуются судьи при создании прецедента, и ту правовую

культуру, которая является неотъемлемой частью правовой семьи «общего права»¹.

Профессор Оксфордского университета Р. Кросс пишет: «Сугубо принудительный характер английской доктрины прецедента обусловлен сложившимися в судебной практике так называемыми «правилами применения прецедента», цель которых, в свою очередь, — реализация гораздо более важного положения о том, что английское право в широкой степени основано на прецеденте. «Прецедентное право» состоит из норм и принципов, созданных и применяемых судьями в процессе вынесения ими решения»².

Казуистический по своей базовой установке способ формирования права имеет специфику, которая традиционно отличается повышенным фокусом внимания к юридической практике. Влияние англо-американской правовой мысли и практики за пределами своего внешнего контура, особенно со второй половины XX в. и по настоящее время, сопровождается активным распространением идей, принципов и конкретных типов юридического мышления, характерных именно для этой национально-региональной традиции.

Вместе с тем проблематика источников права в англо-американской традиции пока не привлекала значимого внимания исследователей, которые в основном оперируют традиционными представлениями о судебных прецедентах. Трактовка источников права в англо-американской традиции сопряжена с рядом важных моментов: во-первых, она динамично меняется на основе внутренних тенденций, повышения роли определенных факторов (деятельности парламента, изменения представлений об идеологических предпосылках правового регулирования и стратегии правового развития), во-вторых, пока совершенно не разьясненным остается понимание логико-когнитивной специфики правообразования в англосаксонской традиции, при том что именно в этой плоскости лежит одна из ключевых особенностей английского и американского правового мышления; в-третьих, проблематика источников права, отличающаяся от проблематики форм права, также пока не освещается должным образом, хотя при этом плюралистичность и вариативность соответствующих подходов к этому вопросу в английской и американской правовой литературе остаются решающими и характерными.

Англо-американская традиция права отличается рядом специфических черт, которые чаще всего связываются именно с пониманием источников

и форм права. Но если относительно европейской или российской традиции мы легко можем представить право как упорядоченную *систему* норм, построенную по иерархическому принципу, то применительно к англо-американской юриспруденции возникает закономерный вопрос: насколько прецедентная система может мыслиться как система? Если английский юридический язык предпочитает оперировать словом «правило» вместо привычного для континентальной традиции «норма», то, вероятно, представляя право как набор казуистических формул, речь не идет о системе, а о каком-то ином типе согласования.

Э.Х. Кетчэм из Сиракузского университета в штате Нью-Йорк, описывая содержание проблематики источников права в американской правовой доктрине, еще в 1930-е годы признавал многообразие как внешних, формальных, так и материальных, неформальных источников права³. Деление вполне традиционное, однако при этом обращает на себя внимание крайняя пестрота в определении источников права в обеих группах. По его мнению, говоря о материальных источниках права, важно понимать не столько их природу, сколько то, что ими должно обеспечиваться единство и гармонизация идей, лежащих в основе права. Такая гармонизация служит определенности и национальной сплоченности, однако трудно достижима. «Гармония, — пишет Кетчэм, — может наступить только тогда, когда массы людей примут идентичные или по крайней мере сходные идеи»⁴. Для цели обеспечения единства представлений имели в виду систему государственных школ, ценности общей религии. В качестве теоретически возможных источников права называется взгляд, которого придерживаются большинство людей при демократии, но при этом таких правовых норм, относительно которых люди располагают собственным мнением, как правило, очень немного. Большая опасность, как подчеркивает Кетчэм, возникает, если материальным источником являются пропаганда или невежество, особенно в сочетании с властью цензуры или контроля.

Указанный автор пишет о том, что формальные источники права могут рассматриваться с философской и литературной (текстуальной) точек зрения. Принципы, правовые концепции, стандарты могут называться «философскими формами права», но при условии, что они возникают в сфере государственного управления и из деятельности правительств. А вот комментарии или юридические трактаты, как полагает Кетчэм, никогда не являются ни официальными источниками права, ни его

¹ Богдановская И. Ю. Прецедентное право. М., 1993. С. 9.

² Кросс Р. Прецедент в английском праве / пер. с англ.; под общ. ред. Ф. М. Решетникова. М., 1985. С. 25.

³ См.: Ketcham E. H. Sources and forms of law // International Journal of Ethics. 1930. Vol. 40. No. 3. Pp. 363–371.

⁴ Ibid. P. 364.

формами. «Независимо от того, насколько велика ученость или насколько широко они приняты общественностью или юристами, они не выражают права до тех пор, пока их не признают те должностные лица, чье слово может сделать их правом. Люди могут действовать в соответствии со стандартами поведения, изложенными в ученом трактате о собственности или религии, но само по себе это не делает эти трактаты правом, даже если экономические и социальные последствия будут такими же, как если бы они были правом. Это лишь показало бы, что образование или длительное принятие могут быть такой же или даже более мощной силой в жизни отдельных людей, чем правительство и закон»⁵. Однако если статут или решение включают такую авторитетную книгу в состав права, то в этом случае трактат будет частью права наравне с другими частями статута, постановлений или решений. Лишь для учебных целей автор допускает признание научных трактатов и комментариев формой права.

Д. Белл из Кембриджского университета считает понятие «источник права» неопределенным⁶ и рассматривает его в контексте герменевтических подходов к праву и теории аргументации. По его мнению, под источником права следует понимать «аргумент об источнике права», который «оправдывает действие, показывая, что его правовая основа — наилучшее толкование правила, принципа или ценности, определенных в материальном источнике права»⁷. Белл признает материальными источниками права жанры (виды) нормативных текстов, или формальный источник, в котором излагается правовая норма, принцип или ценность, т.е. это — конституция, статут или прецедент. Но этого, как утверждается, недостаточно для того, чтобы выяснить, что такое право и на что опирается юрист в своей деятельности. Поэтому в русле предложенного автором понимания термин «источник права» используется в качестве сокращения для обозначения аргумента об источнике права, а не материального источника права. Он исходит из того, что внутри правовой системы текст и его интерпретация существуют одновременно⁸.

Ссылка юристов на источник права предполагает обеспечение «правовой основы» или обоснования аргумента или решения. Начальным этапом в процессе юридического обоснования того или иного действия является идентификация текстов.

Обсуждение проблематики источников права в англо-американской литературе отнюдь не ограничивается описанием традиционных их типов. Все более активно привлекаются теоретические и методологические приемы, разработанные в рамках таких современных решений, как теория аргументации и разнообразные трактовки герменевтических аспектов правопонимания. Поэтому в настоящей статье прежде всего обращается внимание на характер теоретического обоснования источников права в современной англо-американской юриспруденции, с учетом тех ракурсов, которые задаются ведущими западноевропейскими и американскими исследователями соответствующих моделей анализа права.

Итальянский профессор А. Пиццоруссо, работавший в университетах в Пизе и во Флоренции, обсуждая проблематику источников права, проводил различие между ситуациями, когда источники преднамеренно устанавливаются конкретным правовым актом (актовые источники) и когда существование источников вытекает из наблюдения за практикой и обычаями юристов (фактические источники, такие как формирующийся общий принцип права, консенсус юридических мнений)⁹.

Д. Белл, напротив, считает, что аргументы юридических источников являются нормативными, поэтому нельзя использовать название «фактический источник». С его точки зрения, в данном случае мы имеем дело с описанием источников, которые появляются в результате анализа процессов применения права юристами (учеными, судьями, законодателями и практиками)¹⁰. Поэтому предложенную Пиццоруссо группу источников Белл предлагает именовать «процессуальными источниками», а первую скорее как «событийные источники». Отсутствие в некоторых случаях четких указаний на источник, связанный с конкретным юридическим событием (законом, конституцией или судебным решением), вынуждает реконструировать понимание, с которыми фактически работают юристы.

Английский правовед Й. Раз также отмечает, что источники, к которым обращаются юристы, могут быть не текстом, полученным в результате одного действия, а рациональной реконструкцией процесса развития правопонимания, включающего в себя ряд элементов. Так, в частности, он пишет: «Источниками права являются те факты, в силу которых оно имеет силу, и которые определяют его содержание. Это значение термина “источник” шире, чем “формальные источники”, устанавливающие юридическую силу закона (один или несколько актов

⁵ Ketcham E.H. Op. cit. P. 365.

⁶ См.: Bell J. Sources of Law // The Cambridge Law Journal. 2018. Vol. 77. No. 1. Pp. 40–71.

⁷ Ibid. P. 42.

⁸ См.: ibid. P. 44.

⁹ См.: Law in the making: a comparative survey / ed. by A. Pizzorusso. Berlin, 1988. P. 18.

¹⁰ См.: Bell J. Op. cit. Pp. 40–71.

парламента вместе с одним или несколькими прецедентами могут быть формальным источником одной нормы права). Термин “источник” включает также “источники для толкования”, а именно все соответствующие материалы для толкования. Источниками права, понимаемого таким образом, никогда не являются отдельные акты (законодательного органа и т.д.), а целый ряд фактов различного рода»¹¹. Причем Й. Раз считает, что интерпретация официальных источников может сопровождаться отсылками к этическим или политическим принципам, чтобы в итоге обеспечить наилучшее понимание права и характера его применения.

Профессор Р. Сакко из Туринского университета вывел теорию «правовых формант». Опираясь на филологию, в частности фонетику, он предполагает, что юрист, стремящийся к единой правовой норме, фактически исходящий из аксиомы о том, что может быть только одна действующая норма, неявно признает, что действующее право содержит множество различных элементов, таких как статутные нормы, формулировки ученых и решения судей — элементов, которые он хранит отдельно в своем собственном сознании. Эти комплексы факторов он называет «юридическими формантами». Соответственно, юрист, работающий с правом конкретной страны, рассматривает все эти элементы, а затем устраняет сложности, возникающие из-за их множественности, чтобы прийти к единому правилу. Он делает это с помощью процесса интерпретации. Однако этот процесс не гарантирует, что в конкретной системе существует только одно правило. Возможны несколько интерпретаций¹². Р. Сакко замечает, что формулировки права в текстах материальных источников или обобщениях практики юристов, как правило, являются неполными и недостаточными для обоснования решения конкретных проблем. В лучшем случае формулировка правила в законодательном акте или в прецеденте, или в научном издании есть «форманта»¹³. Это элемент, который необходимо развить до полной формулировки нормы, применяемой в индивидуальном порядке.

Далее следует применение общепринятых методов толкования, используемых для уточнения смысла юридического текста или принципа, выявленных на первом этапе. При этом отдельный текст или принцип помещается в более широкий спектр правовых норм и принципов, чтобы показать, как его толкование могло бы согласованно

вписываться в правовую систему в целом. Белл и Сакко подчеркивают, что тексты понимаются юридическим сообществом как часть системы прав и ценностей.

Т. Аллан, опираясь на работы Л. Фуллера и Р. Дворкина, обосновывает нормативный характер юридической интерпретации — понимание последствий статута и прецедента посредством ссылки на моральные идеалы законности и свободы, а также отрицает, что право может быть сведено к эмпирическим фактам, касающимся поведения или мнений законодателей или судей. Он, в частности, утверждает, что с точки зрения толкования юристом, не существует «правила признания» — только моральная теория о природе и пределах политической власти, которую юристы должны выстроить, чтобы иметь опору в юридической и конституционной практике¹⁴.

Как полагает Т. Аллан, «нормы общего права представляют собой лишь предварительные формулировки основополагающих принципов, значение которых можно понять, только изучая, постепенно, соответствующую структуру мышления»¹⁵. Иными словами, материальные источники, конкретные тексты или принципы должны быть превращены в операциональные источники, которые действительно могут оправдать то или иное действие или решение в соответствии с правом.

В русле рассматриваемых позиций, излагая правовую основу решения, мы указываем материальный источник, результат первоначального события или процесса, но на самом деле предлагаемое нами обоснование опирается на нормативный источник, правило, вытекающее из этого коллективного решения или процесса. Именно это составляет правовую основу, к которой апеллируют юрист или лицо, принимающее решение¹⁶. Источники могут содержать на различных уровнях правовых обобщений.

По мнению Д. Белла, аргумент, основанный на источниках, является авторитетным в том смысле, что в своей правильности он апеллирует не к личным убеждениям юриста или судьи, а к тому факту, что было принято коллективное решение принять или одобрить определенное правило, принцип или ценность.

Американский правовед Р. Саммерс пишет, что такого рода формализм — это способ справиться со сложностями¹⁷. Сложность можно уменьшить,

¹¹ Raz J. The authority of law: essays on law and morality. New York, 1979. Pp. 47, 48.

¹² См.: Sacco R. Legal formants: a dynamic approach to Comparative Law // The American Journal of Comparative Law. 1991. Vol. 39. No. 1. P. 22.

¹³ Ibid. Pp. 21–23.

¹⁴ См.: Allan T.R.S. The sovereignty of law: freedom, constitution and common law. Oxford, 2013.

¹⁵ Ibid. P. 49.

¹⁶ См.: Bell J. Op. cit. P. 44.

¹⁷ См.: Summers R.S. Form and function in a legal system: a general study. Cambridge, 2005. Pp. 42–47.

согласившись придерживаться результатов определенных специфических процессов принятия решений. Результаты этих процессов имеют особый юридический статус. В этом смысле обоснование, основанное на источнике, принятом парламентом, ведет к упрощению.

Правовед А. Печеник, работавший в Швеции, относительно возможности определения авторитетности источников писал: «Юрист должен или может ссылаться на авторитетные доводы в качестве источников права»¹⁸, деля авторитетные доводы на три категории: «обязательные источники», которые юрист обязан использовать, если они существуют, для обоснования своего решения; «необходимые источники», не имеющие обязательной силы, но обладающие весомым авторитетом в юридической практике, и поэтому на них следует ссылаться в поддержку того или иного суждения (судебные прецеденты, подготовительные материалы для законодательства, обычаи и рекомендации (например, кодексы практики), изданные государственными органами); «возможные источники» — это аргументы меньшего значения, но которые обеспечивают определенную юридическую поддержку суждения (прецеденты и законодательные материалы, не имеющие прямого отношения к текстам, подлежащим толкованию, научные труды, профессиональная юридическая литература и иностранное право)¹⁹. А. Печеник полагал, что все, на что юрист может ссылаться на законных основаниях, является источником права.

Высказывается также мнение, что качество авторитетного юридического обоснования аргументу придает сочетание трех элементов: законности, эффективности и легитимности²⁰. Законность требует, чтобы аргумент относился к правовой системе, чтобы стать правовой основой для принятия решений. Эффективность основывается на реальной способности изменить ситуацию. Правило, действующее с точки зрения законности, может, тем не менее, быть абсолютно неисполнимым. Применимость правила — это ключ к тем правилам, которые люди сочтут достойными внимания²¹. Легитимность предполагает наличие морального авторитета, связанного с требованием. Оно не просто будет соблюдаться, но и будет правильным, если оно будет соблюдаться. Это обращение к ценностям²². Эти ценности могут не совпадать с ценностями, которых придерживается отдельный

человек (должностное лицо или субъект права) лично, но они признаются принадлежащими системе. В хорошо функционирующей системе должностное лицо или гражданин будут применять право, исходя из ощущения, что он выполняет важную задачу, даже если в конкретных случаях они не согласны с принятым решением. Ценности, которые придают легитимность, являются институциональными, а не только личными. В то время как законность может служить обоснованием в отдельных случаях, долгосрочная устойчивость правовой системы требует, чтобы судьи и другие юристы всегда каким-то образом увязывали эти три фактора.

Источники права представляются в виде иерархической структуры, относительно понимания которой в русле континентальной и англо-американской правовой традиции имеют место существенные отличия. По мнению сторонников рассматриваемых подходов, иерархичность имеет ограниченную ценность. Она применяется к редким ситуациям конфликта между источниками. Чтобы понять, как обычно работают источники, предлагается использовать метафору сети²³. Идея иерархии использует модель автономных источников. Однако источники взаимосвязаны. В англо-американской правовой традиции статуты разрабатываются с учетом концепций об упрощении формальностей, существующих в законодательстве и в юридической литературе, и затем применяются в свете того, как их интерпретируют другие источники. Более того, в современном мире национальные источники могут дополняться не только в рамках существующего порядка, но и извне. Для рассматриваемой традиции проблема противоречия источников не является столь существенной, как в случае с пониманием системности права в континентальной или российской правовой культуре.

По сути, любая конкретная правовая норма будет формироваться в результате сочетания различных факторов. Решение проблемы, основанной на фактах, будет найдено в результате взаимодействия нормативных текстов, юридических пояснений и предложений, содержащихся в научных трудах, которые могут быть даже противоречивыми. Юристы учатся различать силу различных формантов, т.е. разницу в весе, придаваемом различным источникам, благодаря обучению и опыту. Приобрести эту способность, не имея такого же опыта, — одна из самых серьезных проблем, которая возникает у юриста-компаративиста, сталкивающегося с другой системой²⁴.

¹⁸ Peczenik A. On law and reason. Dordrecht, Netherland, 1989. P. 318.

¹⁹ См.: *ibid.* P. 319.

²⁰ См.: Ost F., Kerchov M. van de De la pyramide au réseau? Pour une théorie dialectique du droit. Bruxelles, 2002. Pp. 352–355.

²¹ См.: *ibid.* Pp. 328, 329.

²² См.: *ibid.* P. 337.

²³ См.: *ibid.* Pp. 65–77.

²⁴ См.: Vogenauer S. Sources of law and legal method in Comparative Law // The Oxford Handbook of Comparative Law / M. Reimann, R. Zimmermann (eds.). 2nd ed. Oxford University Press, 2019. P. 885.

Учитывая разное значение источников в рамках рассматриваемой траектории их понимания, объединяющим и систематизирующим фактором может выступать некое всеобъемлющее метаправило, наподобие хартовского «правила признания». По мнению Харта, это то, что будет указывать на некоторую особенность или признаки, наличие которых в соответствии с предлагаемым правилом рассматривается как убедительное подтверждение того, что это правило группы должно поддерживаться социальным давлением, которое право оказывает. Существование такого правила может принимать любую форму из огромного разнообразия форм, простых или сложных²⁵.

Р. Алекси замечает, что «претензия на корректность, присущая юридическим рассуждениям, четко отличается от той, которая присуща общим практическим рассуждениям»²⁶. По мнению данного автора, право — это ограниченная форма практической аргументации. Одно из ключевых ограничений заключается в том, что в большинстве случаев необходимо использовать правовые источники.

В русле сочетания элементов теории аргументации и герменевтических элементов складывается представление об источниках права как элементах логико-гносеологического порядка, обращение к которому позволяет относительно безупречно логически обосновать принимаемые правовые решения.

Д. Белл в своей теории источников права продемонстрировал, как правила, касающиеся юридических аргументов относительно источников права, становятся юридическими нормами в том смысле, что они являются стандартами, с учетом которых оцениваются аргументы юристов (ученых, практиков и судей). По его замыслу, эти нормы об источниках права есть вторичные нормы в том смысле, что они помогают определить, какие из них являются релевантными первичными нормами права, и какой вес они имеют в юридической аргументации. При этом критически понимаются попытки относить правила, касающиеся источников права, к числу правил, так сказать, высшего уровня в правовой системе, таких как конечные правовые принципы, правила признания или основная норма. Последние имеют значимость в рамках более широких по характеру обсуждаемых вопросов юридических теорий, но тем не менее способствуют пониманию источников права.

Утверждается также, что за исключением самых редких случаев изменения в источниках права не влияют на фундаментальный характер правовой

системы, не говоря уже о политическом порядке в целом. И наоборот, нормы, касающиеся источников права, как правило, остаются незатронутыми (формально и часто по существу) даже радикальными изменениями в политическом или конституционном режиме. Нормы, касающиеся источников права, обычно действуют на более низких уровнях правовой системы, чем многие из концепций, таких как правило признания.

В итоге правовое обоснование предполагает использование материала, содержащегося в различных правовых документах, с целью выработки путем интерпретации правила, применимого к рассматриваемому вопросу. Англо-американские правоведы подчеркивают, что источники права в русле теории аргументации на самом деле лучше соответствуют континентальному описанию юридической аргументации, т.е. как свода правил, дополненного развивающейся системой толкований.

Процесс изменения источников помогает уяснить, что источники права и их значимость, как правило, вытекают из практики юридического сообщества, а не из отдельных событий.

* * *

Разъяснение роли и значения источников права в русле теории аргументации и герменевтических подходов, на которое пытаются опираться современные англо-американские авторы, с учетом тех доктринальных вариантов, которые распространены в западноевропейской литературе, показывает познавательный характер такого рода трактовок. В целом, безусловно, такое понимание источников права снабжает англо-американских юристов необходимой философско-логической оснасткой. Попытка трактовки источника права как некоторого сложного механизма, «правового форманта», по всей видимости, заслуживает дальнейшего изучения и в целом может быть признана конструктивной. Вместе с тем в континентальной науке часто высказывается упрек по адресу теории аргументации, что она в своих построениях слишком отвлекается от реальной практики и создаёт механизмы, которые хороши для научного дискурса, но с трудом применимы при разрешении реальных юридических споров. Главный упрек заключается в том, что теория аргументации предполагает ограничение, связанное с определением допустимых типов аргументов. Поэтому для ее применения нужно достичь соглашения относительно правил и типов аргументов. Кроме того, она, хотя и допускает широкие возможности привлечения различных источников права, понимаемых как убедительный аргумент для принятия юридического решения, вместе с тем, по сути, увлекается лишь процедурными вопросами, находится в рамках популярных в современной юриспруденции процессуальных теорий правопонимания

²⁵ См.: Hart H.L.A. Concept of law. New York, 1961. P. 94.

²⁶ Alexy R. A theory of legal argumentation. Oxford, 1989. Pp. 214, 218.

и справедливости. Аргументация Д. Белла о том, что для понимания источников права не важна иерархичность, отсылка к базовой конструкции тоже весьма специфична, но укладывается в рамки англо-американской правовой традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богдановская И. Ю.* Прецедентное право. М., 1993. С. 9.
2. *Кросс Р.* Прецедент в английском праве / пер. с англ.; под общ. ред. Ф. М. Решетникова. М., 1985. С. 25.
3. *Alexy R.* A theory of legal argumentation. Oxford, 1989. Pp. 214, 218.
4. *Allan T.R.S.* The sovereignty of law: freedom, constitution and common law. Oxford, 2013. P. 49.
5. *Bell J.* Sources of Law // The Cambridge Law Journal. 2018. Vol. 77. No. 1. Pp. 40–71.
6. *Hart H.L.A.* Concept of law. New York, 1961. P. 94.
7. *Ketcham E.H.* Sources and forms of law // International Journal of Ethics. 1930. Vol. 40. No. 3. Pp. 363–371.
8. Law in the making: a comparative survey / ed. by A. Pizzorusso. Berlin, 1988. P. 18.
9. *Ost F., Kerchove M. van de* De la pyramide au réseau? Pour une théorie dialectique du droit. Bruxelles, 2002. Pp. 65–77, 328, 329, 337, 352–355.
10. *Peczenik A.* On law and reason. Dordrecht, Netherland, 1989. Pp. 318, 319.
11. *Raz J.* The authority of law: essays on law and morality. New York, 1979. Pp. 47, 48.
12. *Sacco R.* Legal formants: a dynamic approach to Comparative Law // The American Journal of Comparative Law. 1991. Vol. 39. No. 1. Pp. 21–23.
13. *Summers R.S.* Form and function in a legal system: a general study. Cambridge, 2005. Pp. 42–47.
14. *Vogenauer S.* Sources of law and legal method in Comparative Law // The Oxford Handbook of Comparative Law / M. Reimann, R. Zimmermann (eds.). 2nd ed. Oxford University Press, 2019. P. 885.

Сведения об авторах

ГОРБАНЬ Владимир Сергеевич — доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного Центра философско-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

REFERENCES

1. *Bogdanovskaya I. Yu.* Precedent law. M., 1993. P. 9 (in Russ.).
2. *Cross R.* Precedent in English law / transl. from English; under the general ed. of F.M. Reshetnikov. M., 1985. P. 25 (in Russ.).
3. *Alexy R.* A theory of legal argumentation. Oxford, 1989. Pp. 214, 218.
4. *Allan T.R.S.* The sovereignty of law: freedom, constitution and common law. Oxford, 2013. P. 49.
5. *Bell J.* Sources of Law // The Cambridge Law Journal. 2018. Vol. 77. No. 1. Pp. 40–71.
6. *Hart H.L.A.* Concept of law. New York, 1961. P. 94.
7. *Ketcham E.H.* Sources and forms of law // International Journal of Ethics. 1930. Vol. 40. No. 3. Pp. 363–371.
8. Law in the making: a comparative survey / ed. by A. Pizzorusso. Berlin, 1988. P. 18.
9. *Ost F., Kerchove M. van de* De la pyramide au réseau? Pour une théorie dialectique du droit. Bruxelles, 2002. Pp. 65–77, 328, 329, 337, 352–355.
10. *Peczenik A.* On law and reason. Dordrecht, Netherland, 1989. Pp. 318, 319.
11. *Raz J.* The authority of law: essays on law and morality. New York, 1979. Pp. 47, 48.
12. *Sacco R.* Legal formants: a dynamic approach to Comparative Law // The American Journal of Comparative Law. 1991. Vol. 39. No. 1. Pp. 21–23.
13. *Summers R.S.* Form and function in a legal system: a general study. Cambridge, 2005. Pp. 42–47.
14. *Vogenauer S.* Sources of law and legal method in Comparative Law // The Oxford Handbook of Comparative Law / M. Reimann, R. Zimmermann (eds.). 2nd ed. Oxford University Press, 2019. P. 885.

Authors' information

GORBAN Vladimir S. — Doctor of Law, Head of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

Сведения об авторах

КРОТКОВА Наталья Викторовна —
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук;
заместитель главного редактора журнала
«Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

ГРУЗДЕВ Григорий Владимирович —
специалист дирекции по подбору персонала
ОАО «Аэропорт Внуково»,
член общественного совета
при Минэкономразвития России

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. —
PhD in Law,
Leading Researcher, Constitutional Law
and Constitutional Justice Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

GRUZDEV Grigory V. —
Specialist in the Personnel Selection Directorate
of Vnukovo Airport, Member of the Public
Council under the Ministry of Economic
Development of the Russian Federation

УДК 340.5

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА ДЕЯНИЯ ПОДЧИНЕННЫХ ИМ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ И СВЕТСКИМ ПРАВОМ

© 2025 г. И. А. Пибаяев

Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров

E-mail: igor-pibayev@mail.ru

Поступила в редакцию 14.02.2025 г.

Аннотация. В статье автор рассматривает правовые и канонические аспекты ответственности церквей и иных религиозных организаций в случае совершения правонарушений со стороны священнослужителей. Автор анализирует правовые аспекты некоторых значимых решений судов США, Великобритании, Канады, Австралии, Италии, а также Европейского Суда по правам человека, касающиеся вопросов субсидиарной ответственности в рамках отношений священнослужитель — епископ. В странах общего права используют одинаковый тест для применения субсидиарной ответственности, включающий два элемента. Утверждается, что позиции судов Канады и Великобритании разошлись с австралийским подходом, суды которого не согласны расширительно толковать отсутствие формализованных трудовых отношений между священнослужителями и епископом и возлагать на церкви обязанность выплачивать компенсации пострадавшим, если правонарушение было тесно связано с действиями (бездействием) церковного руководства. В заключение автор указывает, что российское законодательство об ответственности в трудовых и гражданско-правовых отношениях и его применение отличается от общего права, священнослужители, виновные в нарушении закона, привлекаются индивидуально к ответственности. В случае вынесения обвинительного приговора судом закон предусматривает подачу иска к осужденному о материальной компенсации причиненного вреда.

Ключевые слова: суд, священнослужители, субсидиарная ответственность, епископ, каноническое право, правонарушение.

Цитирование: Пибаяев И.А. Ответственность религиозных организаций за деяния подчиненных им священнослужителей в зарубежных странах и Российской Федерации: между каноническим и светским правом // Государство и право. 2025. № 8. С. 37–47.

Научное исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-78-01013 «Правовой статус религиозных служителей в России и зарубежных странах: метаморфозы государственного регулирования и вызовы современности». URL: <https://rscf.ru/project/23-78-01013/>

DOI: 10.31857/S1026945225080042

RESPONSIBILITY OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS FOR THE ACTIONS OF THEIR SUBORDINATE CLERGY IN FOREIGN COUNTRIES AND THE RUSSIAN FEDERATION: BETWEEN CANONICAL AND SECULAR LAW

© 2025 I. A. Pibayev

Volga-Vyatka Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov

E-mail: igor-pibayev@mail.ru

Received 14.02.2025

Abstract. In the article the author examines the legal and canonical aspects of the responsibility of churches and other religious organizations in the case of offenses committed by clergymen. The author analyzes the legal aspects of some significant decisions of the courts of the USA, Great Britain, Canada, Australia, Italy, as well as the European Court of Human Rights concerning issues of subsidiary responsibility in the framework of the priest-bishop relationship. Common law countries use the same test for applying subsidiary liability, which includes two elements. It is argued that the positions of the courts of Canada and the United Kingdom differed from the Australian approach, the courts of which do not agree to broadly interpret the absence of a formalized labor relationship between priests and bishops and impose obligations on churches to pay compensation to victims if the offense was closely related to the actions (inaction) of the church leadership. In conclusion, the author points out that Russian legislation on liability in labor and civil law relations and its application differs from general law, and clergy guilty of violating the law are individually held accountable. In the case of a conviction by a court, the law provides for filing a claim against the convicted person for material compensation for the damage caused.

Key words: court, clergy, Vicarious liability, bishop, canon law, the offense.

For citation: Pibaev, I.A. (2025). Responsibility of religious organizations for the actions of their subordinate clergy in foreign countries and the Russian Federation: between canonical and secular law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 37–47.

The research was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-78-01013 “The legal status of religious ministers in Russia and abroad: metamorphoses of government regulation and modern challenges”. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-01013/>

Введение

Исторически общее право Англии устанавливало «привилегию духовенства»¹, согласно которой судить рукоположенного священнослужителя за преступление мог только церковный суд². Схожие подходы можно было проследить в правовых системах и других государств, в том числе и России³. Основание для исключения находилось в Библии в 105 Псалме «*Не прикасайтесь помазанным Моим, и пророкам Моим не делайте зла*» (Пс. 104:15). Однако с течением времени эта привилегия сошла на нет.

В светских государствах священнослужители подлежат уголовной и гражданской ответственности наравне со всеми гражданами. Вместе с тем с учетом количества выявленных фактов в конце XX — начале XXI в. злоупотребления отдельными священнослужителями своим положением⁴ все чаще в юридической литературе, а затем и в судах стал актуализировалась ситуация о том, должен ли руководитель епархии — епископ нести

ответственности за поступки своих священнослужителей, именно в том смысле, когда такая обязанность возлагается на руководителя за действия своих подчиненных?

В этой связи важно рассмотреть концепции понимания ответственности религиозных организаций за действия своих священнослужителей в зарубежных странах с целью определения пределов контроля руководящих структур, а также разграничения возможного и должного поведения духовных лиц, подвергнув критическому осмыслению положение о признании отношений «близких к трудовым», применяемую в ряде государств общего права для целей ответственности, в части отношений между руководителем епархии (епископом) и священнослужителями в России.

Представленный в настоящем исследовании анализ, во-первых, углубит знания о характере деятельности священнослужителей в части регламентации их статуса во внутренних установлениях религиозных организаций, во-вторых, позволит верифицировать тезис об индивидуальном характере ответственности священнослужителей в российской действительности (в связи с особенностями государственно-конфессиональных отношений), в-третьих, сформированные представления дают возможность для исследований особенностей применения санкций.

Укажем на терминологические особенности. В государствах общего права (Великобритания, США, Канада, Австралия) используется понятие «субсидиарная ответственность» (англ. “*vicarious liability*”), означающее возможность привлечения

¹ Следует отметить, что представителем духовенства (клириком) мог называть себя любой, кто умел читать.

² См.: Scott A.W. The Legal Status of the Clergyman // West Virginia Law Review. 1921. Vol. 27. Pp. 105–112.

³ См.: Гайденок П.И. О праве суда над духовенством и монашеством на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 109–120. DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10030

⁴ См.: Meah N., Petchey P. Liability of Churches and Religious Organizations for Sexual Abuse of Children by Ministers of Religion // Common Law World Review. 2005. No. 34(1) Pp. 39–61. <https://doi.org/10.1350/clwr.34.1.39.60192>

работодателей к ответственности за противоправное поведение своих работников на рабочем месте или иным образом связанное с их работой, если они не предприняли «все разумные шаги» для предотвращения негативного поведения своих сотрудников⁵. В ст. 1068 ГК РФ аналогичный термин отсутствует, но смысловое значение такое же. Понятие «субсидиарной ответственности» в ст. 399 ГК РФ имеет иное значение — устанавливает право кредитора обращаться за взысканием долга к лицу, несущему субсидиарную ответственность, при невозможности удовлетворения требований основным должником. Для целей настоящей работы субсидиарную ответственность будем рассматривать по смыслу ст. 1068 ГК РФ.

1. *Juris canonici* о назначении священнослужителей и полномочиях епископов в Русской Православной и Римско-католической церквях

1.1. Нормы католического канонического права

В Кодексе канонического права Римско-католической церкви 1983 г. в каноне 369 раскрывается понятие диоцеза (епархии), где определена роль руководителя-епископа⁶. Приходской священник, назначаемый диоцезным епископом на приход (канон 515), должен иметь богословскую подготовку, честный нрав и иные качества для заботы о душах людей (§ 2 канона 521)⁷. В отношении своих прихожан он имеет религиозную власть, как следствие, находится под контролем епископа, к полномочиям которого отнесен перевод и отстранение священника от должности (канон 528, ч. 2 канона 538)⁸.

П. Консортти справедливо указывает на содержание канона 128 Кодекса канонического права и аналогичную ей норму канона 935 Кодекса канонов Восточных Церквей, устанавливающих следующее: «Всякий, кто без законных оснований наносит ущерб другому лицу каким-либо юридическим актом или даже иным актом, совершенным обманным путем или по собственной вине, обязан возместить причиненный ущерб»⁹. «В правовой системе Церкви, — по мнению Г. Монтини, — возмещение ущерба выходит за рамки частного измещения: оно служит не только удовлетворению пострадавшей стороны, но и восстановлению ситуации, нарушенной несправедливым ущербом,

“путем восстановления *bona spiritualia* (духовных благ) и *iura spiritualia* (духовных прав)”¹⁰.

В доктрине канонического права отмечалось отсутствие служебных отношений между епископом и священником и, как следствие, невозможность возложения на епископа имущественной ответственности за гражданские и уголовные правонарушения, совершенные лично священнослужителем. Однако там же уточнялось, что существует концепция *missio canonica*, предполагающая наделение епископом клириков правом осуществлять образовательную деятельность для осуществления своего служения¹¹. В этом случае на епископа возложена функция надзора, из которой следует субсидиарная (итал. *la duplice responsabilit *) ответственность за возмещение ущерба, причиненного священнослужителем (*pro quota* (совместная ответственность)). Согласно канону 128 это связано с епископской небрежностью в вопросах назначения и контроля духовенства¹². П. Консортти также акцентирует внимание на том, что эта ответственность существует *ad intra Ecclesiae* (внутри церкви), а потому должна применяться независимо от ее трансформации в светские правовые категории¹³. Поэтому он считает, что нет никаких сомнений в обязанности церкви как наказать непосредственно виновного священнослужителя, так возместить ущерб церковной иерархией.

Тем не менее в судебных делах (как увидим далее) Римско-католическая церковь отрицала субординационные отношения между епископом и священником, и всегда подчеркивала, что контрольные полномочия епископа касаются только священнической деятельности и не распространяются на его частную жизнь¹⁴.

1.2. Канонические правила Русской Православной Церкви

Схожие положения по статусу и полномочиям епископа по отношению к священникам отражены

⁵ См.: High Court decision in *Bird v DP* — implications for survivors of child sexual abuse. URL: <https://www.shine.com.au/resources/survivors-of-abuse/bird-vs-dp-high-court-decision> (дата обращения: 14.02.2025).

⁶ См.: Кодекс канонического права. М., 2007. С. 173.

⁷ См.: там же. С. 231.

⁸ См.: там же. С. 239.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ *Montini G.* Il risarcimento del danno. 1991. P. 188 (цит. по: *Consorti P.* La responsabilit  della gerarchia ecclesiastica nel caso degli abusi sessuali commessi dai chierici, fra diritto canonico e diritti statuali // *Stato, Chiese e pluralismo confessionale*. 2013. No. 17. P. 21).

¹¹ Специальное разрешение в Римско-католической церкви на выполнение образовательных функций от имени церкви. Основание — канон 805 (см.: Кодекс канонического права. С. 328); см. также: *Consorti P.* Op. cit. P. 23.

¹² См.: *Loiacono P.* Tutela della dignit  del sacerdozio ministeriale e necessit  di assicurare ai minori un “ambiente ecclesiale sicuro”. La prevenzione dei delicta graviora contra mores // *Questioni attuali*. Pp. 245–256 (цит. по: *Consorti P.* Op. cit. P. 23).

¹³ См.: *Consorti P.* Op. cit. P. 23.

¹⁴ См.: *Licastro A.* Riappare un “d j  vu” nella giurisprudenza: la responsabilit  oggettiva del vescovo per gli atti illeciti dei suoi sacerdoti // *Stato, Chiese e pluralismo confessionale*. 2013. No. 1. P. 19.

в Уставе Русской Православной Церкви¹⁵. В соответствии с гл. XVI Устава РПЦ определены полномочия епархиального архиерея в отношении священнослужителей вверенной ему епархии. Канонические нормы Русской Православной Церкви много говорят о необходимости проверять лиц, поступающих на священническое служение (4 правило святителя Кирилла Александрийского, 89 Правило Василия Великого, 10 правило Сардикийского собора). Апостол Павел в своем послании к Тимофею подчеркивал, чтобы епископ не возлагал поспешно рук ни на кого (1 Тим.5:22).

Требования, предъявляемые Церковью к кандидатам в священство, направлены на то, чтобы сконцентрировать в клире лучшие силы христианского общества¹⁶. И хотя существуют 16, 29 и 58 Правила Святых Апостолов о полномочиях епископа в этой сфере, вместе с тем указанные положения не определяют ответственность епископа за то, что им был поставлен в клирики недостойный человек. Только в известном сборнике о святых и подвижниках «Луге духовном» можно увидеть указание на ответственность епископа на Страшном Суде за деятельность тех, которых он мог посвящать в церковные степени, не ознакомившись тщательно с их поведением и образом жизни¹⁷. На практике если речь идет о священнике или диаконе Русской Православной Церкви, нарушающим нравственные и религиозные нормы поведения, то их дело должно в соответствии с Положением о церковном суде рассмотрено епархиальным судом.

А.В. Ведяевым были проанализированы материалы 15 дел современной церковно-судебной практики над епископами Русской Православной Церкви с 1989 по 2021 г. Он разделил их на три группы: епископы, уклонившиеся в раскол; епископы, совершившие нравственные поступки; лжесуд над епископом¹⁸. Во всех случаях они несли церковные наказания за свои проступки, а не за проступки подчиненного духовенства.

В Римско-католической церкви такие примеры существуют: 12 октября 2018 г., не дожидаясь судебных процессов, ушел в отставку архиепископ

Вашингтона Д. Вюрл¹⁹, 13 декабря 2018 г. папа римский исключил из Совета чилийского 85-летнего кардинала Ф. Эррасуриса.

2. Зарубежный опыт

В США, которая является страной с наибольшим количеством зарегистрированных случаев нарушения нравственных правил поведения со стороны католических священнослужителей²⁰, епархии, в которых служили виновные священники, после судебных исков не ждали решения суда, а заключали соглашения об урегулировании размера компенсаций. Крупнейшее урегулирование с участием Римско-католической церкви произошло в октябре 2024 г. с архиепархией Лос-Анджелеса²¹.

В Канаде и Великобритании светские суды пришли к выводу о возможности применения субсидиарной ответственности религиозных органов управления за деяния священников. Важно подчеркнуть, что суды установили такое право не только в отношении работников, но и в отношении тех лиц, связь которых с религиозной организацией характеризуется как «сродни трудоустройству»²² (англ. *akin to employment*).

2.1. Канада

Для рассмотрения оснований для применения субсидиарной ответственности епископа, важно понять логику правовой аргументации в судебных решениях. В деле «Джон Доу против Беннета» от 25 марта 2004 г. Верховный суд Канады применил субсидиарную ответственность к Римско-католической епископальной корпорации Св. Георгия за нарушения нравственных правил поведения со стороны священника К. Беннета.

В § 27 решения Суд утверждает: «Епископ осуществляет обширный контроль над священником, включая право назначения, право отстранять священника от должности и право наказывать его.

¹⁹ См.: To our Venerable Brother Card. Donald William Wuerl. URL: <https://adw.org/wp-content/uploads/sites/2/2018/10/Letter-from-the-Holy-Father-101218.pdf> (дата обращения: 14.02.2025).

²⁰ См.: Gray M.M. The Impact of Religious Switching and Secularization on the estimated size of the U.S. Adult Catholic Population // Review of Religious Research. Art. 49. 2008. No. 4. Pp. 457–460.

²¹ См.: L.A. Catholic Church payouts for clergy abuse top \$1.5 billion with new record settlement. URL: <https://www.latimes.com/california/story/2024-10-16/archdiocese-of-los-angeles-to-pay-880-million-in-the-largest-clergy-sexual-abuse-settlement> (дата обращения: 14.02.2025).

²² Пибаяев И.А. Правовые отношения между религиозными организациями и их служителями: трудовая или священная деятельность? // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 116–145; Его же. Верховный суд США и доктрина «исключение для служителей» // Государство и право. 2024. № 6. С. 145–153.

¹⁵ См.: Устав Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133115.html> (дата обращения: 14.02.2025).

¹⁶ См.: Уткин В. Канонические условия священства // Андреевский вестник. 2003. № 1 (9).

¹⁷ См.: Мох И. Луг духовный. Сергиев Посад, 1896. Гл. 149. С. 177.

¹⁸ См.: Ведяев А.В., Гайденок П.И., Оспенников Ю.В., Устинова И.А. К покаянию и исправлению: суды над архиереями в истории и современности Русской Церкви. СПб., 2023. С. 156–159.

Это сродни трудовым отношениям»²³. Далее Суд, применяя изложенную позицию к фактическим обстоятельствам дела, указал на предоставление, во-первых, епископом отцу Кевину возможности злоупотреблять своей властью (§ 28). Во-вторых, подчеркнул связь неправомерных действий Беннета с психологической близостью, присущей его роли священника (§ 29). В-третьих, священник обладал огромной властью по отношению к пострадавшим из-за географической разорванности приходов и отсутствия других авторитетов в общинах (§ 30). Резюмируя, суд постановил — поскольку отношения между священником и епископальной корпорацией Св. Георгия были сродни трудовым отношениям, значит епископальная корпорация как светское подразделение церкви, может нести как прямую, так и субсидиарную ответственность.

Принятый в деле Джона Доу подход, что для привлечения к субсидиарной ответственности достаточно «отношений, сходных с трудоустройством», а не трудового договора, как требовалось ранее, в дальнейшем был принят судами в Соединенном Королевстве²⁴.

2.2. Соединенное Королевство

До 2001 г. в Соединенном Королевстве применение субсидиарной ответственности к работодателю за поведение своих работников было возможно при условии, что такое поведение было частью их служебных обязанностей и санкционировалось (хотя бы косвенно) работодателем. В 2001 г. в Палате лордов рассматривалось историческое дело «*Листер против Хейсли Холл Лимитид*»²⁵ о нарушении нравственных правил поведения начальником пансионата. В связи с тем, что школа-работодатель не одобрила бы такое поведение, то привлечь ее к субсидиарной ответственности было нельзя — не выполнялось второе условие существующего теста. Поэтому Палата лордов его скорректировала и постановила — для возложения на работодателя субсидиарной ответственности тест второго этапа заключается в оценке того, существует ли «тесная связь» между ролью работника и его поведением²⁶.

²³ John Doe v. Bennett, 2004 SCC17 (CanLII), [2004] 1 SCR436 // <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2004/2004scc17/2004scc17.html> (дата обращения: 14.02.2025).

²⁴ См.: *Calitz K. The liability of churches for the historical sexual assault of children by priests*. URL: http://www.scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1727-37812014000600007 (дата обращения: 14.02.2025).

²⁵ House of lords. *Lister v Hesley Hall Ltd* [2002] 1 AC215 // <https://www.lawteacher.net/cases/lister-v-hesley-hall-ltd.php> (дата обращения: 14.02.2025).

²⁶ На основании обзора судьи Берроуза. § 1–5. Trustees of the Barry Congregation of Jehovah's Witnesses v BXB [2023] UKSC15 // <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2021-0089.html>

В 2012 г. на основании изложенного подхода привлекли к ответственности «Институт братьев христианских школ»²⁷ за поведение преподавателей, которое не оплачивалось институтом, а также впервые собственно церковное руководство. 12 июля 2012 г. Апелляционный суд Англии и Уэльса оставил в силе решение Высокого суда²⁸ в деле «*JGE против Английской провинции Богоматери Милостивой и Попечителей Портсмутского римско-католического епархиального фонда*», подтвердив возложение субсидиарной ответственности на епископа как представителя епархии²⁹ за действия священника.

В Суде представители епархии Портсмута утверждали невозможность рассмотрения священников в качестве наемных работников, поскольку между сторонами не было формы трудового договора, и что церковь рассматривала священников как должностных лиц, и как таковые они подчинялись каноническому, а не гражданскому праву. Далее отмечали, что священник не был наемным работником, потому что он не имел права на фиксированное жалование и не находился под контролем епископа, поскольку епископ посещал его только один раз в пять лет (§ 14).

В решении судья Дж. Уорд отметил, что критерий для приема на работу для целей установления субсидиарной ответственности не должен быть тем же самым, что и тест для установления того, является ли кто-либо наемным работником для других целей, таких как увольнение, налогообложение или дискриминация. Судья, опираясь на подход профессора Р. Киднера³⁰, пришел к выводу — для установления факта состояния лица в отношениях, близких к трудоустройству необходимо ответить на ряд вопросов (§ 72). Во-первых, надо определить наличие контроля со стороны работодателя за «работником»: подотчетен ли он работодателю? Во-вторых, существует ли контроль

²⁷ Catholic Child Welfare Society v Institute of the Brothers of the Christian Schools [2012] UKSC56 // <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2010-0230> (дата обращения: 14.02.2025).

²⁸ См.: *JGE v English Province of Our Lady of Charity & Portsmouth Roman Catholic Diocesan Trust* 2011 EWWCH 2871 (QB), 2012 2 WLR709 paras 35–36.

²⁹ В юрисдикциях Англии и Уэльса, Шотландии, Северной Ирландии католический епископ не является единоличной корпорацией, а недвижимое имущество находится во владении через епархиальные трасты. С 1 января 2023 г. Портсмутский епархиальный траст, основанный в 1934 г., преобразован в благотворительную инкорпорированную организацию (англ. *Charitable Incorporated Organisation*) (см.: URL: <https://portsmouthdiocese.org.uk/new-charity-name-and-number-for-the-diocese/> (дата обращения: 14.02.2025)).

³⁰ См.: *Kidner R. Vicarious liability: for whom should the 'employer' be liable?* // *Legal Studies*. 1995. No. 15(1) Pp. 47–64. DOI: 10.1111/j.1748-121X.1995.tb00052.x

со стороны «работника» — как он организует работу? В-третьих, насколько важна его деятельность для предприятия? (организационный тест). В-четвертых, интегрирована ли его деятельность в организационную структуру организации (интеграционный тест). И наконец, в-пятых, нужно понять, насколько человек самостоятелен при выполнении деятельности.

По первому вопросу суд установил наличие контроля, поскольку священник подчинялся епископу, епархиальным законам и постановлениям (§ 74). Отвечая на второй вопрос, Суд отметил самостоятельность священника в руководстве приходом, тем не менее подчеркнул, что он связан положениями Кодекса канонического права, и сравнил контроль епископа над священником с контролем медицинской организации над хирургом (§ 75).

В рамках организационного теста Уорд Дж. указал, что Римско-католическую церковь можно рассматривать как «организацию» (англ. *“business”*), целью которого является распространение слова Божьего. Священник играет центральную роль в достижении этой цели, и «чем больше деятельность соответствует фундаментальным целям организации, тем более уместно применять понятие риска к организации» (§ 77).

Рассматривая интеграционный тест, Суд подчеркнул, что «роль приходского священника полностью интегрирована в организационную структуру церковной организации» (§ 76). И отвечая на пятый вопрос, Суд указал на отсутствие у священника постоянного жалования или статуса предпринимателя (англ. *“entrepreneur”*). Тем не менее по каноническому праву он должен был жить в приходском доме рядом со своей церковью, что, по мнению Суда, похоже на наемного работника, использующего инструменты работодателя в своей профессии (§ 79).

В итоге Суд наложение субсидиарной ответственности свелось к двум стадиям: 1) проверке характера отношений — какие правовые отношения допускают привлечение к ответственности; 2) было ли совершено правонарушение в рамках этих отношений. За последние годы Верховный суд Великобритании расширил содержание 1-го этапа, включив в него отношения «сродни трудоустройству».

Спустя 11 лет Верховный суд обратил внимание на понимание «тесной связи» между работником или лицом, находящимся в «сродни трудовым отношениям», и лицом, которому он причинил вред, как условия привлечения к ответственности. 26 апреля 2023 г. Суд вынес решение по делу «Попечители Конгрегации Свидетелей Иеговы Барри

против ВХВ»³¹. В 1990 г. ответчица, миссис Б., пострадала от действий старейшины собрания Свидетелей Иеговы в Барри Марка Сьюэлла у себя дома после того, как они вместе проповедовали Евангелие.

В 2017 г. г-жа Б. подала иск о возмещении ущерба против всемирного руководящего органа Свидетелей Иеговы, Общества Сторожевой Башни и Библейских обществ штата Пенсильвания, а также против попечителей Конгрегации. Она утверждала, что они несут юридическую ответственность (субсидиарную ответственность) за действия мистера Сьюэлла из-за характера их отношений. Суд напомнил, что для привлечения к субсидиарной ответственности должны быть соблюдены два элемента (англ. *stage*). Во-первых, между работодателем и правонарушителем должны существовать отношения, которые могут повлечь за собой субсидиарную ответственность (§ 65–69). Во-вторых, должна существовать связь между деянием и трудовой деятельностью (§ 70–72).

Верховный суд удовлетворил апелляцию, отменив решение нижестоящих судов, определив, что ответчики не несут субсидиарной ответственности. Не было никакой «тесной связи» между преступлением и действиями, которые Марк должен был выполнять в качестве старейшины, поскольку он был дома и не выполнял никаких религиозных обязанностей, как, например проповедь или изучение Библии (§ 74). Преступление также не было связано с тем, что Марк злоупотреблял своим положением старейшины — во всяком случае «он злоупотреблял своим положением близкого друга» (§ 75). Принципиальную разницу имеет положение смотрителя пансиона в отношении школьников в Листерере и положение старейшины и истицы — обе стороны были взрослыми людьми в здравом уме, которые могли сделать свой собственный выбор и прекратить дружбу в любой момент по собственному желанию. Несмотря на то что положение Марка как старейшины «было причиной» его дружбы с истицей, этого оказалось «недостаточно» (англ. *insufficient*) (§ 77). По мнению Суда, критерий близкой связи не был выполнен.

Решение Верховного суда, как полагает А. Кам, является долгожданным завершением саги о субсидиарной ответственности, четко устанавливая применимые правовые принципы. Прохождение двух элементов (стадий) теста достаточно для решения проблем, связанных с судебным возмещением из-за совершенного преступления. Вместе с тем Суд определяет ограничение, которое исключает

³¹ Trustees of the Barry Congregation of Jehovah's Witnesses v BXB [2023] UKSC15 // <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2021-0089.html> (дата обращения: 14.02.2025).

автоматическое наложение на работодателей ответственности за любые правонарушения работников в трудовых отношениях или лиц, имеющих «отношения сродни трудовым»³².

2.3. Австралия

В Австралии в качестве основного препятствия, усложняющего противодействие злоупотреблениям в неинкорпорированных организациях, рассматривалось отсутствие юридического лица, на которое можно было бы подать в суд. На основании данных Королевской комиссии Содружества о возмещении ущерба и гражданском судопроизводстве за 2015 год законодатели субъектов изменяли правовое регулирование в вопросе придания правосубъектности юридического лица в целях возложения ответственности³³.

Австралийские суды первой и апелляционной инстанций первоначально следовали позиции английских судов и возлагали субсидиарную ответственность на епархию. Так, 22 декабря 2021 г. Верховный суд штата Виктория в Австралии вынес решение, установив, что, несмотря на отсутствие трудовых отношений между епархией в лице епископа и священником, епархия Балларат несет субсидиарную ответственность за действия отца Б. Коффи в начале 1970-х годов³⁴. Однако 13 ноября 2024 г. Высокий суд Австралии³⁵ отменил решение Верховного суда штата Виктория, в котором категорически отверг распространение субсидиарной ответственности на отношения, «сродни трудоустройству», подход, принятый в Соединенном Королевстве и Канаде.

³² Kam A. No 'exceptional' test for vicarious liability in sexual abuse cases: a welcome conclusion by the Supreme Court in Trustees of the Barry Congregation of Jehovah's Witnesses v BXB. URL: https://blogs.law.ox.ac.uk/oxford-university-undergraduate-law-journal-blog/blog-post/2023/07/no-exceptional-test-vicarious#_ftn1 (дата обращения: 14.02.2025).

³³ См.: Пункты 68 и 69. Bird v DP (a pseudonym) [2024] HCA 41 (13 November 2024) // <http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2024/41.html> (дата обращения: 14.02.2025).

Так, например, в штате Виктория приняли Закон «О правовом статусе» (англ. *Legal Identity Act*), определяющий статус неинкорпорированных неправительственных организаций, использующих трасты для осуществления своей деятельности, таких как католические епархии, однако это не решило вопрос о субсидиарной ответственности, для которой все еще необходимо установить наличие трудовых отношений (см.: Legal Identity of Defendants (Organisational Child Abuse). Act 2018 // http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/legis/vic/consol_act/lidocaa2018467/s1.html (дата обращения: 14.02.2025)).

³⁴ См.: <https://aucc.sirsidydney.net.au/Judgments/VSC/2021/T0850.pdf> (дата обращения: 14.02.2025).

³⁵ См.: Bird v DP (a pseudonym). URL: <https://www.shine.com.au/resources/survivors-of-abuse/bird-vs-dp-high-court-decision> (дата обращения: 14.02.2025).

В постановлении большинства отмечается, что за последние 20 лет или около того существует непрерывная серия решений Высокого суда Австралии, постановляющих, что «стадия 1» теста на субсидиарную ответственность может (с ограниченными исключениями) быть удовлетворена только при наличии трудовых отношений между фактическим правонарушителем и ответчиком. Суд постановил, что Апелляционный суд штата Виктория допустил ошибку, приняв аргументы в пользу расширения этого закона, чтобы включить в него категорию «сродни трудоустройству» (§ 47).

Суд отказался также рассматривать довод истца о том, что епархия обязана оказывать ему не подлежащую делегированию обязанность проявлять заботу (англ. *non-delegable duty of care*) (обязанность обеспечивать принятие разумной заботы), поскольку эти вопросы не поднимались ни в одном из двух нижестоящих судов. Суд указал, что речь идет о прямой обязанности, не вытекающей из субсидиарной ответственности.

Н. Фостер, соглашаясь с выводами Суда о неприменении субсидиарной ответственности к епархии, тем не менее считает, что в дальнейшем при рассмотрении схожих дел судам придется вернуться к вопросу о распространении доктрины «не подлежащей делегированию обязанности проявлять заботу» на умышленные правонарушения, совершенные священником, так как это наиболее предпочтительный способ решить этот вопрос, просто его необходимо ставить перед судом в первой инстанции³⁶.

Таким образом, в Австралии, исходя из последнего решения Высокого суда, церковные структуры и их должностные лица (епархия, епископ) в отличие от Канады и Великобритании не несут субсидиарной ответственности за злоупотребления священников, если отношения между причинителем вреда священнослужителем и епископом носят характер «сродни трудоустройству». Однако такой вывод нельзя рассматривать как основание для освобождения от ответственности епископов, пострадавшим от преступных действий следует использовать в качестве правовой аргументации иное обоснование.

3. Дело трибунала Лечче (Италия)

Постановление трибунала Лечче от 8 октября 2012 г. — одно из первых судебных решений в Италии, в которых разбирался вопрос о возможности применения гражданской ответственности за неправомерные действия со стороны религиозных

³⁶ См.: Foster N. Bishop not vicariously liable for abuse by clergy. URL: <https://lawandreligionaustralia.blog/2024/11/14/bishop-not-vicariously-liable-for-abuse-by-clergy/#more-9441> (дата обращения: 14.02.2025).

властей. Для целей нашего исследования решение представляет особый интерес, так как в деле Суд в рамках континентальной системы права применял ст. 2049 ГК Италии, имеющую схожесть с положениями Гражданского кодекса РФ, — «Владельцы /предприниматели (итал. *padroni*) и заказчики (итал. *committenti*) несут ответственность за ущерб, причиненный незаконными действиями их служащих /исполнителей и совершенный при исполнении возложенных на них обязанностей»³⁷.

Во-первых, Суд постановил, что Архиепископская курия³⁸ пусть и не обладает статусом юридического лица, тем не менее обладает фактической правосубъектностью необходимой для возложения ответственности, а епископ является ее юридическим представителем³⁹. По мнению Суда, можно считать епископа «заказчиком» по смыслу ст. 2049 ГК Италии приходского священника, в соответствии с рассматриваемой нормой: приходской священник, по сути, был бы «наделен полномочиями, присущими религиозной власти, которую на высшем уровне епархии представляет епископ»⁴⁰.

Во-вторых, Суд констатировал возможность привлечения к ответственности Архиепископскую курию в соответствии со ст. 2049 ГК Италии за ущерб, причиненный поведением приходского священника, который, используя свой статус, совершил преступление. Отсутствие реальных трудовых отношений между курией и священником не могут приниматься во внимание, поскольку такие отношения не являются предпосылкой применения ответственности по смыслу ст. 2049 ГК Италии.

А. Ликастро в своем комментарии к судебному решению не ставит под сомнение необходимость наказания виновных лиц, но все же указывает на два сложных аспекта дела: 1) дисциплинарная власть внутри церкви не может быть приравнена к власти и контролю в трудовых отношениях; 2) власть, которой епископ обладал над обвиняемым священником, не была предоставлена в [его] личных интересах, а в интересах “*utilitas communis*” (общего блага), а следовательно правовая связь между заказчиком и ответственным лицом, которая должна наличествовать по содержанию ст. 2049 ГК Италии,

³⁷ Codice civile Italiano // <https://www.gazzettaufficiale.it/dettaglio/codici/codiceCivile> (дата обращения: 14.02.2025).

³⁸ См.: Канон 469. Диоцезная курия состоит из учреждений и лиц, оказывающих епископу помощь в управлении всем диоцезом, особенно в руководстве пастырской деятельностью, в заботе о распоряжении имуществом диоцеза, а также в осуществлении судебной власти (см.: Кодекс канонического права. С. 211).

³⁹ См.: *Licastro A.* Op. cit. Pp. 10, 11.

⁴⁰ Ibid. P. 12.

абсолютно несовместима с характером отношений, существующих внутри церкви⁴¹.

Таким образом, решение итальянского суда приводит нас к рассмотрению аналогичного российского законодательства и возможности выстраивания юридических параллелей.

4. Законодательство Российской Федерации об ответственности работодателя

В п. 1 ст. 1068 ГК РФ определена обязанность юридического лица или гражданина возместить вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Затем уточняется, что для целей данной главы работниками признаются граждане, выполняющие работу на основании трудового договора (контракта), а также граждане, выполняющие работу по гражданско-правовому договору, если при этом они действовали или должны были действовать по заданию соответствующего юридического лица или гражданина и под его контролем за безопасным ведением работ.

Правовая природа отношений священнослужителей с религиозными организациями рассматривалась автором подробно в другом исследовании⁴², поэтому здесь лишь кратко обозначим следующее.

В Российской Федерации отношения со священнослужителями регламентируются гл. 54 ТК РФ, а также ст. 24 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁴³. В частности, ч. 1 и 4 ст. 24 предусматривают, что религиозные организации в случаях, предусмотренных их уставами, заключают трудовые договоры с работниками религиозных организаций, а также священнослужители подлежат социальному обеспечению в соответствии с законодательством Российской Федерации. Часть 5 гарантирует право религиозных организаций устанавливать в соответствии со своими внутренними установлениями условия деятельности священнослужителей, а также требования к ним. Нормы Трудового кодекса РФ не распространяются на священнослужителей, если это не предусмотрено уставами данных религиозных организаций⁴⁴.

Соответственно, законодательство и судебная практика Российской Федерации исходят из самостоятельного определения религиозными

⁴¹ См.: *ibid.* Pp. 17, 18.

⁴² Подробнее см.: *Пибаев И.А.* Правовые отношения между религиозными организациями и их служителями: трудовая или священная деятельность? С. 116–145.

⁴³ См.: СЗ РФ. 1997. № 39, ст. 4465; 2024. № 53 (ч. I), ст. 8532.

⁴⁴ См.: *Костикова Г.В.* Правовые основы трудовых отношений в религиозной организации // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 47.

организациями характера отношений с священнослужителями. В случае определения священнослужителей не в качестве наемных работников (как в Русской Православной Церкви и, как следствие, отсутствие у них трудового договора) нормы Трудового кодекса РФ не будут на них распространяться. Таким образом, отношения православных священников и епископов не являются трудовыми.

В доктрине гражданского права к исполнению трудовых обязанностей относят также деятельность, которая выходит за пределы трудового или гражданско-правового договора, но была поручена непосредственно работодателем по производственной или иной необходимости в рамках рабочего процесса⁴⁵. А.А. Кравчук указывает на определение Верховного Суда РФ от 12 декабря 2016 г. № 80-КГ16–12, согласно которому «работодатель полностью освобождается от ответственности за действия своего работника, если вред был причинен в результате совершения действий, выходящих за пределы трудовых (служебных) обязанностей последнего»⁴⁶. Однако далее он отмечает, что «работодатель также несет ответственность за вред, причиненный в результате: <...> неосторожных действий своих работников при исполнении ими трудовых обязанностей. В данном случае вина юридического лица заключается в отсутствии необходимой заботы о делах предприятия, непрофессионализме его работников, их халатности, неграмотности, бездеятельности, которые повлекли причинение вреда»⁴⁷.

Если попытаться перенести положения в плоскость отношений священник-епископ, то юридически священник целиком и полностью зависим от епископа⁴⁸.

Вместе с тем в судах Российской Федерации вопрос об ответственности епископов за деяния

подчиненных им священников не поднимался. Такой судебной практики не существует в настоящее время. Кроме того, законодатель в преамбуле к Федеральному закону № 125 признает «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры». После конституционной реформы 2020 года в ч. 2 ст. 67¹ Конституции РФ закреплено положение о тысячелетней истории, сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога. Поэтому полагаем, что с учетом многовековой традиции взаимоотношений между Русской Православной Церковью и священнослужителем, подвижнического служения духовенства и отечественных теоретико-доктринальных представлений возложение ответственности на религиозную организацию за противоправное поведение одного из ее священнослужителей вряд ли возможно. Опыт государств англосаксонской правовой семьи не коррелируется по причине других исторических традиций и иного характера взаимоотношений государства и религиозных объединений.

Заключение

Подводя итог, укажем, что институт ответственности религиозных объединений за действия духовных лиц является сложным и многоаспектным. Подходы к рассмотрению ответственности епископа за деяния священнослужителя в государствах общего права стали расходиться, несмотря на то что они используют тождественный тест для применения субсидиарной ответственности: (1) установление характера отношений между церковью и священнослужителем; (2) определение связи между правонарушением и деятельностью священнослужителя.

В Соединенном Королевстве и Канаде суды единодушно постановили: отсутствие трудового договора между священником и церковью не имеет существенного значения для целей ответственности, так как установление отношений «подобных трудовым» достаточно для привлечения к субсидиарной ответственности церкви. В Австралии Высокий суд занял принципиальную позицию — нельзя привлекать к субсидиарной ответственности без установления трудовых отношений. По второму элементу субсидиарной ответственности в 2023 г. Верховным судом определено понимание наличия тесной связи между религиозными обязанностями и совершенным преступлением, исключающее автоматическое наложение субсидиарной ответственности за любые правонарушения работников в трудовых отношениях или в отсутствии формального трудоустройства.

Во-вторых, в США, Канаде, Соединенном Королевстве, Италии и других государствах не оспаривается тезис о необходимости привлечения

⁴⁵ См.: Гражданское право: в 4 т. Т. 4: Обязательственное право: учеб. для студ. вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 641, 642 (цит. по: Кравчук А.А. Деликтная ответственность работодателя за вред, причиненный его работником: теория и практика // Журнал юрид. исследований. 2023. № 3. С. 30).

⁴⁶ Кравчук А.А. Указ. соч. С. 30.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ 1) Он назначается на приход и освобождается от должности указом епископа, если он настоятель эти данные вносятся и исключаются из ЕГРЮЛа; 2) местная религиозная организация — приход входит в структуру централизованной религиозной организации — епархии; 3) епископ может применить к нему церковное наказание в пределах своих полномочий, либо священник предстанет перед епархиальным судом, который может временно или пожизненно запретить в служении или лишить сана; 4) священник-настоятель отчитывается непосредственно своему епископу.

к ответственности церковных руководителей, допустивших нарушения на вверенной им территории. Учитывая иерархическую структуру Римско-католической церкви, требования о субсидиарной ответственности могут рассматриваться исключительно в пределах юрисдикции национальных государств — если в пределах государства существует несколько церковных епархий, являющихся самостоятельными юридическими лицами, то именно к епископу как их представителю и будет обращено внимание суда, который будет анализировать роль священника в структуре церкви и полномочия по контролю и надзору со стороны епископа.

В-третьих, законодательство Российской Федерации об ответственности в трудовых и гражданско-правовых отношениях и его применение отличается от общего права, священнослужители, виновные в нарушении законодательства, привлекаются индивидуально к ответственности. В случае вынесения обвинительного приговора судом предусматривается возможность подачи иска к осужденному о материальной компенсации причиненного вреда. В любом случае стандарты поведения священнослужителей должны контролироваться правящим епископом, принявшие священный сан несут на себе особую ответственность следовать в своей жизни за примером Христа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведыаев А.В., Гайденоко П.И., Оспенников Ю.В., Устинова И.А. К покаянию и исправлению: суды над архиереями в истории и современности Русской Церкви. СПб., 2023. С. 156–159.
2. Гайденоко П.И. О праве суда над духовенством и монашеством на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 109–120. DOI: 10.24411/1814–5574–2020–10030
3. Гражданское право: в 4 т. Т. 4: Обязательственное право: учеб. для студ. вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 641, 642.
4. Кодекс канонического права. М., 2007. С. 85, 173, 211, 231, 239, 328.
5. Костинова Г.В. Правовые основы трудовых отношений в религиозной организации // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 47.
6. Кравчук А.А. Деликтная ответственность работодателя за вред, причиненный его работником: теория и практика // Журнал юрид. исследований. 2023. № 3. С. 30.
7. Мосх И. Луг духовный. Сергиев Посад, 1896. Гл. 149. С. 177.
8. Пибает И.А. Верховный суд США и доктрина «исключение для служителей» // Государство и право. 2024. № 6. С. 145–153.
9. Пибает И.А. Правовые отношения между религиозными организациями и их служителями: трудовая или священная деятельность? // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 116–145.
10. Уткин В. Канонические условия священства // Андреевский вестник. 2003. № 1 (9).
11. Calitz K. The liability of churches for the historical sexual assault of children by priests. URL: http://www.scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1727-37812014000600007 (дата обращения: 14.02.2025).
12. Consorti P. La responsabilità della gerarchia ecclesiastica nel caso degli abusi sessuali commessi dai chierici, fra diritto canonico e diritti statuali // Stato, Chiese e pluralismo confessionale. 2013. No. 17. P. 21, 23.
13. Foster N. Bishop not vicariously liable for abuse by clergy. URL: <https://lawandreligionaustralia.blog/2024/11/14/bishop-not-vicariously-liable-for-abuse-by-clergy/#more-9441> (дата обращения: 14.02.2025).
14. Gray M.M. The Impact of Religious Switching and Secularization on the estimated size of the U.S. Adult Catholic Population // Review of Religious Research. Art. 49. 2008. No. 4. Pp. 457–460.
15. Kam A. No ‘exceptional’ test for vicarious liability in sexual abuse cases: a welcome conclusion by the Supreme Court in Trustees of the Barry Congregation of Jehovah’s Witnesses v BXB. URL: https://blogs.law.ox.ac.uk/oxford-university-undergraduate-law-journal-blog/blog-post/2023/07/no-exceptional-test-vicarious#_ftn1 (дата обращения: 14.02.2025).
16. Kidner R. Vicarious liability: for whom should the ‘employer’ be liable? // Legal Studies. 1995. No. 15(1) Pp. 47–64. DOI: 10.1111/j.1748-121X.1995.tb00052.x
17. Licastro A. Riappare un “dèjà vu” nella giurisprudenza: la responsabilità oggettiva del vescovo per gli atti illeciti dei suoi sacerdoti // Stato, Chiese e pluralismo confessionale. 2013. No. 1. P. 10–12, 17–19.
18. Loiacono P. Tutela della dignità del sacerdozio ministeriale e necessità di assicurare ai minori un “ambiente ecclesiale sicuro”. La prevenzione dei delicta graviora contra mores // Questioni attuali. Pp. 245–256.
19. Meah N., Petchey P. Liability of Churches and Religious Organizations for Sexual Abuse of Children by Ministers of Religion // Common Law World Review. 2005. No. 34(1) Pp. 39–61. <https://doi.org/10.1350/clwr.34.1.39.60192>
20. Montini G. Il risarcimento del danno. 1991. P. 188.
21. Scott A.W. The Legal Status of the Clergyman // West Virginia Law Review. 1921. Vol. 27. Pp. 105–112.

REFERENCES

1. Vedyayev A. V., Gaidenko P. I., Ospennikov Yu. V., Ustinova I. A. Towards repentance and correction: trials of bishops in the history and modernity of the Russian Church. SPb., 2023. Pp. 156–159 (in Russ.).
2. Gaidenko P. I. On the right of trial of clergy and monasticism in Russia (XI–XIII centuries). Problem statement // Christian reading. 2020. No. 2. Pp. 109–120. DOI: 10.24411/1814–5574–2020–10030 (in Russ.).
3. Civil Law: in 4 vols. Vol. 4: Law of Obligations: textbook for students. universities studying in the field

- of 521400 “Jurisprudence” and in the specialty 021100 “Jurisprudence” / ed. by E.A. Sukhanov. 3rd ed., rev. and add. M., 2006. Pp. 641, 642 (in Russ.).
4. Code of Canon Law. M., 2007. Pp. 85, 173, 211, 231, 239, 328 (in Russ.).
 5. *Kostikova G.V.* The legal foundations of labor relations in a religious organization // Labor Law in Russia and abroad. 2017. No. 4. P. 47 (in Russ.).
 6. *Kravchuk A.A.* Tort liability of an employer for harm caused by his employee: theory and practice // Journal of Law Research. 2023. No. 3. P. 30 (in Russ.).
 7. *Moskh I.* Dukhovny Meadow. Sergiev Posad, 1896. Ch. 149. P. 177 (in Russ.).
 8. *Pibaev I.A.* The Supreme Court of the USA and the doctrine of “exclusion for ministers” // State and Law. 2024. No. 6. Pp. 145–153 (in Russ.).
 9. *Pibaev I.A.* Legal relations between religious organizations and their ministers: labor or sacred activity? // Comparative Constitutional Review. 2023. No. 6 (157). Pp. 116–145 (in Russ.).
 10. *Utkin V.* Canonical conditions of the priesthood // Andreevsky Herald. 2003. No. 1 (9) (in Russ.).
 11. *Calitz K.* The liability of churches for the historical sexual assault of children by priests. URL: http://www.scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1727-37812014000600007 (accessed: 14.02.2025).
 12. *Consorti P.* La responsabilità della gerarchia ecclesiastica nel caso degli abusi sessuali commessi dai chierici, fra diritto canonico e diritti statuali // Stato, Chiese e pluralismo confessionale. 2013. No. 17. P. 21, 23.
 13. *Foster N.* Bishop not vicariously liable for abuse by clergy. URL: <https://lawandreligionaustralia.blog/2024/11/14/bishop-not-vicariously-liable-for-abuse-by-clergy/#more-9441> (accessed: 14.02.2025).
 14. *Gray M.M.* The Impact of Religious Switching and Secularization on the estimated size of the U.S. Adult Catholic Population // Review of Religious Research. Art. 49. 2008. No. 4. Pp. 457–460.
 15. *Kam A.* No ‘exceptional’ test for vicarious liability in sexual abuse cases: a welcome conclusion by the Supreme Court in Trustees of the Barry Congregation of Jehovah’s Witnesses v BXB. URL: https://blogs.law.ox.ac.uk/oxford-university-undergraduate-law-journal-blog/blog-post/2023/07/no-exceptional-test-vicarious#_ftn1 (accessed: 14.02.2025).
 16. *Kidner R.* Vicarious liability: for whom should the ‘employer’ be liable? // Legal Studies. 1995. No. 15(1) Pp. 47–64. DOI: 10.1111/j.1748-121X.1995.tb00052.x
 17. *Licastro A.* Riappare un “dèjà vu” nella giurisprudenza: la responsabilità oggettiva del vescovo per gli atti illeciti dei suoi sacerdoti // Stato, Chiese e pluralismo confessionale. 2013. No. 1. P. 10–12, 17–19.
 18. *Loiacono P.* Tutela della dignità del sacerdozio ministeriale e necessità di assicurare ai minori un “ambiente ecclesiale sicuro”. La prevenzione dei delicta graviora contra mores // Questioni attuali. Pp. 245–256.
 19. *Meah N., Petchey P.* Liability of Churches and Religious Organizations for Sexual Abuse of Children by Ministers of Religion // Common Law World Review. 2005. No. 34(1) Pp. 39–61. <https://doi.org/10.1350/clwr.34.1.39.60192>
 20. *Montini G.* Il risarcimento del danno. 1991. P. 188.
 21. *Scott A.W.* The Legal Status of the Clergyman // West Virginia Law Review. 1921. Vol. 27. Pp. 105–112.

Сведения об авторе

ПИБАЕВ Игорь Александрович —
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин
Волго-Вятского института (филиала)
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
610000 г. Киров, ул. Московская, д. 30

Authors' information

PIBAEV Igor A. —
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of State
Legal Disciplines, Volga-Vyatka Institute (Branch)
of Kutafin Moscow State Law University;
30 Moskovskaya str., 610000 Kirov, Russia

УДК 347

УНИФИКАЦИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ НАГРУЗКИ НА БЮДЖЕТНУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2025 г. С. Ю. Чуча^{1, *}, В. П. Сорокин^{2, **}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Арбитражный суд города Москвы

*E-mail: chuchaigpan@gmail.com

**E-mail: sor.vladislav2013@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.05.2025 г.

Аннотация. В статье оптимизация и унификация гражданского процесса рассматриваются с точки зрения защиты интересов государства в бюджетной сфере. Выявляются тенденции оптимизации процесса в России. Предлагаются актуальные и наиболее перспективные направления унификации развития гражданского процесса в целях снижения нагрузки на бюджетную систему государства: совершенствование и развитие упрощенных форм разрешения споров; исключение уклонения от уплаты государственной пошлины; устранение дублирующих функций на стадии исполнения судебных актов и др. Обосновывается необходимость для повышения эффективности гражданского процесса системно руководствоваться критериями обеспечения выполнения основной задачи суда – правильного и своевременного решения споров и экономии бюджетных средств, необходимых для обеспечения оптимального функционирования судебной системы.

Ключевые слова: гражданский процесс, экономика правосудия, эффективность, унификация, упрощенные формы разрешения споров, исполнительное производство, государственная пошлина.

Цитирование: Чуча С. Ю., Сорокин В. П. Унификация гражданского процесса как фактор снижения нагрузки на бюджетную систему Российской Федерации // Государство и право. 2025. № 8. С. 48–56.

Исследование выполнено в рамках НИР FMUZ-2024-0005 «Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции».

DOI: 10.31857/S1026945225080052

UNIFICATION OF THE CIVIL PROCESS AS A FACTOR IN REDUCING THE BURDEN ON THE BUDGETARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2025 S. Yu. Chucha^{1, *}, V. P. Sorokin^{2, **}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Arbitration Court of Moscow*

*E-mail: chuchaigpan@gmail.com

**E-mail: sor.vladislav2013@yandex.ru

Received 23.05.2025

Abstract. The article examines the optimization and unification of the civil process from the point of view of protecting the interests of the state in the budgetary sphere. Trends in the optimization of the process in Russia are identified. The current and most promising areas for the unification of the civil process in order to reduce the burden on the state budget system are proposed: improvement and development of simplified forms of dispute resolution; exclusion of evasion of payment of state duty; elimination of duplicating functions at the stage of execution of judicial acts, etc. The need to increase the efficiency of the civil process is substantiated by systematically being guided by the criteria for ensuring the fulfillment of the main task of the court – the correct and timely resolution of disputes and saving budget funds necessary to ensure the optimal functioning of the judicial.

Key words: civil process, economics of justice, efficiency, unification, simplified forms of dispute resolution, enforcement proceedings, state duty.

For citation: Chucha, S. Yu., Sorokin, V.P. (2025). Unification of the civil process as a factor in reducing the burden on the budgetary system of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 48–56.

The study was carried out within the framework of the research project FMUZ-2024-0005 “Institutions for the protection of state interests in the sphere of civil jurisdiction”.

В правовом государстве основополагающими выступают принципы разделения властей, независимости органов судебной власти и правомочности органов законодательной и исполнительной власти¹. Система судебных органов гарантирует постоянство основ конституционного строя², единство экономического пространства, соблюдение имущественных и неимущественных прав граждан и организаций, а также обеспечивает свободу экономической деятельности. Обеспечение стабильности, предсказуемости и эффективности судебной защиты напрямую влияет на стабильность гражданского оборота, реализацию государственной политики стимулирования инвестиций, развития российского бизнеса, что способствует укреплению экономики России³.

¹ См.: Савенков А. Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19.

² См.: Виноградова Е. В. Антитеза общепризнанных принципов и норм и государственной конституционной идентичности в современной полицентричной системе международных отношений // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 16. № 3. С. 28–40.

³ См.: Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции / под ред. Е. В. Михайловой. М., 2024.

Широкий круг мер, направленных на повышение эффективности государственной политики защиты прав, включает в себя изменения не только в структуре судебной власти, но и в деятельности органов судебного сообщества, а также новации процедур гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Судебная процессуальная форма рассмотрения дел в рамках цивилистического процесса очевидно меняется в сторону унификации⁴. В связи с этим одной из важнейших задач, разрешаемых нашим государством в последние в годы при реализации функции судебной защиты, закрепленной в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ⁵, является унификация гражданско-процессуальной, арбитражно-процессуальной и административно-процессуальной форм судебной защиты права, поскольку, согласно ч. 2 ст. 118 Конституции РФ,

⁴ См.: Михайлова Е. В., Летова Н. В., Соловяненко Н. И. и др. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74.

⁵ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.08.2024).

посредством именно этих нормативно закрепленных видов судопроизводства осуществляется разрешение гражданских, арбитражных и административных споров. В российской процессуальной доктрине указанные виды судопроизводства в целом образуют цивилистический процесс.

В новейшей отечественной истории многократно корректировалось законодательство, регулирующее цивилистический процесс⁶, что было необходимо как для повышения роли и статуса суда, так и для формирования новых судов и новых видов судопроизводства⁷. Принятие процессуальных кодексов, регулирующих гражданский, арбитражный и административный процессы, а также законов, регламентирующих судостроительство, происходило не одновременно и, к сожалению, не всегда системно, допуская неединообразное регулирование сходных правоотношений в рамках единого цивилистического процесса⁸.

С момента объединения Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ в 2014 г.⁹ работа по унификации цивилистического процесса как на законодательном уровне, так и в рамках судебной системы путем формирования общих правовых подходов и единообразной судебной практики, стала более активной и заметной. К наиболее значимым правовым документам, принятым в последнее десятилетие, можно отнести принципиально новый для отечественного цивилистического процесса Кодекс административного судопроизводства РФ¹⁰. В нем законодателем закреплены единые для гражданского и арбитражного процессов конституционные принципы правосудия, схожие отраслевые принципы и межотраслевые процессуальные институты, а также императивно-диспозитивный метод правового регулирования, характерный для гражданского и арбитражного

процессов. Одним из важнейших результатов реализации принятых в 2018 г. по инициативе Верховного Суда РФ в рамках проведенной «процессуальной реформы» изменений в законодательные акты¹¹ стало функционирование с 1 октября 2019 г. на всей территории Российской Федерации универсальной системы обжалования судебных актов, принимаемых судами при разрешении гражданских, арбитражных и административных споров в порядке апелляционного и кассационного обжалования с единой надзорной инстанцией¹². Президент России В.В. Путин, выступая на X Всероссийском съезде судей, отметил в качестве одного из знаковых результатов такой работы создание новых апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, особо подчеркнув, что это оправдано и с точки зрения повышения гарантий прав граждан в судебном процессе, и более тщательным выявлением и быстрым устранением судебных ошибок¹³. При этом и Президент РФ, и поддержавший его председатель Конституционного Суда РФ¹⁴ говорили об эффективной судебной защите как об основной цели, основном предназначении и главной функции суда.

Очевидно, что эффективное развитие отечественной судебной системы и цивилистического процесса невозможно без их унификации, при использовании лучшего исторического опыта, приемлемых и оправдавших себя международных практик, а также имплементации подтвержденных временем правовых позиций ВАС РФ. Очевидным свидетельством практической унификации цивилистического процесса является то, что основой для создания в рамках процессуальной реформы новой системы пересмотра судебных актов для судов общей юрисдикции послужила действующая с 2002 г. система пересмотра судебных актов в рамках арбитражного судопроизводства¹⁵. Можно в этой связи указать и на исключение из гражданского процесса принципа непрерывности судебного разбирательства,

⁶ См.: Михайлова Е.В. Предпосылки права на предъявление иска: современное состояние // Государство и право. 2023. № 8. С. 24–34; Галузо В.Н. О некоторых проблемах правового регулирования доказывания в гражданском процессе // Международный журнал гражданского и торгового права. 2018. № 1. С. 39–43; и др.

⁷ См.: Ефремова Н.Н. Суд в современном государстве: традиционные ценности и актуальные проблемы организации правосудия // Труды ИГП РАН. 2016. № 1. С. 81–89.

⁸ См.: Борисова Л.В., Летова Н.В., Соколова Т.В. и др. Обзор международной научной конференции «Цивилистические юбилеи» к столетию Н.С. Малеина «Юридическая ответственность и справедливость в цифровой среде» // Государство и право. 2021. № 7. С. 190–196; Жуйков В.М. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве // Журнал рос. права. 2010. № 7. С. 5–17.

⁹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6, ст. 548.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391.

¹¹ Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I), ст. 7523.

¹² См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.09.2019 № 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» // Росс. газ. 2019. 16 сент.

¹³ См.: Путин В.В. Выступление Президента Российской Федерации на X Всероссийском съезде судей // Судья. 2023. № 1. С. 3, 4.

¹⁴ См.: Зорькин В.Д. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации на X Всероссийском съезде судей // Там же. С. 9–11.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 24.07.2002 № 96-ФЗ «О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3013.

ранее закреплённого в ст. 157 ГПК РФ¹⁶; единообразного регулирования вопроса возбуждения дела в суде, а именно появления в арбитражном процессе института отказа в принятии заявления к производству¹⁷ (по аналогии со ст. 134 ГПК РФ), что исключило обязанность по принятию арбитражным судом заявлений, очевидно не относящихся к его компетенции; внедрение в гражданский и административный процессы возможности рассматривать споры с применением видеоконференций в порядке ст. 155.1, 155.2 ГПК РФ и 142, 142.1 КАС РФ (в арбитражном процессе данная возможность широко используется с 2010 г.¹⁸); введение с 2014 г. единого порядка и оснований для пересмотра судебных актов в рамках надзора для арбитражных судов и судов общей юрисдикции¹⁹.

Устранение этих и многих других различий в процессуальном законодательстве не только привело к унификации гражданского процесса, но и упростило доступ к правосудию, а также повысило эффективность судебных решений без увеличения нагрузки на бюджет Российской Федерации при сохранении качества рассмотрения судами гражданских, арбитражных и административных споров.

Учитывая современную динамику развития отечественного гражданского права, основанного, в том числе, на диспозитивном методе регулирования, способствующем активности граждан и юридических лиц в отстаивании своих прав и законных интересов в судебном порядке, а также традиционно высокое доверие российских и иностранных лиц, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации, к российской судебной системе, не следует ожидать снижения количества обращений в государственные суды в ближайшие годы.

Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ последних пяти лет говорит именно об этом. Так, в 2019 г. на рассмотрение в арбитражные суды и суды общей юрисдикции поступило 29 017 453 гражданских, арбитражных и административных дел, из которых было рассмотрено 27 714 573, в 2020 г. поступило 32 430 905 дел (рассмотрено 31 057 375), в 2021 г. — 32 470 003 (рассмотрено 30 994 870), в 2022 г. — 36 882 922

(рассмотрено 35 211 435), в 2023 г. поступило 36 871 069 (рассмотрено 35 146 023).

Наиболее перспективным вектором развития гражданского процесса, его оптимизации является унификация процесса путем разработки упрощённых форм разрешения споров. Речь идет о спорах, рассматриваемых в порядке упрощённого и приказного производства. В данном вопросе в полной мере сочетаются проблемы как оптимизации гражданского процесса, так и экономии бюджетных средств.

В системе арбитражных судов дела в порядке упрощённого производства рассматриваются более 20 лет, с момента принятия в 2002 г. Арбитражного процессуального кодекса РФ²⁰. За указанный период последовательно происходило увеличение как перечня дел, подлежащих рассмотрению в упрощённом порядке, так и предельного размера исковых требований. Существенные изменения 2012, 2016, 2019 и 2024 гг. привели к значительному увеличению количества дел, рассматриваемых упрощённо. При этом затраты на рассмотрение одного дела в среднем значительно уменьшились. Так, затраты, связанные с рассмотрением одного дела в Арбитражном суде города Москвы, в среднем снизились с 3067 руб. в 2011 г. до 1270 руб. в 2016 г. — более чем в два раза²¹.

В системе экономического правосудия с 2016 г. произошло увеличение как общего количества рассматриваемых дел, так и дел, рассмотренных по упрощённой процедуре (в порядке упрощённого и приказного производства). Если в 2016 г. было рассмотрено 250 345 дел, из них по упрощённой процедуре — 126 079, или 50.36% от общего количества рассмотренных дел, то по итогам 2023 г. их число достигло 288 180 дел, из них в порядке упрощённого и приказного производства — 170 553, что составляет 59.18%.

Успешная практика арбитражного суда была имплементирована в гражданское судопроизводство только в 2016 г.²² Столь длительное время потребовалось для переосмысления юридическим сообществом устоявшихся взглядов на гражданский процесс, его адаптивность к современным реалиям и эффективность при повышенной нагрузке на систему судов общей юрисдикции. В этой сфере

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 19.12.2016 № 435-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 52 (ч. V), ст. 7484.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4197.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 28.06.2014 № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3392.

²⁰ См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

²¹ См.: Лаптев В.А., Соловьяненко Н.И. Электронное правосудие. Электронный документооборот: науч.-практ. пособие / под ред. С.Ю. Чучи. М., 2019. С. 7–18; Судебная власть в системе защиты прав личности и государства / под ред. Е.В. Михайловой, А.А. Соловьёва, И.И. Бутрима. М., 2024. С. 20.

²² См.: Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 10, ст. 1319.

наибольшие опасения были связаны с возможностью соблюдения в рамках упрощенного производства функциональных принципов, исторически присущих гражданскому процессу, таких как законность, диспозитивность, равноправие сторон, состязательность и непосредственность. Опасения были связаны и с тем обстоятельством, что дела в упрощенном производстве по общему правилу рассматриваются судом без явки в суд спорящих сторон (ст. 232.2 ГПК РФ) и суд исследует письменные доказательства, представленные в требуемой законом форме и в установленный судом срок (ст. 232.3 ГПК РФ). Кроме того, необходимо было время на материально-техническое переоснащение судов общей юрисдикции и внедрение цифровых технологий, исключающих нарушения принципа равенства спорящих сторон²³. Теперь и Кодекс административного судопроизводства РФ также предусматривает возможность рассмотрения отдельных категорий административных дел в порядке упрощенного (письменного) судопроизводства (гл. 33).

Принятое в 2017 г. Верховным Судом РФ Постановление Пленума № 10, регулирующее вопросы рассмотрения споров в упрощенном порядке²⁴, закрепило единые правовые подходы для арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Постановление явилось еще одним значимым результатом унификации цивилистического процесса, а принятые в 2024 г. изменения в порядок решения дел о несостоятельности²⁵ придали новый импульс развитию данного института, разрешив давно назревшую проблему о возможности рассмотрения обособленных споров в «банкротных» делах в упрощенном порядке²⁶.

В свою очередь, в арбитражный процесс был имплементирован эффективный институт гражданского процесса — приказное производство.

Необходимость этого была связана в первую очередь с реформированием упрощенного производства. До 2012 г. арбитражными судами в порядке упрощенного производства рассматривались только бесспорные требования. Это фактически было соотносимо с приказным порядком рассмотрения бесспорных требований в гражданском судопроизводстве.

Возможность рассмотрения в упрощенном порядке полноценных судебных споров, а не только разрешения бесспорных требований, придавала импульс развитию данного института в арбитражном процессе. В 2020 г. Арбитражным судом города Москвы в порядке приказного производства рассмотрено 20 315 дел, в 2021 г. — 31 228, в 2022 г. — 36 754, в 2023 г. — уже 56 766.

Говоря об эффективном использовании бюджетных средств, следует особо подчеркнуть, что судебный приказ одновременно является и судебным актом, и исполнительным документом. Это позволяет исключить финансово затратный этап изготовления исполнительного листа. Кроме того, предусмотренная ч. 1 ст. 130 ГПК РФ, ч. 6 ст. 229.5 АПК РФ, ст. 123.8 КАС РФ возможность направления подписанного судьей усиленной электронной подписью приказа в электронном виде напрямую судебному приставу-исполнителю делает данный институт и более эффективным, и наименее затратным для расходной части бюджетной системы²⁷.

Важность развития упрощенной формы разрешения дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами была отмечена И.Л. Подносовой в ее первом официальном выступлении после вступления в должность председателя Верховного Суда РФ. Актуальность развития упрощенных форм судопроизводства в рамках цивилистического процесса находит свое подтверждение в мировых практиках. Например, возможность разрешения дел в порядке приказного производства закреплена в гражданском процессуальном законодательстве Беларуси²⁸, Казахстана²⁹, Кыргызстана³⁰; в при-

²³ См.: Соловяненко Н.И. Проблемы реализации и защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства // Государство и право. 2023. № 2. С. 188–193; Chucha S. Remote work as a method of labor protection in periods of public hazard // Supremacy of law. 2021. No 2. Pp. 141–150. DOI: 10.52388/2345-1971.2021.e2.12

²⁴ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Росс. газ. 2017. 25 апр.

²⁵ См.: Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ, 03.06.2024. № 23 (ч. I), ст. 3045.

²⁶ См.: Чуча С.Ю. Публичные и частные гарантии защиты заработной платы при несостоятельности работодателя // Публичные и частные начала правового регулирования в современном социальном государстве / под ред. А.В. Егорова, Т.С. Тарановой (гл. ред.). Минск, 2024. С. 28–33.

²⁷ См.: Чуча С.Ю. Для уменьшения нагрузки на суд упрощенной процедуры мало, требуется активное использование медиации и введение электронного исполнительного производства // Московский юрист. 2012. № 3. С. 6–11.

²⁸ См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь // Портал правовых актов // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900238> (дата обращения: 09.09.2024).

²⁹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан // Портал правовых актов // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053&pos=2;-106#pos=2;-106 (дата обращения: 09.09.2024).

³⁰ См.: Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики // Портал правовых актов // <https://cbd.minjust.gov.kg/111521/edition/3087/ru> (дата обращения: 09.09.2024).

казном и упрощенном порядке — Азербайджана³¹, Китая³² и др.

Однако унификация отечественного цивилистического процесса и экономия бюджетных средств, выделяемых на судебную систему, носят на практике не системный, а скорее — «секторальный» характер, направленный в первую очередь на возможность разрешения большего количества споров. Данное обстоятельство объясняет, что даже в упрощенных процедурах отечественного цивилистического процесса остаются и различия в регулировании сходных правоотношений, и просто излишние финансово затратные процедуры.

В качестве примера можно привести наличие в гражданском процессе института заочного производства (гл. 22 ГПК РФ), который отсутствует в арбитражном и административном процессах. Сложно объяснить необходимость сохранения данного института, закрепленного в гл. 16 ГПК РСФСР еще в 1995 г., при наличии исковой, упрощенной и приказной форм рассмотрения споров. Он едва ли соответствует современным требованиям эффективности судопроизводства, не способствует ни скорейшему рассмотрению дела, поскольку спор рассматривается в общем порядке (ст. 234 ГПК РФ), ни установлению в разумные сроки правовой определенности в споре, так как суд после принятия заочного решения по делу обязан вновь назначить судебное заседание для оценки доводов ответчика, положенных в основу своих возражений (ст. 240 ГПК РФ), а при их наличии отменить принятое заочное решение (ст. 243 ГПК РФ). При этом основные условия рассмотрения спора в заочном порядке (кроме согласия истца на рассмотрение в данном порядке) идентичны условиям рассмотрения спора в общеисковом порядке при отсутствии ответчика, который извещен о разбирательстве (ч. 4 ст. 167 ГПК РФ).

В качестве другого примера различного регулирования идентичных процессуальных действий суда в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве можно привести порядок взыскания государственной пошлины с должника в бюджет в рамках приказного производства (порядок, который исполняется во всех трех видах цивилистического процесса).

Если в Арбитражный процессуальный кодекс РФ в 2023 г. были внесены изменения³³, согласно которым арбитражный суд при взыскании государственной пошлины с должника в бюджет в рамках приказного производства изготавливает лишь дополнительный экземпляр судебного приказа (ч. 8 ст. 229.5), то в рамках гражданского процесса при аналогичных обстоятельствах суду необходимо выдавать исполнительный лист (ч. 2 ст. 130 ГПК РФ). Подобное положение существует и в административном процессе. Исполнение этой нормы является затратным как для судебной системы в части приложения дополнительных усилий судей и работников аппарата по изготовлению исполнительных листов, так и для бюджета Российской Федерации в части стоимости самих бланков исполнительных документов.

Материальный аспект не должен препятствовать обращению в суд граждан, нуждающихся в повышенной социальной защите — несовершеннолетних и их представителей, ветеранов, пенсионеров, работников по трудовым договорам и др.³⁴ Помимо увеличения размера государственной пошлины³⁵ прежде всего необходимо осуществление иных мер, направленных на снижение нагрузки на суды и уменьшение расходов бюджета. Одной из таких мер является реформирование института предоставления судом отсрочки (рассрочки) оплаты государственной пошлины при обращении в суд. И в первую очередь речь идет об арбитражном судопроизводстве.

По нашему мнению, перечень оснований, с учетом которых судом может быть предоставлена отсрочка (рассрочка) оплаты государственной пошлины при обращении в арбитражный суд по экономическим спорам, должен быть исчерпывающим и минимальным. Следует исходить из того, что само по себе отсутствие денежных средств на счете истца либо введение в отношении истца

³³ См.: Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I), ст. 48.

³⁴ См., напр.: *Летова Н. В.* Особенности правосубъектности детей // Государство и право. 2023. № 10. С. 125–132; *Маликов С. В., Чуча С. Ю.* Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации (обзор международной научно-практической конференции) // Государство и право. 2024. № 2. С. 207–213; *Летова Н. В.* Особенности защиты прав ветеранов труда при назначении им отдельных социальных выплат // Закон. 2024. № 6. С. 171–177; *Ее же.* Меры социальной поддержки ветеранов труда: особенности защиты прав при назначении и утрате // Государство и право. 2025. № 6. С. 109–119.

³⁵ См.: Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I), ст. 4955.

³¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Азербайджанской Республики // Портал правовых актов // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420065&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения 09.09.2024).

³² См.: Гражданский процессуальный кодекс Китайской Народной Республики // Портал правовых актов // <http://legalway.ru/iss09.php> (дата обращения: 09.09.2024).

процедуры наблюдения не может являться основанием для освобождения от обязательств, принятых на себя коммерческой организацией, так как она осуществляет свою деятельность самостоятельно и на свой риск. Коммерческая организация несет все риски появления неблагоприятных последствий предпринимательской деятельности.

Конституционное право на судебную защиту предполагает не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме эффективного восстановления нарушенных прав и свобод. Раздел VII ГПК РФ, разд. VII АПК РФ и разд. VIII КАС РФ содержат чрезмерный объем дублирующих процессуальных функций суда. Речь идет о процессуальных вопросах, рассматриваемых судом после разрешения спора. По итогу 2023 г. на стадии исполнительного производства только системой арбитражных судов рассмотрено 95 013 заявлений, из них Арбитражным судом города Москвы — 14 369. По большей части эти заявления рассматриваются судами по общим правилам: с выходом судьи в заседание, извещением сторон, ведением протокола и обжалованием состоявшихся актов, что также является дополнительной нагрузкой на судебную систему.

Однако часть дублируемых полномочий может быть разрешена в процессе исполнения судебных актов силами судебных приставов-исполнителей. Фактически на стадии исполнительного производства такие вопросы, как приостановление, прекращение, возобновление исполнительного производства в настоящий момент в зависимости от оснований разрешаются и судом, и судебным приставом-исполнителем согласно положениям ст. 39, 40, 43–45 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ. «Об исполнительном производстве»³⁶. В целях достижения большей эффективности и оперативности исполнительного производства целесообразно передать перечисленные, а также вопросы отсрочки, рассрочки, изменения порядка и способа исполнения судебных актов, правопреемства на стадии исполнительного производства в ведение Федеральной службы судебных приставов при условии одновременного повышения ответственности судебного пристава-исполнителя и роли суда в процессе рассмотрения заявлений в порядке ст. 329, 330, 441, 442 АПК РФ.

* * *

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть необходимость системно руководствоваться двумя критериями для повышения эффективности цивилистического процесса:

обеспечения выполнения основной задачи суда — правильного и своевременного решения споров;

экономии бюджетных средств, необходимых для обеспечения оптимального функционирования судебной системы.

Средняя стоимость рассмотрения дела очевидно не должна стать ведущим показателем, определяющим судебную политику, а тем более — оценку деятельности судов и судей. Однако при решении проблем финансирования судебной системы и ее элементов, отнесения к судебной подведомственности тех или иных вопросов, регламентации процессуальной стороны рассмотрения судебных дел, внедрения современных достижений науки и технологий в практику правосудия этот экономический показатель будет не бесполезен.

Дальнейшее развитие и унификация цивилистического процесса, исключение дублирования схожих функций с иными органами позволит уменьшить нагрузку на судебную систему, повысить эффективность рассмотрения споров, сократить сроки исполнения судебных актов, оптимизировать и даже снизить бюджетные расходы на обеспечение правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Л. В., Летова Н. В., Соколова Т. В. и др. Обзор международной научной конференции «Цивилистические юбилеи» к столетию Н. С. Малеина «Юридическая ответственность и справедливость в цифровой среде» // Государство и право. 2021. № 7. С. 190–196.
2. Виноградова Е. В. Антитеза общепризнанных принципов и норм и государственной конституционной идентичности в современной полицентричной системе международных отношений // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 16. № 3. С. 28–40.
3. Галузо В. Н. О некоторых проблемах правового регулирования доказывания в гражданском процессе // Международный журнал гражданского и торгового права. 2018. № 1. С. 39–43.
4. Ефремова Н. Н. Суд в современном государстве: традиционные ценности и актуальные проблемы организации правосудия // Труды ИГП РАН. 2016. № 1. С. 81–89.
5. Жуйков В. М. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве // Журнал рос. права. 2010. № 7. С. 5–17.
6. Зорькин В. Д. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации на X Всероссийском съезде судей // Судья. 2023. № 1. С. 9–11.
7. Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции / под ред. Е. В. Михайловой. М., 2024.
8. Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Электронное правосудие. Электронный документооборот: науч.-практ. пособие / под ред. С. Ю. Чучи. М., 2019. С. 7–18.

³⁶ См.: СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

9. *Летова Н. В.* Меры социальной поддержки ветеранов труда: особенности защиты прав при назначении и утрате // Государство и право. 2025. № 6. С. 109–119.
10. *Летова Н. В.* Особенности защиты прав ветеранов труда при назначении им отдельных социальных выплат // Закон. 2024. № 6. С. 171–177.
11. *Летова Н. В.* Особенности правосубъектности детей // Государство и право. 2023. № 10. С. 125–132.
12. *Маликов С. В., Чуча С. Ю.* Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации (обзор международной научно-практической конференции) // Государство и право. 2024. № 2. С. 207–213.
13. *Михайлова Е. В.* Предпосылки права на предъявление иска: современное состояние // Государство и право. 2023. № 8. С. 24–34.
14. *Михайлова Е. В., Летова Н. В., Соловяненко Н. И. и др.* Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74.
15. *Путин В. В.* Выступление Президента Российской Федерации на X Всероссийском съезде судей // Судья. 2023. № 1. С. 3, 4.
16. *Савенков А. Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19.
17. *Соловяненко Н. И.* Проблемы реализации и защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства // Государство и право. 2023. № 2. С. 188–193.
18. Судебная власть в системе защиты прав личности и государства / под ред. Е. В. Михайловой, А. А. Соловьёва, И. И. Бутрима. М., 2024. С. 20.
19. *Чуча С. Ю.* Для уменьшения нагрузки на суд упрощенной процедуры мало, требуется активное использование медиации и введение электронного исполнительного производства // Московский юрист. 2012. № 3. С. 6–11.
20. *Чуча С. Ю.* Публичные и частные гарантии защиты заработной платы при несостоятельности работодателя // Публичные и частные начала правового регулирования в современном социальном государстве / под ред. А. В. Егорова, Т. С. Тарановой (гл. ред.). Минск, 2024. С. 28–33.
21. *Chucha S.* Remote work as a method of labor protection in periods of public hazard // Supremacy of law. 2021. No 2. Pp. 141–150. DOI: 10.52388/2345–1971.2021.e2.12
- relations // Proceedings of the IGP RAS. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 28–40 (in Russ.).
3. *Galuzo V. N.* On some problems of the legal regulation of evidence in civil proceedings // International Journal of Civil and Commercial Law. 2018. No. 1. Pp. 39–43 (in Russ.).
4. *Efremova N. N.* The court in the modern state: traditional values and current problems of the organization of justice // Proceedings of the IGP RAS. 2016. No. 1. Pp. 81–89 (in Russ.).
5. *Zhuikov V. M.* General concept of the development of procedural legislation and legislation on the judicial system // Journal of Russ. law. 2010. No. 7. Pp. 5–17 (in Russ.).
6. *Zorkin V. D.* Speech of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation at the X All-Russian Congress of Judges // Judge. 2023. No. 1. Pp. 9–11 (in Russ.).
7. Institutions for the protection of state interests in the field of civil jurisdiction / ed. by E. V. Mikhailova. M., 2024 (in Russ.).
8. *Laptev V. A., Solovyanenko N. I.* Electronic justice. Electronic document management: scientific and practical manual / ed. by S. Yu. Chucha. M., 2019. Pp. 7–18 (in Russ.).
9. *Letova N. V.* Measures of social support for labor veterans: features of protection of rights in appointment and loss // State and Law. 2025. No. 6. Pp. 109–119 (in Russ.).
10. *Letova N. V.* Features of protection of the rights of labor veterans when assigning them separate social benefits // Law. 2024. No. 6. Pp. 171–177 (in Russ.).
11. *Letova N. V.* Features of the legal personality of children // State and Law. 2023. No. 10. Pp. 125–132 (in Russ.).
12. *Malikov S. V., Chucha S. Yu.* Intersectoral protection of labor and social rights in the context of social transformation (review of the International Scientific and Practical Conference) // State and Law. 2024. No. 2. Pp. 207–213 (in Russ.).
13. *Mikhailova E. V.* Prerequisites for the right to file a claim: the current state // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 24–34 (in Russ.).
14. *Mikhailova E. V., Letova N. V., Solovyanenko N. I. et al.* Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor rights in the context of globalization and digitalization of the state and society // State and Law. 2022. No. 9. Pp. 66–74 (in Russ.).
15. *Putin V. V.* Speech of the President of the Russian Federation at the X All-Russian Congress of Judges // Judge. 2023. No. 1. Pp. 3, 4 (in Russ.).
16. *Savenkov A. N.* The global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // State and Law. 2019. No. 4. Pp. 5–19 (in Russ.).
17. *Solovyanenko N. I.* Problems of realization and protection of the rights of participants in economic relations in the context of digital inequality // State and Law. 2023. No. 2. Pp. 188–193 (in Russ.).
18. Judicial power in the system of protection of the rights of the individual and the state / ed. by E. V. Mikhailova, A. A. Solovyov, I. I. Butrim. M., 2024. P. 20 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Borisova L. V., Letova N. V., Sokolova T. V. et al.* Review of the international scientific conference “Civilistic anniversaries” dedicated to the centenary of N. S. Malein “Legal responsibility and justice in the digital environment” // State and Law. 2021. No. 7. Pp. 190–196 (in Russ.).
2. *Vinogradova E. V.* The antithesis of universally recognized principles and norms and state constitutional identity in the modern polycentric system of international

19. *Chucha S. Yu.* To reduce the burden on the court, simplified procedures are not enough, active use of mediation and introduction of electronic enforcement proceedings // *Moscow Lawyer*. 2012. No. 3. Pp. 6–11 (in Russ.).
20. *Chucha S. Yu.* Public and private guarantees of wage protection in case of employer insolvency // *Public and private principles of legal regulation in a modern welfare state* / ed. by A.V. Egorov, T.S. Taranova (chief editors). Minsk, 2024. Pp. 28–33 (in Russ.).
21. *Chucha S.* Remote work as a method of labor protection in periods of public hazard // *Supremacy of law*. 2021. No 2. Pp. 141–150. DOI: 10.52388/2345-1971.2021.e2.12

Сведения об авторах

ЧУЧА Сергей Юрьевич —

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
процессуального права,
руководитель междисциплинарного Центра
правовых исследований в области трудового
права и права социального обеспечения
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

СОРОКИН Владислав Петрович —

кандидат юридических наук,
судья, председатель судебного состава
Арбитражного суда города Москвы;
115225 г. Москва, ул. Большая Тульская, д. 17;
заместитель председателя Совета судей
города Москвы, доцент кафедры правового
обеспечения рыночной экономики отделения
«Высшая школа правоведения»
факультета государственного
и муниципального управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Authors' information

CHUCHA Sergey Y. —

Doctor of Law, Professor,
Chief Research Scientist of the Sector of Trial Law,
Chief of the Interdisciplinary
Center for Legal Research
of Labor Law and Social Security Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

SOROKIN Vladislav P. —

PhD in Law,
Judge, Chairman of the Panel of Judges
of the Arbitration Court of the City of Moscow;
17 B. Tulskaia str., 115225 Moscow, Russia;
Deputy Chairman of the Council of Judges
of the City of Moscow, Associate Professor
of the Department of Legal Support
of the Market Economy of the Department
“Higher School of Law”, Faculty of Public
and Municipal Administration
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

УДК 346.1

О КОДИФИКАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (окончание)¹

© 2025 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 21.05.2025 г.

Аннотация. Рассматривается проблематика совершенствования предпринимательского законодательства Российской Федерации путем его кодификации. В историческом плане проблематика кодификации хозяйственного законодательства исследовалась учеными сектора хозяйственного права Института государства и права АН СССР под руководством В.В. Лаптева, были разработаны проекты Хозяйственного кодекса СССР (проекта основных положений) 1970 г.; Основ хозяйственного законодательства СССР 1975 г.; Хозяйственного кодекса СССР 1984 г.; Предпринимательского кодекса РФ 1994 г.

Необходимость принятия Предпринимательского кодекса РФ в настоящее время очевидна: предпринимательское законодательство огромно, объемно, чрезвычайно подвижно, не систематизировано, не имеет единого стержня и т.п., а его кодификация — наилучший способ его совершенствования, несопоставимый по эффективности ни с его консолидацией, ни с его инкорпорацией.

Основное внимание уделено современной проблематике кодификации предпринимательского законодательства в Российской Федерации. Рассмотрены вкратце кодифицированные акты в сфере предпринимательских отношений тех государств — бывших союзных республик СССР, где они есть. Уделено внимание необходимости концептуальной проработки фундаментальных — для проекта Предпринимательского кодекса РФ — проблем: отделения предпринимательских отношений от смежных; определения пределов предмета предпринимательских правоотношений, подлежащих кодификации; особенностей отдельных институтов предпринимательского права (контрольно-надзорной деятельности; права собственности; охраны предпринимательских прав, прежде всего в сфере критически важных технологий; территориальных образований с особым правовым режимом предпринимательской деятельности; регулирующих на стратегическом уровне документов по экономическому развитию на перспективу и др.), структуры кодекса с позиции его системного построения.

По мнению автора, научная разработка проекта этого Кодекса должна вестись в рамках госзаказа, с предварительным решением названных концептуальных проблемных вопросов.

¹ Начало см.: Государство и право. 2025. № 7. С. 62–77.

Ключевые слова: хозяйственное и предпринимательское законодательство, кодификация, система и структура проекта Предпринимательского кодекса РФ.

Цитирование: Клеандров М.И. О кодификации предпринимательского законодательства Российской Федерации (окончание) // Государство и право. 2025. № 8. С. 57–67.

DOI: 10.31857/S1026945225080062

ON THE CODIFICATION OF ENTREPRENEURIAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION (the end)²

© 2025 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mklean@bk.ru

Received 21.05.2025

Abstract. The issues of improving the entrepreneurial legislation of the Russian Federation through its codification are considered. In historical terms, the problems of codification of economic legislation were studied by scientists of the economic law sector of the Institute of State and of the USSR Academy of Sciences under the leadership of V.V. Laptev, projects were developed the USSR Economic Code (draft basic provisions) 1970; Fundamentals of economic legislation of the USSR 1975; Economic Code of the USSR 1984; Entrepreneurial Code of the Russian Federation 1994.

The need to adopt the Entrepreneurial Code of the Russian Federation is currently obvious: entrepreneurial legislation is huge, voluminous, extremely mobile, non-systematic, does not have a single core, etc., and its codification is the best way to improve it, incomparable in efficiency either with its consolidation or with its incorporation.

The main attention is paid to the current problems of codification of entrepreneurial legislation in the Russian Federation. Briefly considered codified acts in the field of entrepreneurial relations of those states – the former Union republics of the USSR, where they are. Attention was paid to the need for conceptual study of fundamental – for the draft Entrepreneurial Code of the Russian Federation – problems: separation of entrepreneurial relations from related ones; determining the limits of the subject of entrepreneurial legal relations subject to codification; peculiarities of individual institutions of Entrepreneurial Law (control and supervisory activities; property rights; protection of business rights, primarily in the field of critical technologies; territorial entities with a special legal regime of entrepreneurial activity; strategic documents on economic development for the future, etc.), the structure of the code from the standpoint of its systematic construction.

According to the author, the scientific development of the draft of this Code should be carried out within the framework of the state order, with a preliminary solution of these conceptual problematic issues.

Key words: economic and entrepreneurial legislation, codification, system and structure of the draft Entrepreneurial Code of the Russian Federation.

For citation: Kleandrov, M.I. (2025). On the codification of entrepreneurial legislation of the Russian Federation (the end) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 57–67.

Не менее значимой является проблематика отдельных институтов и даже отдельных субъектов права с точки зрения необходимости отчетливого ответа на вопросы: здесь речь идет ли о предпринимательском праве (причем вопрос: в полном ли объеме или частично), а если да, то подлежат ли они включению в будущий Предпринимательский кодекс РФ?

Так, в предпринимательской деятельности весьма важен контроль и надзор, эффективность которого оставляет желать лучшего. В целом здесь правовое регулирование основано на Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 21 декабря 2023 г. № 3745-р. Она направлена на формирование единого подхода к дальнейшему совершенствованию контрольной

² See: State and Law. 2025. No. 7. Pp. 62–77.

(надзорной) деятельности в Российской Федерации и содержит 63 позиции.

Действуют здесь и соответствующие федеральные законодательные акты, в частности — Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 234-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля»³ с большим количеством корректировок, последняя из которых произведена Федеральным законом от 21 апреля 2025 г. № 98-ФЗ⁴.

В обиходе деятельность по упорядочению контрольно-надзорной деятельности получила наименование «регуляторная гильотина», что означало устранение из «сонмища» нормативных правовых актов, регулирующих ее, устаревших, излишних, а подчас абсурдных актов. Но проблема шире и глубже, в конечном счете она упирается в отсутствие «Закона о законах». Еще в 2021 г. в Институте государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ была — повторно (! — *М.К.*) проанализирована сложность российских законов, и было отмечено, что они год от года становятся сложнее для восприятия из-за длины предложений, обилия причастных оборотов и других сложностей текста⁵. К примеру, само наименование Постановления Правительства от 7 сентября 2021 г. № 1516 состоит более чем из 120 (! — *М.К.*) слов, хотя текст его помещается не менее чем на трех страницах⁶. А ведь развитие федеральных законов и постановлений Правительства РФ непрерывно сопровождается и развивается ведомственными и локальными правовыми актами, которые серьезно влияют на саму предпринимательскую деятельность.

Словом, институт правового обеспечения контрольно-надзорной деятельности в сфере предпринимательской деятельности должен быть закреплён в будущем Предпринимательском кодексе РФ, став там соответствующим стержнем данной группы правоотношений.

Серьезную научную проблему, требующую для ее решения в вопросе кодификации предпринимательского законодательства фундаментальной проработки, представляет собой право собственности — во всей широчайшей своей палитре. Помимо соответствующих положений в Гражданском кодексе РФ о праве собственности эти вопросы

регулирует немало число иных правовых актов, например Указ Президента РФ от 25 апреля 2023 г. № 302 «О временном управлении некоторым имуществом»⁷; постановление Правительства РФ от 17 июля 2025 г. № 719 «О подтверждении производства российской промышленной продукции», немало число актов, регулирующих вопросы перераспределения государственной и муниципальной собственности⁸, и т.д. Проблемы права собственности нередко становятся предметом рассмотрения судебных органов. Так, Верховный Суд РФ рассмотрел споры: о правомерности изъятия Правительством Рязанской области у предпринимателя фермера участка земли в публичных интересах, впоследствии переданных частному заводу⁹; спор между фермерами и цементным заводом об условиях изъятия и передачи сельхозземель недропользователю для государственных нужд¹⁰; Конституционный Суд РФ проверил конституционность ряда положений Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» (постановление от 24.04.2025 № 17-П¹¹) и т.д.

Немало нерешенных проблем имеется в части интеллектуальной собственности, цифровых активов (банк в 2020 г. «выдал кредит настоящими живыми деньгами под залог цифровых активов: блокчейн-токенов»)¹²; экологических нарушений и др.

Но особенно проблематичным представляется вопрос о праве собственности на покоящиеся в недрах земли полезные ископаемые — запасы углеводородов, редкоземельных металлов и множества других материальных ценностей, еще геологически не открытых и, следовательно, не зарегистрированных. Базовый вопрос: кому они принадлежат? Вроде бы это вопрос конституционного уровня, где ответ на него и должен быть провозглашен...

Но в ст. 11 гл. 2 «Экономическая система» Конституции СССР 1977 г., в ее первоначальной редакции, провозглашалось: «В исключительной собственности государства находятся: земля, ее недра (! — *М.К.*), воды, леса». А абз. 3 ст. 10 гл. 2 «Экономическая система» той же Конституции (в ред. Закона СССР от 14.03.1990 № 1360-1) провозгласил:

⁷ См.: Росс. газ. 2023. 27 апр.

⁸ См. подр.: Емелькина И.А. Перераспределение государственной и муниципальной собственности: правовые проблемы и тенденции развития законодательства // Законы России. 2020. № 2. С. 22—28.

⁹ См. подр.: Назаренко Я., Занина А. Госнужды без границ // Коммерсантъ. 2025. 28 марта.

¹⁰ См. подр.: Назаренко Я., Меруалова А. Цемент уступил огородам. Верховный Суд ограничил изъятие государством земель у частных собственников // Коммерсантъ. 2025. 29 апр.

¹¹ См.: Росс. газ. 2025. 7 мая.

¹² См. подр.: Куликов В. Поручились за цифру. Впервые выдан кредит под залог цифровых активов // Росс. газ. 2020. 7 сент.

³ См.: СЗ РФ. 2008. № 52, ст. 6249.

⁴ См.: Росс. газ. 2025. 25 апр.

⁵ См.: Винокуров А., Веретенникова К. Если понят, то не так. Российские законы слишком сложны даже для их авторов // Коммерсантъ. 2021. 5 апр.

⁶ См.: Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.04.2025).

«Земля, ее недра (! — *М.К.*), воды, растительный и животный мир в их естественном состоянии (! — *М.К.*) являются неотъемлемым достоянием народов, проживающих на данной территории, находятся в ведении Советов народных депутатов и предоставляются для использования гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям». И так было до 12 декабря 1993 г. А ч. 2 ст. 9 гл. 1 «Основы конституционного строя» (! — *М.К.*) Конституции РФ 1993 г. провозгласила: «Земля и другие природные ресурсы могут (!!! — *М.К.*) находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

Большую размытость и неопределенность конституционного регулирования вопросов права собственности на природные ресурсы представить трудно (если вообще возможно). Ведь эти конституционные нормы являются фундаментом последующего законодательного и иного правового регулирования вопросов права собственности на природные ресурсы. Получается, что еще 11 декабря 1993 г. природные ресурсы, включая геологически не открытые, являлись общенародным достоянием, а уже 13 декабря 1993 г. утеряли своего собственника, ибо никак иначе нельзя понимать формулу «могут находиться в частной (в первую очередь? — *М.К.*), государственной, муниципальной и иных формах собственности». И это не «у семи нянек дитя без глаза», это утрата (сознательная ли?) изначального собственника — народа. А поскольку данное конституционное положение закреплено в первой, неисправляемой главе Конституции РФ, исправить положение с изначальным собственником на природные ресурсы, правомочным распоряжаться ими и передавать их структурам, функционирующим на основе различных форм собственности, без разработки и принятия новой Конституции нашего государства невозможно.

Впрочем, это обстоятельство не воспрепятствует на основе фундаментальной проработки проблем права собственности в предпринимательской сфере инкорпорировать эти достижения в будущий Предпринимательский кодекс РФ. Но не включить их в данный Кодекс принципиально невозможно.

Далее: важным институтом системы предпринимательского законодательства, достойным (и необходимым) включения в Предпринимательский кодекс РФ должен стать институт охраны предпринимательских прав. Традиционно схожим с ним был институт защиты хозяйственных (предпринимательских) прав, но он регулирует отношения по защите уже нарушенных либо оспариваемых прав и законных интересов субъектов хозяйствования (предпринимательских отношений). В настоящее время институт защиты (внесудебных, досудебных и судебных

форм) эффективен и должен найти соответствующее место в Предпринимательском кодексе РФ.

Тогда как институт охраны предпринимательских прав представляет собой регулирование отношений в сфере профилактических (и пограничных с ними) отношений, обеспечивающих предотвращение названных нарушений прав, и автором этих строк необходимость его была обоснована¹³.

Проблемных вопросов, требующих соответствующего правового обеспечения, здесь немало, в том числе в сфере критически важных технологий, например перевод критической информационной инфраструктуры субъектов предпринимательской деятельности на отечественный «софт». Значимы и проблемы по обеспечению соответствующей информационной безопасности, прежде всего на объектах оборонного комплекса, транспорта, энергетики... Определенная законодательная база здесь есть. Это — Стратегия экономической безопасности России на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208); Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹⁴; Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁵ и др. Особенно опасны киберугрозы объектам промышленности — в 2024 г. четверть организаций во всем мире фиксировали атаки, которые управлялись непосредственно людьми, и подобные инциденты составили 43% событий высокой критичности (чреватой авариями), что на 74% больше показателей 2023 г.¹⁶

В структуру института охраны прав входит и регулирование вопросов безопасности работников, особенно на вредных и опасных производствах. В СМИ отмечается: «Работодатели пожаловались Правительству на дефицит сертифицирующих органов, возникший после реформирования их деятельности, и вызванную этим невозможность обеспечивать работников на вредных и опасных

¹³ См.: Клеандров М. И. О необходимости института охраны прав предпринимательских структур в системе предпринимательского права // Государство и право. 2021. № 8. С. 7–20.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2017. № 31, ст. 4736.

¹⁵ См.: Росс. газ. 2025. 4 апр.

¹⁶ См.: Семенов Е. Защита по правилам. От каких киберугроз могут пострадать промышленные предприятия // Росс. газ. 2025. 29 апр.

производствах обязательными средствами индивидуальной защиты»¹⁷.

И конечно же, в структуру названного института входит и регулирование отношений по минимизации рисков в сфере охраняемых предпринимательских прав, в частности — их страхование. А видов этих рисков много — политические, производственные, коммерческие, финансовые, технические, отраслевые, инновационные... В научной периодике 2022 г. отмечалось: составлен перечень из 105 универсальных рисков; сформирован рейтинг наиболее опасных рисков событий и разработаны инструментарий управления рисками в IT-проектах. При этом обнаружено, что возможный благоприятный эффект от наступления всего двух позитивных рисков перекрывает возможный суммарный ущерб от 42 негативных¹⁸.

Вся объемная правовая регуляторика относительно охраны предпринимательских прав требует радикального приведения в единую систему и включения в виде отдельного института в структуру Предпринимательского кодекса РФ. Но в какую его часть (или в обе, или в три) — вопрос открытый.

Серьезной проблемой является и неопределенность в вопросе о включении в будущий Предпринимательский кодекс территориальных образований с особым с точки зрения правового регулирования режимом предпринимательской деятельности. В период советской власти территориальными образованиями были совнархозы, территориальные хозяйственные системы и др., где предпринимались попытки органического сочетания территориальных и отраслевых начал в управлении региональной экономикой. Что было естественным для плановой экономики, и в определенной мере удавалось, поскольку решения оперативно-управленческого уровня принимались зачастую партийными органами.

В рыночной же экономике ситуация иная. Хотя общая проблема обеспечения высокой эффективности предпринимательской деятельности в условиях органического сочетания отраслевых и территориальных начал в различного рода территориальных образованиях сохранилась, а кое в чем и усугубилась.

Вместе с тем очевидно, что прежний исторический, советского периода, опыт решения обозначенной проблемы, сегодня для нас практически неприемлем, по крайней мере в вопросе

формирования проекта Предпринимательского кодекса РФ.

В настоящее время в России важным для правового обеспечения предпринимательской деятельности в территориальных образованиях являются: Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р); Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»¹⁹; Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации»²⁰; Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»»²¹; Федеральный закон от 24.06.2023 № 266-ФЗ «О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»²² и др.

Проблематика правового обеспечения предпринимательской деятельности в территориальных образованиях подвергается научным исследованиям, как с частноправовых²³, так и с публично-правовых позиций²⁴.

Разновидностей территорий с особым предпринимательским правовым режимом много, это: особые экономические зоны, свободные экономические зоны, зоны территориального развития, инновационные научно-технологические центры, технопарки, технополисы, промышленные парки, моногорода и т.д. Проявляющая их часть обладает соответствующим нормативно-правовым обеспечением. Но некоторые уже определенным критериям не соответствуют. Например, в 2024 г. в стране насчитывался 321 населенный пункт — моногорода, однако, как отметил заместитель Министра экономики РФ Д.С. Вахруков, большинство из них уже не соответствует критерию монопрофильности, когда от 20% занятого населения работают на градообразующем предприятии²⁵.

¹⁹ См.: СЗ РФ. 2005. № 30, ст. 3127.

²⁰ См.: СЗ РФ. 2015. № 1, ст. 26.

²¹ См.: Росс. газ. 2020. 25 дек.

²² См.: Росс. газ. 2023. 21 июня.

²³ См., напр.: Черешнева И.А. Территория с особым (специальным) режимом осуществления предпринимательской деятельности (частноправовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

²⁴ См., напр.: Ешукова О.А. Территория с особым публично-правовым статусом как фактор федеративной политики России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 36–45.

²⁵ См.: Вышутевич В. Моногорода опять пересчитают // Росс. газ. 2024. 29 нояб.

¹⁷ Мануйлова А., Галиева Л. Разрешениям не хватило мощности. Бизнес усомнился в результатах реформы системы сертификации // Коммерсантъ. 2025. 28 марта.

¹⁸ См.: Колесова О. С надеждой на риск. Предложен новый подход к управлению проектами // Поиск. 2022. № 30–31.

Но нет, например, территорий с явно выраженным особым инвестиционным климатом, привлекательным для крупных зарубежных инвестиций, который — вне всяких сомнений — должен иметь особый судебный орган для разрешения принципиально значимых или крупных инвестиционных споров с участием зарубежных инвесторов.

Особую тревогу вызывают территории с высоким научно-техническим потенциалом — академгородки и наукограды. В периодической печати отмечается, что «территории с высоким научно-техническим потенциалом чрезвычайно важны, но государственная политика в области их развития, к сожалению, отсутствует»²⁶; «отсутствие субъектности у Академгородка (нет никакого нормативно-правового понятия “Академгородок”) влечет за собой ряд ключевых проблем: нет единого центра принятия решений и, как следствие, эффективной системы управления»²⁷.

Словом, проблематика территорий с особым предпринимательско-правовым режимом требует предварительной серьезной фундаментальной научно-правовой проработки — при формировании структуры и содержания будущего Предпринимательского кодекса РФ.

Основательной научной проработки требует вопрос о включении в Предпринимательский кодекс РФ актов стратегического уровня в сфере экономического развития нашего государства на перспективу. С одной стороны, считать их федеральными законодательными актами, открывающими регулирование отраслевых институтов Особенной частью Предпринимательского кодекса, не представляется возможным, это очевидно. Вряд ли уместно рассматривать их и в качестве аналога общесоюзным директивным плановым актам, определяющим — в цифровых показателях — векторы развития тех или иных отраслей народного хозяйства СССР. А с другой стороны, эти документы сегодня определяют вектор развития экономики Российской Федерации в целом и ее отдельных секторов на перспективу, а значит, ставят задачи развития соответствующих законодательных и иных нормативно-правовых актов, включая ведомственные и локальные.

В частности, это стратегические документы:

1) общеэкономического профиля: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О стратегии научно-технологического

развития Российской Федерации»); Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р); Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»); Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»); Концепция технологического развития на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»);

2) отраслевого экономического профиля: Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 06.06.2020 № 1512-р); Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р); Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 11.07.2024 № 1838-р) и др.;

3) территориального экономического профиля — Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»);

4) межотраслевого экономического профиля (межотраслевые стратегии): Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 24.11.2023 № 3339-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года»); Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р), обеспечивающая реализацию в сфере энергетики положений Доктрины

²⁶ Колесова О. Стремление к обособлению // Поиск. 2023. № 36.

²⁷ Николаенко А. Магнит вместо пылесоса. Как вернуть притягательность Новосибирскому Академгородку? // Поиск. 2024. № 6.

энергетической безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации»); Климатическая доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации»); Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р); Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р); Стратегическое направление в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 12.03.2024 № 581-р).

Учитывая роль и значение энергетического сектора народного хозяйства в экономике современной России, то обстоятельство, что эти роль и значение в будущем будут только возрастать, и то, что законодательно-нормативная база энергетики огромна и недостаточно сбалансирована вследствие отсутствия единого правового стержня, есть основания считать целесообразным кодифицировать само энергетическое законодательство. Что потребует дополнительных научно-правовых исследований в области взаимоотношений Предпринимательского кодекса РФ и Энергетического кодекса РФ. Правда, с учетом того важного обстоятельства, что определенная научная проработка проблемы кодификации энергетического законодательства уже проведена²⁸.

Но как совершенствовать энергетическое законодательство на перспективу? Ведь Энергетическая стратегия РФ на период до 2050 года содержит пять возможных сценариев развития энергетики, положенных в основу прогнозных оценок развития российского топливно-энергетического комплекса: инерционный, целевой, стресс-сценарий, сценарий технологического потенциала и сценарий ускоренного энергетического перехода.

В стресс-сценарии предполагается значительное снижение производственных показателей отраслей топливно-энергетического комплекса на фоне сокращения экспортных возможностей и общего ухудшения внешних условий его

функционирования, в том числе при возможном усилении неправомерных односторонних ограничительных мер в отношении российского топливно-энергетического комплекса, и ускорение темпов декарбонизации. Инерционный сценарий предполагает сохранение сложившихся трендов и действующих подходов в отраслях топливно-энергетического комплекса без значительных инвестиций в их развитие. Он отражает консервативные предпосылки развития ТЭК и предполагает сохранение текущих трендов и регулирования. Целевой сценарий (приоритетный вариант) учитывает реализацию мероприятий для сбалансированного развития отраслей топливно-энергетического комплекса с учетом оптимального соотношения надежного и с экологично наименьшими издержками обеспечения и внутреннего эффективного рынка реализации экспортного потенциала, достижения национальных целей в области климатической политики, а также технологического суверенитета и конкурентоспособности отраслей топливно-энергетического комплекса. В сценарии технического потенциала рассмотрены максимально возможные уровни производственных показателей исходя из текущего и прогнозируемого технического уровня отраслей топливно-энергетического комплекса и инфраструктурных ограничений без учета экономической рентабельности и целесообразности проведения возможных мероприятий. Сценарий ускоренного энергетического перехода предполагает возвращение к более быстрым темпам декарбонизации мировой энергетики на основе возобновляемых источников энергии, а также снятие неправомерных ограничений на поставки в Российскую Федерацию технологий и оборудования.

И если Энергетической стратегией РФ на период до 2050 года открывать соответствующий — отраслевой, регулирующий отношения в энергетическом секторе народного хозяйства, раздел в Особенной части Предпринимательского кодекса, то что — разрабатывать пять вариантов совершенствования точнее кодификации энергетического законодательства? А с другой стороны, почему бы и нет? Но как тогда их вмонтировать в соответствующий раздел Предпринимательского кодекса РФ? Это воистину фундаментальная научно-правовая проблема.

Проблемой является и структура системы современного предпринимательского права.

В учебнике «Предпринимательское право Российской Федерации» (2003), написанном учеными МГУ им. М.В. Ломоносова, система учебной дисциплины представлена разделами: общие положения; субъекты предпринимательской деятельности; государственное регулирование

²⁸ См.: Лахно П. Г. Энергетический кодекс Российской Федерации — основополагающий юридический документ, регулирующий отношения в ТЭК // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 3. С. 27–29; Быков А. Г. О проекте Энергетического кодекса Российской Федерации // Энергетическое право. 2013. № 2. С. 6–8; Семенович К. С. Вновь об Энергетическом кодексе // Вестник центра права им. В.А. Мусина. 2025. № 1. С. 5–12; Клеандров М. И. О кодификации энергетического законодательства // Правовой энергетический форум. 2025. № 1.

предпринимательской деятельности; рынок и предпринимательская деятельность; защита прав предпринимателей²⁹.

В учебнике «Российское предпринимательское право» (2012), подготовленном учеными МГЮА им. О.Е. Кутафина, система учебной дисциплины изложена в 29 главах (без объединения их в разделы). Как указано в предисловии этого учебника, материал в нем разбит на две части. В первой части курса отражена статика предпринимательства: излагаются вопросы о правосубъектности (компетенции) и ее носителях, правовом режиме имущества хозяйствующих субъектов, общих и специальных требованиях, предъявляемых к предпринимательской деятельности со стороны государства, и др. Во второй части сначала раскрываются темы, где речь идет о привлечении необходимых предпринимателю ресурсов: денежных (темы, посвященные правовому регулированию инвестиционной деятельности включая иностранные инвестиции, финансированию и кредитованию), информационных и интеллектуальных (темы, посвященные инновационной деятельности, информационному обеспечению предпринимательства) и др. Затем раскрываются темы, связанные с правовыми формами выхода предпринимателя на рынок товаров, работ, услуг, включая рекламу, внешнеэкономическую деятельность. Завершающие темы посвящены оформлению финансовых результатов предпринимательской деятельности, включая привлечение аудиторов для подтверждения достоверности отчетности хозяйствующих субъектов. И отмечено: обе части изложены с учетом идеи о механизме предпринимательской деятельности как базовой основы построения курса предпринимательского права³⁰.

В учебнике «Предпринимательское право» (2019), написанном учеными Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, система учебной дисциплины также не разделена ни на части, ни на разделы, а представлена 27 главами. В аннотации его указано, что с учетом взаимодействия частноправовых и публично-правовых средств регулирования предпринимательской деятельности в учебнике раскрываются такие существенные теоретические вопросы, как понятие предпринимательского права и предпринимательских правоотношений, предпринимательского договора; представлены общие положения о субъектах предпринимательского права и правовом режиме имущества предпринимательского права, проанализировано правовое регулирование несостоятельности (банкротства). Основное внимание

в книге уделено государственному регулированию различных видов предпринимательской деятельности. В качестве отдельных глав изложен материал о защите прав потребителей и об ответственности в предпринимательском праве³¹.

В монографической (фундаментального толка) литературе, посвященной проблематике предпринимательского права (что системно можно рассматривать как отрасль права и отрасль юридической науки), она представлена в несколько ином ракурсе.

Так, в коллективной монографии «Современное предпринимательское право» (2014), выполненной учеными МГЮА им. О.Е. Кутафина (в серии «Правовое сопровождение бизнеса»), два раздела: 1) Предпринимательское право: концептуальные основы (разбитым на главы: истоки современного предпринимательского права России; предпринимательское право на современном этапе: теоретические основы и пути совершенствования; источники предпринимательского права: современное состояние и перспективы³²); 2) Субъекты предпринимательской деятельности: теоретические и практические аспекты (разбитый на главы: субъекты предпринимательской деятельности: исходные положения; доктринальные и правовые основы легитимации субъектов предпринимательства; институт государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности)³³.

В коллективной монографии «Предпринимательское право в XXI веке: истоки и перспективы» (2018), подготовленной учеными Института государства и права РАН, эта система сфокусирована, без деления на части и разделы, в 15 главах: возникновение и развитие доктрины хозяйственного права; развитие системы нормативных правовых актов о предпринимательстве; судебная практика; субъекты предпринимательского права; государственное регулирование предпринимательской деятельности; саморегулирование предпринимательской деятельности; правовое регулирование инновационных отношений в сфере предпринимательства; защита служебных результатов интеллектуальной деятельности и прав авторов; предпринимательские договоры: понятие и проблемы; правовое регулирование контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; взаимодействие государства и хозяйствующих

³¹ См.: Предпринимательское право: учеб. / отв. ред. Р.А. Курбанов. М., 2019.

³² По этой проблеме была В.А. Лаптевым в 2018 г. в ИГП РАН была защищена докторская диссертация (см.: *Лаптев В.А.* Источники предпринимательского права в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018).

³³ См.: Современное предпринимательское право / отв. ред. И.В. Ершов. М., 2014.

²⁹ См.: Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М., 2003.

³⁰ См.: Российское предпринимательское право: учеб. / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. М., 2012.

субъектов реального сектора экономики в инвестиционной сфере; правовое регулирование процесса осуществления иностранных инвестиций в экономику России; современное состояние и перспективы развития правового регулирования в области использования атомной энергии; правовое регулирование использования атомной энергии в рамках межгосударственных региональных интеграционных объединений на территории СНГ; правовое регулирование предпринимательской деятельности, основанной на использовании природных ресурсов; проблемы совершенствования механизма защиты прав предпринимательских структур³⁴.

А в коллективной монографии «Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития» (2019), выполненной учеными МГУ им. М.В. Ломоносова, система предпринимательского права представлена 13 главами: предпринимательское право: вопросы теории; источники предпринимательского права и их трансформация в условиях цифровой экономики; корпоративное право России: состояние и вектор; институт несостоятельности (банкротства): состояние и правовые проблемы совершенствования; правовое обеспечение защиты конкуренции в российском правовом порядке: состояние и тенденции развития; правовые проблемы применения законодательства о публичных закупках в России и за рубежом: теория и практика; энергетическое право в трансформируемой системе права России; развитие финансового рынка и проблемы его регулирования; правовое обеспечение антикризисного регулирования рынка банковских услуг: основные понятия и теоретические основы; правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики; инвестиционное право и политика; правоотношения в сфере инновационной деятельности; интеллектуальная собственность в современной экономике: правовые вопросы³⁵.

Немало исследований в области иных институтов современного российского предпринимательского права содержатся в материалах международных научно-практических конференций «Лаптевские чтения», организованных ИГП РАН³⁶.

³⁴ См.: Предпринимательское право в XXI веке: истоки и перспективы / под ред. С.С. Занковского, Н.И. Михайлова. М., 2018.

³⁵ См.: Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития / отв. ред. Е.П. Губин. М., 2019.

³⁶ См., напр.: Проблема развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Лаптевские чтения–2020» / отв. ред. СС. Занковский. М., 2021; материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. «Лаптевские чтения–2022» / отв. ред. А.В. Габов, В.А. Лаптев. М., 2023.

Более полное представление о разнообразии представлений российских ученых в отношении институтов системы предпринимательского права — по состоянию на 2019 г. — можно получить из библиографического сборника «Предпринимательское право России. Библиография», составленного учеными МГУ им. М.В. Ломоносова и состоящего из перечня монографий, диссертаций (кандидатских и докторских), учебников и учебных пособий, статей по курсу предпринимательского права. Стоит отметить, что в списке источников в этом издании содержатся и иностранные — как переведенные на русский язык, так и не переведенные³⁷.

Пожалуй, с методологической точки зрения без выработки концепции структуры предпринимательского права: и как отрасли права, и как отрасли юридической науки, и, особенно, как отрасли законодательства (с учетом его стремительного, но бессистемного развития) приступать к формированию проекта Предпринимательского кодекса РФ будет несколько преждевременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков А.Г. О проекте Энергетического кодекса Российской Федерации // Энергетическое право. 2013. № 2. С. 6–8.
2. Винокуров А., Веретенникова К. Если понят, то не так. Российские законы слишком сложны даже для их авторов // Коммерсантъ. 2021. 5 апр.
3. Вышутович В. Моногорода опять пересчитают // Росс. газ. 2024. 29 нояб.
4. Емелькина И.А. Перераспределение государственной и муниципальной собственности: правовые проблемы и тенденции развития законодательства // Законы России. 2020. № 2. С. 22–28.
5. Ешуква О.А. Территория с особым публично-правовым статусом как фактор федеративной политики России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 36–45.
6. Клеандров М.И. О кодификации предпринимательского законодательства Российской Федерации // Государство и право. 2025. № 7.
7. Клеандров М.И. О кодификации энергетического законодательства // Правовой энергетический форум. 2025. № 1.
8. Клеандров М.И. О необходимости института охраны прав предпринимательских структур в системе предпринимательского права // Государство и право. 2021. № 8. С. 7–20.
9. Колесова О. С надеждой на риск. Предложен новый подход к управлению проектами // Поиск. 2022. № 30–31.

³⁷ См.: Предпринимательское право России: библиография: учеб.-метод. пособие / отв. ред. Е.П. Губин, Ю.С. Харитонов. М., 2019.

10. Колесова О. Стремление к обособлению // Поиск. 2023. № 36.
11. Куликов В. Поручились за цифру. Впервые выдан кредит под залог цифровых активов // Росс. газ. 2020. 7 сент.
12. Лаптев В.А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
13. Лакно П.Г. Энергетический кодекс Российской Федерации — основополагающий юридический документ, регулирующий отношения в ТЭК // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 3. С. 27–29.
14. Мануйлова А., Галиева Л. Разрешениям не хватило мощности. Бизнес усомнился в результатах реформы системы сертификации // Коммерсантъ. 2025. 28 марта.
15. Назаренко Я., Занина А. Госнужды без границ // Коммерсантъ. 2025. 28 марта.
16. Назаренко Я., Меруалова А. Цемент уступил огородам. Верховный Суд ограничил изъятие государством земель у частных собственников // Коммерсантъ. 2025. 29 апр.
17. Николаенко А. Магнит вместо пылесоса. Как вернуть притягательность Новосибирскому Академгородку? // Поиск. 2024. № 6.
18. Предпринимательское право в XXI веке: истоки и перспективы / под ред. С.С. Занковского, Н.И. Михайлова. М., 2018.
19. Предпринимательское право России: библиография: учеб.-метод. пособие / отв. ред. Е.П. Губин, Ю.С. Харитонов. М., 2019.
20. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития / отв. ред. Е.П. Губин. М., 2019.
21. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лакно. М., 2003.
22. Предпринимательское право: учеб. / отв. ред. Р.А. Курбанов. М., 2019.
23. Проблема развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Лаптевские чтения–2020» / отв. ред. СС. Занковский. М., 2021.
24. Проблема развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. «Лаптевские чтения–2022» / отв. ред. А.В. Габов, В.А. Лаптев. М., 2023.
25. Российское предпринимательское право: учеб. / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. М., 2012.
26. Семенов Е. Защита по правилам. От каких киберугроз могут пострадать промышленные предприятия // Росс. газ. 2025. 29 апр.
27. Семенович К.С. Вновь об Энергетическом кодексе // Вестник центра права им. В.А. Мусина. 2025. № 1. С. 5–12.
28. Современное предпринимательское право / отв. ред. И.В. Ершов. М., 2014.
29. Черешнева И.А. Территория с особым (специальным) режимом осуществления предпринимательской деятельности (частноправовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

REFERENCES

1. Bykov A. G. On the draft Energy Code of the Russian Federation // Energy Law. 2013. No. 2. Pp. 6–8 (in Russ.).
2. Vinokurov A., Veretennikova K. If it is understood, it is not so. Russian laws are too complicated even for their authors // Kommersant. 2021. 5 Apr. (in Russ.).
3. Vyshutovich V. Single-industry towns will be counted again // Ross. gaz. 2024. 29 Nov. (in Russ.).
4. Emelkina I. A. Redistribution of state and municipal property: legal problems and trends in the development of legislation // Laws of Russia. 2020. No. 2. Pp. 22–28 (in Russ.).
5. Eshukova O. A. Territory with a special public-legal status as a factor of the federal policy of Russia // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 3. Pp. 36–45 (in Russ.).
6. Kleandrov M. I. On the codification of entrepreneurial legislation of the Russian Federation // State and Law. 2025. No. 7 (in Russ.).
7. Kleandrov M. I. On the codification of energy legislation // Legal Energy Forum. 2025. No. 1 (in Russ.).
8. Kleandrov M. I. On the need for the institution of protection of the rights of business structures in the system of Entrepreneurial Law // State and law. 2021. No. 8. Pp. 7–20 (in Russ.).
9. Kolesova O. With hope for risk. A new approach to project management is proposed // Poisk. 2022. No. 30–31 (in Russ.).
10. Kolesova O. Striving for isolation // Poisk. 2023. No. 36 (in Russ.).
11. Kulikov V. Vouched for the figure. For the first time, a loan secured by digital assets was issued // Ross. gaz. 2020. 7 Sept. (in Russ.).
12. Laptev V. A. Sources of Entrepreneurial Law in the Russian Federation: abstract ... Doctor of Law. M., 2018 (in Russ.).
13. Lakhno P. G. The Energy Code of the Russian Federation is the fundamental legal document regulating relations in the fuel and energy complex // Business, Management and Law. 2006. No. 3. Pp. 27–29 (in Russ.).
14. Manuylova A., Galieva L. The permits did not have enough power. Business questioned the results of the certification system reform // Kommersant. 2025. 28 March (in Russ.).
15. Nazarenko Ya., Zanina A. State without borders // Kommersant. 2025. 28 March (in Russ.).
16. Nazarenko Ya., Merualova A. Cement gave way to vegetable gardens. The Supreme Court has limited the state's seizure of land from private owners // Kommersant. 2025. 29 Apr. (in Russ.).
17. Nikolaenko A. Magnet instead of vacuum cleaner. How can Novosibirsk Akademgorodok regain its appeal? // Poisk. 2024. No. 6 (in Russ.).
18. Entrepreneurial Law in the XXI century: origins and prospects / ed. by S. S. Zankovsky, N. I. Mikhailov. M., 2018 (in Russ.).
19. Entrepreneurial Law of Russia: bibliography: textbook / ed. by E. P. Gubin, Yu. S. Kharitonova. M., 2019 (in Russ.).
20. Entrepreneurial Law of Russia: results, trends and ways of development / ed. by E. P. Gubin. M., 2019 (in Russ.).

21. Entrepreneurial Law of the Russian Federation / ed. by E.P. Gubin, P.G. Lakhno. M., 2003 (in Russ.).
22. Entrepreneurial Law: textbook / ed. by R.A. Kurbanov. M., 2019 (in Russ.).
23. The problem of development and prospects of business law in modern economic conditions: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference “Laptev Readings—2020” / ed. by SS. Zankovsky. M., 2021 (in Russ.).
24. The problem of development and prospects of business law in modern economic conditions: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference “Laptev Readings—2022” / ed. by A.V. Gabov, V.A. Laptev. M., 2023 (in Russ.).
25. Russian Entrepreneurial Law: textbook / ed. by I.V. Ershov, G.D. Otnyukov. 4th ed. M., 2012 (in Russ.).
26. *Semenov E.* Protection by the rules. What cyber threats can industrial enterprises suffer from? // Ross. gaz. 2025. 29 Apr. (in Russ.).
27. *Semenovich K.S.* Again on the Energy Code // Herald of Musin Center of Law. 2025. No. 1. Pp. 5–12 (in Russ.).
28. Modern Entrepreneurial Law / ed. by I.V. Ershov. M., 2014 (in Russ.).
29. *Chereshneva I.A.* Territory with a special (special) regime of entrepreneurial activity (private law aspect): abstract ... PhD in Law. M., 2024 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович —
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. —
Corresponding Member of the RAS,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 347

ЛИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

© 2025 г. А. С. Позднякова

Оренбургский институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: oAPozdnyakova@msal.ru

Поступила в редакцию 12.03.2025 г.

Аннотация. В статье исследована правовая природа отношений, возникающих на основании корпоративного договора. Обосновывается вывод о личном и имущественном характере таких отношений, а также о возмездности данного договора. Автором утверждается, что субъективное гражданское право носит личный характер, поскольку может быть реализовано правообладателем данного права посредством совершения действий обязанным лицом, другой личности, под которой понимается субъект права, если отношения сторон при этом являются доверительными. По мнению автора, наиболее соответствующей правовой природе корпоративного договора является такая мера ответственности, как компенсация, поскольку освобождает истца от доказывания причиненных ему убытков, наличие которых предполагается.

Ключевые слова: корпоративный договор, акционерное соглашение, корпоративные права, личные права, гражданско-правовая ответственность, компенсация.

Цитирование: Позднякова А. С. Личные элементы корпоративного договора // Государство и право. 2025. № 8. С. 68–76.

DOI: 10.31857/S1026945225080072

PERSONAL ELEMENTS OF A CORPORATE AGREEMENT

© 2025 A. S. Pozdnyakova

Orenburg Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: oAPozdnyakova@msal.ru

Received 12.03.2025

Abstract. The article examines the legal nature of relations arising on the basis of a corporate agreement. The conclusion about the personal and property nature of such relations, as well as about the retribution of this agreement, is substantiated. The author argues that subjective Civil Law is of a personal nature, since it can be implemented by the right holder of this right through the commission of actions by an obligated person, another person, which is understood as the subject of law, if the relations of the parties are confidential. In the author's opinion, the most appropriate legal nature of a corporate agreement is a measure of liability such as compensation, since it frees the plaintiff from proving the damages caused to him, the existence of which is assumed.

Key words: corporate agreement, shareholder agreement, corporate rights, personal rights, civil liability, compensation.

For citation: Pozdnyakova, A.S. (2025). Personal elements of a corporate agreement // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 68–76.

Статья 67.2 ГК РФ закрепила право участников хозяйственного общества на заключение между собой корпоративного договора об осуществлении своих корпоративных прав, положив окончание дискуссии о возможности корпоративных отношений между участниками (членами) корпорации. Договоры об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерные соглашения привнесли собой личные элементы, наличие которых ранее признавалось лишь за товариществами. С принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., отмечает Е.А. Суханов, общества с ограниченной и дополнительной ответственностью стали рассматриваться как хозяйственные общества — «объединения капиталов», в которых участники состоят на основании своих имущественных взносов, но необязательно лично задействованы¹. Н.Г. Вавин еще в советское время применительно к полным товариществам и товариществам на вере писал, что «при учреждении личных товариществ всегда принимаются во внимание лица и их персональные качества. Договор личного товарищества заключается всегда между определенными лицами, взаимно доверяющими друг другу...». Относительно хозяйственных обществ (товариществ капиталов) указывал, что «личность участника не имеет решающего значения <...> товарищества капиталов являются только средством для соединения капиталов; личные качества их участников в этом случае безразличны; здесь от товарища требуются только деньги»². Подобное понимание хозяйственных обществ стало традиционным. Е.В. Богданов характеризует отношения между акционерами в качестве отношений акционеров-капиталистов, исключая при этом какие-либо товарищеские отношения между ними. «Другое дело — характер отношений в коллективе участников акционерного общества, объединенных корпоративным договором»³.

Вместе с тем наличие отдельных личных элементов признается за обществами с ограниченной ответственностью, под которыми, по мнению А.В. Габова, понимаются принципы, положенные в основу правового регулирования, а также конкретные институты, являющиеся их следствием. Первый такой элемент представляет собой принцип стабильности

состава участников общества, который проявляется в ограничении на выход из общества, преимущественных правах, требовании согласия на переход доли в большинстве случаев и т.д. Второй элемент заключается в возможности участников общества обратиться в суд с требованием об исключении участников из общества, третий — в наличии права выхода участника из общества. Четвертый (потенциальный) элемент содержится в возможности закрепления так называемых дополнительных прав и обязанностей, природу и содержание которых закон не уточняет⁴.

В настоящем исследовании попытаемся ответить на вопрос о наличии и роли личных элементов в корпоративном договоре, рассматривая при этом понятие «элемент» не просто как составную часть сложного целого, а в качестве составной части, представляющей собой основное или характерное свойство целого⁵, одновременно исходя из многозначности понятия договора — как сделки и правоотношения и как акта «поднормативного индивидуального регулирования»⁶.

Корпоративные договоры вызваны к жизни потребностями гражданского оборота. Необходимость их использования «связана с объективной невозможностью урегулирования многих отношений, складывающихся между акционерами, посредством учредительных документов общества»⁷. Кроме того, императивный характер правового регулирования корпоративных отношений объективно предполагает предоставление определенной свободы воли участникам в реализации принадлежащих прав, в том числе при определении порядка взаимодействия между ними. В целях повышения эффективности хозяйственной деятельности необходим учет индивидуальных особенностей участников общества, объединяющих свои усилия (наличие профессиональных знаний и опыта, финансовые возможности, ожидания и пр.), а также характера осуществляемой коммерческой деятельности, особенностей корпоративного управления, что свидетельствует о необходимости дополнительного урегулирования данных вопросов посредством заключения корпоративного договора.

Корпоративный договор представляет собой «договорный способ управления организацией, когда решение участников корпорации вместо обычного,

¹ См.: Суханов Е.А. Основы гражданского законодательства // Гражданское право России — частное право / отв. ред. В.С. Ем. М., 2008. С. 77, 78.

² Вавин Н.Г. Юридические лица в товарищеских объединениях // Право и жизнь: журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства / под ред. А.М. Винавера, М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. 1925. Кн. 4–5. С. 3, 4.

³ Богданов Е.В. Корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении (неосуществлении) субъективных корпоративных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 54.

⁴ См.: Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М., 2010. С. 61, 62.

⁵ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 4. С. 141.

⁶ Корецкий А.Д. Понятие и классификация элементов договора // Законность. 2005. № 10. С. 40.

⁷ Вавулин Д.А., Федотов В.Н. Правовые основы акционерного соглашения // Право и экономика. 2009. № 8. С. 48.

в каждом отдельном случае обособленного друг от друга участника принимается в соответствии с порядком, установленным в одном документе, подписанном сторонами этого договора»⁸, позволяя при этом создать «согласованную систему деятельности и контроля, распределять риски», обеспечить «дополнительную гарантию исполнения взятых обязательств»⁹.

Данный институт имеет достаточно сложную историю становления, причем не только в России. Е.В. Богданов наиболее четким образом сформулировал причины, по которым судебная практика в ряде стран (США, Великобритания, Германия и др.) вначале довольно часто признавала акционерные соглашения недействительными. К таковым, например, относились обстоятельства, в силу которых «право голоса основано на праве собственности на акции, не может быть отделено от него, и потому собственника акции недопустимо принуждать к голосованию определенным образом; голосуя самостоятельно, акционер преследует интересы общества, тогда как при голосовании в соответствии с акционерным соглашением результаты могут противоречить интересам компании; недействительность акционерного соглашения обусловлена тем, что оно не имеет основания сделки, поскольку отсутствует встречное удовлетворение и др.»¹⁰.

Многие вопросы, касающиеся правовой природы корпоративного договора, остаются спорными на сегодняшний день, что влечет за собой недостаточную эффективность механизма защиты прав его участников в случае несоблюдения одним из них условий договора. Вместе с тем, по справедливому замечанию В.Ф. Попондопуло: «Регулирование общественных отношений — это не цель государства, а его средство, предназначенное прежде всего для защиты индивидуальных прав и свобод»¹¹. А как известно, возможность выбора лицом того или иного способа защиты основана на необходимости учета характера допущенного нарушения, поскольку выбранный им способ защиты должен способствовать восстановлению его нарушенного права. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости выявления особенностей корпоративного договора как инструмента корпоративного управления в целях совершенствования правоприменительной практики.

⁸ Андреев В.К. О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. № 3. С. 6.

⁹ Абакумова Е.Б. Перспективы применения корпоративного договора в России // Современное право. 2016. № 5. С. 57.

¹⁰ Богданов Е.В. Указ. соч. С. 56.

¹¹ Попондопуло В.Ф. Правопонимание: критический обзор основных концепций // Росс. Юрид. журнал. 2020. № 3. С. 16.

Согласно п. 1 ст. 9 ГК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. Подразумеваются конкретные субъективные права, имеющиеся в наличии, приобретенные к моменту заключения договора. Предметом корпоративного договора является осуществление корпоративных прав определенным образом или воздержание (отказ) от их осуществления, при этом исчерпывающий перечень таких прав отсутствует. В условиях корпоративного договора могут быть включены вопросы, касающиеся права отдельных участников номинировать кандидатов на должности определенных должностных лиц корпорации либо обязанности каждого из участников предоставить дополнительное финансирование в пользу корпорации в случае необходимости, ограничения управленческих и распорядительных полномочий, правил отчуждения принадлежащих участнику акций вплоть до понуждения к продаже, либо установления механизма разрешения тупиковых ситуаций и др. Более того, деятельность сторон в рамках корпоративного договора может быть связана с совершением не только юридических, но и фактических действий, поскольку иное не запрещено законом. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что каждый участник корпоративного договора добровольно ограничивает свою личную свободу в осуществлении корпоративных прав в интересах других членов коллектива. Поскольку корпоративный договор носит длящийся характер, справедливым будет утверждение об ограничении не отдельных субъективных прав, а дееспособности его участников в корпоративной сфере. Иными словами, при заключении корпоративного договора «имеет место предусмотренная законом возможность самоограничения участниками договора своей дееспособности в интересах других членов коллектива (п. 3 ст. 22 ГК РФ)»¹².

Таким образом, закрепленная в договоре взаимовыгодная воля сторон, порождающая обязательство, выполнение которого принесет контрагентам ожидаемый экономический и (или) юридический результат, представляет собой его предмет, подчиненный преследуемой сторонами цели¹³. Корпоративный договор является поименованным договором, однако указание на цель его заключения в законе отсутствует. Согласно п. 4 ст. 65.2 ГК РФ участники договора не вправе принимать решение об отказе от участия в работе общего собрания по таким вопросам, без решения которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если участие необходимо для принятия

¹² Богданов Е.В. Указ. соч. С. 55.

¹³ См.: Мустафин Р.Ф. Элементы типового договора и порядок их формирования // Современная научная мысль. 2014. № 1. С. 111.

решения; не вправе принимать такие решения, которые заведомо направлены на причинение вреда корпорации, а также если они существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создано хозяйственное общество. Как отмечает И.С. Шиткина, в соответствии с мировой практикой основными целями заключения акционерного соглашения (*shareholders' agreements, SHA*) являются организация управления компанией, определение особенностей распределения прибыли между акционерами и регламентация ряда вопросов, связанных с отчуждением акций, выходом из типовых ситуаций¹⁴. Следовательно, цели заключения корпоративного договора не должны противоречить целям создания корпорации.

Столь серьезные самоограничения, принимаемые сторонами корпоративного договора, единство интересов и общая цель, на достижение которой направлена согласованная совместная деятельность, свидетельствуют о фидуциарном характере правоотношений ее участников. Выявить суть «личных элементов» корпоративного договора поможет, на наш взгляд, обращение к классификации юридических фактов, принятой в римском праве на основании производимого эффекта (лично-правового или вещно-правового). Так, «субъективные юридические ситуации (приобретенные права и соответствующие обязанности), обычно именуемые субъективными правами, бывают двух видов: вещно-правовыми (или реальными, от *res* — «вещь») и лично-правовыми. Реальное (вещное) право основано на непосредственной связи с вещью и потому абсолютно... Личное право (право из обязательства) основано на юридически значимой связи с конкретным лицом и потому относительно: оно значимо только против данного лица, которое несет определенную юридическую обязанность в пользу субъекта личного права»¹⁵. Классическое римское право, по мнению З.М. Черниловского, «доводит свободу правового самоопределения личности, его способность вступать в любые (не запрещенные законом) правовые отношения до крайних пределов индивидуализма»¹⁶. При этом под личностью понимается лицо, принадлежащее к известной правовой группе, «просто собственник», «просто товаровладелец», «абстрактная личность», участник правоотношения. Говоря о личности, ученый отмечает в высшей

степени общее, абстрактное выражение данной правовой формы¹⁷.

Думается, характеристика обязательственных правоотношений в качестве личных сохранила свою актуальность по отношению к тем из них, в которых наличествует взаимное личное доверие его участников, когда юридически значимая связь с конкретным лицом является более сильной, в том числе и в условиях усложнения субъектного состава гражданских правоотношений, а именно с появлением в нем юридических лиц. Об этом, в частности, наглядно свидетельствуют положения Гражданского кодекса РФ, наделяя свойствами личности любого участника договора¹⁸. Вместе с тем нет никакой необходимости обнаруживать смысл и содержание прав и свобод человека и гражданина в объединениях граждан и других искусственных построениях субъектов права, прежде всего в юридических лицах, поскольку, как справедливо отметил В.К. Андреев, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими не сами по себе, а лишь в том значении, что «они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18 Конституции РФ)¹⁹.

Таким образом, субъективное гражданское право носит «личный» характер, прежде всего в силу того, что может быть реализовано обладателем данного права лишь посредством действий его контрагента, другой, обязанной «личности», при этом основано на доверии, закономерном ожидании определенного поведения партнера. Однако в современной интерпретации понятие личных прав в большей степени определено носителем таких прав — «человеческой личностью»²⁰, подчеркивая особый статус гражданина как субъекта правоотношений. Что же в таком случае следует понимать под личными правоотношениями? К примеру, Н.Д. Егоров, определяя «видовые признаки» личных неимущественных отношений, обоснованно отмечал, что само название указывает на два их отличительных признака:

¹⁷ См.: там же. С. 78, 79.

¹⁸ Так, регулируя деятельность по исполнению услуг, в ст. 770, 780, 895, 974, 1021 ГК РФ законодатель закрепляет общее правило об обязанности исполнителя оказать услугу лично, если иное не предусмотрено договором. А исполнителем, в свою очередь, может выступать как гражданин, так и организация.

¹⁹ См.: Андреев В.К., Лантес В.А. Корпоративное право современной России. М., 2015. С. 8.

²⁰ Ульбашев А.Х. Нематериальные блага как объекты гражданских прав: генезис, сущность и проблемы формализации // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2017. № 3. С. 61–71.

¹⁴ См.: Шиткина И.С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 40.

¹⁵ Дождев Д.В. Римское частное право: учеб. для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1996. С. 117, 118.

¹⁶ Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 1983. С. 78.

неимущественное содержание и личный характер²¹, тем самым разделяя два этих понятия. Принадлежность личности нематериальных благ характеризуется наличием неимущественного права, неотчуждаемого и непередаваемого (п. 1 ст. 150 ГК РФ). Но если исходить из постулата о том, что лишь граждане являются обладателями нематериальных благ, не совпадают ли тогда понятия «личный» и «неимущественный»? Ответ видится отрицательным, если термин «личный» использовать в качестве разновидности характеристики «обязательственный». В таком случае отношения, возникающие из корпоративного договора, носят личный обязательственный характер, который определен не только тем, что участников договора объединяют доверительные товарищеские отношения, но и осуществлением прав одного лица действиями другого. Как представляется, именно из этих позиций исходит А.В. Габов, разъясняя смысл понятия «личных элементов» общества с ограниченной ответственностью.

Что касается разделения субъективных прав на имущественные и неимущественные, то, как обоснованно утверждает М.И. Иноземцев, в силу п. 1 ст. 2 ГК РФ входящие в предмет гражданско-правового регулирования отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими, являются имущественными отношениями, поскольку «осуществление корпоративных прав, в том числе прав, вытекающих из акционерного соглашения, прямо или косвенно имеет своей целью удовлетворение имущественных интересов их носителей». И далее отмечает, что неимущественные права акционеров, которые возникают в силу обладания акциями и особенности осуществления которых могут быть определены акционерным соглашением, имеют определенный финансовый эквивалент²². Однако позволим себе не согласиться с уважаемым автором в части неимущественного характера прав акционеров в силу следующего. Во-первых, как деятельность хозяйственного общества, так и деятельность участников корпоративного договора направлена на получение прибыли. Во-вторых, право на участие в управлении корпорацией, в том числе и право голоса, являются корпоративными правами, основанными на имущественном праве на доли (акции), с ним неразрывны, в силу чего нет оснований утверждать о неразрывной связи права на участие в управлении общества с личностью его участника. Таким образом, имеет место тесная связь данных прав с имуществом, а не с личностью обладателя. В качестве примера иного имущественного права можно привести закрепленное в ч. 1

ст. 48 ЖК РФ право голосования на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме, которое принадлежит собственникам помещений в данном доме. Данное право «следует за вещью», как говорили римские юристы в отношении права залога. На основании изложенного корпоративные права, по поводу которых может быть заключен корпоративный договор, являются имущественными правами.

Законом закреплена презумпция возмездности договора, какие-либо исключения в отношении корпоративного договора не названы. Е.В. Артамкина придерживается мнения о его безвозмездности, «поскольку стороны корпоративного договора не делают встречного предоставления, а выступают совместно»²³. Из чего, однако, следует вывод, что стороны совершают действия не в пользу друг друга, а в пользу иных (третьих) лиц, не являющихся стороной договора, что не соответствует действительности. Более того, в соответствии с п. 2 ст. 423 ГК РФ договор признается безвозмездным в случае, если одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления. Из данного определения следует, что сторона действует в пользу другой стороны, не ожидая ничего взамен. В таком договоре лицо, обязавшееся действовать определенным образом, выступает дарителем по отношению к своему контрагенту, связывает себя определенным образом в его пользу. Возможность заключения безвозмездного корпоративного договора допустима лишь в случае, если его сторонами не являются коммерческие организации (п/п. 1 п. 4 ст. 575 ГК РФ), и если обязанность действовать определенным образом при осуществлении корпоративных прав принимают на себя не все его участники. Последнюю ситуацию достаточно сложно представить, когда одна сторона договора лишь принимает действия другой стороны по осуществлению корпоративных прав определенным образом.

Если же об осуществлении своих корпоративных прав определенным образом договорились все участники, то данные обязанности они исполняют по отношению друг к другу, поскольку изначально добровольно ограничили свою дееспособность. Следовательно, ограничение имеет место не само по себе, а по отношению к контрагенту, в связи с чем нет оснований утверждать о безвозмездности данного договора. Как справедливо замечает Н.Н. Пахомова, корпоративный договор является возмездным, так как перераспределение прав и обязанностей между его участниками происходит взаимно²⁴. Корпора-

²¹ См.: Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. С. 117.

²² См.: Иноземцев М.И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств. М., 2020. С. 91.

²³ Артамкина Е.В. Место корпоративного договора среди гражданско-правовых договоров, разделенных по принципу дихотомии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 91.

²⁴ См.: Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений // Налоги и финансовое право. 2005. № 1.

тивный договор является договором о согласованной деятельности, в котором его возмездность имеет свои особенности. Достижение общей цели осуществляется на основе ранее созданной имущественной базы, но за счет действий самих участников договора. При заключении договора стороны преследуют большую определенность, ожидая при этом оговоренную предсказуемость поведения друг друга, что делает управление компании «более стабильным и эффективным и, учитывая основную цель деятельности акционерных обществ, способно принести большую прибыль»²⁵. Партнеры связывают себя обязательством действовать определенным образом, причем варианты действий каждого из них могут отличаться от остальных, совпадающее содержание прав и обязанностей не является обязательным.

Немаловажным является замечание о том, что осуществление корпоративных прав определенным образом или отказ от их осуществления при заключении корпоративного договора трансформируются в исполнение обязанностей. При этом «обязанности, принимаемые на себя участниками корпоративного договора, могут не быть равными и эквивалентными»²⁶. Принимая на себя оговоренные ограничения, участник корпоративного договора вправе рассчитывать на аналогичное поведение своего партнера по выполнению им своей части обязательства. И если вторая сторона не выполняет принятые обязанности, нарушается баланс, достигнутая договоренность, а в конечном счете — юридическое равенство участников договора.

Признавая наличие двойственной (корпоративно-правовой и обязательно-правовой) природы корпоративного договора, обусловленной глубокими особенностями корпоративных отношений, в том числе связанными с присутствием в них управленческого элемента²⁷, отметим следующее. С позиций наличия организационного характера корпоративного договора в силу его корпоративной природы встречаемость предоставлений его участников не предполагается²⁸. Одновременно, исходя из обязательно-правовой природы корпоративного договора (п. 3 ст. 307.1 ГК РФ), необходимо признать его возмездность, которая, как показано выше, выражается в обязанности действовать в соответствии с условиями договора, а в случае нарушения данной обязанности возникает возможность защиты нарушенного права контрагента. При этом «личный» характер данного правоотношения заключается в том,

что каждый участник договора вправе рассчитывать на определенное поведение своего партнера. По свидетельству П.А. Корнинга, «для организованной, характеризующейся внутренней взаимозависимостью группы... защита других членов группы является чаще всего не вопросом альтруизма либо «обоюдного альтруизма» (взаимного самопожертвования), а вопросом успешной работы «в команде», когда выигрывает и проигрывает вся группа в целом»²⁹. Таким образом, игнорирование обязательно-правовой (личной) природы корпоративного договора лишает его смысла, поскольку при его заключении стороны преследуют свой личный интерес. Проблема лишь в том, что объектом договора является не благо, не ценность как объект гражданских прав, а обязанность по осуществлению корпоративного права, что дает почву для утверждений об «отсутствии в корпоративном договоре объекта в смысле обязательственного требования или долга»³⁰. Вместе с тем, несмотря на «личный» характер взаимоотношений сторон, они имеют имущественную основу, что предопределяет выбор способов защиты нарушенного права участника договора.

Рассмотрим это на следующем примере из судебной практики. Судом установлено, что *П.* и *К.*, являющиеся учредителями (участниками) двух обществ с равными долями в уставном капитале каждого общества по 50%, заключили соглашение, по условиям которого *К.*, будучи директором предприятия, берет на себя полное оперативное, финансовое и хозяйственное управление, с правом распределения прибыли, а *П.* прекращает свое участие в управлении вышеперечисленными обществами, не претендует на совокупную прибыль организаций и не несет расходов на поддержание деятельности предприятий. Организации ведут свою деятельность на арендуемых площадях, принадлежащих на правах собственности участникам соглашения и сыну *П.*, а *П.*, в свою очередь, получает ежемесячную денежную компенсацию в виде арендной платы по данному соглашению от одного из обществ. Истец *П.* обратился в суд, указав, что на протяжении нескольких месяцев соглашение не исполнялось, просил взыскать задолженность по выплате ежемесячной денежной компенсации. Суд, не установив из содержания соглашения права любой из сторон на односторонний отказ от исполнения обязательств, проанализировав сложившиеся между сторонами правоотношения, согласно которым *П.* отказывается от участия в управлении обществом и распределении прибыли, но при этом общество, получая доход от деятельности, производит соответствующие ему отчисления,

²⁵ *Иноземцев М.И.* Указ. соч. С. 92.

²⁶ *Абакумова Е.Б.* Указ. соч. С. 57.

²⁷ См.: *Шиткина И.С.* Указ. соч. С. 41.

²⁸ См.: *Богданова Е.Е.* Проблемы возмездности корпоративного договора // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1. С. 28–31.

²⁹ *Корнинг П.А.* Справедливые доли: по ту сторону капитализма и социализма. Биологические основания социальной справедливости // Грани познания: наука, философия, культура в XXI веке: в 2 кн. / отв. ред. Н.К. Удумян. М., 2007. Кн. 1. С. 339.

³⁰ *Андреев В.К.* Указ. соч. С. 39.

учитывая, что *К.* не представил доказательств исполнения данного соглашения, удовлетворил иски требования³¹. Отметим, что данное дело неоднократно пересматривалось судами различных инстанций, прежде чем был достигнут названный результат, как видится, по причине столь неочевидного возмездного характера корпоративного договора исходя из прекращения (отказа) одной из сторон участия в управлении обществами.

Поскольку правоотношения, возникающие на основании корпоративного договора, являются и личными, и имущественными одновременно, то в случае нарушения условий договора могут быть применены меры соответствующего характера. Пункт 7 ст. 32.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³² содержит перечень таких мер ответственности, как возмещение убытков, взыскание неустойки и выплата компенсации, определяемой путем установления твердой денежной суммы или порядка ее определения. Указанные положения Закона относительно установления сторонами договора размера компенсации дают основания для вывода о том, что компенсация является «специфической мерой корпоративной ответственности»³³.

М.И. Иноземцев в результате проведения аналогии между компенсацией как мерой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по акционерному соглашению и компенсацией в сфере защиты интеллектуальной собственности пришел к выводу, что необходимость доказывания убытков при применении данной меры отсутствует и это обусловлено сложностью их доказывания³⁴. Так, согласно п. 3 ст. 1252 ГК РФ в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом РФ для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, при нарушении исключительного права правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права, освобождаясь при этом от доказывания размера причиненных ему убытков.

Действительно, при наличии доказательств нарушения стороной условий корпоративного договора имеет место сложность доказывания наличия и размера убытков, однако налицо обманутые ожидания контрагента, не оправдавшие доверия действия, нарушение «личной» составляющей условий

корпоративного договора. И если стороны на этот случай договорились о возможности взыскания компенсации, то, как представляется, наряду с личным она носит имущественный характер, а потому может быть квалифицирована как разновидность взыскания убытков, а не самостоятельная мера ответственности. Данное теоретическое положение приводит к выводу о невозможности одновременного взыскания убытков и компенсации, как взаимоисключающих в силу их однородности мер ответственности. Вместе с тем именно личный характер компенсации позволяет констатировать презумпцию причинения вреда как одно из необходимых условий привлечения к гражданско-правовой ответственности. В силу данной презумпции лицо освобождается от обязанности доказывания убытков, однако она может быть опровергнута нарушителем.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что понятия «компенсация» и «возмещение» соотносятся как часть и целое, а потому не подлежат противопоставлению. Компенсация — это такая форма возмещения убытков, которая не требует документального подтверждения размера ущерба, ее размер не определяется на основе точных математических расчетов. К примеру, Н.Н. Ковтун различает данные понятия в зависимости от наличия или отсутствия обязанности потерпевшего документально подтвердить понесенные им убытки³⁵.

Компенсация либо носит оценочный характер и осуществляется на основе соразмерности, справедливости, разумности, либо определяется законом или сторонами в качестве фиксированной суммы³⁶. Поскольку размер компенсации определяется не законом, а сторонами корпоративного договора, при рассмотрении спора судом в настоящее время нет никаких препятствий для судебной оценки соответствия размера компенсации последствиям нарушения. По справедливому замечанию Д.В. Добрачева, тезис об априорной невозможности уменьшения такой компенсации лишь по причине того, что ее следует отличать от неустойки, оказывается «поверхностным и уязвимым»³⁷. Однако не менее убедителен В.А. Микрюков, утверждающий, что при взыскании установленной соглашением акционеров денежной компенсации нет необходимости снижения

³¹ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.04.2023 № Ф09-1633/22 по делу № А34-16185/2019 // В официальных источниках опубликовано не было.

³² См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1.

³³ Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 428.

³⁴ См.: Иноземцев М.И. Указ. соч. С. 121.

³⁵ См.: Ковтун Н.Н. Высоко нравственные основы реабилитации в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина, практика // Росс. судья. 2021. № 12. С. 27.

³⁶ Например, ст. 117 Воздушного кодекса РФ устанавливает, что в случае смерти авиапассажира перевозчик обязан обеспечить выплату компенсации в счет возмещения вреда в сумме 2 млн руб.; ст. 60 Градостроительного кодекса РФ также предусмотрены фиксированные размеры компенсаций.

³⁷ Добрачев Д.В. Взыскание убытков, неустойки и компенсации в системе мер ответственности за нарушение корпоративного договора // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 1. С. 23.

ее размера до кажущихся суду адекватными последствий нарушения размеров, поскольку «такая компенсация предстает действительно эффективным защитным средством, стимулирующим обязанную сторону к реальному исполнению долга»³⁸. Думается, данный вопрос может быть решен положительно на законодательном уровне, если исходя из политико-экономических предпосылок уровень доверия государства к сторонам, формулирующим условия корпоративного договора, будет достаточно высоким.

* * *

Таким образом, личные элементы корпоративного договора представляют собой предмет, а также права и обязанности сторон, фидуциарный характер которых основан на ожидании от контрагента определенного поведения в виде осуществления корпоративных прав оговоренным в договоре образом или воздержания от их осуществления. Правоотношения, основанные на корпоративном договоре, несмотря на их личный характер, являются имущественными и по общему правилу возмездными. Неисполнение стороной договора принятой на себя обязанности влечет возникновение имущественной ответственности, обусловленной личным имущественным характером данных правоотношений. Наиболее соответствует правовой природе корпоративного договора такая мера ответственности, как компенсация, поскольку освобождает истца от доказывания причиненных ему убытков, наличие которых предполагается. Применение компенсации особенно эффективно по обязательствам голосовать определенным образом, согласовывать вариант голосования с другими акционерами, осуществлять согласованно иные действия, связанные с управлением, деятельностью, реорганизацией и ликвидацией общества, нарушение которых не поддается точному финансовому измерению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абакумова Е.Б.* Перспективы применения корпоративного договора в России // Современное право. 2016. № 5. С. 57.
2. *Андреев В.К.* О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. № 3. С. 6, 39.
3. *Андреев В.К., Лаптев В.А.* Корпоративное право современной России. М., 2015. С. 8.
4. *Артаткина Е.В.* Место корпоративного договора среди гражданско-правовых договоров, разделенных по принципу дихотомии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 91.
5. *Богданов Е.В.* Корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении (неосуществлении) субъективных корпоративных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 54–56.
6. *Богданова Е.Е.* Проблемы возмездности корпоративного договора // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1. С. 28–31.
7. *Вавин Н.Г.* Юридические лица в товарищеских объединениях // Право и жизнь: журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства / под ред. А.М. Винавера, М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. 1925. Кн. 4–5. С. 3, 4.
8. *Вавулин Д.А., Федотов В.Н.* Правовые основы акционерного соглашения // Право и экономика. 2009. № 8. С. 48.
9. *Габов А.В.* Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М., 2010. С. 61, 62.
10. *Гутников О.В.* Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 428.
11. *Добрачев Д.В.* Взыскание убытков, неустойки и компенсации в системе мер ответственности за нарушение корпоративного договора // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 1. С. 23.
12. *Дождев Д.В.* Римское частное право: учеб. для вузов / под ред. В.С. Нерсисянца. М., 1996. С. 117, 118.
13. *Егоров Н.Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. С. 117.
14. *Иноземцев М.И.* Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств. М., 2020. С. 91, 92, 121.
15. *Ковтун Н.Н.* Высоконравственные основы реабилитации в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина, практика // Росс. судья. 2021. № 12. С. 27.
16. *Корецкий А.Д.* Понятие и классификация элементов договора // Законность. 2005. № 10. С. 40.
17. *Корнинг П.А.* Справедливые доли: по ту сторону капитализма и социализма. Биологические основания социальной справедливости // Грани познания: наука, философия, культура в XXI веке: в 2 кн. / отв. ред. Н.К. Удумян. М., 2007. Кн. 1. С. 339.
18. *Микрюков В.А.* Аналогия в механизме определения размера компенсации за нарушение акционерного соглашения // Законодательство и экономика. 2016. № 4. С. 38.
19. *Мустафин Р.Ф.* Элементы типового договора и порядок их формирования // Современная научная мысль. 2014. № 1. С. 111.
20. *Пахомова Н.Н.* Цивилистическая теория корпоративных отношений // Налоги и финансовое право. 2005. № 1.
21. *Попондопуло В.Ф.* Правопонимание: критический обзор основных концепций // Росс. Юрид. журнал. 2020. № 3. С. 16.
22. *Суханов Е.А.* Основы гражданского законодательства // Гражданское право России – частное право / отв. ред. В.С. Ем. М., 2008. С. 77, 78.
23. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 4. С. 141.

³⁸ *Микрюков В.А.* Аналогия в механизме определения размера компенсации за нарушение акционерного соглашения // Законодательство и экономика. 2016. № 4. С. 38.

24. *Ульбашев А.Х.* Нематериальные блага как объекты гражданских прав: генезис, сущность и проблемы формализации // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2017. № 3. С. 61–71.
25. *Черниловский З.М.* Всеобщая история государства и права. М., 1983. С. 78, 79.
26. *Шиткина И.С.* Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 40, 41.
12. *Dozhdev D.V.* Roman Private Law: textbook for universities / ed. by V.S. Nersesyants. M., 1996. Pp. 117, 118 (in Russ.).
13. *Egorov N.D.* Civil law regulation of public relations: unity and differentiation. L., 1988. P. 117 (in Russ.).
14. *Inozemtsev M.I.* Shareholder agreement: liability for violation under the law of Russia and foreign states. M., 2020. Pp. 91, 92, 121 (in Russ.).
15. *Kovtun N.N.* Moral foundations of rehabilitation in criminal proceedings in Russia: law, doctrine, practice // Russ. judge. 2021. No. 12. P. 27 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Abakumova E.B.* Prospects for the application of a corporate contract in Russia // Modern law. 2016. No. 5. P. 57 (in Russ.).
2. *Andreev V.K.* On the nature of a corporate contract // Lawyer. 2015. No. 3. Pp. 6, 39 (in Russ.).
3. *Andreev V.K., Laptev V.A.* Corporate Law of modern Russia. M., 2015. P. 8 (in Russ.).
4. *Artamkina E.V.* The place of a corporate contract among civil law contracts divided according to the principle of dichotomy // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. No. 10. P. 91 (in Russ.).
5. *Bogdanov E.V.* Corporate contract as an agreement on the collective exercise (non-exercise) of subjective corporate rights // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. No. 7. Pp. 54–56 (in Russ.).
6. *Bogdanova E.E.* Problems of corporate contract compensation // Journal of Business and Corporate Law. 2017. No. 1. Pp. 28–31 (in Russ.).
7. *Vavin N.G.* Legal entities in friendly associations // Law and Life: a journal devoted to issues of law and economic construction / ed. by A.M. Vinaver, M.N. Gernet, A.N. Trainin. 1925. Books 4–5. Pp. 3, 4 (in Russ.).
8. *Vavulin D.A., Fedotov V.N.* Legal bases of the shareholder agreement // Law and Economics. 2009. No. 8. P. 48 (in Russ.).
9. *Gabov A.V.* Limited and additional liability companies in Russian legislation. M., 2010. Pp. 61, 62 (in Russ.).
10. *Gutnikov O.V.* Civil liability in relations related to the management of legal entities: dis. ... Doctor of Law. M., 2018. P. 428 (in Russ.).
11. *Dobrachev D.V.* Recovery of losses, penalties and compensation in the system of liability measures for violation of a corporate agreement // Journal of Business and Corporate Law. 2023. No. 1. P. 23 (in Russ.).
16. *Koretsky A.D.* The concept and classification of the elements of the contract // Legality. 2005. No. 10. P. 40 (in Russ.).
17. *Korning P.A.* Fair shares: beyond capitalism and socialism. Biological foundations of social justice // Facets of cognition: science, philosophy, culture in the 21st century: in 2 books / ed. by N.K. Udumyan. M., 2007. Book 1. P. 339 (in Russ.).
18. *Mikryukov V.A.* Analogy in the mechanism of determining the amount of compensation for violation of a shareholder agreement // Legislation and Economics. 2016. No. 4. P. 38 (in Russ.).
19. *Mustafin R.F.* Elements of a model contract and the procedure for their formation // Modern scientific thought. 2014. No. 1. P. 111 (in Russ.).
20. *Pakhomova N.N.* The civil theory of corporate relations // Taxes and Financial Law. 2005. No. 1 (in Russ.).
21. *Popondopulo V.F.* Legal understanding: a critical review of basic concepts // Russ. legal journal. 2020. No. 3. P. 16 (in Russ.).
22. *Sukhanov E.A.* Fundamentals of civil legislation // Civil Law of Russia – private law / ed. by V.S. Em. M., 2008. Pp. 77, 78 (in Russ.).
23. *Explanatory Dictionary of the Russian language* / ed. by D.N. Ushakov. M., 1935–1940. Vol. 4. P. 141 (in Russ.).
24. *Ulbashev A.H.* Intangible assets as objects of civil rights: genesis, essence and problems of formalization // Herald of Moscow University. Ser. 11. Law. 2017. No. 3. Pp. 61–71 (in Russ.).
25. *Chernilovskiy Z.M.* Universal history of the state and law. M., 1983. Pp. 78, 79 (in Russ.).
26. *Shitkina I.S.* Shareholders' agreements (agreements on the exercise of the rights of participants) as a source of regulation of corporate relations // Economy and law. 2011. No. 2. Pp. 40, 41 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПОЗДНЯКОВА Анна Сергеевна — кандидат юридических наук, судья Сакмарского районного суда Оренбургской области в отставке, доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 460006 г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50

Authors' information

POZDNYAKOVA Anna S. — PhD in Law, Retired Judge of the Sakmar District Court of the Orenburg Region, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Orenburg Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 50 Komsomolskaya str., 460006 Orenburg, Russia

УДК 349.2

К ВОПРОСУ О СРОКАХ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

© 2025 г. М. О. Буянова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: mobuianova@mail.ru

Поступила в редакцию 16.12.2024 г.

Аннотация. В статье на основе существующих философских и правовых взглядов проводятся научные размышления над понятием сроков в праве вообще и его соотношением с понятием сроков в трудовом праве. Срок является важнейшей, сущностной характеристикой правоотношений (в том числе трудовых), определяющей временные пределы существования трудовых прав и обязанностей их участников. Указанные свойства сроков обусловили отнесение их к юридическим фактам. Обосновывается вывод о том, что сроки в трудовом праве представляют собой фиксированные отрезки времени, в течение которого могут существовать определенные трудовые отношения и реализовываться трудовые права и обязанности их участников.

Ключевые слова: труд, трудовой договор, трудовые правоотношения, срок, юридические факты, возникновение, изменение, прекращение правоотношений, время, социальные обстоятельства, момент времени, промежуток времени.

Цитирование: Буянова М. О. К вопросу о сроках в трудовом праве // Государство и право. 2025. № 8. С. 77–82.

DOI: 10.31857/S1026945225080082

ON THE ISSUE OF TIME LIMITS IN LABOR LAW

© 2025 M. O. Buyanova

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

E-mail: mobuianova@mail.ru

Received 16.12.2024

Abstract. Based on existing philosophical and legal views, the article provides scientific reflections on the concept of time limits in law in general and its relationship to the concept of time limits in Labor Law. The term is the most important, essential characteristic of legal relations (including labor relations), which determines the time limits of the existence of labor rights and obligations of their participants. The specified properties of the terms led to their attribution to legal facts. The author substantiates the conclusion that terms in labor law represent fixed periods of time during which certain labor relations can exist and the labor rights and obligations of their participants can be realized.

Key words: labor, employment contract, labor relations, term, legal facts, occurrence, change, termination of legal relations, time, social circumstances, moment of time, time interval.

For citation: Buyanova, M.O. (2025). On the issue of time limits in Labor Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 77–82.

Вытекающие из трудового договора трудовые правоотношения, представляющие собой отношения между работником и работодателем по поводу личного выполнения работником за плату трудовой функции (часть вторая ст. 15 ТК РФ), предполагают временные рамки своего существования. Возникновение, изменение и прекращение этих отношений всегда происходят во времени. В науке и философии время понимается как форма протекания естественных процессов, как форма существования материи, выражающая порядок смены явлений¹. Временные связи и отношения характеризуют разнообразные аспекты природных и социальных процессов на всех уровнях структурной организации материи: от объектов неживой природы до живых организмов и социальных систем. При этом каждому уровню присуща своя качественная специфика и своеобразие протекающих процессов, особенности временной организации связей и отношений, конкретно — в ритмической организации явлений.

Специфика процессов, протекающих в обществе, в сфере социальной действительности, обусловила выделение понятия социального времени, под которым понимается время человеческого бытия, человеческой деятельности, т.е. «присвоенное человеком физическое время, обращенное им на службу своим интересам»². Понятие социального времени отражает последовательность изменения состояния различных общественных систем и временную взаимосвязь событий, происходящих в социуме. Социальное время, как указывалось в философской литературе, «отражает взаимодействие различных групп, национальных и культурных общностей по поводу условий их жизни и деятельности. Социальное время в первую очередь связано с условиями непосредственного существования людей и определяется во многом ритмами жизнедеятельности конкретного человека, определенных групп и общностей. Это время результирует всю систему социальных отношений, выражает ее эффективность»³. Определяя направленность, длительность, темп социальных процессов и социального бытия как отдельного человека, так и общества в целом, социальное время выступает в качестве параметра, структурирующего социальную реальность.

Таким образом, время является объективной и неотъемлемой характеристикой всех процессов реальности (социальное время — социальной реальности), в том числе — процессов, связанных с функционированием трудовых правоотношений.

Однако в сфере права юридическое значение имеет не собственно время как таковое, а определенные отрезки времени или же конкретные моменты времени⁴. Законодатель увязывает возникновение, изменение и прекращение различных правоотношений с определенным моментом времени, а также устанавливает временные отрезки функционирования правовых отношений в различных сферах деятельности. Объединяющим понятием для указанных явлений — определенного отрезка времени и конкретного момента времени — является понятие срока. (Заметим, что в русском языке понятие срока трактуется как «определенный промежуток времени», а также как «назначенный, установленный момент исполнения, вступления чего-либо»⁵.) В аналогичном смысле толкуется понятие срока и в юридической литературе. Так, известный отечественный цивилист В.П. Грибанов отмечал, что «срок есть лишь отрезок времени, либо определенный момент во времени, который устанавливается законом, договором или определяется иными волевыми действиями людей»⁶. По мнению А.З. Доловой, «срок в праве — это отрезок времени (период, момент) определяемый законом или в соответствии с требованиями закона, волевыми действиями людей, с истечением или наступлением которого нормы права связывают определенные юридические последствия»⁷.

Несколько иной подход к трактовке понятия срока реализует С.А. Комков. Исследуя понятие и содержание срока в трудовом праве, автор определяет срок как специфическую юридическую модель физического времени: «срок в трудовом праве — это закрепленная в законодательстве о труде, локальных нормативных правовых актах, соглашениях и договорах субъектов трудового права юридическая модель объективно существующего времени, используемая государством, работодателем, работниками (их представителями) в отношениях»⁸.

На наш взгляд, данное определение срока не отражает его юридически значимых характеристик

¹ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2000. Т. I. С. 450; Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1995. С. 392.

² Колесниченко П. Г. Время как объект социально-философского исследования: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1998. С. 46.

³ Мифтахутдинова А. М. Время в системе социально-экономических отношений: дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2010. С. 75.

⁴ Батянов М. В. Срок действия гражданско-правового договора. Самара, 2013. С. 12.

⁵ Современный толковый словарь русского языка / ред. С.М. Снарская. СПб., 2003. С. 788.

⁶ Грибанов В. П. Сроки в гражданском праве. М., 1967. С. 9.

⁷ Долова А. З. Сроки в договорах трудового права России и защите трудовых прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 19.

⁸ Комков С. А. Сроки в трудовом праве Российской Федерации. Иркутск, 2006. С. 15.

и не может быть практически применимо в законотворческой деятельности. В науке модель понимается как конструкция, изоморфная моделируемой системе, где каждому объекту моделируемой системы (в нашем случае — времени) ставится в соответствие определенный элемент данной модели (в нашем случае — срока), а свойствам и отношениям объектов системы соответствуют свойства и отношения элементов модели⁹. Срок не изоморфен времени, поскольку не обладает такими существенными свойствами времени, как, например, его бесконечность (тогда как характерная особенность срока это его ограниченность и определенность момента его начала и момента окончания), зависимости темпа течения от распределения масс и скорости движения объекта, относительность времени (относительность одновременности событий, происходящих в разных местах, и неодинаковость течения времени в разных инерциальных системах отсчета)¹⁰. Кроме того, сам автор указывает, что течение срока обычно подвержено волевому воздействию людей¹¹, тогда как течение времени объективно и не зависит от воли человека.

Срок является важнейшей, сущностной характеристикой правоотношений (в том числе трудовых), определяющей временные пределы существования трудовых прав и обязанностей их участников. Указанные свойства сроков обусловили отнесение их к юридическим фактам. Обосновывая эту позицию, А.З. Долова отмечает: «Поскольку со сроком связываются определенные правовые последствия, то его надо считать юридическим фактом»¹².

Под юридическими фактами «в науке и на практике понимаются конкретные социальные обстоятельства (события, действия), вызывающие в соответствие с нормами права наступление определенных правовых последствий — возникновение, изменение или прекращение правовых отношений»¹³. В юридической литературе имеются расхождения в точках зрения на место срока среди юридических фактов.

Некоторые ученые-юристы рассматривают срок как разновидность юридического факта-события.

Так, по мнению Э.Н. Бондаренко, имеется больше оснований для отнесения сроков к событиям, но при этом в числе данных юридических фактов сроки стоят особняком¹⁴.

А.З. Долова различает два вида сроков и относит их к разным категориям юридических фактов: «Когда в трудовом праве речь идет о «сроке», то надо различать два момента: первый — установление срока и второй — истечение или наступление его. Установление срока — это юридический факт-действие, истечение срока — юридический факт-событие»¹⁵.

Достаточно распространена точка зрения на сроки как на самостоятельную категорию юридических фактов. Так, например, В.П. Грибанов полагает, что юридические сроки «занимают самостоятельное место наряду с юридическими событиями и юридическими действиями и по своему характеру представляют нечто среднее между ними»¹⁶. Аналогичной позиции придерживается И.Е. Ворожейкин¹⁷. Среди ученых, специалистов в области трудового права данную точку зрения разделяет В.Н. Скобелкин, указывающий, что сроки, предусмотренные нормативными правовыми актами, составляют важную группу юридических фактов, с которыми связана динамика трудовых правоотношений¹⁸. В.Б. Исаков рассматривает сроки в праве как отличную от действий и событий разновидность юридических фактов¹⁹.

Как представляется, разногласия в точках зрения ученых-юристов на юридическую природу сроков в праве и связь данного понятия с понятием юридического факта в некоторой степени обуславливаются тем, что, во-первых, это понятие включает в себя два не совпадающих между собой содержательных аспекта, на которые было указано выше: а) аспект срока как определенного отрезка, промежутка времени; б) аспект срока как момента времени — момента наступления некоторого события или совершения какой-либо действия. Во-вторых, следует учитывать, что сроку в праве имманентны два диалектически связанных между собой момента: а) момент объективности, выражающийся в том, что само течение срока как времени,

⁹ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. II. С. 596.

¹⁰ См.: Физический энциклопедический словарь. С. 509; Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1960. Т. I. С. 298.

¹¹ См.: Комков С.А. Указ. соч. С. 14. Хотя следует отметить, что вопрос о подверженности срока волевому воздействию носит дискуссионный характер (см.: Грибанов В.П. Указ. соч. С. 8; Бондаренко Э.Н. Динамика трудового правоотношения. М., 2021. С. 159).

¹² Долова А.З. Указ. соч. С. 19.

¹³ Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2002. Т. 2. С. 420.

¹⁴ См.: Бондаренко Э.Н. Указ. соч. С. 159.

¹⁵ Долова А.З. Указ. соч. С. 19.

¹⁶ Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 24.

¹⁷ См.: Ворожейкин И.Е. История труда и предпринимательства М., 1995. С. 35.

¹⁸ См.: Скобелкин В.Н., Передерин С.В., Чуча С.Ю., Семенюта Н.Н. Трудовое процедурно-процессуальное право. Воронеж, 2002. С. 127.

¹⁹ См.: Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. С. 428, 429.

а также наступление конкретных сроков как моментов физического времени не зависит от воли и желания человека; б) момент субъективности, выражающийся в том, что конкретные даты начала, изменения и прекращения правоотношений и, соответственно, их длительность (т.е. собственно сроки их функционирования) могут устанавливаться участниками правоотношений в договорном порядке, т.е. в зависимости от их согласованной воли.

Отнесение сроков к юридическим фактам без четкого их различения на сроки как отрезки времени и сроки как моменты времени может привести к неправильному выводу о том, что устанавливаемый законом или договором срок как юридически значимый промежуток времени влечет возникновение, изменение либо прекращение правоотношений, т.е. выступает в качестве юридического факта. Между тем российский законодатель увязывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений не со сроком — отрезком времени, а со сроком — моментом времени, но не с самим по себе, а с наступлением определенного момента времени: момента начала течения установленного срока либо момента его истечения. В сфере трудовых правоотношений юридическим фактом, который влечет за собой возникновение трудовых правоотношений, выступает календарная дата (т.е. наступление определенного дня), которая определяет начало возникновения трудовых прав и обязанностей работника и работодателя. А юридическим фактом, который влечет за собой прекращение трудовых прав и обязанностей участников трудовых правоотношений, является наступление следующего дня после календарной даты, которой определено окончание трудовых отношений (ст. 14 ТК РФ).

Аналогичной позиции придерживается и судебная практика. Так, Иркутский областной суд, рассмотрев в кассационном порядке дело по жалобе гр. Х. о признании незаконным приказа о прекращении заключенного с ним трудового договора, оставил кассационную жалобу без удовлетворения, указав, что порядок и основание увольнения Х. нарушены не были, а основанием увольнения послужил юридический факт окончания срока действия трудового договора²⁰. Московский городской суд в кассационном определении по делу по иску гр. Д. о признании действий по составлению трудового договора, приказа о принятии на работу, приказа об увольнении неправомерными и незаконными, указал, что «истечение срока трудового договора, заключенного на определенный срок, является юридическим фактом, при

наступлении которого каждая из сторон вправе заявить о прекращении трудовых отношений»²¹.

Таким образом, срок как таковой не может рассматриваться в качестве юридического факта. Юридическое значение срока как промежутка времени заключается в том, что на его основе определяется момент времени, наступление которого является юридическим фактом, влекущим за собой определенные правовые последствия для участников правовых отношений.

Выделение в сроке объективного и субъективного моментов позволяет, как представляется, более точно определить соотношение сроков с юридическими фактами — событиями и юридическими фактами — действиями. События как юридические факты определяются в теории права как такие обстоятельства, которые не зависят от воли и сознания человека²². К ним следует отнести наступление определенного момента времени, например истечение срока трудового договора²³. Истечение срока трудового договора — событие, которое должно наступить вне зависимости от каких-либо иных обстоятельств, а потому не зависит от воли и желания работника и работодателя. Это событие определяет, что срок, установленный трудовым договором, стал фактом объективной реальности и возможно наступление предусмотренных законом или договором юридических последствий. Заметим, что в гражданском праве прямо устанавливается, что срок может определяться указанием на событие, которое должно неизбежно наступить (п. 2 ст. 190 ГК РФ). Опираясь на данную норму, судебная практика исходит из того, что срок может определяться указанием лишь на такое событие, которое должно неизбежно наступить, т.е. не зависит от воли и действий сторон²⁴.

В отличие от событий, юридические факты-действия — это такие обстоятельства, которые прямо зависят от воли и человека, это его поведенческий

²¹ См.: Кассационное определение Московского городского суда от 28.12.2014 № 4г/2-1107/14 // В официальных источниках опубликовано не было.

²² См.: Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. С. 381; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004. С. 402; Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. С. 427; и др.

²³ См.: Долова А.З. Основания прекращения индивидуального трудового правоотношения как юридические факты // Юрид. образование и наука. 2009. № 4. С. 34.

²⁴ См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.12.2014 № 13АП-24772/2014 по делу № А56-33910/2014 // В официальных источниках опубликовано не было; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.04.2015 г. по делу № А05-13773/2014 // В официальных источниках опубликовано не было; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2015 № 15АП-1564/2015 по делу № А53-18138/2014 // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁰ См.: Определение Иркутского областного суда от 25.02.2011 г. по делу № 33-1467/11 // В официальных источниках опубликовано не было.

* * *

акт (преднамеренные действия, совершаемые правоспособным лицом, направленные на достижение определенных юридических последствий) или поступок (действия лица, не обязательно правоспособного, которые влекут возникновение юридических последствий независимо от намерения этого лица)²⁵. Российский законодатель закрепил положение о том, что дата начала работы и срок срочного трудового договора подлежат включению в трудовой договор как его обязательные условия (абзац четвертый части второй ст. 57 ТК РФ). Тем самым презюмируется, что указанные обстоятельства зависят от воли сторон трудового договора, а потому установление сторонами сроков в трудовом договоре: конкретной даты начала работы и срока действия трудового договора в случае, когда заключается срочный трудовой договор, подпадает под категорию юридического факта разновидности — поведенческого акта).

Следует также отметить, что наступление, истечение определенных сроков как юридические факты влекут возникновение, изменение или прекращение правовых отношений только в рамках сложного фактического состава, на что обращалось внимание в юридической литературе. По мнению В.Б. Исакова, «сроки — такие юридические факты, которые могут выступать только как элементы фактического состава. Срок сам по себе, вне связи с ситуацией, никакого содержания не несет: он значим только как срок **чего-либо**»²⁶. Э.Н. Бондаренко, исследуя динамику трудовых правоотношений приходит к выводу, что «как основание возникновения трудового правоотношения срок если и может быть, то только элементом сложного состава»²⁷.

Таким образом, сроки в трудовом праве представляют собой, во-первых, фиксированные отрезки времени, в течение которого могут существовать определенные трудовые отношения и реализовываться трудовые права и обязанности их участников. Во-вторых, сроки представляют собой моменты времени, с наступлением которых законодательство или трудовой договор связывают возникновение, изменение либо прекращение трудовых правоотношений. Юридическое значение сроков в трудовом праве состоит в том, что они являются условиями трудового договора, а их установление в договоре, наступление, истечение — юридическими фактами, входящими в сложный фактический состав и влекущими в рамках этого состава возникновение, изменение или прекращение трудовых правоотношений.

Рассмотрение проблемы сроков в трудовом праве позволяет сделать следующие выводы.

1. В сфере права юридическое значение имеет не собственно время как таковое, а определенные отрезки времени или же конкретные моменты времени. Законодатель увязывает возникновение, изменение и прекращение различных правоотношений с определенным моментом времени, а также устанавливает временные отрезки функционирования правовых отношений в различных сферах деятельности. Объединяющим понятием для указанных явлений — определенного отрезка времени и конкретного момента времени — является понятие срока.

2. Срок как таковой не может рассматриваться в качестве юридического факта. Юридическое значение срока как промежутка времени заключается в том, что на его основе определяется момент времени, наступление которого является юридическим фактом, влекущим за собой определенные правовые последствия для участников правовых отношений.

Возникновение, изменение и прекращение правоотношений связано не со сроком — отрезком времени, а со сроком — моментом времени, а именно — с наступлением определенного момента времени: момента начала течения установленного срока либо момента его истечения. В сфере трудовых правоотношений юридическим фактом, который влечет за собой возникновение трудовых правоотношений, выступает календарная дата (т.е. наступление определенного дня), которая определяет начало возникновения трудовых прав и обязанностей работника и работодателя. А юридическим фактом, который влечет за собой прекращение трудовых прав и обязанностей участников трудовых правоотношений, является наступление следующего дня после календарной даты, которой определено окончание трудовых отношений.

3. Наступление определенного момента времени является юридическим фактом — событием. Установление сторонами сроков в трудовом договоре определенной даты начала работы и срока действия срочного трудового договора является юридическим фактом — действием. Наступление, истечение определенных сроков как юридические факты влекут возникновение, изменение или прекращение правовых отношений только в рамках сложного фактического состава.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулаев М.И.* Теория государства и права. М., 2004. С. 189.
2. *Батянов М.В.* Срок действия гражданско-правового договора. Самара, 2013. С. 12.

²⁵ См.: *Абдулаев М.И.* Теория государства и права. М., 2004. С. 189; *Мелехин А.В.* Теория государства и права. М., 2007. С. 370.

²⁶ Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. С. 428.

²⁷ *Бондаренко Э.Н.* Указ. соч. С. 159.

3. *Бондаренко Э.Н.* Динамика трудового правоотношения. М., 2021. С. 159.
4. *Ворожейкин И.Е.* История труда и предпринимательства. М., 1995. С. 35.
5. *Грибанов В.П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 24.
6. *Грибанов В.П.* Сроки в гражданском праве. М., 1967. С. 8, 9.
7. *Долова А.З.* Основания прекращения индивидуально-трудового правоотношения как юридические факты // Юрид. образование и наука. 2009. № 4. С. 34.
8. *Долова А.З.* Сроки в договорах трудового права России и защите трудовых прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 19.
9. *Колесниченко П.Г.* Время как объект социально-философского исследования: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1998. С. 46.
10. *Комков С.А.* Сроки в трудовом праве Российской Федерации. Иркутск, 2006. С. 14, 15.
11. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. М., 2004. С. 402.
12. *Мелехин А.В.* Теория государства и права. М., 2007. С. 370.
13. *Мифтахутдинова А.М.* Время в системе социально-экономических отношений: дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2010. С. 75.
14. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2000. Т. I. С. 450; т. II. С. 596.
15. Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2002. Т. 2. С. 420, 427–429.
16. *Скобелкин В.Н., Передерин С.В., Чуча С.Ю., Семенюта Н.Н.* Трудовое процедурно-процессуальное право. Воронеж, 2002. С. 127.
17. Современный толковый словарь русского языка / ред. С.М. Снарская. СПб., 2003. С. 788.
18. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. С. 381.
19. Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1995. С. 392, 509.
20. Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1960. Т. I. С. 298.
2. *Batyanov M.V.* The validity period of a civil contract. Samara, 2013. P. 12 (in Russ.).
3. *Bondarenko E.N.* Dynamics of labor relations. M., 2021. P. 159 (in Russ.).
4. *Vorozheikin I.E.* History of labor and entrepreneurship. M., 1995. P. 35 (in Russ.).
5. *Gribanov V.P.* Limits of the exercise and protection of civil rights. M., 1992. P. 24 (in Russ.).
6. *Gribanov V.P.* Terms in Civil Law. M., 1967. Pp. 8, 9 (in Russ.).
7. *Dolova A.Z.* Grounds for termination of individual labor relations as legal facts // Legal education and science. 2009. No. 4. P. 34 (in Russ.).
8. *Dolova A.Z.* Terms in contracts of Labor Law of Russia and protection of labor rights: dis. ... PhD in Law. M., 1998. P. 19 (in Russ.).
9. *Kolesnichenko P.G.* Time as an object of socio-philosophical research: dis. ... Candidate of Philology. Volgograd, 1998. P. 46 (in Russ.).
10. *Komkov S.A.* Terms in the Labor Law of the Russian Federation. Irkutsk, 2006. Pp. 14, 15 (in Russ.).
11. *Matuzov N.I., Mal'ko A.V.* Theory of state and law. M., 2004. P. 402 (in Russ.).
12. *Melekhin A.V.* Theory of state and law. M., 2007. P. 370 (in Russ.).
13. *Miftakhutdinova A.M.* Time in the system of socio-economic relations: dis. ... PhD in Philology. Cheboksary, 2010. P. 75 (in Russ.).
14. New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. M., 2000. Vol. I. P. 450; vol. II. P. 596 (in Russ.).
15. General theory of the state and law / ed. by M.N. Marchenko. M., 2002. Vol. 2. Pp. 420, 427–429 (in Russ.).
16. *Skobelkin V.N., Perederin S.V., Chucha S. Yu., Semenyuta N.N.* Labor Procedural Law. Voronezh, 2002. P. 127 (in Russ.).
17. Modern explanatory dictionary of the Russian language / ed. by S.M. Snarskaya. SPb., 2003. P. 788 (in Russ.).
18. Theory of the state and law / ed. by A.S. Pigolkin. M., 2003. P. 381 (in Russ.).
19. Physical Encyclopedia / chief editor A.M. Prokhorov. M., 1995. Pp. 392, 509 (in Russ.).
20. Philosophical Encyclopedia: in 5 vols / chief editor F.V. Konstantinov. M., 1960. Vol. I. P. 298 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

БУЯНОВА Марина Олеговна —
доктор юридических наук, профессор,
профессор-исследователь департамента
публичного права факультета права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Authors' information

BUYANOVA Marina O. —
Doctor of Law, Professor,
Research Professor
at the Department of Public Law,
Faculty of Law; National Research University
“Higher School of Economics”;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

УДК 349.6

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

© 2025 г. М. М. Бринчук

Московский государственный университет геодезии и картографии

E-mail: brinchuk@gmail.com

Поступила в редакцию 08.07.2024 г.

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы доктрины и права, касающиеся значения рационального природопользования для природы, общества, государства. Рациональное природопользование рассматривается как фактор поддержания благоприятного состояния окружающей среды и обеспечения национальной безопасности. Дается авторское определение исследуемого понятия.

Ключевые слова: природа, природные ресурсы, рациональное природопользование, принцип права, цель в природоресурсном законодательстве, Конституция РФ, экологическое право, благоприятная окружающая среда, национальная безопасность.

Цитирование: Бринчук М.М. Понятие и правовое значение рационального природопользования // Государство и право. 2025. № 8. С. 83–96.

DOI: 10.31857/S1026945225080091

THE CONCEPT AND LEGAL SIGNIFICANCE OF RATIONAL USE OF NATURAL RESOURCES

© 2025 M. M. Brinchuk

Moscow State University of Geodesy and Cartography

E-mail: brinchuk@gmail.com

Received 08.07.2024

Abstract. The article examines topical issues of doctrine and law concerning the importance of rational nature use for nature, society, and the state. Rational use of natural resources is considered as a factor in maintaining a favorable state of the environment and ensuring national security. The author's definition of the concept under study is given.

Key words: nature, natural resources, rational use of natural resources, principle of law, goal in natural resource legislation, Constitution of the Russian Federation, Ecological Law, favorable environment, national security.

For citation: Brinchuk, M.M. (2025). The concept and legal significance of rational use of natural resources // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 83–96.

Понятие «рациональный» как прилагательное применяется к оценке качества ряда объектов (предметов). Можно говорить о рациональном человеке, рациональной политике, рациональном государстве. Мы видим, что, прилагая характеристику рационального, придаем существу оцениваемого предмета или явления откровенно положительное, особое значение.

Поскольку рациональность относится к природопользованию, то и ее значение должно касаться прежде всего оценки качества экологической сферы. Задаваясь вопросом о правовом значении исследуемой категории, становится очевидно, что оно должно особо проявляться в экологическом и природоресурсном праве. Последнее суждение означает, что рациональное природопользование должно выражать особую сущность этого права, определяя его общественную полезность и эффективность, отражающуюся, подчеркнем, и на состоянии природы.

Само это предисловие имеет для статьи важное методологическое значение, видимое как минимум в двух его проявлениях. *Первое* касается масштаба решаемых посредством рационального природопользования важных для общества и государства задач. По *второму* явлению (с учетом семантической связи этой категории с экологическим и природоресурсным правом) нас интересует непосредственный правовой потенциал этого типа использования природных ресурсов, его качественная характеристика для данного права.

О масштабе решаемых, государственно значимых задач мы можем, в частности, судить по положениям нормативно-правовых актов высокого уровня.

Так, широкий правовой контекст рациональному природопользованию дан в Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 № 1225-р¹. Обеспечение рационального природопользования представлено здесь как стратегическая

цель, задача и принцип государственной политики в области экологии.

Для поставленного вопроса о масштабе значения исследуемой категории особо значима Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400². Согласно Указу экологическая безопасность и рациональное природопользование регулируются как *элемент стратегии обеспечения национальной безопасности страны*.

Надеюсь, уважаемый читатель согласится с позицией автора статьи, что если:

обеспечение рационального природопользования представляет собой стратегическую цель, задачу и принцип государственной политики в области экологии;

и даже более того:

рациональное природопользование является элементом стратегии обеспечения национальной безопасности страны;

то в экологическом и природоресурсном законодательстве и праве категория «рациональное природопользование» играет (должна играть) особую роль в эколого-правовом и природоресурсно-правовом механизмах.

Обратим внимание, что Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»³ (далее — Закон) в ст. 1 содержит множество основных понятий, понятие «рациональное природопользование» в нем не представлено. При этом названо значимое для нас родственное понятие — «использование природных ресурсов» — эксплуатация природных ресурсов, вовлечение их в хозяйственный оборот, в том числе все виды воздействия на них в процессе хозяйственной и иной деятельности. Для нас важно видеть, что *все виды воздействия на природные ресурсы* в процессе хозяйственной и иной деятельности в соответствии с концепцией Закона являются «использованием природных ресурсов» (к примеру, сброс сточных вод

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 36, ст. 3510.

² См.: СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

³ См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

в водоем или выброс загрязняющих веществ в атмосферу). Подчеркну, что автор статьи с этим вполне согласен.

Не дается определение данного понятия и в природоресурсном законодательстве.

Наличие в законодательстве определения понятия рационального природопользования, рационального использования природных ресурсов как основного означало бы *знание его юридического содержания, что служило бы определенным юридическим критерием оценки действий субъектов экологического и природоресурсного права в области использования природных ресурсов*.

При отсутствии определения исследуемого понятия и конкретного знания о его содержании Закон во многих нормах, включающих важные положения, основывается на требовании об обеспечении рационального природопользования.

Вполне обоснованно законодатель в ст. 2 Закона, определяющей систему законодательства в области охраны окружающей среды, устанавливает, что отношения, возникающие в области охраны и *рационального использования природных ресурсов*, их сохранения и восстановления, регулируются земельным, водным, лесным законодательством, законодательством о недрах, животном мире, иным законодательством в области охраны окружающей среды и природопользования.

К вопросу о регулировании рационального природопользования в природоресурсном, как и в экологическом законодательстве в контексте предмета статьи мы еще вернемся.

Положение Указа о стратегии национальной безопасности Российской Федерации о рациональном природопользовании стоит посмотреть особо. Оно показывает реальное правовое значение исследуемой категории, по сути являющейся экологической, далеко выходящее за пределы экологической сферы. Вполне соглашаясь с ролью экологической безопасности и рационального природопользования в качестве элемента стратегии обеспечения национальной безопасности страны, мы прежде всего видим в нем выражение системного подхода к оценке потенциала этого типа использования природных ресурсов. Именно в рамках такого системного подхода мы можем утверждать, что рациональное природопользование является главным правовым ресурсом обеспечения и самой экологической безопасности России. Только в такой связи мы можем оценивать их применительно к обеспечению национальной безопасности.

Непосредственную нормативно-методологическую связь рационального природопользования с обеспечением национальной безопасности можно видеть в следующей системе отношений,

обозначенных и урегулированных Конституцией РФ. Согласно ст. 9 земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в России как основа жизни и деятельности народов. При этом здоровой основой жизни и деятельности общества может служить только благоприятная окружающая среда (природа), конституционное право на которую имеет каждый. Соответственно рациональное природопользование должно быть ориентировано на сохранение, поддержание благоприятного состояния окружающей среды.

Отступление от этого мировоззренческого и методологического правила таит в себе угрозы обществу, а соответственно и национальной безопасности. Национальная безопасность — это отсутствие угроз нации, обществу, в том числе и экологических угроз. В свете нормы ст. 9 Конституции РФ экологические угрозы, опосредованные этой нормой, имеют особое правовое значение, так как реально имеет место угроза основам жизни и деятельности народов. Подчеркнем, что эта норма служит и поддержанию основ конституционного строя России.

Исследование и демонстрация обозначенных реальных связей рационального природопользования в системе «экологическая безопасность — национальная безопасность» убедительно показывает не только значение исследуемой категории, но и дает четкое знание о правовой направленности рационального использования природных ресурсов — поддержание благоприятного состояния природы.

В данном случае мы говорим о должном, при котором вправе иметь экологическое благополучие (!). И выводим это должное из положений Основного Закона России.

Посмотрим при этом на реальную ситуацию, которую будем оценивать с учетом знания, насколько в реальности природопользование является рациональным. И какова реальная мера рационального природопользования как средства стратегии обеспечения национальной безопасности.

Эту реальную ситуацию, подчеркнем, в аспекте действия нормы ст. 9 Основного Закона о природных ресурсах как основе жизни и деятельности народов мы видим из Указа Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»⁴. Согласно разд. II текущее состояние экологической безопасности и окружающей среды на территории Российской Федерации, где сосредоточена большая часть населения страны, производственных мощностей и наиболее продуктивные сельскохозяйственные угодья (составляет

⁴ См.: СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2546.

около 15% территории страны), *оценивается как неблагоприятное по экологическим параметрам.*

Экологическое неблагоприятие на такой значительной территории — серьезный фактор создания нездоровой основы жизни и деятельности общества и угрозы национальной безопасности.

Беда и в том, что экологические угрозы, проявленные такой ситуацией, сопряжены с существенными потерями, также названными в этом Указе:

окружающая среда в городах и на прилегающих к ним территориях, где проживает 74% населения страны, подвергается существенному негативному воздействию;

неблагоприятная окружающая среда является причиной ухудшения здоровья и повышения смертности населения⁵, особенно той его части, которая проживает в промышленных центрах и вблизи производственных объектов;

по экспертным оценкам, ежегодно экономические потери, обусловленные ухудшением качества окружающей среды и связанными с ним экономическими факторами, без учета ущерба здоровью людей, составляют 4–6% ВВП.

Даже эти частичные характеристики экологического неблагоприятия и его последствий, в том числе и для национальной безопасности, убеждают в важности действительно рационального природопользования, знания содержания этого понятия также и для того, чтобы объяснить причины существующей ситуации.

Вынесенный в заголовок статьи предмет относится к оценке правового значения рационального природопользования как феномена, изначально имеющего философскую природу, подчеркнем, высоко значимую для развития общества на цивилизованных началах. Ожидается, что философское объяснение рационального — в поведении человека, в деятельности общества, в действиях государства применительно к использованию природных ресурсов — будет априори означать *разумное*. В сфере права эта категория приобретает уже конкретные юридически значимые проявления и значения.

Рациональное природопользование в экологическом законодательстве

Уже в первом акте экологического законодательства — Законе РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР»⁶ — в преамбуле говорилось: «В целях усиления охраны природы, *обеспечения*

рационального использования и воспроизводства природных ресурсов Верховный Совет РСФСР постановляет: ...». И далее следовали статьи данного Закона.

Интересно и содержательно сформулирована норма о рациональном природопользовании в Законе РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060 «Об охране окружающей природной среды»⁷ в виде одного из основных принципов охраны окружающей природной среды (ст. 3). Субъекты экологически значимой деятельности обязываются руководствоваться принципом *рационального использования природных ресурсов с учетом законов природы, потенциальных возможностей окружающей природной среды, необходимости воспроизводства природных ресурсов и недопущения необратимых последствий для окружающей природной среды и здоровья человека*. Как законы природы вечно обеспечивают равновесие, баланс, стабильность в природе, так и в экологической системе «природа — общество», в экологической сфере жизни общества благодаря рациональному использованию природных ресурсов, осуществляемому с учетом законов природы, будет обеспечиваться экологическое благополучие.

Действующий ныне Федеральный закон «Об охране окружающей среды» содержит ряд норм, касающихся исследуемой категории, начиная со ст. 3, в которой *рациональное использование природных ресурсов как необходимое условие обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности* отнесено к основным принципам охраны окружающей среды.

Обратим особое внимание на широкий и научно обоснованный контекст установления нормативов качества окружающей среды (ст. 20). Такие нормативы устанавливаются для оценки состояния окружающей среды в целях обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека, *рационального использования природных ресурсов*, сохранения естественных экологических систем, генетического фонда растений, животных и других организмов.

В целом Закон в значительном ряде норм, последовательно формирующих правовой механизм охраны окружающей среды, в качестве одного из важнейших требований предусматривает обеспечение рационального использования природных ресурсов. Это касается, в частности, использования платы за негативное воздействие на окружающую среду (ст. 16.6); общих требований в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной и иной деятельности (ст. 34); требований в области охраны окружающей среды при осуществлении территориального планирования, градостроительного

⁵ Официально заместителем руководителя Росприроднадзора недавно было признано, что «из-за плохой экологии умирают ежегодно более 350 тыс. россиян» (см.: Росс. газ. 2008. 28 мая; Зеленый мир. 2009. № 15–16. С. 11).

⁶ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 586.

⁷ См.: Ведомости СНД и Верховного Совета РФ. 1992. № 10, ст. 457.

зонирования и планировки территории (ст. 35); требований в области охраны окружающей среды при осуществлении деятельности в сфере сельского хозяйства (ст. 42); требований в области охраны окружающей среды при размещении новых населенных пунктов и их развитии (ст. 44); единой системы государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды) (ст. 63.1); производственного контроля в области охраны окружающей среды (производственного экологического контроля) (ст. 67); научных исследований в области охраны окружающей среды (ст. 70); экологического просвещения (ст. 74); использования средств от административных штрафов за экологические правонарушения (ст. 75.1) и от платежей по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде (ст. 78.2); и др.

Положительно оценивая включение требований о рациональном природопользовании в правовые механизмы охраны окружающей среды, в то же время есть основания высказать предположение о не-высокой полезности соответствующих норм. Причина очевидна — отсутствие легального определения этого важного понятия, которое, как мы помним, является и стратегическим средством обеспечения национальной безопасности.

Так как рациональное использование природных ресурсов в полной мере в реальности призвано быть обеспечиваемым в природоресурсном законодательстве, мы вправе ожидать качественного регулирования соответствующего предмета в земельном и ином природоресурсном законодательстве.

Рациональное природопользование в природоресурсном законодательстве

На этот аспект исследуемой категории мы тоже посмотрим в историческом аспекте формирования и развития земельного и иного природоресурсного законодательства.

Научно обоснованными и методологически важными можно считать положения о рациональном природопользовании в советском природоресурсном законодательстве. Будучи однотипными, они в то же время достойно служат образцом регулирования рационального природопользования как основной цели в решении задач природоресурсного законодательства и права.

Преамбула Земельного кодекса РСФСР (1970 г.) декларирует: *научно обоснованное, рациональное использование всех земель, охрана их и всемерное повышение плодородия почв являются общенародной задачей.*

В развитие этой декларации как весьма существенную можно рассматривать ст. 1, определяющую задачи земельного законодательства РСФСР. Ими являются регулирование земельных

отношений в целях *обеспечения* в интересах настоящего и будущих поколений научно обоснованного, *рационального использования и охраны земель*, создания условий повышения их эффективности, охрана прав предприятий, организаций, учреждений и граждан, укрепление законности в области земельных отношений.

Интересна и преамбула Водного кодекса РСФСР (1972 г.): развитие общественного производства и градостроительства, рост материального благосостояния и культурного уровня населения увеличивают разносторонние потребности в воде и *повышают значение рационального использования и охраны вод.* Как видим, фактор развития общества послужил актуализации рационального использования и охраны вод.

Как и в Земельном кодексе РСФСР, согласно ст. 1 ВК РСФСР задачей водного законодательства РСФСР является регулирование водных отношений в целях, в частности, обеспечения в интересах настоящего и будущих поколений *научно обоснованного, рационального использования вод* для нужд населения и народного хозяйства.

В преамбуле Лесного кодекса РСФСР (1978 г.) в свете предмета данной научной статьи также отражена важная декларация: многостороннее значение лесов и длительность их выращивания *придают делу рационального использования, сбережения и приумножения лесных богатств характер общегосударственной задачи.*

Также согласно ст. 1 этого Кодекса достижение целей обеспечения рационального использования лесов является приоритетной задачей лесного законодательства РСФСР.

В последующих текстах норм этих актов социалистического природоресурсного права корректно употреблялось понятие «рациональное использование». Так, Земельный кодекс РСФСР содержал ст. 8.2. (Участие общественных организаций, трудовых коллективов и граждан в осуществлении мероприятий по рациональному использованию и охране земель). Подчеркивается, что соответствующие мероприятия должны быть направлены именно на рациональное использование земель.

В соответствии со ст. 40 государственный контроль за использованием и охраной всех земель имеет своей задачей обеспечить соблюдение каждым субъектом земельного права порядка пользования землей *в целях рационального, эффективного использования и охраны земель.* Иными словами, согласно ст. 1 использование земель должно быть только рациональным. И именно в этом состоит задача государственного контроля в данной сфере.

Аналогично советский законодатель обеспечивал достижение цели рационального водопользования.

В соответствии со ст. 12 ВК РСФСР при размещении, проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, сооружений и других объектов, а также при внедрении новых технологических процессов, влияющих на состояние вод, *должно обеспечиваться рациональное использование вод* с соблюдением требований охраны здоровья и первоочередного удовлетворения питьевых и бытовых нужд населения.

Такой же императив мы находим в ст. 17 ЛК РСФСР: государственные органы, предприятия, учреждения и организации, осуществляющие планирование, организацию и ведение лесного хозяйства, использование лесных ресурсов, с учетом народнохозяйственного значения лесов и природных условий *обязаны обеспечивать рациональное использование земель государственного лесного фонда и других земель, занятых лесами*. Рациональное использование лесов является одним из основных требований, предъявляемых к ведению лесного хозяйства.

Даже такая фрагментарная выборка норм социалистического природоресурсного права свидетельствует о логичных юридических подходах к демонстрации признания важности и значения рационального природопользования как цели в решении задач этого права и его последовательного обеспечения в процессе регулирования земельных и других природоресурсных отношений.

С точки зрения юридической техники названных советских природоресурсных кодексов, содержащих статьи, в которых формулируются задачи соответствующих отраслей законодательства, обеспечение рационального использования природных ресурсов как первейшая цель в решении этих задач в полной мере ассоциируется с содержащимися в этих кодексах требованиями по использованию земли, вод, лесов. Не вызывает сомнения, что эти требования направлены именно на обеспечение рационального природопользования.

Действующее же природоресурсное законодательство по исследуемому нами предмету воспринимается совсем не в его пользу. Особенно в сравнении с социалистическим. И имея, в частности, в виду, что рациональное природопользование должно регулироваться как элемент стратегии обеспечения национальной безопасности страны. А также то, что рациональное природопользование является основным принципом охраны окружающей среды и призвано обеспечивать сохранение благоприятного состояния природы.

Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ⁸, имеющий в своей структуре статью об основных принципах земельного законодательства (ст. 1), впервые упоминает о рациональном

использовании земель в ст. 11.9, устанавливающей требования к образуемым и измененным земельным участкам. Еще это понятие упоминается в статьях, посвященных: целям охраны земель (ст. 12); праву ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут, публичный сервитут) (ст. 23); землеустройству (ст. 68).

Фрагментарно, походя, признавая рациональное использование земель как какую-то особенную земельно-правовую сущность, федеральный законодатель никаким образом не проясняет ее юридическое содержание, не обозначая реальную роль ее важности и полезности. К примеру, согласно ст. 68 землеустройство включает в себя мероприятия по изучению состояния земель, планированию и организации рационального использования земель и их охраны. Видно, что применительно к правовому институту землеустройства рациональное использование земель нуждается в особом планировании и организации. Но в статье мы не находим ответа на вопрос: на решение каких конкретных задач должны быть направлены названные меры, чтобы обеспечить использование земель, которое может быть квалифицировано как *рациональное*? Каковы применительно к землеустройству элементарные критерии рационального использования земель?

Этот вопрос законодателю мы задаем и по поводу упомянутых четырех статей. И задаем еще несколько общих вопросов: почему лишь в нормах этих статей в федеральном законе ставится задача рационального использования земель?! Другие не нуждаются в таком рациональном использовании?

Рациональное использование вод не стало важным и тем более главным для задач водного законодательства Российской Федерации. И здесь федеральный законодатель совершенно фрагментарно и без элементарного намека на системность упоминает исследуемый термин в Водном кодексе РФ от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ⁹. Он употребляется в ст. 29 (Бассейновые советы) и ст. 46 (Использование водных объектов для целей производства электрической энергии).

Обратим особое внимание и на то, как в ст. 29 говорится о рациональном использовании вод. «В целях обеспечения рационального использования и охраны водных объектов создаются бассейновые советы». Выходит, что рационально должны использоваться не воды, а водные объекты.

Законодательный подход к регулированию водных отношений в данном случае не согласуется с нормой ст. 9 Конституции РФ, согласно которой *земля и другие природные ресурсы* используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов. Говорится о земле,

⁸ См.: СЗ РФ. 2001. № 44, ст. 4147.

⁹ См.: СЗ РФ. 2006. № 23, ст. 2381.

о водах, которые являются природными ресурсами и именно в силу этой их естественной особенности и сущности являются основой жизни человека. Водный объект — Волга, Москва-река, Яуза, Байкал — не может быть такой основой жизни.

И здесь помимо других существенных вопросов, которые научно обоснованно можно и следует поставить к федеральному законодателю, спросим об элементарном: зачем о рациональном использовании вод говорится лишь в этих, названных выше, не самых важных статьях и нормах?! Своим вопросом мы подчеркиваем то существенное обстоятельство, что в части регулирования рационального использования вод Водный кодекс РФ не может оцениваться как достойный ресурс стратегии обеспечения национальной безопасности страны.

Примерно в одно время в Минэкономразвития России готовились важнейшие природоресурсные законопроекты РФ, ставшие Земельным, Водным и Лесным кодексами РФ, в которых рациональное природопользование не стало основой правовых механизмов.

Хотя согласно Лесному кодексу РФ от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ¹⁰ обеспечение многоцелевого, рационального, непрерывного, неистощительного использования лесов для удовлетворения потребностей общества в лесах и лесных ресурсах и отнесено к основным принципам лесного законодательства (ст. 1).

Если мы соглашаемся, что положение Указа Президента РФ о рациональном природопользовании как элементе стратегии обеспечения национальной безопасности является справедливым и научно обоснованным, то очевидно, что своим содержанием природоресурсные кодексы не ориентированы на исполнение этой существенной для российской нации миссии. В них мы не находим системного видения и подхода в регулировании *рационального использования земель* и других природных ресурсов. Сделано это фрагментарно и хаотично. Судя по содержанию названных природоресурсных кодексов, у федерального законодателя просто отсутствует не только концепция рационального природопользования, но и более-менее цельное видение ее.

Отмечая низкую полезность норм о рациональном природопользовании для обеспечения благоприятного состояния природы и соответственно национальной безопасности, при оценке действующего природоресурсного законодательства можно и важно видеть и тот существенный дефект, что при его формировании очевидно не было обеспечено исполнение взаимосвязанных норм ст. 9, 42 и 18 Конституции РФ.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2006. № 50, ст. 5278.

Рациональное природопользование как принцип права

Как принцип права рациональное природопользование закономерно прежде всего относится к *отраслевым принципам* экологического и природоресурсного права. Отраслевая принадлежность этого принципа диктуется очевидным правовым обстоятельством: сами *общественные отношения по использованию природных ресурсов, их охране* регулируются нормами экологического и природоресурсного права, образуя главное для этого права — его предмет. Соответственно, рациональное природопользование как специфическая характеристика качества использования земли и других природных ресурсов, в совокупности образующих природу как интегрированный объект названных выше отношений, по своему режиму, очевидно, должно не только выделяться в виде принципа права, но и иметь особенное значение. Это особенное значение в законодательстве выражается в том, что рациональное природопользование в законодательстве и праве выражается, в частности, как *основной принцип*.

Подчеркивая, что рациональное природопользование как принцип права относится прежде всего к отраслевым принципам экологического и природоресурсного права, мы должны сделать важную оговорку, выходящую за рамки теории названного права. Раз рациональное природопользование, согласно Указу Президента РФ, служит существенным ресурсом в стратегии обеспечения национальной безопасности, что справедливо и научно обосновано, т.е. решает задачи, выходящие за рамки эколого-правового регулирования, становится очевидным, что этот принцип, соответственно, также выходит за названные отраслевые рамки. В той мере, в какой отношения в экологической сфере в рамках предметов других отраслей (административного, предпринимательского, уголовного права и др.) регулируются их нормами, в свете задачи обеспечения национальной безопасности рациональное природопользование становится принципом и этих отраслей¹¹.

Распространению в соответствующей мере и соответствующих отношениях принципа рационального природопользования на другие отрасли может способствовать концепция Ю.А. Тихомирова о месте и роли экологического и природоресурсного права в системе права России. По убеждению авторитетного представителя публичного права, «экологическая сфера не должна рассматриваться как одна из “рядовых” сфер воздействия государства, как одна из сфер правового регулирования.

¹¹ Аналогичный вывод вытекает и из анализа нормы ст. 9 Конституции РФ о природных ресурсах как основе жизни и деятельности народов.

В области, например, административных, трудовых, имущественных отношений, как правило, понятны границы. Но *экологическая сфера в этом смысле не является такой узкоспециализированной, поскольку представляет собой общую базу, базис развития страны, государства и, естественно, жизнедеятельности людей*. Это очень важный момент, потому что *возникают некие универсальные экологические императивы, в том числе и правовые, обязательные для других, если не всех, отраслей права* (курсив наш. — М.Б.).

Раньше мы видели два главных императива — международный и конституционный; в настоящее время экологические правовые императивы выдвигаются на передний план, причем это доступно взгляду не только специалиста-отраслевика, но и каждого человека, живущего на планете, которая становится все и более и реальнее уязвимой, требующей к биосфере особого отношения»¹².

Доктринальное и юридическое значение выделения и признания той или иной особой деятельности в качестве принципа определяется их ролью в праве, определяемой и общей теорией права и государства.

Принципы права — это основополагающие исходные положения, обуславливающие и определяющие юридически значимые подходы к регулированию общественных отношений, содержание воздействия права на эти отношения и отношения, выступающие критериями его научно обоснованного формирования и осуществления при реализации соответствующих полномочий субъектами права. Само право строится и функционирует на определенных принципах, выражающих его сущность и социальное назначение, отражающих его главные свойства и особенности. При этом принципы права выражают и характеризуют самые главные черты права как регулятора общественных отношений, они *являются стержнем, который объединяет нормы права и который придает определенную заданность правотворческому и правоприменительному органам*. Формируются принципы под воздействием тех конкретно-исторических условий, в которых действует право, они отражают определенный уровень экономического, идеологического, нравственного состояния общества. Их источником является общество на определенном этапе развития своей цивилизации¹³.

Очевидно, что и принцип рационального природопользования стал в свое время результатом

осознания важности не только роли природных ресурсов в жизни людей и сохранения их качественных характеристик, но и необходимости предупреждения истощения и других форм деградации природы. Так возникали обычаи, постепенно трансформировавшиеся в нормы права.

Может быть, впервые основные принципы правовой охраны природы как интегрированного объекта общественных отношений, включая рациональное природопользование, регулируемых в праве, были освещены Н.Д. Казанцевым и Е.Н. Колотинской¹⁴. Как они писали, правовая охрана природы в СССР осуществляется на основе принципов, выработанных практикой социалистического строительства, которые нашли свое закрепление в законодательстве. Таким основным принципом они, в частности, называли интенсивное вовлечение природных ресурсов в хозяйственный оборот при условии контролируемого и рационального их использования и воспроизводства тех из них, которые могут быть воспроизведены.

Сказано так, что *лишь при условии рационального использования* природных ресурсов могло произойти их интенсивное вовлечение в хозяйственный оборот, т.е. может допускаться специальное природопользование. И это верно, научно обоснованно.

Исследуя советское экологическое право, О.С. Колбасов писал, что, современное правовое регулирование отношений по охране окружающей среды в СССР базируется на некоторых общих положениях, которые являются, в сущности, принципами государственной политики в данной сфере. «Использование природных ресурсов должно быть бережным, рациональным, основанным на точном учете и сопоставимой оценке его ближайших и отдаленных последствий, чтобы таким путем обеспечивать непрерывность жизни человечества, поступательное развитие материального производства и культуры»¹⁵.

Суждение О.С. Колбасова о рациональном использовании природных ресурсов отнесено к социалистическому этапу развития права. Очевидно, что в силу вечной значимости и востребованности, этот принцип является элементом выражения сущности государственной политики в экологической сфере, как и в сфере материальных и культурных основ развития общества, и сфере обеспечения национальной безопасности в наше капиталистическое время.

Важно запомнить и учесть эту методологически и цивилизационно важную идею: посредством

¹² Тихомиров Ю.А. Теоретико-практический взгляд на водное право // Водное законодательство и экологические вызовы: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 15 июня 2012 г.) / сост. С.А. Боголюбов, Д.О. Сиваков, О.А. Золотова. М., 2012. С. 25, 26.

¹³ См.: Радько Т.Н. Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2005. С. 387.

¹⁴ См.: Казанцев Н.Д., Колотинская Е.Н. Правовая охрана природы в СССР: учеб. пособие. М., 1962. С. 31–38.

¹⁵ Колбасов О.С. Экология: политика — право. М., 1976. С. 45–54.

рационального природопользования «обеспечивать непрерывность жизни человечества, поступательное развитие материального производства и культуры». Эта же идея другими словами выражена в советском природоресурсном законодательстве: обеспечение научно обоснованного, рационального использования и охраны природных ресурсов в интересах настоящего и будущих поколений. И в этой идее мы должны видеть правовое значение рационального природопользования, его цивилизационное назначение.

Доктринально признанный принцип рационального природопользования в этом качестве, но с разным содержанием и в разных формах, как можем видеть, закрепляется в законодательстве.

В связи с тем, что принцип рационального природопользования как один из основных принципов охраны окружающей природной среды выделяется в законодательстве, обратим внимание на соответствующие нормы, которые содержат важные юридически значимые характеристики его содержания и, соответственно, действия. Так, согласно ст. 3 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060 «Об охране окружающей природной среды»¹⁶ все субъекты экологического права при осуществлении хозяйственной, управленческой и иной деятельности, оказывающей отрицательное воздействие на состояние окружающей природной среды, включая органы государства, обязаны руководствоваться как основным принципом рационального использования природных ресурсов с учетом законов природы, потенциальных возможностей окружающей природной среды, необходимости воспроизводства природных ресурсов и недопущения необратимых последствий для окружающей природной среды и здоровья человека.

В содержании исследуемого принципа специфичным и методологически значимым является учет законов природы как фактор рационального использования природных ресурсов. Научную обоснованность этой нормы мы находим в элементарном наблюдении жизни самой природы.

Жизнь растительных и животных организмов в природе, как и людей, поддерживается и обеспечивается посредством специфического и непрерывного использования природных ресурсов. И это использование — рациональное, осуществляемое по законам природы, поддерживая ее благоприятной для постоянной жизни и развития живых организмов. Законодатель в этой норме говорит: *рациональное использования природных ресурсов* в обществе должно быть с учетом законов природы, т.е. так, как это использование осуществляется в самой природе, сохраняя порядок в ней, поддерживая его. При

таком рациональном природопользовании земля и другие природные ресурсы послужат здоровой основой жизни и деятельности людей, и природа будет сохраняться благоприятной.

В книге «Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом» Ф. Капра и У. Маттеи пишут так: «*Мудрость природы должна стать ядром наших законов, с поправкой на то, что такие законы* — это правила поведения для сообществ, и основной вопрос, вокруг которого выстраиваются эти правила, — *это вопрос о человеческих ценностях*. Потому экосистемы ничего не скажут нам о наших ценностях или недостатках, и поэтому для создания своих сообществ недостаточно просто копировать экологию. Однако мы можем и должны учиться у экосистем тому, как вести устойчивое существование. Такое обучение требует от нас согласования наших ценностей с фундаментальной ценностью поддержания жизни на Земле»¹⁷.

Методологической предпосылкой для осознания, правового оформления и реализации принципа рационального природопользования может служить постулат концепции эоцентрической экологической культуры: целью взаимодействия с природой является максимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей всего природного сообщества¹⁸.

Методологически эта норма означает следующее: как законы природы обеспечивают поддержание порядка в природе, так и законы общества, прежде всего экологическое и природоресурсное законодательство, призваны обеспечивать порядок, в том числе эколого-правовой, в обществе. Как в контексте философии права пишет Г.В. Мальцев, теоретик публичного права, «порядок есть то, что связывает природу и общество, определяет формы биологической и социальной эволюции»¹⁹.

Что важно, для исследования предмета нашей статьи, как и для всей доктрины экологического права, в свете создания современной методологии правового регулирования Г.В. Мальцев пишет о сформированных при этом исходных установках, или, лучше сказать, парадигмах юридического мышления. Первой в ряду таких парадигм он называет парадигму объективности. «Физический мир объективен, воплощает совершенство природы, задает субъекту условия, возможности и пределы

¹⁷ Капра Ф, Маттеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / пер. с англ. М. — СПб., 2021; Capra F, Mattei U. The Ecology of Law. Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, 2015.

¹⁸ См.: Ясвин В.А. История и психология формирования экологической культуры. Удобно ли сидится на вершине пирамиды? / отв. ред. В.М. Захаров. М., 1999. С. 34, 35.

¹⁹ Мальцев Г.В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. М., 2005. С. 39.

¹⁶ См.: Ведомости СНД и Верховного Совета РФ. 1992. № 10, ст. 457.

познания. Он изначально, образцово урегулирован. «Нет ничего более упорядоченного, чем природа», — замечал еще Цицерон. — Правовой порядок есть часть упорядоченной природы, он должен быть однороден с нею; природа права конгруэнтна, т.е. совместима, соразмерна, относима к природе вообще, поэтому главное методологическое требование к природе права — удовлетворять человеческие представления о природности всех вещей. Право объективно в онтологическом смысле, оно несет в себе природный образ, находящийся по ту сторону от субъекта с его познавательными претензиями и творческими потенциями»²⁰.

Учет законов природы как методологический ресурс поддержания порядка и одновременно как элемент содержания рационального природопользования как основного принципа охраны природной среды уже не упоминается в новом Федеральном законе «Об охране окружающей среды» (2002). Но методологически, с точки зрения теории экологического права действие этого принципа с учетом законов природы сохраняет свое научное значение. Такой учет является важной методологической предпосылкой для обеспечения эффективного действия принципа рационального природопользования в действующем Федеральном законе, в котором он (принцип) сформулирован уже по-другому. Но также относится к основным принципам охраны окружающей среды (ст. 3). Согласно норме этой статьи все субъекты экологически значимой деятельности обязываются осуществлять *охрану, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов как необходимые условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности*.

Рациональное использование природных ресурсов, основанное на знании законов природы и их учете, последовательно осуществляемое субъектами экологического и природоресурсного права, в том числе природопользователями, объективно будет обеспечивать сохранение и поддержание благоприятной окружающей среды и экологической безопасности.

Для характеристики масштабов регулирования и действия принципа рационального природопользования важно видеть и осознавать, что его правовой основой является методологическое единство интегрированного и дифференцированного подходов к правовому регулированию экологических отношений²¹. Рациональное природопользование касается всей экологической сферы. При этом как

условие эффективности такого регулирования важно обеспечить качественное приоритетное развитие интегрированного подхода, в котором формируется система общих для экологической сферы правовых мер, существенных для обеспечения рационального природопользования. Это меры по экологическому нормированию, оценке воздействия намечаемой деятельности на окружающую среду (ОВОС), государственной экологической экспертизе и др. Вся эта взаимосвязанная система мер по охране окружающей среды как интегрированного объекта в реальности применяется в соответствующем контексте в отношении и по охране и использованию земель и других природных ресурсов, регулируемых природоресурсным законодательством.

И еще обратим внимание на названный выше нормативный контекст в системе мер, призванных в своем последовательном действии охватить обеспечение рационального использования природных ресурсов применительно к еще лишь намечаемой экологически значимой деятельности. Когда такая деятельность планируется, она подлежит оценке воздействия на окружающую среду. Результатом такой оценки становится подготовка декларации о воздействии на окружающую среду. Сами проектные материалы намечаемой деятельности, а также декларация о ее воздействии на окружающую среду становятся объектом государственной экологической экспертизы²². Генеральной задачей такой экспертизы, которая является обязательной правовой мерой, согласно Федеральному закону «Об экологической экспертизе»²³ является обеспечение благоприятной окружающей среды.

Важно то, что именно в рамках интегрированного подхода рациональное природопользование не только объявляется одним из основных принципов охраны окружающей среды, но и в качестве элемента содержания этого принципа дается его правовое назначение.

При отсутствии легального определения понятия рационального природопользования в экологическом и природоресурсном праве важно учитывать методологические подходы к регулированию использования природных ресурсов в исследуемом контексте, сформулированные в доктрине или в нормативных актах. В частности, согласно Всемирной хартии природы, принятой Организацией Объединенных Наций (1982 г.)²⁴. Природные ресурсы должны не расточаться, а использоваться согласно следующим правилам:

²⁰ Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 44, 45.

²¹ При интегрированном подходе к правовому регулированию объектом экологических отношений является природа (окружающая среда), при дифференцированном — отдельные природные объекты: земля, недра, воды, атмосферный воздух, растительный мир, животный мир.

²² Подробнее об этом см.: Статьи 31.2, 32, 33 Федерального закона «Об охране окружающей среды».

²³ См.: СЗ РФ. 1995. № 48, ст. 4556.

²⁴ См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml

биологические ресурсы используются лишь в пределах их природной способности к восстановлению;

производительность почв поддерживается или улучшается благодаря мерам по сохранению их долгосрочного плодородия и процесса разложения органических веществ и по предотвращению эрозии и любых других форм саморазрушения;

ресурсы многократного пользования, включая воду, используются повторно или рециркулируются;

невозобновляемые ресурсы однократного пользования эксплуатируются в меру, с учетом их запасов, рациональных возможностей их переработки для потребления и совместимости их эксплуатации с функционированием естественных систем.

Методологически значимы также выработанные в мировой науке с учетом международно-правовых подходов правила определения долговременных или постоянных пределов устойчивого потребления природных ресурсов. Так, экономист Международного банка реконструкции и развития (МБРР) Г. Дейли, считает, что:

для возобновимых ресурсов (почва, вода, лес, рыба) темпы потребления не должны превышать темпов регенерации (поэтому, например, отлов рыбы можно проводить в равновесном, устойчивом режиме, если его темпы не превышают темпов воспроизводства оставшейся популяции);

для невозобновимых ресурсов (ископаемое топливо, высококачественные минеральные руды, грунтовые воды) темпы потребления не должны превышать темпов их замены на возобновимые ресурсы (например, нефтяное месторождение можно эксплуатировать в стабильном режиме, если часть доходов от него систематически вкладывается в разработку и производство солнечных коллекторов или посадку деревьев, так что после исчезновения нефти будет обеспечен эквивалентный поток энергии от возобновимого источника)²⁵.

Учет таких правил может быть эффективным при формировании эколого-правовых механизмов, в частности, касающихся правового регулирования *специального природопользования*, в рамках которого прежде всего и особенно требуется реализация принципа рационального использования природных ресурсов. Специальное природопользование имеет особое отношение к норме ст. 9 Конституции РФ о земле и других природных ресурсах как основе деятельности. Этот вид использования природных ресурсов непосредственно связан с предпринимательской деятельностью, развитием капиталистической экономики, масштабными

негативными воздействиями на природу, интересами получения наибольших прибылей и др.

Подчеркивая в свете предмета нашей статьи то существенное обстоятельство, что принцип рационального природопользования адресован практически всем субъектам экологического и природоресурсного права, очевидно, что он в равной мере *актуален на стадии формирования экологического законодательства, в процессе правоприменительной деятельности и при возникновении правовых конфликтов по вопросам природопользования* (в свете ст. 18 Конституции РФ).

Подчеркивая достоинство Федерального закона «Об охране окружающей среды» в виде выделения рационального природопользования как основного принципа, особо высоко мы оцениваем цитируемое выше советское природоресурсное законодательство в части оформления цели обеспечения рационального использования природных ресурсов как одной из первейших задач этого законодательства. Обоснованно придавая важное значение достижению цели рационального использования земель и других природных ресурсов, соответствующий природоресурсный кодекс начинался со статьи, определяющей задачи этого законодательства РСФСР.

В такой норме советским законодателем обеспечение рационального природопользования оформлялось, можно сказать, как главная цель земельного и иного законодательства. В последующем тексте закона устанавливались обширные системы мер и требований по использованию земель, других природных ресурсов и их охране, которые согласно статье о задачах этого законодательства могли оцениваться как сами требования по рациональному природопользованию. Благодаря этому юридическому подходу законодателя «освобождал» себя от необходимости повторения, что он регулирует рациональное использование природного ресурса.

С учетом значения рационального природопользования как принципа права в решении взаимосвязанных задач поддержания благоприятного состояния окружающей среды (природы) и обеспечения национальной безопасности особую важность приобретает определение исследуемой категории, в том числе легальное.

Мы же предлагаем его доктринальное определение. Как основной принцип экологического и природоресурсного права *рациональное природопользование представляет собой использование земли и других природных ресурсов с учетом интересов настоящего и будущих поколений, законов природы, системных экологических связей, а также многих функций, выполняемых каждым из ресурсов применительно к природе и удовлетворению потребностей человека как биосоциального существа, обеспечивающее сохранение,*

²⁵ См.: Daly H. Toward Some Operational Principles of Sustainable Development // Ecological Economics. 1990. No. 2. Pp. 1–6.

поддержание благоприятного состояния природы и ее объектов как основы жизни и деятельности человека и общества посредством последовательного осуществления всей совокупности мер и требований экологического и природоресурсного законодательства.

Применительно к этому определению мы должны оговориться, что последовательное исполнение требований по использованию и охране природных ресурсов обеспечивает искомое рациональное природопользование, если сами эти требования устанавливаются с единственной целью — сохранить, поддерживать благоприятное состояние окружающей среды (природы).

Рациональное природопользование — правовой институт?

Рациональное природопользование может восприниматься в доктрине и представляться в законодательстве преимущественно как основной принцип или цель экологического и природоресурсного права.

В то же время имеется выраженная в солидном научном труде позиция, согласно которой «в объективном смысле под правом рационального природопользования предложено понимать **формирующийся межотраслевой институт экологического права и природоресурсных отраслей права** — совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения по обеспечению неистощительного природопользования и переходу к собственно рациональному природопользованию. В настоящий момент право рационального природопользования представлено немногочисленными, преимущественно бланкетными нормами (нормами-целями, нормами-задачами, нормами-принципами и др.), содержащимися в актах экологического, природоресурсного и иного законодательства при недостаточности законодательно закрепленных обязывающих, запрещающих, управомочивающих норм, устанавливающих права и обязанности субъектов отношений в сфере собственно рационального природопользования»²⁶.

Выходит, что в экологическом и природоресурсном законодательстве и праве имеются нормы, регулирующие *отношения по использованию* природы как интегрированного объекта, земли, других природных ресурсов и есть совокупность норм, призванных регулировать *отношения по рациональному природопользованию, по рациональному использованию природных ресурсов*? В совокупности последние образуют формирующийся межотраслевой институт экологического права и природоресурсных отраслей права?

Согласно доктрине, как и самому экологическому и природоресурсному законодательству и праву, отношения по использованию природы и ее ресурсов, а также отношения по их охране образуют предмет названных отраслей права. Соответственно в рамках предмета вся совокупность норм, содержащихся в законодательстве и праве, направлена на регулирование этих отношений.

Напрашивается ряд элементарных вопросов: если использование природных ресурсов — предмет целой отрасли, то рациональное природопользование, чтоб быть лишь одним из ее институтов, должно обладать чем-то существенно отличным? Или по-другому: в экологическом и природоресурсном праве использование природных ресурсов может быть рациональным и нерациональным?

В свете доктринальной позиции о рациональном природопользовании как правовом институте выходит, что в рамках предмета земельного и другого природоресурсного законодательства и права использование земли и других природных ресурсов не предполагает рациональное использование? Для того, чтоб это использование было рациональным, требуется некая совокупность новых, дополнительных норм, которая сейчас формируется?

Таким формирующимся институтом экологического права и природоресурсных отраслей права можно рассматривать названную выше группу норм об обеспечении рационального природопользования в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», как и то бессистемное упоминание рационального использования земель и рационального использования водных объектов в нескольких статьях Земельного, Водного и Лесного кодексов РФ?

А в целом для природы, общества, права, что лучше: видеть в рациональном природопользовании принцип, цель права или правовой институт? В каком правовом качестве исследуемой категории больше регулятивного потенциала? При этом представляется, что одновременное существование того и другого в силу их сущности исключается.

По вопросу о потенциале рационального природопользования как принципе права свидетельствует приводимое выше суждение из общей теории права: принципы права выражают и характеризуют самые главные черты права как регулятора общественных отношений, *они являются стержнем, который объединяет нормы права и который придает определенную заданность правотворческим и правоприменительным органам.*

Подчеркнем, что в зависимости от применяемой законодателем юридической техники, таким же стержнем, объединяющим нормы права и придающим определенную заданность правотворческим и правоприменительным органам, является

²⁶ Лулева Е. В. Право рационального природопользования: доктрина, методология и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 24, 25.

и выделение цели обеспечения рационального использования природных ресурсов как одной из важнейших задач природоресурсного законодательства.

По убеждению автора данной статьи, реализованный в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» потенциал рационального природопользования как основного принципа охраны окружающей среды, по большому счету, реализован удовлетворительно. Мы специально назвали ряд статей, в которых содержатся требования по обеспечению рационального природопользования как принципа права. В то же время во множестве норм, регулирующих основы каждого из институтов экологического права, не говорится об обеспечении рационального природопользования, юридически каждая такая норма направлена именно на решение этой задачи. Одновременно эти нормы специфически обладают юридической силой применительно и к природоресурсным отношениям — земельным, водным и иным. К примеру, возникают ли сомнения, что это не так применительно к регулированию ОВОС или экологического мониторинга?

Другое дело, чтобы рациональному природопользованию как основному принципу быть максимально эффективным, регулирование всего эколого-правового механизма должно быть качественным.

Вспомним норму советских природоресурсных законов, в которых обеспечение рационального использования природных ресурсов представлялось как важнейшая цель в решении задач соответствующего законодательства. И эта норма становилась именно таким стержнем, который объединяет нормы права и который придает определенную заданность правотворческим и правоприменительным органам.

Что касается суждения об этом правовом институте как *формирующемся*, то, по убеждению автора статьи, регулирование рационального природопользования началось с установления первых правовых норм, касающихся использования природных ресурсов. А до этого, или одновременно с правовым регулированием, эту роль начали играть и обычаи людей по тем или иным аспектам природопользования.

Иными словами, исторически складывающееся регулирование использования природных ресурсов *мы можем видеть лишь в аспекте рационализации природопользования*. И нахождение в природоресурсном законодательстве отдельных норм, прямо указывающих на тот или иной способ рационального или нерационального использования земли и других природных ресурсов, вовсе не означает признака развивающегося института. Если мы обратим внимание, в исторических текстах земельного и другого природоресурсного законодательства о рациональности

использования законодатель говорит крайне редко. Но это вовсе не означает, что тогда не было регулирования рационального природопользования.

* * *

При характеристике закона иногда говорят о его букве и духе. Правовая духовность экологического и природоресурсного законодательства усиливается за счет его целей и принципов, являющихся стержнем нормативно-правового регулирования экологических отношений.

Положение о рациональном природопользовании обладает таким духовным потенциалом. Федеральный законодатель, достоверно не зная содержания этого понятия, длительное время употребляет его в текстах принимаемых им законов. Оценивая правовое значение этой категории, мы показали его важность для поддержания, сохранения, обеспечения благоприятной окружающей среды, а следовательно, и национальной безопасности. Названные категории — благоприятная окружающая среда, национальная безопасность — также служат ресурсами духовного обогащения закона и права.

С учетом того, что природа есть основа жизни и деятельности общества, в условиях постоянного функционирования специфической естественной системы «человек — природа — общество» одновременная полезность правовой категории рационального природопользования для природы и общества, можно утверждать, находится в прямой зависимости от знания, что собой представляет рациональность природопользования.

При отсутствии в самом законодательстве характеристик этого понятия весьма полезными могут быть Методические рекомендации (указания) по обеспечению принципа рационального природопользования, содержащие детальные требования по этому предмету. Этот документ крайне необходим в законопроектной работе в целом. Он будет весьма полезным на стадии планирования экологически значимой деятельности, оформляемой лицензиями, договорами на специальное природопользование. Такой документ целесообразно разработать под эгидой Министерства природных ресурсов и экологии России с активным участием специалистов в области экологии, земель, вод, недр, лесов, других природных ресурсов. Именно такие специалисты обеспечат учет законов природы в регулировании рационального природопользования.

Подготовке таких Методических рекомендаций, по нашему убеждению, должна предшествовать работа по созданию научной концепции рационального природопользования. Эту работу целесообразно выполнить специальной группой ученых и специалистов, представляющих профильные научные

центры и учреждения, в том числе административных. Именно таким образом организовывалась и велась работа по подготовке советских проектов природоресурсных законов, в том числе представленных в нашей статье. Такая научная концепция ляжет в основу Методических рекомендаций (указаний) по обеспечению принципа рационального природопользования. Одна из частных, но чрезвычайно важных задач таких документов — предложить на методологической основе рационального природопользования организационные и правовые механизмы постепенного восстановления благоприятного состояния окружающей среды на 15% территории России, которые официально оцениваются ныне как экологически неблагополучные.

Эти разумные меры послужат большому делу повышения качества экологического и природоресурсного законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казанцев Н.Д., Колотинская Е.Н. Правовая охрана природы в СССР: учеб. пособие. М., 1962. С. 31–38.
2. Капра Ф., Маттеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / пер. с англ. М. — СПб., 2021.
3. Колбасов О.С. Экология: политика — право. М., 1976. С. 45–54.
4. Лунева Е.В. Право рационального природопользования: доктрина, методология и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 24, 25.
5. Мальцев Г.В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. М., 2005. С. 39, 44, 45.
6. Радко Т.Н. Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2005. С. 387.
7. Тихомиров Ю.А. Теоретико-практический взгляд на водное право // Водное законодательство и экологические вызовы: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 15 июня 2012 г.) / сост. С.А. Боголюбов, Д.О. Сиваков, О.А. Золотова. М., 2012. С. 25, 26.

Сведения об авторе

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости Московского государственного университета геодезии и картографии; 105064 г. Москва, Гороховский пер., д. 4

8. Ясвин В.А. История и психология формирования экологической культуры. Удобно ли сидится на вершине пирамиды? / отв. ред. В.М. Захаров. М., 1999. С. 34, 35.
9. Capra F., Mattei U. The Ecology of Law. Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, 2015.
10. Daly H. Toward Some Operational Principles of Sustainable Development // Ecological Economics. 1990. No. 2. Pp. 1–6.

REFERENCES

1. Kazantsev N.D., Kolotinskaya E.N. Legal protection of nature in the USSR: textbook. M., 1962. Pp. 31–38 (in Russ.).
2. Kapra F., Mattei U. Ecology of Law. On the way to a legal system in harmony with nature and society / transl. from English. M. — SPb., 2021 (in Russ.).
3. Kolbasov O.S. Ecology: politics and law. M., 1976. Pp. 45–54 (in Russ.).
4. Luneva E.V. The law of rational nature management: doctrine, methodology and practice: dis. ... Doctor of Law. M., 2023. Pp. 24, 25 (in Russ.).
5. Maltsev G.V. Development of law: towards unity with reason and science. M., 2005. Pp. 39, 44, 45 (in Russ.).
6. Radko T.N. Theory of state and law: textbook for universities. M., 2005. P. 387 (in Russ.).
7. Tikhomirov Yu. A. Theoretical and practical view on water law // Water legislation and environmental challenges: collection of materials of the Scientific and Practical Conference (Moscow, June 15, 2012) / comp. S.A. Bogolyubov, D.O. Sivakov, O.A. Zolotova. M., 2012. Pp. 25, 26 (in Russ.).
8. Yasvin V.A. History and psychology of the formation of ecological culture. Is it comfortable to sit at the top of the pyramid? / ed. by V.M. Zakharov. M., 1999. Pp. 34, 35 (in Russ.).
9. Capra F., Mattei U. The Ecology of Law. Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, 2015.
10. Daly H. Toward Some Operational Principles of Sustainable Development // Ecological Economics. 1990. No. 2. Pp. 1–6.

Authors' information

BRINCHUK Mikhail M. — Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Professor of the Department of Land Law and State Registration of Real Estate, Moscow State University of Geodesy and Cartography; 4 Gorokhovskiy Lane, 105064 Moscow, Russia

УДК 34

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ВОЕННОГО ПРАВА В РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

© 2025 г. А. В. Кудашкин^{1, 2}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Академия военных наук Российской Федерации, г. Москва

E-mail: kud64@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2025 г.

Аннотация. В статье исследован генезис преподавания в России военно-правовых дисциплин. Начало обучения военных юристов было положено при Петре I введением в войсках должностей аудиторов — первых должностей, имеющих юридическое значение. Однако создание системы военно-юридического образования произошло во второй половине XIX в. и связано с созданием Военно-юридической академии и именем ее начальника генерала от инфантерии П.О. Бобровского, который положил начало обучению военных юристов на научной основе. В советский период подготовка военных юристов продолжилась в Военно-юридической академии Красной Армии, Военно-политической академии им. В.И. Ленина и Военном институте Минобороны СССР. В настоящее время военных юристов готовят в Военном университете им. Великого князя Александра Невского. Преподавание учебной дисциплины «военное право» было положено в 80-х годах прошлого столетия, когда она начала читаться в высших военных образовательных заведениях неюридического профиля. В настоящее время назрела необходимость ее преподавания также и военным юристам.

Ключевые слова: военное право, военные законы, военно-правовые дисциплины, военно-юридическая школа, Военно-юридическая академия, аудиторское училище, военная администрация, преподавание, проблемы.

Цитирование: Кудашкин А. В. Проблемы преподавания военного права в России и пути их решения // Государство и право. 2025. № 8. С. 97–108.

DOI: 10.31857/S1026945225080101

PROBLEMS OF TEACHING MILITARY LAW IN RUSSIA AND WAYS TO SOLVE THEM

© 2025 A. V. Kudashkin^{1, 2}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Moscow*

E-mail: kud64@mail.ru

Received 01.06.2025

Abstract. The article examines the genesis of teaching Military Law disciplines in Russia. The beginning of the training of military lawyers was laid under Peter the Great with the introduction of auditor positions in the military, the first positions of legal importance. However, the creation of a system of military legal education took place in the second half of the 19th century and was associated with the creation of the Military Law Academy and the name of its chief, General of Infantry P.O. Bobrovsky, who initiated the training of military lawyers on a scientific basis. During the Soviet period, the training of military lawyers continued at the Military Law Academy of the Red Army, the Lenin Military Political Academy and the Military Institute of the Ministry of Defense of the USSR. Currently, military lawyers are trained in Grand Duke Alexander Nevsky Military University. The teaching of the academic discipline "Military Law" was initiated in the 80^s years of the last century, when it began to be taught in higher military educational institutions of a non-legal profile. Currently, there is a need to teach it to military lawyers as well.

Key words: Military Law, military laws, military legal disciplines, military law school, Military Law Academy, audit school, military administration, teaching, problems.

For citation: Kudashkin, A.V. (2025). Problems of teaching Military Law in Russia and ways to solve them // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 97–108.

История преподавания военно-правовых дисциплин связана с возникновением военно-юридической школы, берущей начало с учреждения Петром I специального военного суда (фергер-кригсрехта)¹. Первые должности аудиторов в армии, имеющие юридическое значение, были учреждены указом Петра I в 1711 г.² В гл. VIII Устава воинского (1716 г.) введены нормы, предусматривавшие «держать при войсках генерал-, обер- и полковых аудиторов, от которых весьма требуется

доброе искусство в права..., разуместь правду, быть добрым юристом»³.

Аудитор — это и руководитель военно-уголовного процесса, и следователь, и прокурор в одном лице. По существу, все производство в военном суде лежало на аудиторе⁴. Были предприняты попытки подготовки аудиторов из российских подданных, также в интересах военного ведомства для укомплектования должностей привлекались подготовленные кадры из-за границы⁵. Однако система военно-юридического образования при Петре I так и не была создана, по всей видимости, в связи с недостаточностью профессионально подготовленных кадров, и первым учебным заведением, в котором начали преподаваться юридические дисциплины, был учрежденный в 1732 г. шляхетский кадетский корпус, в котором императрицей Анной Иоанновной было предусмотрено при

¹ Как отмечается в юридической литературе, в эпоху преобразования Петра I военные суды (кригсрехты) нововведением не являлись, так как прообраз военно-судебных органов имелся во многих европейских странах того времени. Однако его заслуга в том, что он закрепил их деятельность в правовых актах и придал судопроизводству четко регламентированную процессуальную форму, что стало отправной точкой для развития военно-судебного законодательства (см. подр.: Петухов Н.А. Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов России: дис. ... д-ра юрид. наук: 20.02.03. М., 2003; Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 28–30).

² Бобровский П.О. Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России / Соч. П. Бобровского. Т. 1. Способы образования и комплектования аудиторов от преобразований Петра Великого до учреждения в 1832 году Аудиторской школы. СПб., 1879. С. 93–95.

³ Цит. по: там же. С. 147.

⁴ См.: Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. С. 267, 268.

⁵ Петр I предписывал генералу А.А. Вейде, второму Президенту Военной коллегии, вызывать в Россию «ученых и в правоведении искусных людей для отправления в коллегии дел» (см.: Вернадский Г.В. Очерки истории права Русского Государства XVIII–XIX вв. (Период империи). М., 1998. С. 90, 91).

учреждении кадетского корпуса кадетам преподавание юриспруденции⁶.

Первым юридическим предметом, который преподавался будущим военным юристам (аудиторам), был «Артикул воинский».

В последующем российские императоры принимали попытки начать подготовку национальных военно-юридических кадров, не давшие значимых результатов, поскольку имели характер полумер, которые не смогли удовлетворить потребности армии в квалифицированных военных юристах⁷. Единственной специальной военно-юридической дисциплиной для подготовки аудиторов на протяжении длительного периода было чтение воинских артикулов⁸.

Каких-либо специальных учебных заведений для подготовки военных юристов в тот период не было и, как отмечает известный военный юрист А. Эртель, «в обществе... распространено довольно сильно мнение, что нет надобности в особенных учебных заведениях, по военно-юридической части...», поскольку таких юристов вполне возможно готовить в гражданских учебных заведениях, с чем он был категорически не согласен⁹.

Первым специальным учебным заведением для подготовки военных юристов стала Аудиторская школа, которая была учреждена при Военном министерстве 10 ноября 1832 г.¹⁰ Обучение шло на протяжении шести лет, в числе юридических предметов преподавались «Российские Законы» и «Порядок дел следственных и порядок судопроизводства». В 1846 г. было образовано Аудиторские училище, в котором с 1863 г. начало преподаваться уголовное право, так как «военный юрист должен быть, прежде всего, криминалистом»¹¹. В ней также стали преподаваться специальные военно-юридические дисциплины: военные законы, военные и морские уголовные уставы, военное судопроизводство¹².

Отметим, что обучение правовым дисциплинам происходило не только аудиторов, но и лиц,

обучавшихся в военных гимназиях и иных военных учебных заведениях (военных и юнкерских училищах, кадетских корпусах). В утвержденном императором Николаем I 27 декабря 1848 г. «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений»¹³ особое внимание в подготовке будущих офицеров уделялось такой дисциплине, как «Законоведение (военное законоведение)». Анализ учебных программ кадетских корпусов, военных училищ и академий показывает, что данная дисциплина являлась обязательной для изучения в военно-учебных заведениях всех уровней. При этом цель преподавания «Военного законоведения» заключалась в том, чтобы «дать воспитанникам четкие понятия о государственном управлении, чтобы они не только могли понимать смысл тех государственных мер и учреждений, которые их будут окружать в жизни, но чтобы прониклись также сознанием необходимости государственного порядка, важности обязанностей военнослужащего и вынесли из курса ясные представления о тех непреложных началах, без которых невозможно никакое правильное общежитие»¹⁴.

На основании Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений наставник-наблюдатель коллежский советник С.М. Добровольский в 1850 г. подготовил книгу «Военные законы»¹⁵; в 1853 г. статский советник, доктор законоведения Н.Ф. Рождественский подготовил «Руководство к военным законам»¹⁶, которые стали первыми в России учебниками по военным законам (военному праву). Книги использовались для преподавания как в аудиторском училище, так и в иных военных образовательных учреждениях.

К каждому служащему по военному ведомству предъявлялись жесткие требования по знанию и соблюдению нормативно-правовых актов Российской империи. В частности, в «Общих обязанностях служащих по военному ведомству» отмечалось, что «всякий служащий должен поставить себе в непрременную обязанность ведать все уставы и законы государственные и содержать их

⁶ См.: ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 8 (1728–1732). Разд. № 5811.

⁷ См.: Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. С. 271.

⁸ См.: Бобровский П.О. Указ. соч. Т. 1. С. 33.

⁹ См.: Эртель А. Примечания // Штейн Л. Учение о военном быте, как часть науки о государстве / пер. и предисл. А. Эртеля. С. 443–445.

¹⁰ См.: Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России. СПб., 188-? С. 3.

¹¹ См.: ГВИА. Ф. 348. Оп. 1. Д. 275.

¹² См.: Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России. С. 87.

¹³ Утверждено приказом Его Императорского Высочества Главного Начальника Военно-Учебных Заведений 27 Марта 1847 года № 841 (см.: Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1849. С. 133–144).

¹⁴ Коровин В., Свиридов В. Из истории гуманитарной подготовки будущих офицеров // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 141, 142.

¹⁵ Добровольский С.М. Военные законы: курс 2 спец. кл. / сост., на основании Наставления для образования воспитанников воен.-учеб. заведений, утв. 24 дек. 1848 г., наставник-наблюдатель, кол. сов. Добровольский. СПб., 1850.

¹⁶ Рождественский Н.Ф. Руководство к военным законам, составленное статским советником, доктором законоведения Николаем Рождественским. СПб., 1853.

в нерушимой сохранности, яко первый и главный предмет, от которого правое и благонамеренное управление всех дел: закон, запрещающий всем вообще подданным отговариваться неведением законов, — преимущественно подтверждается в отношении к лицам, состоящим в государственной службе»¹⁷.

В 1860 г. в Аудиторском училище был разработан новый учебный план, приближающий это учебное заведение к Императорскому училищу правоведения. Из числа юридических дисциплин в Аудиторском училище в качестве самостоятельных предметов стали изучаться военные, военно-уголовные законы и военное судопроизводство. Изучение указанных учебных дисциплин осуществлялось по одному из первых учебников по военному и военно-уголовному праву — «Военные законы», написанному доктором юридических наук, наставником-наблюдателем М.М. Михайловым в 1861—1863 гг. для военно-учебных заведений того времени¹⁸. В учебнике рассмотрены правовые вопросы, начиная с краткого исторического обозрения русских военных законов до подробного изучения системы Свода военных постановлений, значительное внимание уделено рассмотрению положений действующих военно-уголовных законов и военно-уголовного судопроизводства того времени, относимых М.М. Михайловым к «охранительным военным законам». Положения военно-уголовных законов, как их общей, так и особенной частей, рассматриваются в данном учебнике, как правило «в особенности к уголовным законам вообще», т.е. применительно к уголовному праву для «лиц гражданского ведомства». Однако «особенные постановления о наказаниях по военному ведомству» в соответствии с Уставом военно-уголовным¹⁹ изложены отдельно

и в достаточной степени подробно. Отметим, что именно М.М. Михайлов первым использовал термин «военно-юридические познания» (как обязанность юнкеров «осваивать эту область «как теоретически, так и практически») в предисловии к учебнику «Военно-уголовное право», обозначив тем самым отрасль знаний, которую мы сейчас называем «военно-юридическая наука»²⁰.

К 1865 г. (в ходе начавшейся в 1864 г. в России судебной реформы, которая затронула также и армию) стало очевидно, что в армии нужны юристы с высшим юридическим образованием, знакомым с военным бытом и условиями военной службы. Возникла необходимость создания специального юридического заведения для подготовки юристов-офицеров. Так, в 1866 г. при Аудиторском училище были созданы «Офицерские классы»²¹, в которых преподавались военно-юридические предметы: военная администрация, военно-уголовный устав, военно-уголовные законы иностранных государств, военно-уголовное судопроизводство и судопроизводство.

В ходе военно-судебной реформы 1876 г. для вновь организуемой системы военных судов потребовались не столь юридически образованные чиновники, сколько военнообразованные офицеры как лица, непосредственно знакомые с военной службой и воинской дисциплиной, что обусловило реорганизацию существующих учебных заведений, в ходе которой офицерские классы при Аудиторском училище были переименованы в Военно-юридическую академию²², а Аудиторское училище — в Военно-юридическое училище²³. В последующем Военно-юридическое

¹⁷ Свод военных постановлений. Кн. VII. Прохождение службы по военному ведомству. СПб., 1907. С. 13 (Ст. 15).

¹⁸ См.: Михайлов М.М. Военные законы: курс по программе, утв. для руководства в воен.-учеб. заведениях / сост. д-р юрид. наук, наставник-наблюдатель М.М. Михайлов. СПб., 1861—1863. Вып. 1—5.

¹⁹ Устав военно-уголовный 1839 г. (Россия. Законы и постановления. Свод военных постановлений. Ч. I. Устав военно-уголовный. СПб., 1839) входил в ч. I Свода военных постановлений 1839 г. Заключал в себе две книги: о преступлениях и наказаниях (свод материальных законов) и о военном суде (свод законов процессуальных). Каждая из книг представляла собой два формально обособленных кодекса уголовных законов: для мирного времени и для военного. Главным материалом для законов мирного времени послужили артикулы Петра Великого, военного — полевое уголовное уложение 1812 г. Отсюда крайние несоответствие и противоречия не только в общих положениях, но и в наказуемости одних и тех же преступных деяний, причем нередко в военное время наказания оказывались слабее, чем в мирное. В 1855 г. Устав был издан вторично, в 1859 г. — в третий раз. Первая его книга сохраняла силу до издания Воинского устава о наказаниях 1868 г. (см.:

Воинский устав о наказаниях. СПб., 1868), вторая — до издания Военно-судебного устава 1867 г. (см.: Военно-судебный устав полное издание, высочайше утвержденный 15 мая 1867 г. Со включением: 1. Приказа военного министра 20 мая 1867 г. с правилами для руководства при наложении наказаний. 2. Положений о взысканиях дисциплинарных. 3. Выс. утв. мнений Гос. совета и др. М., 1868).

²⁰ Михайлов М.М. Военно-уголовное право: курс уголовных законов и военного судопроизводства, читанный в Константиновском военном училище в 1869—1870 г.: отдел общих и военно-уголовных законов. СПб., 1871. С. 2 (предисл.).

²¹ В приказе по Военному ведомству от 9 июня 1866 г. № 202 объявлялось: «...для приготовления штаб и обер-офицеров к занятию должностей по военно-судебному ведомству с преобразованием военно-судной части, открыть при Аудиторском училище военного министерства офицерские классы из двух курсов» (цит. по: Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-юридическая академия (1866—1891 гг.): краткий исторический очерк. СПб., 1891. С. 8).

²² См.: Высочайшее повеление от 30 марта 1867 г., объявленное приказом по Военному ведомству от 9 апреля 1867 г.

²³ См.: Приказ по Военному ведомству от 6 апреля 1868 г. № 104 (см.: Россия. Военное министерство. Приказы

училище было упразднено (1876 г.), в этом же году Военно-юридическая академия фактически (юридически она существовала) приостановила свою работу и вновь ее возобновила уже в статусе самостоятельного военно-учебного заведения в 1878 г., в котором была продолжена деятельность по подготовке военно-юридических кадров, где обучались как военные, так и гражданские слушатели²⁴.

Во вновь образованных военно-юридических учебных заведениях было продолжено преподавание вышеуказанных военно-юридических предметов, а 30 января 1876 г. на конференции академии ее начальником П.О. Бобровским был поставлен вопрос о необходимости научных исследований в области военного права²⁵.

Дата 30 января 1876 г. фактически является *датой рождения военно-юридической науки*. Как отмечают современные исследователи, «к моменту создания ВЮА военно-правовых наук, в собственном смысле слова, не существовало нигде в мире. Ученые Александровской военно-юридической академии поистине разрабатывали “целину”. <...> они шагнули дальше других иностранных ученых-юристов»²⁶.

До образования Военно-юридической академии военно-правовые основы преподавались в рамках учебной дисциплины «военные законы»²⁷. В последней четверти XIX и начале XX в. преподавание военно-правовых дисциплин осуществлялось по трем направлениям: военно-административное право (военная администрация), военно-уголовное

право и военно-судебное право. Развитие военно-правовой науки в XIX в. способствовало появлению учебных изданий по военно-уголовному²⁸, военно-административному²⁹, военно-судебному праву³⁰. С 1878 г. в Академии начинает преподаваться «учебная дисциплина “право войны” в соединении с международным правом»³¹.

Первый и единственный опыт в российской юридической литературе XIX в. разработки учебного курса военного права связан с именем преподавателя Военно-юридической академии А.Н. Эртелем, который подготовил обширное предисловие и не менее обширные примечания к переводу книги Л. фон Штейна «Военный быт как часть науки и государстве». Однако его подвижнический труд прервался в связи с его смертью³².

Член-корреспондент АН СССР М.А. Аржанов точно подметил, что «система научно-юридических дисциплин должна определяться в основном системой действующего права»³³. Как ранее было отмечено, в Номенклатуру научных специальностей в 1981 г. включена научная дисциплина «военное право». По мнению М.А. Аржанова, «научные дисциплины могут отставать и часто отстают

по военному ведомству ... [Текст]. 1868. № 1—216. СПб., 1868).

²⁴ Приостановка деятельности ВЮА была обусловлена тем, что была выявлена неэффективность подготовки аудиторов (военно-юридических кадров) в системе двух военно-образовательных учреждений. В результате было принято решение продолжить подготовку военно-юридических кадров в рамках самостоятельной ВЮА, которая с 17 июня 1891 г. стала именоваться Александровской ВЮА, в честь погибшего императора Александра II. 17 июня 1891 г. в Приказе № 179 Военным министром было объявлено об утверждении императором Александром III постоянного «Положения об академии» (см.: Россия. Военное министерство. Приказы по военному ведомству... Алфавитный указатель приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1891 г. СПб., 1892; см. подр.: Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законов в России. С. 131—135; Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. С. 282, 283).

²⁵ См.: Кузьмин-Караваев В.Д. Указ. соч. С. 55, 56.

²⁶ Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. С. 287.

²⁷ Рождественский Н.Ф. Указ. соч.; Михайлов М.М. Военные законы: курс по программе, утв. для руководства в воен.-учеб. заведениях / сост. д-р юрид. наук, наставник-наблюдатель М.М. Михайлов (см. подр.: Генезис военного права // Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кулашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисл.). М., 2021. С. 135—140).

²⁸ См.: Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-уголовное право. 1. Введение. Часть общая. 1. Учение о военно-уголовном законе. II. Учение о воинском преступном деянии. СПб., 1895; Неелов Я.А. Курс военно-уголовного права. Лекции, читаемые в Военно-юридической академии проф. Я.А. Нееловым в 1884/85 акад. году. СПб., б.г.; Курс военно-уголовного законов 1880/81 учебного года. Б.м., б.г. (литогр. изд.); Курс военно-уголовного законов 1877/8 учебного года. М., 1878 (литогр.); и др.

²⁹ См.: Лузанов П. Конспект лекций по военно-административным законам. СПб., 1887; Добровольский А.М. Военно-административное право. Лекции, читанные в 1913—1914 учеб. гг. Издал Шт.-капитан Калинин. СПб., 1914. (литогр. изд.); Его же. Военно-административное право. Лекции, читанные в 1906—1907 учеб. гг. Издал поручик Савчинский. СПб., 1907 (литогр. изд.).

³⁰ См.: Володимиров В.М. Руководство к изучению военно-судебного устава. Общие положения и подсудность. СПб., 1896; Его же. Конспективный курс военно-уголовного судоустройства и судопроизводства. СПб., 1893; Абрамович-Барановский С.С. Лекции по военному судопроизводству, читанные в 1912 году в Александровской Военно-юридической Академии профессором генерал-майором С.С. Абрамович-Барановским. Издал шт.-капитан Ласточкин. СПб., 1913 (литогр. изд.); и др.

³¹ Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законов в России. С. 135.

³² А.Н. Эртель, по всей видимости, скончался в первой половине 1875 г., поскольку со второго полугодия 1875—1876 учебного года вместо него был назначен другой преподаватель — П.Ф. Лузанов (см.: Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-юридическая академия (1866—1891 гг.): краткий исторический очерк. С. 52—54). Отметим, что, по всей видимости, проф. В.Д. Кузьмин-Караваев допустил опечатку в инициалах Эртеля, указав его «Л.Н. Эртель».

³³ М.А. Аржанов. Правовые горизонты / рук. проекта и отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2024. С. 159.

от развития соответствующих отраслей права»³⁴. Применительно к военному праву все произошло с точностью до наоборот; официально научная дисциплина «военное право» появилась в 1981 г., существование отрасли военного права, сформировавшейся в ходе исторического развития военной организации государства в предшествующие периоды, было доказано в 30-х годах прошлого столетия, учебная дисциплина «военное право» отсутствует в настоящее время в учебных планах большинства высших военных учебных заведений³⁵, несмотря на десятки вышедших учебников и учебных пособий, что свидетельствует о имеющемся разрыве между уровнем развития науки военного права и практикой учебного процесса, что мешает введению в учебный процесс преподавания учебной дисциплины «военное право».

Как отметил П.И. Романов, «разработка системы... курса (военного права) не может рассматриваться как задача учебно-методического характера. Это задача научная. Правильное ее разрешение требует ответа на ряд теоретических вопросов принципиального характера», в том числе «какие основные разделы и в какой последовательности должны быть включены в систему военного права как учебного курса». Им предложены система курса военного права, состоящая из введения (основные понятия права, его источники, механизмы правового регулирования общественных отношений, предмет и структура курса, место военного права в правовой системе, особенности военно-правовой нормы) и трех разделов: первый — правовые основы строительства Вооруженных Сил; второй — вопросы законности и способы его обеспечения в вооруженных силах, основы предупреждения и искоренения правонарушений в войсках; третий — основные положения международного права (военные аспекты). Он анонсировал в 1974 г. подготовку военными юристами первого учебника «Военное право».

Однако подготовка учебных изданий в военных академиях уже началась. В 1973 г. в Военно-воздушной инженерной академии им. проф. Н.Е. Жуковского подготовлено учебное пособие «Основы военного права и военная администрация»³⁶, в 1975 г. в Военной академии

им. М.В. Фрунзе — курс лекций по военному праву³⁷, были и другие издания³⁸.

Первые учебники, подготовленные профессорско-преподавательским составом военного юридического факультета Военно-политической академии им. В.И. Ленина, стали появляться позже, они предназначались как для преподавания соответствующего курса в высших военных учебных заведениях, так и правовой подготовки офицерского состава. В 1977 г. вышло учебное пособие «Военное право» под редакцией А.Г. Горного³⁹ и в 1984 г. учебник «Военное право»⁴⁰. В 1988 г. в издательстве «Авиация ВМФ» выпущено учебное пособие «Основы военного права»⁴¹, предназначенное для использования офицерским составом при изучении комплекса военно-правовых проблем, которые они должны разрешать в повседневной практической деятельности, а также при подготовке к зачетам по правовому минимуму⁴²; в 1990 г. в Военно-политической академии — учебное пособие «Военное право»⁴³, целью которого являлось «оказать помощь слушателям в овладении все комплексом вопросов, предусмотренных программой курса военного права»⁴⁴.

В постсоветский период учебники по военному праву стали издаваться чаще: в 1996 г. — «Военное право» под общей редакцией Н.И. Кузнецова⁴⁵ и учебное пособие «Военное право» авторов В.В. Бурыкина и Ю.Г. Казакова⁴⁶, в 1998 и 2008 гг. — учебники «Военное право» Ю.И. Мигачева, Л.Л. Попова, С.В. Тихомирова⁴⁷; в 1999 г. — Н.И. Котлярова⁴⁸, в 2004 г. — учебник «Военное право» под редакцией

³⁴ М.А. Аржанов. Правовые горизонты / рук. проекта и отв. ред. А.Н. Савенков. С. 159.

³⁵ Исключение составляет Военный университет Минобороны России, в котором преподается дисциплина «военное право» для адъюнктов в системе послевузовской подготовки для сдачи экзаменов по кандидатскому минимуму при подготовке ими кандидатских диссертаций.

³⁶ Сметанкин Г.В. Основы военного права и военная администрация: учеб. пособие. М., 1973.

³⁷ См.: Советское военное право: курс лекций / отв. ред. П.П. Товстуха. М., 1975.

³⁸ См.: Богомаз А.Д. Советское военное право и организация войскового хозяйства: конспект лекций. Харьков, 1976.

³⁹ См.: Военное право: учеб. пособие / под общ. ред. А.Г. Горного. М., 1977.

⁴⁰ Военное право: учеб. / под ред. А.Г. Горного. М., 1984.

⁴¹ Основы военного права: учеб. пособие / под общ. ред. В.П. Серегина и Н.А. Черногорова. М., 1988.

⁴² См.: там же. С. 8.

⁴³ Военное право: учеб. пособие / отв. ред. В.С. Буевич. М., 1990.

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ См.: Военное право: учеб. для воен.-учеб. заведений ВС России / под ред. Н.И. Кузнецова. М., 1996.

⁴⁶ См.: Котляров И.В. Военное право: учеб. для воен.-учеб. заведений ВС России / под ред. Г.А. Золотухина. М., 1997.

⁴⁷ См.: Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Военное право: учеб. для студ., обучающихся по специальности и направлениям «Юриспруденция» / под ред. Ю.И. Мигачева. М., 2008.

⁴⁸ См.: Бурыкин В.В., Казаков Ю.Г. Военное право: учеб. пособие. М., 1996.

В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина⁴⁹; в 2004 г. — учебник «Военное право России» М.И. Петрова⁵⁰; в 2020 г. — учебник «Военное право» В.М. Корякина⁵¹ и другие издания⁵², которые оказались востребованными как в научной, так и практической деятельности.

Необходимость подготовки учебных изданий по военному праву была обусловлена практической потребностью обучения офицерского состава неюридического профиля основам советского права в целом и в силу специфики обучаемого контингента его отдельной части — военному праву, т.е. учебники по военному праву давали общее представление о правовых основах военной деятельности в государстве командному составу Вооруженных Сил СССР и России. Углубленное обучение военных юристов военно-правовым знаниям происходило в рамках учебной дисциплины «военная администрация» и специальных разделов общеправовых дисциплин (уголовное право, уголовный процесс и т.д.). Такое положение дел было обусловлено не разработанностью теории военного права в тот период, что привело В.М. Чхиквадзе к мысли, что «ввиду... разнообразия содержания военного права, оно не может быть признано самостоятельной учебной дисциплиной, предметом самостоятельного преподавания. Военное право должно преподаваться по отдельным его отраслям — как военно-административное, военно-уголовное и военно-судебное право»⁵³.

Как отмечал П.И. Романов, «существовала концепция военного права, но военного права как цельной научной и учебной дисциплины не было, да в условиях юридической академии не возникала необходимость в комплексном учебном курсе военного права, так как разработка и преподавание военно-правовых проблем велись специалистами общепризнанных, традиционных правовых наук в неразрывной связи с общими принципами и институтами соответствующих отраслей советского

права». Такая ситуация была обусловлена не разработанностью теории военного права и, как следствие, невозможностью преподавания общей части соответствующей учебной дисциплины.

Учебники по военному праву также предназначались для обучения студентов юридических вузов, в том числе в рамках подготовки в военных учебных центрах.

Издание значительного количества учебников по военному праву при отсутствии в учебных планах соответствующей учебной дисциплины было обусловлено тем, что не была решена объективно существующая проблема в системе военно-юридического образования в части формирования учебных программ, основанных на разработанной теории военного права, а также практическими потребностями в правовой подготовке органов государственного, в том числе военного, управления.

Академическая школа военного права. Фундаментальная академическая школа военного права советского периода связана с деятельностью Института государства и права АН СССР, в котором был заложен прочный теоретический фундамент для исследования теории современного военного права. Традиции советской академической школы военного права связаны с именами известных советских ученых, работавших в Институте в разные годы, профессорами И.Н. Арцибасовым, И.И. Лукашук, А.И. Полтораком, П.С. Ромашкиным, Л.И. Савинским, В.М. Чхиквадзе⁵⁴ и др.

В 2020 г. в Институте государства и права Российской академии наук создан междисциплинарный Центр правовых исследований в области обороны и оборонно-промышленного комплекса ИГП РАН (ЦОИ ИГП РАН)⁵⁵. Основной целью

⁴⁹ См.: Военное право / под ред. В.Г. Стрекозова и А.В. Кудашкина. М., 2004.

⁵⁰ См.: Петров М.И. Учебное пособие для слушателей по военному праву России. М., 2004.

⁵¹ См.: Корякин В.М. Военное право: учеб. для студ. военных ун-тов. М., 2020.

⁵² См.: Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Указ. соч.; Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Военное право: учеб. М., 2005; Котляров И.И., Соловьев В.В., Сурков А.Н. Военное право: учеб. М., 2005; Кабакович Г.А., Котляров И.И., Раянов Ф.М. Военное право. М., 1999; Военное право: краткий учеб. курс / под ред. А.Я. Петроченкова. М., 2007; Военное право: учеб.-метод. пособие. М., 2014; Журавлев С.И., Терешина Е.В., Туганов Ю.Н. Военное право: курс лекций для подготовки курсантов по специальности 290101 «Пограничная деятельность». М., 2014; Чайка Я.В. Военное право: курс лекций. Кисловодск, 2009; и др.

⁵³ Чхиквадзе В.М. Некоторые вопросы советского военного права // Сов. государство и право. 1947. № 8. С. 50.

⁵⁴ См.: Курс международного права: в 7 т. Т. 6: Отрасли международного права / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.А. Ушаков. М., 1992 (гл. 9 «Право вооруженных конфликтов», авторы — И.Н. Арцибасов и И.И. Лукашук); Полтораки А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976; Ромашкин П.И. Военные преступления империализма. М., 1953; Его же. Преступления против мира и человечества. М., 1967; Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право. Часть Общая / под ред. И.Т. Голякова. М., 1946; Его же. Военно-уголовное право. Часть Особая / под ред. И.Т. Голякова. М., 1947; и др.

⁵⁵ Решение о создании Центра принято по инициативе директора Института, чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова (ныне — академик РАН) и по итогам консультаций с представителями заинтересованных органов государственной власти и управления в соответствии с постановлением круглого стола Комитета Государственной Думы по обороне «О состоянии и перспективах развития военной науки и высшего военного образования: вопросы законодательного обеспечения» с участием Института 9 июля 2018 г. С августа 2024 г. Центр возглавил А.В. Кудашкин, главный научный сотрудник ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, который является основоположником и руководителем современной академической школы военного права России.

деятельности Центра является проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований в области правового обеспечения обороны и деятельности оборонно-промышленного комплекса (ОПК), изучение процессов правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разработка на этой основе научных рекомендаций для решения актуальных проблем в области правового обеспечения обороны и деятельности ОПК.

Для реализации указанной цели Центр организует фундаментальные, поисковые и прикладные научные исследования в области правового обеспечения реализации государственной политики в области обороны и деятельности ОПК, а также научные и научно-организационные мероприятия (конференции, симпозиумы, семинары и иные, в том числе международные).

Перечисленные задачи ЦОИ решает в тесном взаимодействии с Комиссией по военному праву Ассоциации юристов России (возглавляет акад. РАН А.Н. Савенков) и отделением военного права Академии военных наук.

За прошедшее с момента создания Центра время в рамках его плановой деятельности проведено фундаментальное исследование по истории и теории военного права, по результатам которого издан фундаментальный военно-теоретический труд «Военное право» в трех томах (четырёх книгах) под редакцией чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова и проф. А.В. Кудашкина⁵⁶. Проводится исследование актуальных проблем права вооружённых конфликтов, актуальность которого обусловлена возросшим количеством вооружённых противоборств в мире с использованием военной силы, так и проведением ВС России специальной военной операции на Украине⁵⁷.

Исключительной актуальностью в современных условиях также является исследование теоретико-правовых основ деятельности ОПК России, которое также проводится в настоящее время под руководством Центра⁵⁸.

⁵⁶ См. подр.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисл.); т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права); М., 2022. Т. 3, кн. 1: Основные проблемы и перспективные направления исследования военного права; 2023. Т. 3, кн. 2: Основные итоги исследования: курс военного права.

⁵⁷ См. подр.: Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / авт. кол. под рук. А.В. Кудашкина. М., 2024.

⁵⁸ См.: Кудашкин А.В., Потапов А.В. К вопросу о соотношении понятий «оборонно-промышленный комплекс» и «военно-промышленный комплекс» // Право в Вооружённых Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 7 (324). С. 115–122.

Изданные до 2021 г. учебники и учебные пособия по военному праву не решали очевидной проблемы в высшем юридическом образовании, в том числе военно-юридическом, — не была устранена разрозненность военно-правовых знаний в области правового обеспечения военной деятельности Российского государства, преподаваемых в системе высшего и военного образования в составе различных учебно-правовых дисциплин. В условиях отсутствия научного познания ядра военного права — права военных конфликтов у обучаемых не могло сложиться целостное и системное знание фундаментального и прикладного характера о военно-управленческой деятельности на всех уровнях военной организации государства, что объективно способствует повышению эффективности укрепления законности и правопорядка, в том числе в условиях вооружённого конфликта, военного положения, в период проведения мобилизации.

Данная проблема решена с выходом учебника «Военное право» (2021)⁵⁹, который был издан на основе вышедших двух первых томов монографии «Военное право»⁶⁰.

В учебнике «Военное право» (2021) на фундаментальной научно-теоретической базе монографии «Военное право» изложены учебно-дисциплинарные знания о правовых процессах, происходящих в военной организации государства, составляющие объективную основу существования российской государственности; генезисе и теоретических основаниях отраслеобразования военного права в системе права России; об общественных отношениях, возникающих в ходе военного (вооружённого) конфликта, являющихся одной из основ государствообразования и формирования права в Российской Федерации.

Вполне очевидно, что назрела необходимость преподавания в высших военных учебных заведениях учебной дисциплины «военное право», которая обусловлена специфичностью предмета и метода правового регулирования военных отношений; самостоятельностью военного дела в системе общественных отношений государства, которая обуславливает самостоятельность военной науки и связанных с ней гуманитарных учебных дисциплин.

Учебник «Военное право» (2021) восполнил пробел изучения правовой проблематики функционирования военной организации Российского

⁵⁹ См.: Военное право: учеб. / под ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. М., 2021.

⁶⁰ Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисл.); т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права).

государства, военных общественных отношений, сформировал систематизированное учебно-методическое знание в области военного права, адекватное современным требованиям высшего образования, в том числе объективной потребности государства в подготовке высокопрофессиональных военно-юридических кадров.

Общая часть учебной дисциплины «военное право» включает: генезис, теорию и основные институты российского военного права; системные предпосылки военного права, к которым относятся: 1) военная безопасность — цель военного права; 2) военная деятельность государства как объект военного права; 3) военная организация государства — субъект военного права; вопросы социальной ценности военного права (соотношение с военной политикой, правосознанием военнослужащих и его человеческим измерением).

Однако ядром военного права является право военных конфликтов, которое должно стать основным разделом общей части курса военного права.

Эффективность обучения по правовому и военно-юридическому направлениям будет достигнута тогда, когда в учебный процесс будут внедрены знания в которых систематизированы современные концептуальные научно-правовые воззрения, организационные и методологические подходы к изучению военной деятельности Российского государства; у обучаемых будут сформированы знания об объективной основе существования российской государственности на основе знаний о правовых процессах, происходящих в военной организации государства.

Учебник «Военное право» создает единую системную образовательную и методологическую основу изучения военно-правовых вопросов, что влияет на качество обучения подготовки высокопрофессиональных кадров для военной организации государства. Он используется при обучении по дисциплинам по направлениям подготовки: 40.05.01 — Правовое обеспечение национальной безопасности и 40.03.01. Юриспруденция.

В полной мере системное знание о широком спектре правовых вопросов военной деятельности государства представлено в изданном завершающем томе монографии «Военное право» «Основные итоги исследования. Курс военного права»⁶¹, в котором после вводной части поставлен раздел, посвященный праву военных конфликтов. Однако начинать этот раздел нужно с правовой характеристики военных конфликтов и его разновидностей — войны и вооруженных конфликтов. Только тогда формируется полное

системное знание о военном праве как уникальном явлении правовой системы Российской Федерации.

Разработанная теория военного права позволила сформировать академический курс «Военное право», который включает следующие основные разделы:

общая часть, включающая следующие разделы: введение в военное право; социальная ценность военного права; системные предпосылки военного права; теоретические основы военного права; право военных конфликтов;

специальная часть, состоящая из следующих разделов: военная служба, военнослужащие и их правовой статус; правоприменительная и правоохранительная деятельность в военной организации государства; правовое положение государственных военных организаций и организаций ОПК и организационно-правовые основы их деятельности; военные аспекты международного права, военное право зарубежных государств.

Основная задача курса военного права — раскрыть взаимосвязь права военных конфликтов с военной наукой. Такая взаимосвязь описана В.В. Кудашкиным в монографии «Право военных конфликтов», который исследовал пределы вторжения права в военное дело и теоретически доказал и научно обосновал вывод, что военная наука может построить научно выверенные и обоснованные алгоритмы поведения участников военного противоборства; однако без права эти алгоритмы останутся всего лишь научными моделями. Именно военное право, право военных конфликтов придает военно-научному знанию государственную силу, значимость, ценность и вес. Право в нормативных правовых актах реализуется в качестве «боевого» компонента вооруженного противоборства, военное искусство в них определяет содержание правовых норм, становясь научно обоснованным, нормативно определенным регулятором общественных отношений военного конфликта⁶².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамович-Барановский С.С.* Лекции по военному судопроизводству, читанные в 1912 году в Александровской Военно-юридической Академии профессором генерал-майором С.С. Абрамович-Барановским. Издал шт.-капитан Ласточкин. СПб., 1913 (литограф. изд.).
2. М.А. Аржанов. Правовые горизонты / рук. проекта и отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2024. С. 159.
3. *Бобровский П.О.* Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России / Соч. П. Бобровского. Т. 1. Способы образования и комплектования аудиторов от преобразований Петра Велико-

⁶¹ Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. Т. 3, кн. 2: Основные итоги исследования: курс военного права / под общ. ред. А.В. Кудашкина.

⁶² См.: Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / авт. кол. под рук. А.В. Кудашкина. С. 247–257.

- го до учреждения в 1832 году Аудиторской школы. СПб., 1879. С. 33, 93–95, 147.
4. *Богомаз А.Д.* Советское военное право и организация войскового хозяйства: конспект лекций. Харьков, 1976.
 5. *Бурякин В.В., Казаков Ю.Г.* Военное право: учеб. пособие. М., 1996.
 6. *Вернадский Г.В.* Очерки истории права Русского Государства XVIII–XIX вв. (Период империи). М., 1998. С. 90, 91.
 7. Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 28–30, 267, 268, 271, 282, 283, 287.
 8. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. 1: История и теория военного права (с предисл.); т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. 3, кн. 1: Основные проблемы и перспективные направления исследования военного права; 2023. Т. 3, кн. 2: Основные итоги исследования: курс военного права.
 9. Военное право: краткий учеб. курс / под ред. А.Я. Петровченко. М., 2007.
 10. Военное право / под ред. В.Г. Стрекозова и А.В. Кудашкина. М., 2004.
 11. Военное право: учеб. / под ред. А.Г. Горного. М., 1984.
 12. Военное право: учеб. / под ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. М., 2021.
 13. Военное право: учеб. для воен.-учеб. заведений ВС России / под ред. Н.И. Кузнецова. М., 1996.
 14. Военное право: учеб. пособие / отв. ред. В.С. Бувевич. М., 1990. С. 6.
 15. Военное право: учеб. пособие / под общ. ред. А.Г. Горного. М., 1977.
 16. Военное право: учеб.-метод. пособие. М., 2014.
 17. *Володимиров В.М.* Конспективный курс военно-уголовного судоустройства и судопроизводства. СПб., 1893.
 18. *Володимиров В.М.* Руководство к изучению военно-судебного устава. Общие положения и подсудность. СПб., 1896.
 19. Генезис военного права // Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисл.). М., 2021. С. 135–140.
 20. *Добровольский А.М.* Военно-административное право. Лекции, читанные в 1906–1907 учеб. гг. Издал поручик Савчинский. СПб., 1907 (литогр. изд.).
 21. *Добровольский А.М.* Военно-административное право. Лекции, читанные в 1913–1914 учеб. гг. Издал Шт.-капитан Калинин. СПб., 1914 (литогр. изд.).
 22. *Добровольский С.М.* Военные законы: курс 2 спец. кл. / сост., на основании Наставления для образования воспитанников воен.-учеб. заведений, утв. 24 дек. 1848 г., наставник-наблюдатель, кол. сов. Добровольский. СПб., 1850.
 23. *Журавлев С.И., Терешина Е.В., Туганов Ю.Н.* Военное право: курс лекций для подготовки курсантов по специальности 290101 «Пограничная деятельность». М., 2014.
 24. *Кабакович Г.А., Котляров И.И., Раянов Ф.М.* Военное право. М., 1999.
 25. *Коровин В., Свиридов В.* Из истории гуманитарной подготовки будущих офицеров // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 141, 142.
 26. *Корякин В.М.* Военное право: учеб. для студ. военных ун-тов. М., 2020.
 27. *Котляров И.В.* Военное право: учеб. для воен.-учеб. заведений ВС России / под ред. Г.А. Золотухина. М., 1997.
 28. *Котляров И.И., Соловьев В.В., Сурков А.Н.* Военное право: учеб. М., 2005.
 29. *Кудашкин А.В., Потапов А.В.* К вопросу о соотношении понятий «оборонно-промышленный комплекс» и «военно-промышленный комплекс» // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 7 (324). С. 115–122.
 30. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-уголовное право. 1. Введение. Часть общая. 1. Учение о военно-уголовном законе. II. Учение о воинском преступном деянии. СПб., 1895.
 31. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-юридическая академия (1866–1891 гг.): краткий исторический очерк. СПб., 1891. С. 8, 52–56.
 32. Курс военно-уголовного законоведения 1877/8 учебного года. М., 1878 (литогр.).
 33. Курс военно-уголовного законоведения 1880/81 учебного года. Б.м., б.г. (литогр. изд.).
 34. Курс международного права: в 7 т. Т. 6: Отрасли международного права / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.А. Ушаков. М., 1992 (гл. 9 «Право вооруженных конфликтов», авторы — *И.Н. Арцибасов и И.И. Лукашук*).
 35. *Лузанов П.* Конспект лекций по военно-административным законам. СПб., 1887.
 36. *Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В.* Военное право: учеб. М., 2005.
 37. *Михайлов М.М.* Военно-уголовное право: курс военно-уголовных законов и военного судопроизводства, читанный в Константиновском военном училище в 1869–1870 г.: отдел общих и военно-уголовных законов. СПб., 1871. С. 2 (предисл.).
 38. *Михайлов М.М.* Военные законы: курс по программе, утв. для руководства в воен.-учеб. Заведениях / сост. д-р юрид. наук, наставник-наблюдатель М.М. Михайлов. СПб., 1861–1863. Вып. 1–5.
 39. Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1849. С. 133–144.
 40. *Неелов Я.А.* Курс военно-уголовного права. Лекции, читаемые в Военно-юридической академии проф. Я.А. Нееловым в 1884/85 акад. году. СПб., б.г.
 41. Основы военного права: учеб. пособие / под общ. ред. В.П. Серегина и Н.А. Черногорова. М., 1988. С. 8.
 42. *Петров М.И.* Учебное пособие для ссузов по военному праву России. М., 2004.
 43. *Петухов Н.А.* Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов России: дис. ... д-ра юрид. наук: 20.02.03. М., 2003.
 44. *Полтораки А.И., Савинский Л.И.* Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976.
 45. *Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В.* Военное право: учеб. для студ., обучающихся по специальности и на-

- правлениям «Юриспруденция» / под ред. Ю.И. Мигачева. М., 2008.
46. Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / авт. кол. под рук. А.В. Кудашкина. М., 2024. С. 247–257.
 47. Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России. СПб., 188–? С. 3, 87, 131–135.
 48. *Рождественский Н.Ф.* Руководство к военным законам, составленное статским советником, доктором законоведения Николаем Рождественским. СПб., 1853.
 49. *Ромашкин П.И.* Военные преступления империализма. М., 1953.
 50. *Ромашкин П.И.* Преступления против мира и человечества. М., 1967.
 51. *Сметанкин Г.В.* Основы военного права и военная администрация: учеб. пособие. М., 1973.
 52. Советское военное право: курс лекций / отв. ред. П.П. Товстуха. М., 1975.
 53. *Чайка Я.В.* Военное право: курс лекций. Кисловодск, 2009.
 54. *Чхиквадзе В.М.* Военно-уголовное право. Часть Общая / под ред. И.Т. Голякова. М., 1946.
 55. *Чхиквадзе В.М.* Военно-уголовное право. Часть Особенная / под ред. И.Т. Голякова. М., 1947.
 56. *Чхиквадзе В.М.* Некоторые вопросы советского военного права // Сов. государство и право. 1947. № 8. С. 50.
 57. *Эртель А.* Примечания // Штейн Л. Учение о военном быте, как часть науки о государстве / пер. и предисл. А. Эртеля. С. 443–445.
 8. Military Law: in 3 vols / under the general ed. of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. M., 2021. Vol. 1: History and theory of Military Law (with a preface); vol. 2: The current state of Military Law (institutes of Military Law); 2022. Vol. 3, book 1: The main problems and promising areas of military law research; 2023. Vol. 3, book 2: The main results of the study: the course of Military Law (in Russ.).
 9. Military Law: a short study course / ed. by A. Ya. Petrochenkov. M., 2007 (in Russ.).
 10. Military Law / ed. by V.G. Strekozov and A.V. Kudashkin. M., 2004 (in Russ.).
 11. Military Law: textbook / ed. by A.G. Gorny. M., 1984 (in Russ.).
 12. Military Law: textbook / ed. by A.N. Savenkov and A.V. Kudashkin. M., 2021 (in Russ.).
 13. Military Law: textbook for the military- study institutions of the Armed Forces of Russia / ed. by N.I. Kuznetsov. M., 1996 (in Russ.).
 14. Military Law: textbook / ed. by V.S. Buevich. M., 1990. P. 6 (in Russ.).
 15. Military Law: textbook / under the general ed. of A.G. Gorny. M., 1977 (in Russ.).
 16. Military Law: textbook. M., 2014 (in Russ.).
 17. *Volodimirov V.M.* A short course in military criminal justice and judicial proceedings. St. Petersburg, 1893 (in Russ.).
 18. *Volodimirov V.M.* A guide to the study of military judicial regulations. General provisions and jurisdiction. St. Petersburg, 1896 (in Russ.).
 19. The genesis of Military Law // Military Law: in 3 vols / under the general ed. of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. Vol. 1: History and theory of Military Law (with a preface). M., 2021. Pp. 135–140 (in Russ.).
 20. *Dobrovolsky A.M.* Military Administrative Law. Lectures delivered in 1906–1907 academic years. Published by porutchik Savchinsky. St. Petersburg, 1907 (litogr. ed.) (in Russ.).
 21. *Dobrovolsky A.M.* Military Administrative Law. Lectures delivered in 1913–1914 academic years. Published by Sht.-captain Kalinin. St. Petersburg, 1914 (litogr. ed.) (in Russ.).
 22. *Dobrovolsky S.M.* Military laws: course 2 special class / comp., based on the Instructions for the education of military students-study institutions, approved on December 24, 1848, mentor-observer, col. Dobrovolsky. St. Petersburg, 1850 (in Russ.).
 23. *Zhuravlev S.I., Tereshina E.V., Tuganov Yu.N.* Military Law: a course of lectures for training cadets in the specialty 290101 “Border activity”. M., 2014 (in Russ.).
 24. *Kabakov G.A., Kotlyarov I.I., Rayanov F.M.* Military Law. M., 1999 (in Russ.).
 25. *Korovin V., Sviridov V.* From the history of humanitarian training of future officers // Higher education in Russia. 2005. No. 4. Pp. 141, 142 (in Russ.).
 26. *Koryakin V.M.* Military Law: textbook for students Military University. M., 2020 (in Russ.).
 27. *Kotlyarov I.V.* Military Law: textbook for the military-study institutions of the Armed Forces of Russia / ed. by G.A. Zolotukhin. M., 1997 (in Russ.).
 28. *Kotlyarov I.I., Solovyov V.V., Surkov A.N.* Military Law: textbook. M., 2005 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Abramovich-Baranovsky S.S.* Lectures on military legal proceedings, delivered in 1912 at the Alexander Military Law Academy by Professor Major General S.S. Abramovich-Baranovsky. Published by Captain Lastochkin. St. Petersburg, 1913 (litogr. ed.) (in Russ.).
2. M.A. Arzhanov. Legal horizons / project manager and ed. by A.N. Savenkov. M., 2024. P. 159 (in Russ.).
3. *Bobrovsky P.O.* The development of ways and means for the education of lawyers of the military and naval departments in Russia / Op. by P. Bobrovsky. Vol. 1. Methods of education and recruitment of auditors from the transformations of Peter the Great to the establishment of an Audit school in 1832. St. Petersburg, 1879. Pp. 33, 93–95, 147 (in Russ.).
4. *Bogomaz A.D.* Soviet Military Law and organization of military economy: lecture notes. Kharkov, 1976 (in Russ.).
5. *Burykin V.V., Kazakov Yu. G.* Military Law: textbook. M., 1996 (in Russ.).
6. *Vernadsky G.V.* Essays on the history of the law of the Russian State of the XVIII–XIX centuries (The Empire Period). M., 1998. Pp. 90, 91 (in Russ.).
7. Military Justice in Russia: history and modernity. 2nd ed., rev. and add. M., 2017. Pp. 28–30, 267, 268, 271, 282, 283, 287 (in Russ.).

29. *Kudashkin A.V., Potapov A.V.* On the relationship between the concepts of “military-industrial complex” and “military-industrial complex” // *Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*. 2024. No. 7 (324). Pp. 115–122 (in Russ.).
30. *Kuzmin-Karavaev V.D.* Military Criminal Law. 1. Introduction. The General part. 1. The doctrine of Military Criminal Law. II. The doctrine of a military criminal act. St. Petersburg, 1895 (in Russ.).
31. *Kuzmin-Karavaev V.D.* Military Law Academy (1866–1891): a brief historical sketch. St. Petersburg, 1891. Pp. 8, 52–56 (in Russ.).
32. The course of military criminal jurisprudence of the 1877/8 academic year. Moscow, 1878 (litogr.) (in Russ.).
33. The course of military criminal jurisprudence of the 1880/81 academic year (litogr. ed.) (in Russ.).
34. The course of International Law: in 7 vols. Vol. 6: Branches of International Law / ed. by V.N. Kudryavtsev, N.A. Ushakov. M., 1992 (chap. 9 “The law of armed conflicts”, authors – *I.N. Artsibasov and I.I. Lukashuk*) (in Russ.).
35. *Luzanov P.* Lecture notes on military administrative laws. St. Petersburg, 1887 (in Russ.).
36. *Migachev Yu. I., Tikhomirov S.V.* Military Law: textbook. M., 2005 (in Russ.).
37. *Mikhailov M.M.* Military Criminal Law: a course of military criminal laws and military proceedings, taught at the Konstantinovsky Military College in 1869–1870: Department of General and military criminal laws. St. Petersburg, 1871. P. 2 (preface) (in Russ.).
38. *Mikhailov M.M.* Military laws: a course on the program, approved for leadership in the military-study institutions / comp. Doctor of Law M.M. Mikhailov. St. Petersburg, 1861–1863. Iss. 1–5 (in Russ.).
39. Instruction for the education of pupils of military educational institutions. St. Petersburg, 1849. Pp. 133–144 (in Russ.).
40. *Neelov Ya.A.* Course of Military Criminal Law. Lectures delivered at the Military Law Academy by Professor Ya.A. Neelov in 1884/85. year. St. Petersburg. (in Russ.).
41. Fundamentals of Military Law: textbook / under the general ed. of V.P. Seregin and N.A. Chernogolov. M., 1988. P. 8 (in Russ.).
42. *Petrov M.I.* Textbook for colleges on Military Law of Russia. M., 2004 (in Russ.).
43. *Petukhov N.A.* Social and legal problems of the formation, development and functioning of the system of military courts of Russia: dis. ... Doctor of Law: 20.02.03. M., 2003 (in Russ.).
44. *Poltorak A.I., Savinsky L.I.* Armed conflicts and International Law. M., 1976 (in Russ.).
45. *Popov L.L., Migachev Yu. I., Tikhomirov S.V.* Military Law: textbook for students studying in the specialty and areas of “Jurisprudence” / ed. by Yu.I. Migachev. M., 2008 (in Russ.).
46. The law of military conflicts: basic concepts and paradigmatic genesis in the name of victory / author’s col. ed. by A.V. Kudashkin. M., 2024. Pp. 247–257 (in Russ.).
47. Fifty years of a special school for the education of military lawyers in Russia. St. Petersburg, 188–? Pp. 3, 87, 131–135 (in Russ.).
48. *Rozhdestvensky N.F.* A guide to military laws, compiled by State Councilor, Doctor of Law Nikolay Rozhdestvensky. St. Petersburg, 1853 (in Russ.).
49. *Romashkin P.I.* War crimes of imperialism. M., 1953 (in Russ.).
50. *Romashkin P.I.* Crimes against peace and humanity. M., 1967 (in Russ.).
51. *Smetankin G.V.* Fundamentals of Military Law and military administration: textbook. M., 1973 (in Russ.).
52. Soviet Military Law: a course of lectures / ed. by P.P. Tovstukha. M., 1975 (in Russ.).
53. *Chaika Ya. V.* Military Law: a course of lectures. Kislovodsk, 2009 (in Russ.).
54. *Chkhikvadze V.M.* Military Criminal Law. The General part / ed. by I.T. Goliakov. M., 1946 (in Russ.).
55. *Chkhikvadze V.M.* Military Criminal Law. The Special part / ed. by I.T. Goliakov. M., 1947 (in Russ.).
56. *Chkhikvadze V.M.* Some issues of Soviet Military Law // *Soviet State and Law*. 1947. No. 8. P. 50 (in Russ.).
57. *Ertel A.* Preface // Stein L. The doctrine of military life as part of the science of the state / transl. and preface by A. Ertel. Pp. 443–445 (in Russ.).

Сведения об авторе

КУДАШКИН Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в области обороны и оборонно-промышленного комплекса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; руководитель отделения военного права Академии военных наук Российской Федерации; 119330 г. Москва, Университетский проспект, д. 14

Authors’ information

KUDASHKIN Aleksandr V. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Interdisciplinary Center for Legal Research in the Field of Defense and the Military-Industrial Complex, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Head of the Military Law Department of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, 14 Universitetsky Ave., 119330 Moscow, Russia

УДК 34

О СУЩНОСТИ И РОЛИ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОЕННОМ ПРАВЕ¹

© 2025 г. В. В. Кудашкин

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: vvk4691@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.05.2025 г.

Аннотация. Отношения военной администрации не составляют первичную материю в военной сфере, они производны от и являются результатом функционирования первичных общественных отношений — отношений вооруженного противоборства. Не военно-административные отношения порождают отношения противоборства, а наоборот, отношения такого противоборства требуют создания условий для их наиболее эффективного функционирования. Именно отношения, образующиеся в социальной действительности, в природе и основе которых лежат связи вооруженного противоборства между государствами, задействованных в интересах осуществления такого противоборства военных организаций враждующих государств, составляющих их военных и военизированных государственных органов, а также реализующих государственные интересы на поле брани конкретных участников вооруженного противоборства, являются первичными отношениями. Эти отношения формируют и определяют характер, содержание и сущность всех иных связей и отношений, которые составляют существо не первичной «военной противоборствующей материи», а существо иной, вторичной, обеспечивающей такое противоборство материи. Связи первичной материи, которую составляют отношения военного противоборства, являются наиболее сильными, значимыми, системообразующими. В рамках отношений военного конфликта разрешаются противоречия между государствами. Сущностная и однородная связанность отношений и связей военного конфликта, их субстанциональная концентрация образуют ядро военных конфликтов в системе военных отношений общества и государства, а правовое опосредование этих отношений и связей образует ядро военного права — право военных конфликтов.

¹ В данной статье продолжено исследование общетеоретических вопросов отраслеообразования, начатое в предыдущей статье «Ядро отрасли как системно-структурное основание (критерий) военного права» (см.: Государство и право. 2025. № 6. С. 120–130), используя полученные результаты для изучения фундаментально-теоретических проблем теории военного права.

Ключевые слова: военный конфликт, внутригосударственные отношения, военно-административное право, вооруженное противоборство, метод отрасли права, общественные отношения, право военных конфликтов, правовая материя, предмет отрасли права, системные связи, система, системообразующий фактор, целостность системы, ядро отрасли права.

Цитирование: Кудашкин В. В. О сущности и роли военно-административных отношений в военном праве // Государство и право. 2025. № 8. С. 109–120.

DOI: 10.31857/S1026945225080111

ON THE ESSENCE AND ROLE OF MILITARY-ADMINISTRATIVE RELATIONS IN MILITARY LAW²

© 2025 V. V. Kudashkin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: vvk4691@yandex.ru

Received 06.05.2025

Abstract. The relations of the military administration do not constitute the primary matter in the military sphere, they are derivative from and are the result of the functioning of primary social relations – the relations of armed confrontation. It is not the military-administrative relations that give rise to the relations of confrontation, but on the contrary, the relations of such confrontation require the creation of conditions for their most effective functioning. It is the relations that are formed in social reality, in the nature and basis of which lie the connections of armed confrontation between states, the military organizations of the warring states involved in the interests of implementing such confrontation, their military and paramilitary state bodies, as well as the specific participants in the armed confrontation implementing state interests on the battlefield, that are primary relations. These relations form and predetermine the character, content and essence of all other connections and relations that constitute the essence not of the primary “military confrontational matter”, but the essence of another, secondary matter that ensures such confrontation. The connections of the primary matter, which constitute the relations of military confrontation, are the strongest, most significant, system-forming. Within the framework of military conflict relations, contradictions between states are resolved. The essential and homogeneous connection of relations and connections of military conflict, their substantial concentration form the core of military conflicts in the system of military relations of society and the state, and the legal mediation of these relations and connections forms the core of Military Law – the law of military conflicts.

Key words: military conflict, intrastate relations, legal matter, Military-Administrative Law, armed conflict, method of the branch of law, public relations, law of military conflicts, subject of the branch of law, systemic connections, system, system-forming factor, system integrity, core of the branch of law.

For citation: Kudashkin, V.V. (2025). On the essence and role of military-administrative relations in Military Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 109–120.

1.1. Эволюция ядерно-правовых процессов в военном праве

Исследование военно-административных отношений и опосредующего их военно-административного права в настоящее время, как и в прошлые периоды развития военно-юридической

науки, вызывает пристальный научный интерес, обусловленный государственными потребностями в построении современной и эффективной военной организации государства³.

² This article continues the study of general theoretical issues of industry education, which began in the previous article “The core of the industry as a system-structural basis (criterion) of Military Law” (see: State and Law. 2025. No. 6. Pp. 120–130), using the results obtained to study the fundamental theoretical problems of the theory of Military Law.

³ См.: Военно-административное право (военная администрация): учеб. / под общ. ред. В.В. Ершова, О.Г. Безбабнова. М., 2022; Глухов Е.А. Военно-административное право, его предмет и связь с другими науками // Право в Вооруженных силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 2. С. 10–19; Егоров В.А. Становление военно-административного права в призмах взглядов теоретиков военной и юридической науки // Военное право. 2021. № 6 (70). С. 64–77; Егоров В.А. К вопросу о предмете и методе административного

Военное право как системное явление в своем формировании прошло несколько этапов эволюционного развития. Каждому из этих этапов соответствовала своя особенная совокупность системно-структурных свойств отрасли. В Российской Империи на начальных этапах образования правовой системы опосредование процессов создания военной организации государства сопровождалось параллельной институализацией нескольких правосистемных образований — военно-уголовного права, военно-судебного права и военной администрации. Данные образования являлись самостоятельными отраслями права, отражали самые значимые потребности государства, правовое опосредование которых гарантировало наиболее эффективное и быстрое создание условий для обеспечения суверенитета и независимости Российского государства на этапах его преобразования из патриархального состояния в современное, обеспечивающего создание мощной и развитой Российской Империи.

Исследуя правовые и научно-правовые источники того времени трудно выделить в каждой из этих отраслей процессы концентрации социальной и правовой материи, которые могли бы стать ядром каждой из отраслей и выступили бы катализатором создания более глобального правосистемного образования. Уровень развития правовой науки не позволял решить задачу поиска таких правосистемных концентраторов и катализаторов.

Условия были созданы в середине XIX в., когда уровень российской правовой науки достиг европейского уровня, был накоплен колоссальный массив правовых актов военного законодательства, данный массив систематизирован (кодифицирован) в Своде военных постановлений. Эти предпосылки позволили выдающемуся и первому теоретику в области правовых исследований военных отношений А. Эртелю сформулировать фундаментальный теоретический концепт: 1) военная администрация, курс которой он читал, по своей сути является юридической наукой, соответственно, данная отрасль научных знаний должна называться военно-административным правом; 2) в силу того, что каждая из самостоятельных отраслей — военно-уголовное право, военно-судебное право, военно-административное право — опосредует однородные военные общественные отношения, они должны

быть объединены в единое, целое правосистемное образование — военное право; 3) на роль концентратора трех самостоятельных правосистемных образований в области военных отношений А. Эртель предложил военно-административное право, что было теоретически обоснованным и объективным на том этапе развития военно-юридической науки.

Военно-административное право в середине XIX в. выступило ядром отрасли военного права, что соответствовало процессам развития российской государственности. Именно военно-административные отношения, связанные со строительством военной организации, созданием условий ее эффективного функционирования, прежде всего, определения в качестве ключевых, цементирующих факторов ее функционирования принципов единоначалия и воинской дисциплины, сформировали социальную целостность военно-административных отношений и их правового опосредования — военно-административного права.

Ядро системы объективно формирует вокруг себя оболочку, которая является ядерно-сферическим образованием (в терминологии философской теории ядра системы)⁴.

Применительно к правовой науке, теории права аналогом ядерно-сферического образования на верхнем уровне правосистемности правовой материи выступает правовая система, ядро которой образует система права; на среднем уровне — система права, ядро которой составляет ее структура; на нижнем уровне правосистемности правовой материи — отрасль права, в которой существует, функционирует и регулирует все происходящие в ней процессы ядро отрасли.

Обоснованность системно-теоретических оснований образования отраслей права доказывает судьба военного права. В дореволюционный период основным парадигмальным концептом военно-юридической науки являлась центральная, ключевая роль военно-административного права, которое стало его ядром. Ни у кого в сфере научного знания о праве не было сомнения в существовании самостоятельной отрасли военного права в тот период.

В советский период развития военно-юридической науки, которая развивалась параллельно процессам, происходящим в советском обществе, государстве и правовой науке, в силу углубления теоретического знания, развития теории права, полученного знания об основных

и военного права // Юриспруденция. 2023. № 22. С. 11–13; *Каверин К.В.* Военное право как подотрасль административного права: проблемы институционального развития и способы их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010; *Кудашкин А.В., Мельник Н.Н.* О соотношении административного и военного права: а есть дискуссия в науке? // Военно-правовое обозрение. 2024. № 10. С. 5–17; *Кузнецов В.И.* Предмет военно-административного права в современных условиях // Журнал рос. права. 2024. № 12. С. 122–139.

⁴ На ядерно-оболочечную структуру множества природных и социальных объектов обращали внимание многие исследователи (см.: *Кедров Б.М.* Классификация наук. М., 1985. С. 358; *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994. С. 97, 98; *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 248).

критериях отраслеообразования — предмете и методе, нашлось достаточно доказательств того, что военно-административные отношения близко соприкасаются с административными отношениями, природа у них преимущественно не военная, а «гражданско-административная». Разрушение ядра военного права, которым было военно-административное право, стало закономерным результатом углубления теоретического знания в области теории права, его дифференциации и интеграции. Исчезла фундаментальность, базисность, ядерное основание военного права.

Новые научные знания разрушили ядро военного права, не предложив ничего взамен этого ядра. Закономерным следствием этого разрушительного процесса стала концепция комплексности отрасли военного права, которая за неимением ничего фундаментально теоретического в качестве ядра хоть каким-то образом спасала существование военного права в условиях, когда в результате теоретических дискуссий 1954 и 1956 гг. было признано, что военного права не существует.

Однако теория ядра системы не предполагает, что система может являться полисистемным, комплексным образованием. Концепт теории систем состоит в том, что система есть самостоятельное, целостное образование, выступающее по отношению к внешней среде целым. Систему формируют ядро и системообразующий фактор. Ядро формирует вокруг себя сферу, ядерно-сферическое образование (система) не пересекается в каких-либо частях с другими ядерно-сферическими образованиями (системами). Эти образования-системы функционируют, взаимодействуют, взаимовлияют друг на друга, но они самостоятельны, потому что они системы. В результате такого взаимодействия и взаимовлияния возможно, что одна более субстанционально сильная, более системно энергичная система разрушает ядро другой. В этом случае система, у которой разрушено ядро просто исчезает, так как не существует безъядерных систем. Ровно это и произошло с военным правом. Новый уровень правовой науки разрушил его концептуальную основу, идею — военно-административного права в качестве ядра отрасли права. В результате отрасль военного права в советский период развития правовой науки была разрушена. Отсутствие ядра отрасли не позволяло доказать его существование в правовой действительности. А некие комплексные образования, не имеющие своего ядра, не могли сформировать систему — отрасль права.

Именно однородность социального базиса и правовой надстройки есть условием интегративного

свойства структуры системы (отрасли права) — ее целостности и устойчивости⁵.

Примером важности свойства однородности для отрасли права является генезис военного права.

Формирование Петром I военной организации государства как условия его суверенитета и независимости предопределило создание в первоочередном порядке военно-уголовного и военно-судебного законодательств, являющихся жизненной потребностью функционирования организации. На этом этапе развития российской государственности существовала объективная однородность военно-уголовных, военно-судебных и военно-административных отношений, так как неразвитость правосознания и социальных процессов в целом не создавали субъективно-волевые условия и предпосылки реализации масштабных замыслов по переустройству общества и государства. На основе указанных отношений начали формироваться отрасли права. Без этих отраслей, в силу изначального непринятия патриархальным российским обществом реформ Петра I, невозможно было бы обеспечить существование Российского государства.

А. Эртель, исследовав в 70-х годах XIX в. военный быт государства, пришел к выводу, что однородными являются военно-административные, военно-уголовные и военно-судебные отношения, которые в совокупности формируют новое, цельное правовое образование — военное право⁶.

Однородность указанных отношений, которая с современной точки зрения неприемлема в принципе, обеспечивал главный системообразующий фактор, которым в то время в силу объективного развития государства и науки, в том числе юридической, стал военный фактор, выступивший интегративной, субстанциональной движущей силой формирования целостности в локальной области (базисе), охватывающей военную организацию государства, и соответствующую ей часть правовой надстройки — самостоятельную отрасль военного права. В основе этого фактора лежали единые для военно-уголовного, военно-судебного и военно-административного права значимые социальные ценности — уголовное наказание непосредственно

⁵ См.: Коган М. С. Система и структура // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1983. М., 1983. С. 94.

⁶ См.: Эртель А. Предисловие // Штейн Л. Учение о военном быте, как часть науки о государстве / пер. и предисл. А. Эртеля. СПб., 1875. С. 1, 25, 26; Кудашкин А. В. Александровская военно-юридическая академия (1867–1917): Александр Эртель — родоначальник теории военного права (первая парадигма военного права) // Право в Вооруженных Силах, Росгвардии, СФБ, ФСО и других органах и воинских формированиях. 2025. № 5. С. 2–11.

обеспечивало реализацию уникальной ценности — вооруженного противоборства в целях защиты суверенитета и территориальной целостности, которая не могла быть реализована государством без уголовного наказания. Взаимобусловленность и системная связанность указанных ценностей повлекли однородность образующихся на их основе общественных отношений и, соответственно, формирование на их основе единого правового образования — военного права.

Таковым положение дел оставалось до середины XX в. Углубление научного знания о социальных процессах, дифференциация и интеграция научного знания в области правовой науки в совокупности с политическими процессами в советском государстве привели к разрушению однородности военно-административных, военно-уголовных и военно-судебных отношений и соответствующих им правовых образований. Очевидно, что однородность правовой материи формируется на объективных (общественные отношения) и субъективных (правовые образования) основаниях, взаимопереплетение и связанность которых порождает однородность локальной области правовой материи. Уничтожение однородности как одного из главных системообразующих факторов отраслеобразования разрушает локальную область правовой материи. Остается неизменной локальная область социальной материи, но нет соответствующей ей локальной области в правовой материи. Соответственно, исчезает однородность системных образований в базисе и надстройке.

Конечно же, в настоящее время кажется удивительным, как можно было сгруппировать в единое правовое целое уголовные, судебные и административные отношения и опосредующие их правовые образования. Но это, если абстрагироваться от их интегрирующего системообразующего фактора, которым выступил военный фактор. В правовых явлениях целостность формируется в единстве объективного и субъективного. Нет их единства, отсутствуют условия для целостности, в том числе для однородности как одной из составляющих целостности. Дифференциация научного знания в правовой науке (субъективное), исследования сущности и роли в правовой системе уголовного и судебного права, привели к теоретической доказанности их природной несхожести с военным правом (объективное). Результатом этого процесса стало разрушение правовой однородности военно-уголовного и военно-судебного права с военным правом и их переход в природно-родственные, однородные им правосистемные образования — уголовное и уголовно-процессуальное право.

Последующие попытки, с 60-х годов XIX в. до 2020 г., построения научной модели (парадигмы)

военного права на основе научного знания о военно-административных отношениях и соответствующем им военно-административном праве в качестве системообразующих факторов формирования отрасли военного права позволили теоретически доказать, что самостоятельной отрасли военного права не существует. По этому поводу А. М. Антошин пишет: «Какой бы вид общественных отношений, существующих в армейском коллективе мы не взяли, он, несмотря на всю его специфику (которая есть и которую глупо было бы отрицать), не будет для нас чем-то качественно новым, не имеющим, если так можно выразиться, своего прототипа в общественных отношениях гражданской жизни. И если этот вид общественных отношений подвержен правовому регулированию, то регулирующие его правовые нормы, входят в состав той же отрасли права, которая регулирует такой же вид общественных отношений в гражданской жизни (административное право, гражданское право, уголовное право, судебное право и т.д.)». И далее, обращая внимание, что большую часть занимают отношения военной службы, резюмирует: «Это по своей сути военно-административные отношения... По всем своим главным характерным чертам они принципиально не отличаются от административно-правовых отношений в гражданской жизни...». Специфика административных отношений в армии «вовсе не меняет природу этих отношений, как отношений административных, т.е. не делает их какими-то другими, неадминистративными отношениями. И нормы права, регулирующие эти отношения, не составляют какой-то особой отрасли права, а входят составной частью в отрасль административного права»⁷.

Подводя итог третьей теоретической дискуссии о военном праве 1956 г., проф. А. И. Лепешкин сделал вывод: «нет никаких, ни научных, ни других оснований для конструирования какой-то особой отрасли... права — военного права. Термин “военное право” может быть употреблен нами лишь условно — как синоним военного законодательства, но никак не в смысле отрасли права»⁸.

1.2. Специфичность отношений вооруженного (военного) противоборства

В предмет правового регулирования отрасли права входят различные общественные отношения, имеющие: 1) одинаковую природу; 2) отличия по содержанию, что не меняет их природы.

⁷ Труды Военно-юридической академии. М., 1956. С. 148–150.

⁸ Лепешкин А. И. Советское военное законодательство и его роль в укреплении Вооруженных Сил СССР // Там же. С. 36.

Специфичность как социальное свойство общественных отношений является, с одной стороны, проявлением их природы, т.е. тем, что отличает данный вид общественных отношений от других видов, например военные отношения от административных; с другой — в рамках одного вида общественных отношений одинаковой природы, выделяет общности подвидов общественных отношений, характеризующихся определенными свойствами, способствующими формированию системной общности в рамках данного вида.

Чем определяется специфичность общественных отношений, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены в реальной действительности с иными отношениями? Административные отношения могут быть связаны с имущественными отношениями, но при этом первые не становятся вторыми. Налоговые отношения могут быть связаны с отношениями собственности, но при этом их природа не меняется, и они остаются налоговыми.

Трудно себе представить, что существуют какие-либо отношения, не связанные с иными отношениями. Зачастую общественное отношение связано с несколькими иными отношениями, например, имущественное отношение связано с налоговым и оба связаны уголовными отношениями. Во всем этом многообразии и переплетении связей должны существовать критерии определения природы тех или иных социальных отношений в случаях, когда в результате взаимодействия различные отношения соприкасаются друг с другом, вследствие чего возникает неопределенность в природной принадлежности таких отношений.

Именно не совсем очевидная определенность природы взаимодействующих военных отношений с иными видами общественных отношений (административными, гражданскими, уголовными, финансовыми и т.д.) породила фундаментальную теоретическую проблему военного права, когда научная мысль ученых в области военно-юридической науки пошла по ложному пути. В результате из правовой действительности (системы права) исчезла целая отрасль — военное право.

В рамках военно-юридической дискуссии 1956 г. было доказано, что в управленческих отношениях, опосредующих прохождение военной службы нет ничего специфичного, чтобы их отличало от административных отношений. Соответственно, военно-административные отношения по своей природе объективно являются административными отношениями, а в социально-экономическом базисе (системе внутригосударственных отношений) отсутствуют военные отношения. В результате не может быть никакого правового опосредования того, чего нет. Вот ход теоретических рассуждений, которые привели к ликвидации военного права.

Уязвимость указанных теоретических выводов ощущалась постоянно ввиду того, что никто не отрицал существование отрасли военного законодательства. А после разработки С.С. Алексеевым концепции комплексных отраслей права теоретики военно-юридической науки, начиная с 70-х годов XX в. и до 2020 г., сошлись в признании комплексной отрасли военного права.

Конечно же, можно обращать внимание, что ход теоретического детерминизма военно-правовой науки был обусловлен политической составляющей: процессами сокращения армии при Н.С. Хрущеве, числа юридических вузов, в том числе Военно-юридической академии РККА. Но вместе с тем в науке военного права того времени была допущена фундаментально-теоретическая ошибка.

В силу того, что отношения прохождения военной службы по объему занимают преобладающее место в социальном регулировании военной сферы государства, был сделан вывод, что по своей сути эти отношения являются управленческими, входящими в состав административных отношений, в содержании отсутствует какая-либо военная специфика, отличающая их от гражданских административных отношений⁹.

Из данного постулата следует, что за основу исследования военных общественных отношений была взята содержательная часть наиболее распространенного вида указанных отношений, т.е. волевые управленческие связи, возникающие между субъектами в области обороны страны. Однако в общественных отношениях, составляющих предмет отрасли права, определяющим является их объект¹⁰ и содержание, взятые вместе¹¹. Как подчеркивает С.С. Алексеев, применительно к гражданскому праву, «мы выделяем имущественные отношения по признаку объекта; организационные же отношения отграничиваются от всех остальных по признаку своего содержания. Следовательно, те организационные отношения, объектом которых являются материальные блага, должны быть квалифицированы в качестве имущественных»¹².

В раскрытии природы военных общественных отношений в качестве объекта за основу было взято их содержание, т.е. связи между субъектами общественного отношения не по поводу какого-то

⁹ См.: Труды Военно-юридической академии. С. 148—150.

¹⁰ Об объекте военно-управленческой деятельности см.: Модели военных, боевых и специальных действий. М., 2025. С. 38.

¹¹ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 69.

¹² Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права // Ученые труды Свердловского юрид. ун-та. 1959. Т. 1. С. 72.

блага (объекта), а по поводу процессов, происходящих вокруг этого, не раскрытого военно-юридической наукой некоего объекта, который так и оставался *terra incognita* науки военного права до 2020 г.

Как и любые системные объекты, объект военных общественных отношений функционирует. Соответственно, данный объект взаимодействует с иными общественными отношениями, соприкасается с ними, переплетается. Вся совокупность возникающих при этом связей объекта общественного отношения формирует содержательную часть этих отношений. Это могут быть имущественные, финансовые, трудовые и иные связи. Но это связи не первичные, т.е. те, что формируют сам объект, а вторичные, т.е. производные от функционирования объекта общественно-го отношения. В силу этого эти вторичные связи не формируют и не меняют природу военного общественного отношения.

Ошибкой было определение в качестве системообразующего ядра военных общественных отношений военно-административных отношений, объектом которых являются военно-управленческие отношения. При наличии объектов общественного отношения управленческие процессы, обеспечивающие существование объекта, его функционирование, сохранение и развитие (изменение), с точки зрения права не могут ничего сделать системообразующего. Они не могут сформировать ядро системы, так как организационно-управленческие связи не обладают социальной силой, системной факторностью, способной сформировать ядро отрасли права. Именно потому, что не был научно выделен и теоретически обоснован специфичный объект, научная мысль теоретиков военного права уходила либо в отождествление военных общественных отношений с иными «гражданскими» общественными отношениями (например, с административными); либо в признание совпадения свойств этих общественных отношений с аналогичными свойствами других общественных отношений, что приводило к научным выводам о комплексности военных отношений, включающих в свой состав признаки множества иных гражданских общественных отношений.

Какие же из множества военных общественных отношений обладают наиболее ярко выраженной специфичностью, формирующей уникальные свойства, способные сформировать субстанциональное ядро военного права?

Функционирование государства осуществляется в двух (условных, но для теоретического анализа

имеющих принципиальное значение) сферах — гражданской и военной¹³.

Как системное явление государство представляет собой систему внутригосударственных отношений, которая обладает двумя ключевыми свойствами — целостностью и устойчивостью, объективное проявление которых — состояние национальной безопасности государства, в том числе его военная безопасность. Наиболее специфичной формой достижения целей военной безопасности государства в условиях межгосударственных и внутригосударственных противоречий является военный конфликт, в рамках которого указанные противоречия разрешаются уникальным способом — вооруженным противоборством.

Вооруженное противоборство объективно, в силу социальной природной несхожести, не может использоваться в гражданской сфере деятельности государства для обеспечения его целостности и устойчивости. Набор способов и средств обеспечения безопасности государства в гражданской сфере носит невоенный, мирный характер, т.е. соответствует природе мирной сферы функционирования государства. К примеру, одной из значимых областей функционирования государства, общества и индивидов является имущественный оборот материальных благ, опосредуемый отношениями собственности, являющимися ядром отрасли гражданского права¹⁴.

Функционирование государства в военной сфере может обеспечиваться различными средствами, в том числе мирного характера и содержания. Но в условиях непримиримого противоречия с иностранным государством, когда сформированы условия, представляющие реальную угрозу суверенитету и независимости государства, самым эффективным способом обеспечения целостности и устойчивости государства (системы) является применение военной силы. В этом случае государство-система сохраняется путем вооруженного противоборства с иностранным государством (государствами).

Вооруженное противоборство между государствами порождает центросиловые связи, которые обладают наибольшей силой и могуществом

¹³ См.: *Бернацких И.В.* Военная сфера жизни общества: сущность, особенности и структура // *Армия и общество*. 2013. № 3 (35). С. 20; *Его же.* Модернизация военной сферы современного российского общества: военно-политический анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2018. С. 23; *Ксенофонов В.А.* Военная сфера национальной безопасности как условие социального благополучия государства // *Труды БГТУ*. 2021. Сер. 6 № 2. С. 88; *Ольшевский В.Г.* Военная сфера в социальной структуре общества: методологические предпосылки анализа // *Вестник Военного ун-та*. 2010. № 2 (22). С. 116.

¹⁴ См.: *Яковлев В.Ф.* Указ. соч. С. 78.

по сравнениям с иными связями, обеспечивающими разрешение противоречий между государствами. Системная природа центросиловых связей вооруженного противоборства настолько уникальна и специфична, что не совпадает ни в каких, хотя бы малейших свойствах и признаках, с иными социальными связями. Они не могут возникать и существовать нигде кроме военной сферы государства, и то не во всей сфере, а только в его локальной области военных конфликтов, в рамках которой разрешаются наиболее значимые противоречия и сохраняется система внутригосударственных отношений (суверенитет и независимость государства). Центросиловые связи вооруженного противоборства обладают наивысшим системным притяжением, в результате чего формируется системная субстанциональность — совокупность отношений военных конфликтов, которая представляет собой ядро предмета военного права.

Объектом отношений военных конфликтов является вооруженное противоборство. Содержание указанных отношений составляют управленческие связи, производные от отношений вооруженного противоборства (реальных или потенциальных), по правовой природе являющиеся военно-административными отношениями.

Вооруженное противоборство регламентируется специфическими нормативными правовыми актами — боевыми уставами. Как отмечает проф. А. В. Кудашкин, «военно-правовые отношения, возникающие в ходе ведения боевых действий, непосредственно связаны как с военным искусством, так и с методикой ведения боевых действий, которая нормативно закреплена в боевых уставах — источниках права военных конфликтов...»¹⁵. Обратим внимание, что правовая регламентация вооруженного противоборства является результатом, следствием, отражением военного искусства, т.е. теории и практики подготовки и ведения военных (боевых) действий на суше, море и в околоземном пространстве. В основе военного искусства лежат объективные процессы, происходящие на поле боя по законам войны. Законы войны носят объективный, закономерный характер. В силу этого они определяют наиболее объективный характер правовой регламентации отношений, возникающих на поле боя. В боевых уставах наиболее ярко проявляется взаимообусловленность объективного и субъективного в социальных связях и их правовом опосредовании.

Как экономический базис общества порождает имущественные отношения, которые в правовой

действительности становятся предметом гражданского права, а отношения собственности формируют ядро отрасли, так и в военной сфере вооруженное противоборство создает условия для решения ключевых вопросов военной безопасности, порождает отношения военных конфликтов, которые определяют все процессы в военной сфере функционирования государства, в том числе обуславливают и специфичную форму правового регулирования отношений вооруженного противоборства — боевые уставы. Законы войны в процессе правового опосредования преобразуются в закономерности правового регулирования: формируют предмет военного права, ядром которого закономерно является право военных конфликтов; определяют объект отношений военного конфликта — отношения вооруженного противоборства; обуславливают содержание отношений военных конфликтов — формы и методы ведения вооруженной борьбы на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях для наиболее эффективного разрешения противоречий между государствами в целях сохранения суверенной системы внутригосударственных отношений.

1.3. Вторичность военно-административных отношений

Военно-административные отношения не обладают столь сильной системной энергией, как отношения вооруженного противоборства. Они вторичны, их сила производна от первичной системной материи, которая сконцентрирована в ядре. Системные связи, идущие от ядра, чем дальше от него, теряют силу, не обладают свойством (способностью) формирования иного ядра, так как у системы может быть только одно ядро. Военно-административные связи обеспечивают организационно-управленческие процессы в системе военной безопасности государства. Система состоит из разных элементов. Они должны быть организованы, упорядочены, скоординированы. Ценность административных отношений в том, что они создают условия для функционирования ядра системы (отношений военных конфликтов и их правовой надстройки — права военных конфликтов), но не функционирования самих себя. Они передают системные управленческие импульсы по всей системе, обеспечивая функционирование системы отношений военных конфликтов, входящей в систему военных отношений, которая на более высоком системном уровне включена в систему военной безопасности государства. Без военно-административных отношений ядро в системе военных отношений функционировать не сможет, через них передаются управляющие импульсы ядра. Однако военно-административные отношения сами по себе, в отрыве от ядра, не имеют никакой социальной ценности и даже

¹⁵ Кудашкин А. В. Боевые уставы Вооруженных Сил Российской Федерации — источники права военных конфликтов // Право в Вооруженных Силах, Росгвардии, СФБ, ФСО и других органах и воинских формированиях. 2025. № 3. С. 13.

не возникают. Они существуют для ядра, а не для себя. Если нет отношений вооруженного противоборства, то в силу разных причин социального и политического характера в обществе и государстве не возникают военные угрозы, система внутригосударственных отношений, ее целостность и устойчивость не зависят от отношений вооруженного противоборства. Однако такая модель социального позиционирования в современном мире идеалистична и является не закономерной, а уникальной, единичной.

В силу того, что военно-административные отношения частично входят в ядро отношений военных конфликтов, эта часть представляет собой боевые управленческие связи; обеспечивают функционирование ядра военного права; системно связаны с отношениями ядра и не могут существовать друг без друга; помимо собственной ценности имеют общую социальную ценность — обеспечение военной безопасности государства — военно-административные отношения являются однородными с военными общественными отношениями. Они связаны с военным строительством, от них зависит существование и функционирование военной организации государства. Соответственно, военно-административные отношения входят в предмет отрасли военного права, обуславливают формирование надстроечного субстанционального правового образования — военно-административного права, являющегося подотраслью военного права (представляют собой элементы структуры отрасли военного права)

При этом следует обратить внимание на следующие свойства, черты военно-административных отношений. Главным и системообразующим в них являются не административные, а военные связи; прежде всего первичные связи вооруженного противоборства. Именно они возникают как отражение реализации политических интересов государства при разрешении противоречий с иными государствами. Потребности государства в обеспечении собственной суверенности и самостоятельности обуславливают волевые процессы во всей иерархии государственной власти, поведение должностных лиц, включенных в те или иные государственные структуры. Будучи осознанными, потребности обуславливают появление суверенных интересов, которые реализуются в том числе посредством наиболее действенной формы взаимоотношений между субъектами (индивидами, государствами) — вооруженной борьбы с использованием вооруженного насилия как наиболее универсального и эффективного метода, способа удовлетворения потребностей существования личности, общества и государства.

Формой удовлетворения суверенного интереса является такая организация поведения индивида на поле боя, армии в театре военных действий, которая позволяет наиболее эффективным способом при наименьших затратах энергии (военных, экономических, интеллектуальных, дипломатических и т.д.) достичь цели применения вооруженного насилия в форме вооруженного противоборства — разрешение противоречия между государствами, что позволяет сохранить целостность и устойчивость системы внутригосударственных отношений (государства и общества).

В военной сфере государства административные отношения не настолько первично природны, чтобы предопределять, обуславливать все происходящие в ней процессы. Природа военно-административных отношений определяется не собственной административной сущностью, а сферой, где они существуют. Административность в военной сфере — это не определяющая природу военных отношений характеристика, которая наделяет военные отношения особенностями, специфичность которых не родовая, т.е. способная изменить природу военных отношений, а видовая, приводящая к формированию подвида военных отношений — военно-административных, совокупность которых представляет собой локальную область предмета военного права.

Развитие системных исследований в социальных науках параллельно с разработкой факторов отраслеообразования в правовой науке объективно приводило к тому, что если остаться в парадигме военно-административного права в качестве отраслеообразующего фактора военного права, то неизбежно приходишь только к признанию комплексной сущности военного права. Эта неизбежность обусловлена тем обстоятельством, что в базисе военно-административного права нет центрообразующих правовую целостность связей, которые являются настолько уникальными и самостоятельными, что не входят ни в какую другую социальную и правовую систему, кроме той, которую формируют сами.

В базисе военно-административного права лежат отношения, которые образуются в результате функционирования военной организации государства, т.е. они связаны с государственным строительством, государственным управлением в целом, социализацией военных отношений в результате взаимодействия с обществом. Это соприкосновение с иными социальными и правовыми целостностями неизбежно порождает вопрос об их способности формировать собственную правовую целостность. Находится достаточно аргументов для доказательства, что собственной целостности у военно-административного права

нет в силу его природной близости к иным социальным целостностям. Следовательно, если брать за центр (ядро) военно-административное право, нет никакой целостности и субстанциональной самостоятельности у военного права в целом. Соответственно, научная правовая мысль «крутилась» по замкнутому кругу вокруг этой научной парадигмы комплексности военного права и не могла вырваться из этой заикленности в силу отсутствия той самой штейновской «руководящей связующей мысли». Такую научную идею, связующую мысль, предложила философская методология, философский принцип системности и один из основополагающих принципов научного знания — принцип системности, в рамках которого разработана теория ядра системы.

1.4. Отраслеобразующие свойства отношений вооруженного противоборства (первичная материя)

Применение философско-методологической теории ядра системы к области военного права обуславливает теоретическое понимание ключевого парадигмального постулата для раскрытия сущности и социальных свойств военного права как социального и правового явления — его ядром является право военных конфликтов. Такой вывод становится очевиден, как только задаешься вопросом: могут ли общественные отношения, составляющие военную администрацию, правовое опосредование над ним — военно-административное право — определять и влиять на отношения, возникающие в ходе военного противоборства, военного конфликта? Какие отношения лежат в основе военной организации государства — отношения военного (вооруженного) противоборства либо отношения, которые обеспечивают эффективность военного противоборства государства с иными государствами?

Очевидно, что отношения военной администрации не составляют первичную материю в военной сфере, они производны от и являются результатом функционирования первичных общественных отношений — отношений вооруженного противоборства. Не военно-административные отношения порождают отношения противоборства, а наоборот отношения такого противоборства требуют создания условий для их наиболее эффективного функционирования. Именно отношения, образующиеся в социальной действительности, в природе и основе которых лежат связи вооруженного противоборства между государствами, задействованных в интересах осуществления такого противоборства военных организаций враждующих государств, составляющих их военных и военизированных государственных органов, а также реализующих государственные интересы на поле брани конкретных участников вооруженного противоборства, являются первичными

отношениями. Эти отношения формируют и предопределяют характер, содержание и сущность всех иных связей и отношений, которые составляют существо не первичной «военной противоборствующей материи», а существо иной, вторичной, обеспечивающей такое противоборство материи. Связи первичной материи, которую составляют отношения военного противоборства, являются наиболее сильными, значимыми, системообразующими. В рамках отношений военного конфликта разрешаются противоречия между государствами. Сущностная и однородная связанность отношений и связей военного конфликта, их субстанциональная концентрация образуют ядро военных конфликтов в системе военных отношений общества и государства, а правовое опосредование этих отношений и связей образует ядро военного права — право военных конфликтов.

Противоречия между государствами не могут разрешаться в рамках отношений военной администрации, военной организации государства, системы органов военного управления. Противоречия разрешаются на поле боя в ходе военного конфликта. Правовое опосредование отношений военного противоборства, составляющее право военных конфликтов (ядро военного права) не может относиться ни к какой иной отрасли, в том числе наиболее, казалось, очевидной — административному праву, в силу того, что отношения вооруженного противоборства абсолютно специфичны, самостоятельны, локализованы областью военных конфликтов. Военно-административные отношения не возникают само по себе, из себя и для себя. Они являются порождением отношений вооруженного противоборства, производны от них. Характер, содержание и сущность военно-административных отношений предопределяются отношениями вооруженного противоборства. Именно связи отношений вооруженного противоборства, которые относятся к первичной материи, образуют системную целостность — ядро военных конфликтов, а их правовое опосредование ядро военного права — право военных конфликтов.

Специфика военно-административного права определяется соприкосновением с ядром военного права — правом военных конфликтов. Невозможно реализовать и эффективно участвовать в военном конфликте, если действовать на тех принципах, на которых построено административное право, предполагающее императивность, но не в таком абсолютизированном виде как в отношениях военных конфликтов. Императивность административного права основана на публичном государственном интересе в создании упорядоченности публичных общественных отношений. Этот интерес обусловлен потребностью властной организации социальных процессов в государстве

и обществе мирными, не военно-боевыми способами и средствами. Способы и средства по своему содержанию могут быть различными — социальными, экономическими, политическими, идеологическими. Но по своей природе, т.е. происхождению, они являются результатом волевого опосредования потребностей в организации социальных процессов, опираясь на «мирные» ценности, т.е. допускающие использование таких способов и средств организации общества и государства, которые в своей изначальной основе предполагают опору на невоенные ценности. Базис административно-государственного интереса обеспечивает устойчивость и целостность государственной власти, государственного аппарата как одной из опор государства в гражданской сфере. Но этот базис не создает фундамента, на который опирается военная организация государства.

Фундамент военной организации государства формирует система военной безопасности государства, в основании которой находится системная целостность социальных отношений военных конфликтов (ядро предмета отрасли военного права) и надстроенная над ней правовая целостность — право военных конфликтов (ядро структуры отрасли права — главный элемент, подотрасль).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Предмет советского социалистического гражданского права // Ученые труды Свердловского юрид. ун-та. 1959. Т. 1. С. 72.
2. *Бернацких И.В.* Военная сфера жизни общества: сущность, особенности и структура // Армия и общество. 2013. № 3 (35). С. 20.
3. *Бернацких И.В.* Модернизация военной сферы современного российского общества: военно-политический анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2018. С. 23.
4. Военно-административное право (военная администрация): учеб. / под общ. ред. В.В. Ершова, О.Г. Безбабнова. М., 2022.
5. *Глухов Е.А.* Военно-административное право, его предмет и связь с другими науками // Право в Вооруженных силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 2. С. 10–19.
6. *Глухов Е.А.* Становление военно-административного права в призмe взглядов теоретиков военной и юридической науки // Военное право. 2021. № 6 (70). С. 64–77.
7. *Егупов В.А.* К вопросу о предмете и методе административного и военного права // Юриспруденция. 2023. № 22. С. 11–13.
8. *Каверин К.В.* Военное право как подотрасль административного права: проблемы институционального развития и способы их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010.

9. *Каган М.С.* Система и структура // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1983. М., 1983. С. 94.
10. *Кедров Б.М.* Классификация наук. М., 1985. С. 358.
11. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994. С. 97, 98.
12. *Ксенофонтов В.А.* Военная сфера национальной безопасности как условие социального благополучия государства // Труды БГТУ. 2021. Сер. 6 № 2. С. 88.
13. *Кудашкин А.В.* Александровская военно-юридическая академия (1867–1917): Александр Эртель — родоначальник теории военного права (первая парадигма военного права) // Право в Вооруженных Силах, Росгвардии, СФБ, ФСО и других органах и воинских формированиях. 2025. № 5. С. 2–11.
14. *Кудашкин А.В.* Боевые уставы Вооруженных Сил Российской Федерации — источники права военных конфликтов // Право в Вооруженных Силах, Росгвардии, СФБ, ФСО и других органах и воинских формированиях. 2025. № 3. С. 13.
15. *Кудашкин А.В., Мельник Н.Н.* О соотношении административного и военного права: а есть дискуссия в науке? // Военно-правовое обозрение. 2024. № 10. С. 5–17.
16. *Кудашкин В.В.* Ядро отрасли как системно-структурное основание (критерий) военного права // Государство и право. 2025. № 6. С. 120–130.
17. *Кузнецов В.И.* Предмет военно-административного права в современных условиях // Журнал рос. права. 2024. № 12. С. 122–139.
18. *Лепешкин А.И.* Советское военное законодательство и его роль в укреплении Вооруженных Сил СССР // Труды Военно-юридической академии. М., 1956. С. 36.
19. Модели военных, боевых и специальных действий. М., 2025. С. 38.
20. *Ольшевский В.Г.* Военная сфера в социальной структуре общества: методологические предпосылки анализа // Вестник Военного ун-та. 2010. № 2 (22). С. 116.
21. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 248.
22. Труды Военно-юридической академии. М., 1956. С. 148–150.
23. *Эртель А.* Предисловие // Штейн Л. Учение о военном быте, как часть науки о государстве / пер. и предисл. А. Эртеля. СПб., 1875. С. 1, 25, 26.
24. *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 69, 78.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* The subject of Soviet socialist Civil Law // Scientific works of the Sverdlovsk Legal University. 1959. Vol. 1. P. 72 (in Russ.).
2. *Bernatskikh I.V.* The military sphere of society: essence, features and structure // Army and Society. 2013. No. 3 (35). P. 20 (in Russ.).

3. *Bernatskikh I.V.* Modernization of the military sphere of modern Russian society: military-political analysis: dis. ... Candidate of Political Sciences. M., 2018. P. 23 (in Russ.).
4. Military Administrative Law (military administration): textbook / under the general ed. of V.V. Ershov, O.G. Bezbabnov. M., 2022 (in Russ.).
5. *Glukhov E.A.* Military Administrative Law, its subject and connection with other sciences // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2022. No. 2. Pp. 10–19 (in Russ.).
6. *Glukhov E.A.* The formation of Military Administrative Law in the prism of the views of theorists of military and legal science // Military Law. 2021. No. 6 (70). Pp. 64–77 (in Russ.).
7. *Egupov V.A.* On the subject and method of Administrative and Military Law // Jurisprudence. 2023. No. 22. Pp. 11–13 (in Russ.).
8. *Kaverin K.V.* Military Law as a sub-branch of Administrative Law: problems of institutional development and ways to overcome them: abstract ... PhD in Law. Voronezh, 2010 (in Russ.).
9. *Kagan M.S.* System and structure // System research. Methodological problems. The yearbook. 1983. M., 1983. P. 94 (in Russ.).
10. *Kedrov B.M.* Classification of sciences. M., 1985. P. 358 (in Russ.).
11. *Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P.* Laws of evolution and self-organization of complex systems. M., 1994. Pp. 97, 98 (in Russ.).
12. *Ksenofontov V.A.* The military sphere of national security as a condition for the social well-being of the state // Proceedings of BSTU. 2021. Ser. 6. No. 2. P. 88 (in Russ.).
13. *Kudashkin A.V.* Alexander Military Law Academy (1867–1917): Alexander Ertel is the founder of the theory of Military Law (the first paradigm of Military Law) // Law in the Armed Forces, Rosgvardiya, FSB, FSO and other bodies and military formations. 2025. No. 5. Pp. 2–11 (in Russ.).
14. *Kudashkin A.V.* Combat regulations of the Armed Forces of the Russian Federation – sources of the law of military conflicts // Law in the Armed Forces, Rosgvardiya, FSB, FSO and other bodies and military formations. 2025. No. 3. P. 13 (in Russ.).
15. *Kudashkin A.V., Melnik N.N.* On the relationship between Administrative and Military Law: is there a discussion in science? // Military-legal review. 2024. No. 10. Pp. 5–17 (in Russ.).
16. *Kudashkin V.V.* The core of the industry as a system-structural basis (criterion) of Military Law // State and Law. 2025. No. 6. Pp. 120–130 (in Russ.).
17. *Kuznetsov V.I.* The subject of Military Administrative Law in modern conditions // Journal of Russ. law. 2024. No. 12. Pp. 122–139 (in Russ.).
18. *Lepeshkin A.I.* Soviet military legislation and its role in strengthening the Armed Forces of the USSR // Proceedings of the Military Law Academy. M., 1956. P. 36 (in Russ.).
19. Models of military, combat and special operations. M., 2025. P. 38 (in Russ.).
20. *Olshevsky V.G.* The military sphere in the social structure of society: methodological background of the analysis // Herald of the Military University. 2010. No. 2 (22). P. 116 (in Russ.).
21. *Prigozhin I., Stengers I.* Order from chaos. A new dialogue between man and nature. M., 1986. P. 248 (in Russ.).
22. Proceedings of the Military Law Academy. M., 1956. Pp. 148–150 (in Russ.).
23. *Ertel A.* Preface // Stein L. The doctrine of military life as part of the science of the state / transl. and preface by A. Ertel. St. Petersburg, 1875. Pp. 1, 25, 26 (in Russ.).
24. *Yakovlev V.F.* The civil law method of regulating public relations. Sverdlovsk, 1972. Pp. 69, 78 (in Russ.).

Сведения об авторе

КУДАШКИН Владимир Васильевич – доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, статс-секретарь АО «Рособоронэкспорт»; 107076 г. Москва, ул. Стромынка, д. 27; главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KUDASHKIN Vladimir V. – Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, State Secretary of JSC Rosoboronexport; 27 Stromynka str., 107076 Moscow, Russia; Chief Researcher of the Civil and Business Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340

ВЛАСТЬ И ПРАВО В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (К ЮБИЛЕЮ ИГОРЯ АНДРЕЕВИЧА ИСАЕВА)

© 2025 г. С. С. Зенин

Тюменский государственный университет

E-mail: zeninsergei@mail.ru

Поступила в редакцию 08.07.2025 г.

Аннотация. Статья приурочена к знаковому событию для научного юридического сообщества — юбилею выдающегося российского исследователя в области историко-правовой науки, философии и социологии права, политической и социальной философии Игоря Андреевича Исаева. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, историк права И.А. Исаев отмечает свое 80-летие. Имя ученого без малого 60 лет прочно связано с Московским государственным юридическим университетом им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 35 из которых он по праву возглавляет кафедру истории государства и права. Игорь Андреевич настоящий творец и исследователь, влюбленный в историю и юриспруденцию, является автором более 400 научных и учебно-методических работ, монографий, которые изданы на русском и иностранных языках. Профессиональное сообщество дает высшую оценку его деятельности, отмечая заслуги как ученого, члена Союза писателей России, главного редактора журналов «История государства и права» и «Историко-правовые проблемы: новый ракурс», члена редакционных советов журналов “Lex russica (Русский закон)”, «Правоприменение», «Российское право онлайн», «Юридическая наука в Китае и России». В статье показаны сферы научных интересов ученого, занимающие внимание профессора: становление и развитие русского права, отечественной правовой культуры и российской государственности, тенденции правового регулирования структур власти и государственного управления в условиях технологических революций, осмысление влияния технологических, цифровых форм политических коммуникаций на современные политические процессы, изучение феноменов власти и закона в философском и историческом аспектах. Работы И.А. Исаева представляют собой уникальное соединение мудрости и знаний в области теории права, правовой и политической идеологии, истории политических и правовых учений, истории и философии права.

Ключевые слова: И.А. Исаев, юриспруденция, образование, история государства и права, философия права, технологическая революция, цифровизация государственного управления, юбилей ученого.

Цитирование: Зенин С.С. Власть и право в технологическом контексте (к юбилею Игоря Андреевича Исаева) // Государство и право. 2025. № 8. С. 121–128.

DOI: 10.31857/S1026945225080121

AUTHORITY AND LAW IN THE TECHNOLOGICAL FRAMEWORK (DEDICATED TO THE ANNIVERSARY OF IGOR ANDREEVICH ISAEV)

© 2025 S. S. Zenin

Tyumen State University

E-mail: zeninsergei@mail.ru

Received 08.07.2025

Abstract. The article is dedicated to a landmark event for the scientific legal community – the anniversary of Igor Andreevich Isaev, an outstanding Russian researcher in the field of historical and legal science, Philosophy and Sociology of Law, political and social philosophy. Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, historian of law I.A. Isaev celebrates his 80th birthday. For almost 60 years, the scientist's name has been firmly associated with Kutafin Moscow State Law University (MSAL), for 35 of which he rightfully heads the Department of History of State and Law. Igor Andreevich is a true creator and researcher, in love with history and law, is the author of more than 400 scientific and educational works, monographs, which have been published in Russian and foreign languages. The professional community gives the highest assessment of his work, noting his merits as a scientist, member of the Writers' Union of Russia, editor-in-chief of the journals "History of State and Law" and "Historical and Legal Problems: a New Perspective", member of the editorial boards of the journals "Lex russica (Russian Law)", "Law Enforcement, Russian Law Online", "Legal Science in China and Russia". The article shows the areas of scientific interests of the scientist that occupy the attention of the professor: the formation and development of Russian law, national legal culture and Russian statehood, trends in legal regulation of power structures and public administration in the context of technological revolutions, understanding the influence of technological, digital forms of political communications on modern political processes, the study of the phenomena of power and law in philosophical and historical aspects. Works of I.A. Isaev represents a unique combination of wisdom and knowledge in the field of legal theory, legal and political ideology, the history of political and legal doctrines, the history and Philosophy of Law.

Key words: Igor Andreevich Isaev, jurisprudence, legal education, history of state and law, Philosophy of Law, technological revolution, digital transformation of governance, scholar's anniversary.

For citation: Zenin, S.S. (2025). Authority and law in the technological framework (dedicated to the anniversary of Igor Andreevich Isaev) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 121–128.

11 июня 2025 г. является знаковой датой для юридического сообщества, в этот день образцовому исследователю в области историко-правовой науки, философии и социологии права, политической и социальной философии, Мыслителю с большой буквы Игорю Андреевичу Исаеву исполнилось 80 лет.

Игорь Андреевич Исаев – советский и российский историк права, философ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующий кафедрой истории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), научный руководитель образовательной программы аспирантуры «Теоретико-исторические правовые науки», председатель комиссии Российского исторического общества по истории государства и права, научный редактор и писатель. Является автором свыше 400 научных и учебно-методических работ на русском и иностранных языках общим объемом более 1000 печатных листов, из них 29 монографий. Индекс Хирша (РИНЦ) – 22. Его труды стали благодатной почвой для развития научных школ и направлений в ряде российских регионов (Москва,

Санкт-Петербург, Краснодар, Курск, Махачкала, Белгород, Великий Новгород и др.).

Имя профессора без малого 60 лет прочно связано с Московским государственным юридическим университетом им. О.Е. Кутафина (МГЮА, ранее – ВЮЗИ и МЮИ), 35 из которых бессменно возглавляет кафедру истории государства и права Университета, приумножая позитивные традиции научно-академической школы. Более 30 лет Игорь Андреевич возглавлял университетский специализированный диссертационный совет, под его руководством и при научном консультировании 28 соискателей ученой степени доктора наук и 46 соискателей степеней кандидата наук успешно защитили свои научные диссертации.

Пытливость ума, вдумчивость и нестандартность мышления И.А. Исаева раскрылись в текстах его кандидатской диссертации на тему «Государственно-правовое регулирование частного капитала в народном хозяйстве СССР в первые годы нэпа, 1921–1925 гг.» и докторской диссертации на тему «Правовые формы хозяйственного строительства в многоукладной экономике СССР 20-х годов: историко-теоретическое исследование». Работы автора отражали уникальный для советского времени взгляд на нэп в качестве альтернативного вектора развития социалистического общества и стали богатой пищей для научных размышлений ученых мужей, придерживавшихся доминирующего мнения регулирования экономики административно-командными методами.

В годы СССР И.А. Исаеву, проходившему стажировку в Карловом университете в Праге, стали доступны фонды Русского заграничного архива, благодаря чему ученый погрузился в кропотливое исследование научной проблемы евразийства, в результате которого вышла в свет череда научных статей и комментариев ученого. Евразийство, как и схожее с ним течение сменовеховство, оказывало бесспорное влияние на становление политических идей России советского периода. Работы ученого актуализовали проблематику вопроса, которая с учетом особого положения России в мире, могла выступать фундаментом для выработки уникальной геополитической концепции. Благодаря И.А. Исаеву научное сообщество смогло ознакомиться с материалами по истории создания государственно-правовых проектов, государственно-политических программных документов из неизданных работ П.Н. Милюкова и В.М. Чернова, архива П.Н. Савицкого, младороссов и др.

На основе анализа документации малоизвестных на тот момент различных движений в 1991 г. И.А. Исаев издал монографию «Политико-правовая утопия в России в конце XIX — начале XX в.», в которой предметно изучил еще одну немаловажную проблему утопического политико-правового сознания и его роли для развития российской государственности и права. Автор изучил самые значимые течения утопического сознания этого исторического периода, отметив явное превалирование консервативных тенденций над либеральными идеями, ставших впоследствии стержнем российского консервативного политического сознания. И.А. Исаев придерживался в этом вопросе воззрений здорового политического консерватизма, которому по силам уберечь переходное общество от срывов и катаклизмов, о чем писал в ряде своих публикаций.

Игорь Андреевич является активным популяризатором историко-правовой науки в России и за рубежом, постоянно принимает участие в международных и российских форумах, выступает спикером на конференциях по вопросам геополитической роли России и ее перспектив, влияния государства на российскую экономику и функции власти в массовом обществе.

Из-под пера И.А. Исаева вышла целая череда учебников, отличительной чертой которых является понятное читателю четкое изложение сложнейших тем и неоднозначных проблематик: по истории государства и права России, истории правовых и политических учений России, истории мировой правовой мысли, правовой культуре России, истории государства и права зарубежных стран.

И.А. Исаев является руководителем научно-исследовательской группы кафедры истории

государства и права — Open Science. History & Future of Law, включающей Центр студенческих научных инициатив. Данную динамичную интеллектуальную площадку создали для поиска и уточнения как традиционного, так и инновационного инструментария историко-правовых исследований, которые аккумулированы в три международных, междисциплинарных проекта под экспертным руководством самого проф. И.А. Исаева: «История и будущее права: трансформация идей и образов», «Эра человека и машины», «Мировые войны»¹.

Научно-практический проект «История и будущее права: трансформация идей и образов» теоретически и конструктивно обоснован в монографиях И.А. Исаева, посвященных многолетнему изучению взаимоотношений власти и закона. Ученый в данном проекте предлагает студентам и исследователям всмотреться в бесконечную череду мифов и образов закона, приправленных разнообразием и колоритом культурных контекстов, увидеть неразрывное взаимодействие литературы и закона, которые в каждой исторической эпохе в определенной степени дополняют друг друга, рождая яркие образы, и проанализировать как избыточный рационализм приводит к диктату нормативизма.

Научно-практический проект «Эра человека и машины» исследует трендовые проблемы машинизации, цифровизации, роботизации. Все эти направления буквально завязаны на управлении и, безусловно, требуют порядка, а все оценки касаются исключительно предсказаний эффективности и количества, что делает их «бездуховными». Государство в этих сферах становится системой индекса, автоматическим механизмом с функциями и функционерами, обезличивая свой образ, переходит от династического к бюрократическому типу. Техническая революция предлагает общественному и индивидуальному сознанию собственную логику и свой язык общения, а государству использовать «мягкие» методы управления обществом без использования прямого насилия посредством всепроникающего контроля и перманентного воздействия на массы. Исследователям очень важно изучать и понимать эти современные процессы, отодвигающие в прошлое политехнологии, существовавшие веками, чтобы сформировать и адаптировать новые технологии с учетом важных аспектов человечности.

Третий научно-практический проект «Мировые войны» призван изучать особо важные фундаментальные ценности, гуманизм и справедливость для всего человечества, в полной мере осознанные после Великой Победы советского народа в битве

¹ См.: URL: <https://msal.ru/structure/kafedry-vypuskayushchie/kafedra-istorii-gosudarstva-i-prava/nauchno-issledovatel'skaya-gruppa/> (дата обращения: 19.04.2025).

за свою свободу и независимость. Проект носит вневременной характер и особенно важен для нынешних и будущих поколений, так как в настоящее время не прекращаются попытки переписать историю, оправдать предателей и преступников, а Российская Федерация последовательно отстаивает международное право, твердо защищая национальные интересы, обеспечивая безопасность народа.

Профессор И.А. Исаев в своей научной деятельности долгие годы посвятил изучению взаимоотношений власти и закона в широком историческом и культурном контексте. Многолетнее комплексное исследование обнаруживает спонтанные, порой скрытые иррациональные мотивы и причины, влияющие на взаимодействие власти и закона, которые невозможно игнорировать. В результате кропотливой работы ученого в свет вышел цикл монографий и очерков «Метафизика власти и закона», которые в 2020 г. были систематизированы профессором в фундаментальном сборнике работ «Избранные труды» в пяти томах.

Будучи ученым и одновременно творцом и философом, И.А. Исаев не ограничивает себя исключительно юридическим или правоведческим типом мышления, полагая, что само многообразие правовой реальности не может быть воспринято и тем более описано с помощью какого-то одного конкретного метода. Исследуемые им мировые явления власти, права, закона, безусловно, нуждаются именно в комплексном осмыслении всех их нюансов, особенностей и структурных элементов.

Первый том содержит основополагающую работу «*Politica hermetica*: скрытые аспекты власти», вобравшую в себя монографию «Метафизика власти и закона», при этом ученым значительно расширены хронологические рамки исследования и круг изучаемых аспектов власти, рассмотрены необычные вариации ее проявления, такие как магия, утопия, алхимия и пр. В «*Politica hermetica...*» профессор для изложения неортодоксальной истории политической и правовой мысли мастерски использует метафизику как уникальный метод исследования, подводя к основополагающим дефинициям, сущностным проблемам и представлениям политики и права, из которых и произрастает современная политико-правовая мысль².

Очерки «Власть и закон в контексте иррационального» также вошли в первый том сборника и представляют собой вдумчивое изучение И.А. Исаевым мифополитической интерпретации концепций власти и закона. Игорь Андреевич с присущей ему проницательностью ученого и мудростью философа очерчивает сакральное

пространство власти, преисполненное противоборством тайных сил, исследует категории «язык закона», «юридическая фикция», «кодификация» в свете дилеммы нормы и формулы³.

Второй том включил в себя книги профессора «Топос и номос: пространства правопорядков» и «Господство. Очерки политической философии». «Топос и номос» И.А. Исаева знакомит читателя с размышлениями автора на такие нетрадиционные для правовой науки темы, как пространственные пределы права, соотношение категорий «суверенитет» и «господство», «круги закона» и «сферы власти», в которых ученый удивительным образом при всей многоаспектности и непохожести категорий находит объединяющие их качества и признаки⁴.

Логичным продолжением неординарного исследования И.А. Исаева стало многомерное изучение категории «господство», отраженное в его книге «Господство. Очерки политической философии». Автор внедряется в проблематику «законодательства» и «большой политики» Ф. Ницше, анализирует «легалистскую диалектику» Г.В.Ф. Гегеля, размышляет о символическо-трагических формах господства, значении закона в процессах его оформления и функционирования, соотношении «господства» с такими явлениями, как власть, диктатура, насилие⁵.

В третий том «Избранных трудов» вошла монография «Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние», в которой И.А. Исаев изучает вопросы солидарного единства, воплощающегося в политические и правовые институты, и явления «политического воображения», порождающего политические и правовые символы и фикции, на примерах органистической школы права и теорий «солидаристов», в центре внимания ученого находится правовое пространство, пронизанное «номосом», глобальным законом⁶.

В этот же том включена очередная часть обширного исследования И.А. Исаева «Метафизика власти и закона» — монография «Теневая сторона закона. Иррациональное в праве». Профессор в данной работе делает акцент на изучении влияния таких иррациональных факторов, как миф, мистика, магия, религия на правосознание и правовую реальность Древнего мира, используя в качестве инструментов познания рациональный анализ и собственную интуицию⁷.

³ См.: там же.

⁴ См.: там же. Т. II.

⁵ См.: там же.

⁶ См.: там же. Т. III.

⁷ См.: там же.

² См.: Исаев И.А. Избр. труды: в 4 т. М., 2015. Т. I (Научные школы МГЮА).

В четвертый том «Избранных трудов» вошли исследования более узкоспециализированных политико-философских воззрений, показывающих всю неоднозначность сущности закона, создававшегося и видоизменявшегося с каждым витком человеческой истории: «Идея порядка в консервативной ретроспективе» И.А. Исаева вобрала в себя анализ правового мышления, в том числе его консервативного направления, и преобразования его стиля в зависимости от смены культурных эпох, противостояния классицизма и романтизма, находившего свое отражение в своеобразных правовых представлениях европейских ученых-правоведов и особенностях развития права исследуемого периода в целом⁸.

В работе «Нормативность и авторитарность. Пересечение идей», также вошедшей в четвертый том «Избранных трудов», И.А. Исаев проводит собственный онтологический анализ такого явления, как «воля к власти», становление и развитие которого быстрыми темпами происходит в последнем столетии. Нормирование, принуждение и насилие, являясь элементами этой воли, вплетаются в правовую реальность, сформированную идеями «народной воли» и задекларированной демократии, трансформируя ее в новый политический режим, называемый авторитарным. Внимание автора сосредоточено именно на изучении политических идей, профессор уверен, что авторитаризм есть порождение демократии и правового нормативизма. Он считает, что авторитарность создает лишь иллюзию порядка и не устраняет страхов перед будущим и ощущения безопасности, поскольку изменчивые политические воззрения превалируют над правом⁹.

В пятом томе «Избранных трудов» собраны целых четыре блистательных монографии профессора, являющиеся последовательным продолжением его многолетнего изучения взаимоотношений власти и закона: «Мифологемы закона: право и литература», «Суверенитет: закрытое пространство власти», «Воображаемая государственность. Пространство без территории», «Закон и революция. Легальные основания революционного мифа».

И.А. Исаев в своей работе «Мифологемы закона: право и литература» наметил некоторые тактические шаги в мифопоэтической трактовке правовой реальности посредством анализа тончайших хитросплетений во взаимоотношениях между ее этическим и эстетическим элементами. Автор считает, что мифологемы закона при детальном рассмотрении поддаются архитипированию, причем ключом к этому может выступать литература как чуткий способ прочтения реальности и природы закона,

избавленный от дотошного нормативизма. Ученый для более глубокого раскрытия сущности закона использует постоянно адаптирующийся стиль изложения в зависимости от языковой атмосферы рассматриваемого исторического периода¹⁰.

Монография «Суверенитет: закрытое пространство власти» раскрывает такое понятие, как «суверенитет» через изучение наиболее характерных контекстов, сформированных в эпоху классического абсолютизма и уже несколько искаженных в эпоху модерна. Ложный суверенитет воплотился в таких aberrациях, как «мнимый субъект», «фантомное государство» и «метафора закона». Автор справедливо отмечает, что суверенитет неразрывно связан со статусом и господством, а суверенность следует ассоциировать со свободой и качеством субъективности¹¹.

Работа И.А. Исаева «Воображаемая государственность. Пространство без территории» содержит неординарное авторское представление воображаемого государства в качестве некоего недостижимого эталона и от того особенно желанного, порождаемые им «фантазмы» становятся эффективными архетипами для политических и правовых преобразований, при этом именно нереализуемость подобного идеала дает свободу политическому творчеству¹².

В труде «Закон и революция. Легальные основания революционного мифа» И.А. Исаев погрузился в изучение закономерностей революционных процессов через призму преимущественно правовых оснований и идей, сопровождавших преобразование революционного мифа. Профессор отмечал, что обязательной политико-правовой составляющей революционной идеи мог быть проект вполне реализуемых революционных трансформаций или же утопической концепции. При этом именно взаимодействие власти и закона формирует картину любой революционной эпохи, внося свой исторический реализм подобно языку изложения в мифе¹³.

И.А. Исаев своим комплексным междисциплинарным исследованием категорий «власть» и «закон», их взаимоотношений в рациональном и иррациональном измерениях внес поистине фундаментальный вклад в юриспруденцию и политическую и социальную философию, историю права и в своей научной деятельности не собирается останавливаться на достигнутом.

¹⁰ См.: Исаев И.А. Избр. труды: в 5 т. Т. V. Идея порядка в консервативной ретроспективе. Нормативность и авторитарность. Пересечения идей. М., 2020.

¹¹ См.: там же.

¹² См.: там же.

¹³ См.: там же.

⁸ См.: Исаев И.А. Указ. соч. Т. IV.

⁹ См.: там же.

В последние несколько лет ученый обратил свое внимание на очень актуальную проблематику влияния развития технологического прогресса на правовую и политическую действительность, в результате и опубликован ряд тематических работ.

В 2019 г. И.А. Исаев выпускает монографию «Технологии власти. Власть технологии» с авторским описанием процессов того, как технологические прорывы зачастую становились своеобразным триггером для социальных, культурных и политических революций. Он отмечает, что ранее рационализация вносила весомый вклад в революционные процессы посредством изменения когнитивных и институциональных структур общества, одновременно с тем техника предлагала собственный язык общения и иную логику, которые, будучи иррациональными и лишенными определенной духовности, при впитывании в структуры властвования и права зачастую втягивали их в ситуации, связанные с риском. Профессор полагает, что созданные этими процессами юридические нормы порождают институты, нуждающиеся в оформлении, для чего они создают еще более новые формы, отчего этот процесс выглядит бесконечным. По сути, искусственность сама теперь становится качеством. И.А. Исаев дает осторожный прогноз изменения судьбы технологической революции и сопутствующей ей революции в праве, как только процесс перехода от принципа правления к принципу управления будет завершён¹⁴.

Монографию «Иерархия и сети. Власть и закон» И.А. Исаев опубликовал в соавторстве с видными учеными — докторами юридических наук А.В. Корневым и С.В. Липенем. Основной идеей работы стало соотношение власти, технологической цивилизации или «машины» и права (закона). Современная конструкция «машина власти» находит свое воплощение в цифровых формах своего бытия, вновь поднимая на повестку вроде бы давно решенные вопросы: что такое власть, государство, право, суверенитет и пр. Особое место среди этих проблематик занимает вопрос национального государства, его нынешнего состояния и перспектив дальнейшего развития. В исследовании предпринимается попытка осмысления с научной точки зрения современного технологического общества, в котором машины и информационные системы выступают не только в роли ресурса различных институтов и власти, но и приобретают некоторую самостоятельность. А использование государственными и негосударственными институтами разнообразных сетевых технологий, позволяющих формировать общественное мнение и управлять политическими процессами, с точки зрения ученого,

способно кардинально трансформировать деятельность политических институтов и подвергнуть серьезным испытаниям их существующую легитимность и легальность¹⁵.

Развивая проблематику реализации государственной власти в эпоху цифровых технологий, информационного общества и средств информационно-электронной коммуникации, И.А. Исаев в 2022 г. публикует монографию «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа). Автор описывает эволюцию технологии управления, приобретающую бесконтактные, виртуальные формы, и характеризует значение сетевых структур, которые в настоящее время уже могут составить конкуренцию государственным институтам по влиянию на современные политические процессы. И.А. Исаев в данной работе также затрагивает тематику неизбежной трансформации права в складывающихся условиях, как по форме, так и по содержанию¹⁶.

Ученый приходит к выводу, что «машина власти» в виртуальном пространстве — это новая форма господства, сочетающая технический рационализм с манипулятивными практиками. Он предупреждает о необходимости осмысления этих процессов, чтобы избежать дегуманизации общества и сохранить баланс между технологическим прогрессом и человеческими ценностями.

В этом же году И.А. Исаев совместно с именитыми коллегами А.В. Корневым и С.В. Липенем вновь создает уникальную монографию «Эффект виртуального. Концепт власти и права», в которой они, буквально отказываясь от повседневных оценок цивилизационного пути, используют междисциплинарный, компаративистский подход, позволяющий добиться синергии анализа теоретического и практического взаимодействия техники и человека с учетом форм власти и права в конкретные исторические периоды и разработать эффективные модели современного правового регулирования модернизации властных и управленческих структур. Технологическая революция трансформирует традиционные концепции власти и права, создавая новые формы публичного пространства. Будущее этих институтов зависит от их способности адаптироваться к изменениям, сохраняя при этом фундаментальные ценности справедливости и свободы.

В работе подчеркивается, что государство постепенно теряет монополию на власть, уступая ее негосударственным организациям и корпорациям,

¹⁵ См.: Исаев И.А., Корнев А.В., Липень С.В. Иерархии и сети: власть и закон. М., 2021.

¹⁶ См.: Исаев И.А. «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа). М., 2021.

¹⁴ См.: Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии. М., 2019.

использующим технологии для влияния на общественное сознание. Авторы отмечают, что непростая правовая регламентация отношений человека и машины обусловлена изначальной сложностью их взаимодействия между собой, а потому необходим продуманный социальный и правовой контроль за практическим функционированием технологий и в виртуальном политическом пространстве, как сейчас, так и в будущем. Для решения столь глобальной задачи нужен междисциплинарный подход на основе сотрудничества юристов, политологов, философов и технологов¹⁷.

И.А. Исаев, понимая всю глубину изучаемой им на протяжении всей своей научной деятельности проблематики, продолжает оттачивание своего исследования закона и власти и в 2023 г. публикует дополненное издание «Историческая метафизика власти и закона: обращение к истокам: очерки по истории и философии права». Работа включила в себя генерализацию исследований ученого за последние пять лет, а также ряда публикаций на тему «Власть и Закон в контексте иррационального», изучению которой профессор посвятил более 30 лет.

И.А. Исаев после стольких лет научной деятельности продолжает обладать неисчерпаемым творческим потенциалом и неодолимой тягой к познанию явлений и феноменов политико-правовой реальности. В 2024 г. из-под его пера вышел в свет сборник очерков «Алхимия власти». В работе автор анализирует неоднозначные, зачастую неподдающиеся рациональному объяснению явления, например «политический символизм», «политический миф», политико-правовой символизм, порядки властеотношений и их латентные формы и др. Обратная сторона власти, проявляющаяся в политических и правовых структурах, не может быть обнаружена и описана исключительно с помощью рациональных фактов, что, по мнению автора, является некоей константой в европейском политическом мышлении. Нескончаемое выстраивание политической реальности из мифов, утопий, различных идеологий, диктующих новые реалии.

И.А. Исаев в этой работе рассматривает исторический период перехода от Средневековья к Новому времени, однако описанная им проблематика остается актуальной и для современного мировосприятия. Ведь темы «тайных сил», «глубинного государства», «империи зла» поднимаются в политологических дискуссиях и средствами массовой информации. Политическая мифология продолжает существовать и оказывать определяющее воздействие на современную политическую действительность и принятие принципиальных решений по всем социальным

процессам, вопросам войны и мира, что, в свою очередь, приводит к тому, что мифы и утопии со временем сменяются реальными действиями по достижению поставленных целей¹⁸.

* * *

Игорь Андреевич Исаев — настоящий ученый, поистине неутомимый и увлеченный исследователь, вдохновленный своим делом. Профессиональное сообщество дает высшую оценку его деятельности, отмечая заслуги на поприще ученого, члена Союза писателей России, главного редактора журналов «История государства и права» и «Историко-правовые проблемы: новый ракурс», члена редакционных советов журналов «Lex russica (Русский закон)», «Правоприменение», «Российское право онлайн», «Юридическая наука в Китае и России». И.А. Исаев — лауреат высшей юридической премии Ассоциации юристов «Юрист года» в номинации «За вклад в юридическую науку», общенациональной премии «Профессор года», награжден орденом Дружбы.

Благодаря ежедневной активной организационной работе Игоря Андреевича, его плодотворному научному творчеству кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина процветает уже 35 лет, собрав вокруг себя уникальный коллектив единомышленников и многочисленных талантливых учеников.

Фундаментальный вклад Игоря Андреевича Исаева в юриспруденцию, историю права, политическую и социальную философию позволяет сохранить традиции отечественной правовой школы в органическом сочетании с инновациями и динамизмом современной российской юриспруденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаев И.А. Алхимия власти: очерки по истории и мифологии права. М., 2024.
2. Исаев И.А. Избр. труды: в 4 т. М., 2015. Т. I (Научные школы МГЮА).
3. Исаев И.А. Избр. труды: в 5 т. Т. V. Идея порядка в консервативной ретроспективе. Нормативность и авторитарность. Пересечения идей. М., 2020 (Научные школы МГЮА).
4. Исаев И.А. «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа). М., 2021.
5. Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологий. М., 2019.

¹⁷ См.: Исаев И.А., Корнев А.В., Липень С.В. Эффект виртуального: концепты власти и права. М., 2022.

¹⁸ См.: Исаев И.А. Алхимия власти: очерки по истории и мифологии права. М., 2024.

6. *Исаев И.А., Корнев А.В., Липень С.В.* Иерархии и сети: власть и закон. М., 2021.
7. *Исаев И.А., Корнев А.В., Липень С.В.* Эффект виртуального: концепты власти и права. М., 2022.

REFERENCES

1. *Isaev I.A.* The Alchemy of power: essays on the history and mythology of law. M., 2024 (in Russ.).
2. *Isaev I.A.* Selected works: in 4 vols. M., 2015. Vol. I (MSAL Scientific Schools) (in Russ.).
3. *Isaev I.A.* Selected works: in 5 vols. Vol. The idea of order in conservative retrospect. Normativity and authoritarianism. Intersections of ideas. M., 2020 (MSAL Scientific Schools) (in Russ.).
4. *Isaev I.A.* "The machine of power" in virtual space (image formation). M., 2021 (in Russ.).
5. *Isaev I.A.* Technologies of power. The power of technology. M., 2019 (in Russ.).
6. *Isaev I.A., Kornev A.V., Lipen S.V.* Hierarchies and networks: power and law. M., 2021 (in Russ.).
7. *Isaev I.A., Kornev A.V., Lipen S.V.* The virtual effect: concepts of power and law. M., 2022 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЗЕНИН Сергей Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент, почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации, директор Института государства и права, проректор Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

Authors' information

ZENIN Sergey S. — PhD in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law, Vice-Rector of Tyumen State University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia

УДК 340

**ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ
(К 80-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА,
ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РФ
ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА БАРАНОВА)**

© 2025 г. Б. С. Эбзеев

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, г. Москва

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Поступила в редакцию 06.05.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена юбилею выдающегося ученого и педагога, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Михайловича Баранова. Проанализированы основные вехи его научной, педагогической и общественной деятельности, оценивается его вклад в науку и практику нормотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: В.М. Баранов, юбилей, поощрительные нормы, истина в праве, юридическая техника.

Цитирование: Эбзеев Б.С. Выдающийся ученый и организатор науки (к 80-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Владимира Михайловича Баранова) // Государство и право. 2025. № 8. С. 129–137.

DOI: 10.31857/S1026945225080131

AN OUTSTANDING SCIENTIST AND SCIENTIFIC ORGANIZER (TO THE 80th ANNIVERSARY OF THE DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED SCIENTIST OF THE RUSSIAN FEDERATION VLADIMIR MIKHAILOVICH BARANOV)

© 2025 B. S. Ebzeev

Central Election Commission of the Russian Federation, Moscow

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Received 06.05.2025

Abstract. The article is dedicated to the anniversary of the outstanding scientist and teacher, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Vladimir Mikhailovich Baranov. The main milestones of his scientific, pedagogical and social activities are analyzed, and his contribution to the science and practice of rulemaking and law enforcement is evaluated.

Key words: V.M. Baranov, jubilee, incentive norms, truth in law, legal technique.

For citation: *Ebzeev, B.S. (2025). An outstanding scientist and scientific organizer (to the 80th anniversary of the Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Vladimir Mikhailovich Baranov) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 129–137.*

Общепринято, что талант — один из непознанных феноменов человеческой природы. Но столь же верно, что великое благо для общества и счастье для человека, если выбор жизненного пути совпадает с дарованным ему талантом.

Владимир Михайлович Баранов родился 6 августа победного 1945 г. в Калининской (ныне — Тверской) области. После окончания средней школы в 1964–1967 гг. служил в Вооруженных Силах СССР. С 1968 по 1972 г. — студент Саратовского юридического института им. Д.И. Курского (ныне — Саратовская государственная академия права), именной стипендиат, председатель студенческого научного общества. Был рекомендован для дальнейшего обучения в очной аспирантуре. В 1975 г. досрочно защитил кандидатскую диссертацию по общей теории права на тему «Поощрительные нормы советского права»¹.

В 1978 г. вышла в свет его монография «Поощрительные нормы советского социалистического

права»², ставшая классикой отечественной юриспруденции советского периода ее развития. Уже в этой книге проявились особенности методологии В.М. Баранова и принципов работы, задающих высокие стандарты юридической науки, доказательность аргументации, точность выводов и изящество исполнения.

Автор впервые с общетеоретических позиций и на основе анализа базовых принципов организации государственного поощрения рассмотрел правовую природу, структуру, функции поощрительных норм права, проанализировал конкретные пути повышения эффективности правовых форм поощрения. В книге были предложены неординарные рекомендации по совершенствованию нормотворческой и правоприменительной деятельности государства в области поощрения. По сей день являются актуальными представления автора о поощрительных нормах права как: а) средства обеспечения реализации иных социальных предписаний, технико-юридических и эстетических норм; б) фактора укрепления дисциплины в обществе; в) стимулятора социальной активности субъектов права; г) способа согласования личных, общественных и государственных интересов; д) средства воспитания развитого правосознания; е) положительного катализатора развития прогрессивных общественных отношений; ж) фактора мотивации

¹ Баранов В.М. Поощрительная норма советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1975.

² Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1978.

правомерного поведения. Исследователь доказал, что в условиях демократического государства и подлинно гражданского общества действует тенденция возрастания объема и роли поощрительных норм права. Не только с формально-юридических, но и морально-психологических позиций в книге показаны особенности структуры поощрительных норм права и специфика правоотношений, возникающих на их основе. Практически востребованными оказались предложения автора относительно систематизации многочисленных и разнообразных поощрительных норм права.

Логическим продолжением анализа правовых форм поощрения явилось исследование государственного депоощрения, осуществленное проф. В.М. Барановым 20 лет спустя, в 1998 г. Этот феномен трактуется исследователем полярным правовым формам поощрения, исторически сложившимся комплексным методом государственного стимулирующе-принудительного управленческого воздействия, выражающимся в межотраслевом правовом институте, регламентирующем отношения по уменьшению либо лишению награжденного за противоправную и иную социально негативную аморальную деятельность конкретной формы (меры, степени) поощрения посредством своевременного принятия в ходе особого процессуального производства специфического правоприменительного акта, преследующего цель побудить субъектов к законопослушному или положительному гиперактивному поведению.

Своеобразным итогом исследования этой проблемы явилось опубликование в 2017 г. коллективной монографией «Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника)».

С 1975 по 1981 г. Владимир Михайлович работал в качестве преподавателя, старшего преподавателя, доцента кафедры теории государства и права Саратовского юридического института. С 1981 г. В.М. Баранов трудится в Нижегородской академии МВД России. Долгое время выполнял обязанности начальника кафедры государственно-правовых дисциплин, с 2000 по 2007 г. был заместителем начальника академии по научной работе. По достижении предельного возраста службы в МВД России вышел в отставку и ныне занимает должность помощника начальника академии по инновационному развитию научной деятельности. Полковник милиции в отставке.

В.М. Баранов — первопроходец в науке. В 1990 г. в Академии управления МВД СССР защитил докторскую диссертацию «Истинность норм советского права (проблемы теории и практики)»³.

³ Баранов В.М. Истинность норм советского права (проблемы теории и практики): автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 1990.

В монографии «Истинность норм советского права (проблемы теории и практики)», опубликованной в 1989 г., автор обосновывает необходимость истинностной оценки юридических норм. Впервые в общетеоретическом аспекте анализируется логико-гносеологическая и юридико-социологическая природа истинности норм права. Автор предпринял небезуспешную попытку выяснить сущность и причины проявления в праве ложных норм, предложил в целом приемлемые пути их устранения как элемента механизма торможения общественного и государственного развития. В.М. Баранов исследовал взаимосвязь истинности с социальной ценностью, эффективностью, динамизмом и справедливостью правовых норм. Особый интерес юридической общественности вызвал фрагмент работы о роли правовой практики как критерия истинности государственных установлений.

Автор определяет нормы права как процесс и результат отражения человеческой деятельности, раскрывает информационно-познавательный характер их содержания. По его убеждению, истинность — объективное свойство нормы права, выражающее проверяемую практикой меру пригодности ее содержания и формы в виде познавательного-оценочного образа соответственно отражать тип, вид, уровень либо элемент развития прогрессивной человеческой деятельности.

Истины ради отметим, что далеко не все правоведы разделяют позицию В.М. Баранова и его последователей, полагая, что к юридическим нормам применимы иные характеристики (эффективность, полезность, точность), но не истинность. При этом противники истинностной характеристики юридических норм обычно имеют в виду какой-то один вариант философского осмысления истины, какую-то одну концепцию (корреспондентскую, когерентную, прагматическую, онтологическую, экзистенциальную) истины. Они опускают из виду или сознательно «отбрасывают» многозначность истины. Сводить истину к характеристике знания, полагает В.М. Баранов, значит видеть лишь одно ее измерение. Между тем истина присутствует в познании множеством форм, проявляя тем самым многомерность как ее сущностную характеристику. Автор считает, что для практического освоения идей истинности норм права еще не пришло время и связывает ее будущее с дальнейшей разработкой регулятивной функции истины.

С 1999 г. научный интерес В.М. Баранова сфокусирован на проблемах юридической техники. Два десятилетия назад им организован и зарегистрирован в качестве юридического лица Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника».

Постсоветский период развития отечественной юриспруденции отмечен явным и незаслуженным падением интереса к догме права. В связи с этим отметим в надежде, что это явится путеводителем для ищущих, что по инициативе и под редакцией В.М. Баранова опубликовано 19 ежегодников «Юридическая техника», в которых освещаются не только методологические, но и прикладные вопросы этого феномена.

В первом и втором номерах журнала предприняты попытки исследовать сущность и место юридической техники в структуре юриспруденции, соотношение юридической техники и технологии, дефекты технико-юридического оформления правовых актов, опыт экспертизы федеральных и региональных законопроектов. Третий номер журнала (2009) посвящен малоисследованной проблеме — «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования». Тема четвертого номера журнала (2010) — «Правовые презумпции: теория, практика, техника», номер посвящен памяти проф. В.К. Бабаева. Пятый номер журнала (2011) аккумулирует материалы Международной научно-практической конференции «Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника». Шестой номер журнала (2012) — «Техника современного правотворчества: состояние, проблемы модернизации». Седьмой номер (2013) вышел в двух частях, охвативших проблемы юридической аргументации и юридической конструкции. Восьмой номер (2014) — «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника». «Стратегия, тактика, техника законодательства (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки)» — тема девятого номера журнала (2015). Десятый номер (2016) называется «Законотворческая, интерпретационная, правоприменительная техника в контексте культуры и межкультурной коммуникации». Одиннадцатый (2017) номер журнала — «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника». Двенадцатый (2018) номер журнала — «Ограничения в праве: теория, практика, техника». Тринадцатый номер журнала (2019) — «Риски в законодательстве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления». Четырнадцатый номер журнала (2020) — «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации». Пятнадцатый номер журнала (2021) — «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)». Шестнадцатый номер (2022) — «Правотворческая экспертиология (доктрина, практика, техника)»⁴.

⁴ См. также: Баранов В.М., Баранова М.В., Кроткова Н.В. Правовая экспертиза: наука, практическое искусство или ремесло? Обзор XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертиология

Семнадцатый номер журнала (2023) — «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)»⁵. Восемнадцатый номер журнала (2024) — «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности»⁶. Девятнадцатый номер журнала (2025) — «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)»⁷.

Считая начальный этап законотворчества «слабым звеном» правотворческого процесса, В.М. Баранов привлек внимание специалистов к необходимости более широкого и тщательного анализа идей законопроектов, на монографическом уровне исследовал концепцию закона и преамбулы в праве.

В.М. Баранов активно занимается библиографической работой. Выдержал два издания ретроспективный библиографический указатель «Юридическая техника: природа, основные приемы, значение»⁸. Опубликован ретроспективный библиографический указатель «Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение»⁹. В расширенном варианте этот указатель был переиздан Новгородской академией МВД России в 2015 г.

Под научной редакцией проф. В.М. Баранова вышли крупные новаторские сборники статей, посвященные различным практически значимым проблемам: «Проблемы юридической техники»¹⁰; «Законотворческая техника современной России:

(доктрина, практика, техника)» // Государство и право. 2021. № 11. С. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520017530-4

⁵ См. также: Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)») // Государство и право. 2022. № 12. С. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520023457-3

⁶ См. также: Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Правовая аналитика в фокусе междисциплинарности. Обзор XXV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности» // Государство и право. 2023. № 12. С. 225–238. DOI: 10.31857/S102694520029371-9

⁷ См. также: Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Правовое экспериментирование: достижения, просчеты, перспективы. Обзор XXVI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» // Государство и право. 2024. № 12. С. 190–207. DOI: 10.31857/S1026945224120181

⁸ Юридическая техника: природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / сост.: В.М. Баранов, Н.А. Климентьева. 2-е изд., доп. и перераб. Н. Новгород, 2005.

⁹ Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / авт.-сост. В.М. Баранов. М., 2010.

¹⁰ Проблемы юридической техники: сб. ст. Н. Новгород, 2000.

состояние, проблемы, совершенствование»¹¹; «Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность»¹²; «Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации»¹³; «Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы»¹⁴; «Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики»¹⁵; «Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах»¹⁶; «Кодификация законодательства: теория, практика, техника»¹⁷.

В 1991 г. В.М. Баранову присвоено ученое звание профессора. В 1996 г. избран действительным членом Петровской академии науки и искусств, в 1996 г. — действительным членом Российской академии естественных наук; в 2004 г. — действительным членом Российской академии юридических наук. В 2008 г. избран Почетным профессором Нижегородской академии МВД России, Почетный ветеран Нижегородской академии МВД России.

В.М. Баранов получил широкую известность как ученый-правовед, исследующий не только актуальные проблемы теории, практики и техники правотворчества, логики права, истинности, ценности и эффективности юридических норм. Он внес значительный вклад в анализ системы и систематизации законодательства, рекламного законодательства, теневого права, экстерриториального пространства права, критики законодательства, теорию и практику юридических рекомендаций.

¹¹ Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова: в 2 т. Н. Новгород, 2001.

¹² Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2002.

¹³ Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2003.

¹⁴ Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Междунар. «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова и др. Н. Новгород, 2007.

¹⁵ Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Междунар. симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года). Н. Новгород, 2008.

¹⁶ Правотворческие ошибки: понятия, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: сб. / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М., 2008.

¹⁷ Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009.

После опубликования В.М. Барановым в «Вестнике Саратовской государственной академии права» постановочной статьи «Норморайтер как профессия»¹⁸ состоялась оживленная дискуссия по этой новаторской в теоретическом ключе и актуальной в практическом плане теме, в которой приняли участие 58 исследователей¹⁹.

Им опубликовано более 650 научно-методических работ объемом 1713 п.л. Особенность научно-исследовательской манеры В.М. Баранова — в нетрадиционной постановке вопросов, выявлении таких аспектов, которые часто скрыты от глаз, в использовании многообразных методов познания и привлечении огромного статистического, нормативного, архивного, мемуарного и иного материала. Вот почему авторитет В.М. Баранова в науке является столь весомым, а его научно-методические работы получают многочисленные положительные отзывы российских и зарубежных юристов. Он является ответственным редактором многих межвузовских научных сборников, организатором проведения актуальных научно-практических конференций и круглых столов журналов «Государство и право», «Правоведение», международных симпозиумов по линии Совета Европы.

При научном консультировании проф. В.М. Баранова защищены 11 докторских диссертаций по специальности 12.00.01 (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве) — И.Н. Сенякин, Е.Г. Пономарев, Ю.В. Сорокина, Г.Г. Бриль, А.А. Демичев, В.А. Толстик, М.А. Пшеничных, Н.А. Колоколов, А.М. Хужин, Н.В. Макарейко, А.С. Александров.

Под научным руководством проф. В.М. Баранова защищена 91 кандидатская диссертация по наиболее актуальным проблемам юридической теории и практики (правотворческие, правоприменительные, интерпретационные ошибки, правоприменительный риск, правовые символы, юридические фикции, преюдиции в праве, правовой нигилизм, правовое чувство, правовое состояние, образовательная функция Российского государства, правовая позиция, институционализация федеральных округов, юридическое поощрение, государственное депоощрение, примечания в праве, отсылки в праве, законодательные исключения, преамбула в праве, правила игры и законодательство, экстерриториальность права, юридическое делегирование, бланкетные нормы права, институт самозащиты, этнокультурная экспертиза).

Люди часто бывают слабы и обычное стремление к славе, столь характерное для театра, живописи или

¹⁸ Баранов В.М. Норморайтер как профессия // Вестник СГАП. 2017. № 6. С. 16–29.

¹⁹ Материалы дискуссии опубликованы в: Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 333–502.

кино, часто приводит их к подмене искусства провокацией. Бывает это и в юриспруденции, хотя, возможно, не столь откровенно. Владимир Михайлович в своих трудах фундаментален. Они всегда оригинальны, строго логичны и отличаются изяществом исполнения, что роднит их с искусством.

Научную работу юбиляр осуществляет в неразрывной связи с юридической практикой. Неоднократно участвовал в подготовке проектов нормативно-правовых документов и предложений по совершенствованию законодательства и учебно-воспитательного процесса в специализированных вузах. Он принимал активное участие в подготовке экспертных заключений по «президентскому» проекту Конституции РФ, по уставам Нижегородской области и города Нижнего Новгорода. Являлся членом Экспертного совета МВД России, председателем Нижегородского отделения общественного центра «Правовая экспертиза» при Академии естественных наук. В соавторстве с ведущими специалистами Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ им подготовлены и изданы в Нижнем Новгороде в 2000 г. «Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов».

В.М. Баранов с 1991 г. — заместитель председателя диссертационного совета вуза, с 2004 г. — председатель докторского диссертационного совета при Нижегородской академии МВД России. При его непосредственном участии за 33 года в диссертационном совете вуза защищено 736 диссертаций, в том числе 63 докторских.

Он также состоит членом диссертационного совета, созданного на базе «Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского». Более 10 лет выполнял обязанности члена докторских диссертационных советов при НИУ «Высшая школа экономики», при Владимирском юридическом институте ФСИН России, а также при Санкт-Петербургском университете МВД России. Является главным редактором и входит в редакционные советы ряда журналов.

В.М. Баранов — преподаватель высшей квалификации. Стройность речи и точность расставляемых акцентов, живость и образность языка, широта кругозора и тонкое и всегда уважительное отношение к слушателям снискали Владимиру Михайловичу славу оратора. Его лекции отличаются новизной мышления, тесной связью с происходящими в стране общественно-политическими процессами и практикой деятельности юрисдикционных органов. Он — соавтор нескольких учебников и учебных пособий по теории государства и права. Одним из первых «перестроечных» учебников нового поколения стал курс лекций «Общая теория права» (Н. Новгород, 1993) под редакцией проф. В.К. Бабаева. Под редакцией

В.М. Баранова в 2015 г. опубликован учебник «Юридическая техника», получивший гриф МВД России. В 2016 г. выпущен в свет двухтомный учебник «Юридическая техника». В 2024 г. издательством «Проспект» под редакцией В.М. Баранова издана обновленная и расширенная версия учебника «Юридическая техника».

Размышляя о качестве высшего юридического образования в современной России, проф. В.М. Баранов пришел к выводу и развернуто обосновал в серии научно-методических статей необходимость преобразования теории государства и права в Энциклопедию юриспруденции. Уровень общетеоретической подготовки правоведов, по его убеждению, может быть кардинально повышен, если Энциклопедия юриспруденции, содержательно обогатив, объединит в едином учебном курсе философию права, социологию права, психологию права, догму права и юридическую практику.

По инициативе и при участии В.М. Баранова изданы и систематически переиздаются две, казалось бы, полярные по жанру, но объединенные глубоким уважением к юридической деятельности книги — «Антология юридического анекдота»²⁰ и «Антология юридического некролога»²¹. Последнее по времени издание состоялось в 2019 г.: «Антологию юридического анекдота» опубликовало московское издательство «Проспект» объемом 57 п.л. (911 стр.). Московский издательский дом «Городец» выпустил в свет «Антологию юридического некролога» объемом 81 п.л. (1294 стр.), инновационной особенностью которой является завершающий эту скорбную книгу раздел, содержащий некрологи на английском языке о 409 американских юристах.

При этом Владимира Михайловича невозможно назвать «кабинетным» ученым. Он состоял в экспертной группе Комиссии по вопросам привилегий и льгот Верховного Совета СССР, являлся экспертом Правового управления Аппарата Государственной Думы ФС РФ. В 2000 г. руководил согласительной комиссией Приволжского федерального округа по приведению в соответствие нормативно-правовых актов Республики Башкортостан и Республики Татарстан с федеральным законодательством, руководил филиалом Ассоциации юристов России по Нижегородской области. С 2023 г. выполняет обязанности члена Экспертного совета по стратегическим вопросам государственной политики в сферах науки и высшего образования при Комитете Государственной Думы по науке и высшему образованию. В соответствии

²⁰ Антология юридического анекдота / сост. В.М. Баранов и др. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

²¹ Антология юридического некролога / автор идеи и сост. В.М. Баранов. 3-е изд., доп. М., 2019.

с решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции включен в состав Междисциплинарного совета по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции. Является членом Экспертного совета при этом правозащитном институте. Активно участвует в нормотворческой деятельности властей Нижегородской области и города Нижнего Новгорода.

Долгое время являлся членом экзаменационной комиссии Нижегородской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи.

Владимир Михайлович верен просветительской функции интеллигенции. Он систематически читает лекции по политико-правовой тематике перед населением области, практическими работниками органов внутренних дел. В центральных и местных газетах им опубликовано более 80 статей по проблемам формирования правового государства, повышения юридической культуры граждан и должностных лиц, реформированию юридического образования. В июле 1990 г. награжден Почетной грамотой правления общества «Знание» Российской Федерации.

Имеет государственные награды. В 1965 г. награжден медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1990 г. — медалью «Ветеран труда». Указом Президента РФ от 25 ноября 1994 г. № 2118 В.М. Баранову присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Указом Президента РФ от 29 сентября 2001 г. № 1171 награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Имеет медали «За безупречную службу» I, II и III степеней. Указом Президента РФ от 8 августа 2005 г. № 938 награжден орденом «Знак Почета».

В.М. Баранов отмечен и рядом иных ведомственных поощрений, в том числе нагрудным знаком «Почетный сотрудник МВД Российской Федерации».

В свою очередь, приказом Минюста России в 2005 г. награжден медалью Анатолия Кони, приказом Минобрнауки России в 2015 г. ему присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Многokrратно поощрялся властями Нижегородской области и города Нижнего Новгорода.

Общероссийским общественным движением «Россия Православная» 2005 г. отмечен медалью «За жертвенное служение». В 2018 г. Общероссийской общественной организацией «Российское профессорское собрание» отмечен национальной премией «Профессор года».

В 2018 г. за цикл работ по технике правотворчества, опубликованных московским издательством «Проспект», отмечен дипломом I степени победителя международного конкурса на лучшую научную книгу. В том же году В.М. Баранову присуждена Высшая юридическая премия «Фемида» в номинации «За вклад в развитие науки».

Владимир Михайлович с юности увлечен автопутешествиями, настольным теннисом. Коллекционирует юридическую литературу Российской Империи и книги серии «Жизнь замечательных людей». Владимир Михайлович — счастливый человек. Большой ученый, часто опережающий время, блестящий педагог, яркий оратор, выступления которого — всегда событие, выдающийся организатор науки. При этом сохранивший живую душу, теплом которой согревается множество людей. Он полон жизни, научного поиска и творческих планов. Многая и благая лета Вам, Владимир Михайлович, Вашей супруге — профессору Марине Владимировне Барановой, родным и близким!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология юридического анекдота / сост. В.М. Баранов и др. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
2. Антология юридического некролога / автор идеи и сост. В.М. Баранов. 3-е изд., доп. М., 2019.
3. Баранов В.М. Истинность норм советского права (проблемы теории и практики): автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 1990.
4. Баранов В.М. Норморайтер как профессия // Вестник СГАП. 2017. № 6. С. 16–29.
5. Баранов В.М. Поощрительная норма советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1975.
6. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1978.
7. Баранов В.М., Баранова М.В., Кроткова Н.В. Правовая экспертиза: наука, практическое искусство или ремесло? Обзор XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» // Государство и право. 2021. № 11. С. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520017530-4
8. Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)») // Государство и право. 2022. № 12. С. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520023457-3
9. Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Правовая аналитика в фокусе междисциплинарности. Обзор XXV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятель-

- ности» // Государство и право. 2023. № 12. С. 225–238. DOI: 10.31857/S102694520029371-9
10. Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Правовое экспериментирование: достижения, просчеты, перспективы. Обзор XXVI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» // Государство и право. 2024. № 12. С. 190–207. DOI: 10.31857/S1026945224120181
 11. Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Междунар. «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова и др. Н. Новгород, 2007.
 12. Законодотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова: в 2 т. Н. Новгород, 2001.
 13. Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009.
 14. Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Междунар. симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года). Н. Новгород, 2008.
 15. Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2002.
 16. Правотворческие ошибки: понятия, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: сб. / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М., 2008.
 17. Проблемы юридической техники: сб. ст. Н. Новгород, 2000.
 18. Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2003.
 19. Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / авт.-сост. В.М. Баранов. М., 2010.
 20. Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 333–502.
 21. Юридическая техника: природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / сост.: В.М. Баранов, Н.А. Климентьева. 2-е изд., доп. и перераб. Н. Новгород, 2005.
 4. Baranov V.M. Standard writer as a profession // Herald of the SSAP. 2017. No. 6. Pp. 16–29 (in Russ.).
 5. Baranov V.M. The incentive norm of Soviet socialist law: abstract ... PhD in Law: 12.00.01. Saratov, 1975 (in Russ.).
 6. Baranov V.M. Incentive norms of Soviet socialist law / ed. by M.I. Baitin. Saratov, 1978 (in Russ.).
 7. Baranov V.M., Baranova M.V., Krotkova N.V. Legal expertise: science, practical art or craft? Review of the XXIII International Scientific and Practical Forum “Yurtechnetics” on the topic “Law-making expertise (doctrine, practice, technique)” // State and Law. 2021. No. 11. Pp. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520017530-4 (in Russ.).
 8. Baranov V.M., Krotkova N.V., Baranova M.V. Dynamism and stability of legislation: the dialectic of the functioning of science, practice, technology (Review of the XXIV International Scientific and Practical Forum “Yurtechnetics” on the topic “Changes in legislation (doctrine, practice, technology)” // State and Law. 2022. No. 12. Pp. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520023457-3 (in Russ.).
 9. Baranov V.M., Krotkova N.V., Baranova M.V. Legal analytics in the focus of interdisciplinarity. Review of the XXV International Scientific and Practical Forum “Yurtechnetics” on the topic “Legal analytics: intellectual technologies of legal activity” // State and Law. 2023. No. 12. Pp. 225–238. DOI: 10.31857/S102694520029371-9 (in Russ.).
 10. Baranov V.M., Krotkova N.V., Baranova M.V. Legal experimentation: achievements, miscalculations, prospects. Review of the XXVI International Scientific and Practical Forum “Yurtechnetics” on the topic “Experiment in legal regulation (doctrine, practice, technique)” // State and Law. 2024. No. 12. Pp. 190–207. DOI: 10.31857/S1026945224120181 (in Russ.).
 11. Legislative definition: logical-epistemological, political-legal, moral-psychological and practical problems: proceedings of the International “Round Table” (Chernivtsi, September 21–23, 2006) / ed. by V.M. Baranov et al. N. Novgorod, 2007 (in Russ.).
 12. Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement: collection of articles / ed. by V.M. Baranov: in 2 vols. Nizhny Novgorod, 2001 (in Russ.).
 13. Codification of legislation: theory, practice, technique: materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, September 25–26, 2008) / ed. by V.M. Baranov, D.G. Krasnov. N. Novgorod, 2009 (in Russ.).
 14. Specification of legislation as a technical and legal method of normative, interpretative, law enforcement practice: proceedings of the International the symposium (Gelendzhik, September 27–28, 2007). N. Novgorod, 2008 (in Russ.).
 15. Rule-making in Russian municipalities: content, technique, effectiveness: collection of articles / ed. by V.M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2002 (in Russ.).
 16. Law-making errors: concepts, types, practice and technique of elimination in post-Soviet states: collection / ed. by V.M. Baranov, I.M. Matskevich. M., 2008 (in Russ.).
 17. Problems of legal technology: collection of articles. N. Novgorod, 2000 (in Russ.).

REFERENCES

18. Russian and European human rights systems: correlation and problems of harmonization: collection of articles / ed. by V.M. Baranov. N. Novgorod, 2003 (in Russ.).
19. The technique of law-making. Nature, basic techniques, meaning: a retrospective bibliographic index / author-comp. V.M. Baranov. M., 2010 (in Russ.).
20. Legal science and practice. Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2. Pp. 333–502 (in Russ.).
21. Legal technique: nature, basic techniques, meaning: a retrospective bibliographic index / comp.: V.M. Baranov, N.A. Klimentieva. 2nd ed., supplement and rev. N. Novgorod, 2005 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
член Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации; 109012 г. Москва,
Б. Черкасский пер., д. 9

Authors' information

EBZEEV Boris S. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Member of the Central Election Commission
of the Russian Federation; 9 B. Cherkassky Lane,
109012 Moscow, Russia

УДК 341.9

КОДИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА ФРАНЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2025 г. Н. Ю. Ерпылева*, И. В. Гетьман-Павлова**, А. С. Касаткина***

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

*E-mail: natasha.erpyleva@rambler.ru

**E-mail: getmanpav@mail.ru

***E-mail: akasatkina@hse.ru

Поступила в редакцию 15.05.2025 г.

Аннотация. В марте 2022 г. был опубликован проект Кодекса международного частного права Франции. Этот проект представляет собой огромное событие не только для Франции, но и для всего мирового юридического сообщества. Если Кодекс будет принят, его вступление в силу кардинально изменит французское международное частное право и окажет серьезное влияние на дальнейшее развитие кодификационных процессов как в других европейских странах, так и в рамках Европейского Союза в целом. Цель настоящей статьи — ознакомить российского читателя с историей кодификации международного частного права Франции, с общей концепцией и структурой проекта 2022 г., акцентируя особое внимание на принципиальной новации в оценке характера коллизионных норм. В современной французской практике коллизионные нормы имеют факультативный характер (кроме норм, определяющих компетентное право по вопросам личного статуса и правоспособности) и применяются судьями по собственному усмотрению. В проекте записывается императивный характер коллизионных норм — судья обязан их применять во всех ситуациях, когда спор затрагивает сферу международного частного права. Проект в целом представляет собой полномасштабную комплексную автономную кодификацию международного частного права, выстроенную по классической «триаде Чешира»: определение компетентной юрисдикции — определение компетентного права — признание и исполнение иностранных решений. При этом структура проекта не является ригидной, а учитывает особое место общих положений международного частного права и обеспечительных мер. Объем проекта составляет 207 статей, превышая, таким образом, действующие национальные кодификации в других странах. Поставленные в исследовании задачи решаются с помощью проверенной юридической методологии — с использованием исторического, формально-логического и сравнительно-правового методов. Сделан вывод, что, несмотря на активные универсальные и региональные процессы унификации международного частного права, его национальное измерение не утрачивает своих позиций, и национальная кодификация международного частного права остается востребованной и актуальной. К сожалению, через три года после опубликования проекта о его движении нет официальных данных, и существует вероятность, что его судьба будет повторением судьбы трех предшествующих проектов кодификации французского международного частного права.

Ключевые слова: международное частное право, кодификация, Франция, проект Кодекса международного частного права, «триада Чешира», авторитет коллизионных норм.

Цитирование: Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. Кодификация международного частного права Франции: эволюция коллизионного регулирования // Государство и право. 2025. № 8. С. 138–153.

DOI: 10.31857/S1026945225080141

CODIFICATION OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW OF FRANCE: EVOLUTION OF CONFLICT-OF-LAWS REGULATION

© 2025 N. Yu. Erpyleva*, I. V. Get'man-Pavlova**, A. S. Kasatkina***

National Research University Higher School of Economics, Moscow

*E-mail: natasha.erpyleva@rambler.ru

**E-mail: getmanpav@mail.ru

***E-mail: akasatkina@hse.ru

Received 15.05.2025

Abstract. In March 2022, the draft Code of Private International Law of France was published. This project is a huge event not only for France, but also for the entire global legal community. If the Code is adopted, its entry into force will radically change the French Private International Law and will have a serious impact on the further development of codification processes both in other European countries and within the European Union as a whole. The purpose of this article is to familiarize the Russian readers with the history of the codification of French Private International Law, with the general concept and structure of the 2022 draft, focusing on a fundamental innovation in assessing the nature of conflict-of-laws rules. In modern French practice, conflict-of-laws rules are optional (except for the rules defining the competent law on personal status and legal capacity) and are applied by judges at their own discretion. The draft records the imperative nature of conflict-of-laws rules – the judge is obliged to apply them in all situations where the dispute affects the sphere of Private International Law. The 2022 draft as a whole is a full-scale comprehensive autonomous codification of Private International Law, built according to the classic “Cheshire triad”: definition of competent jurisdiction – definition of competent law – recognition and enforcement of foreign judgments. At the same time, the draft structure is not rigid, but takes into account the special place of the general provisions of Private International Law and security measures. The volume of the draft is 207 articles, thus exceeding the current national codifications in other countries. The tasks set in the study are solved using a proven legal methodology – historical, formal logical and comparative legal methods. It is concluded that despite the active universal and regional unification processes of Private International Law, its national dimension does not lose its positions, and the national codification of Private International Law remains in demand and relevant. Unfortunately, in three years after the publication of the 2022 draft, there is no official data on its movement, and there is a possibility that its fate will be a repeat of the fate of the three previous drafts of Private International Law Code.

Key words: Private International Law, codification, France, draft Code of Private International Law, “Cheshire triad”, authority of conflict-of-laws rules.

For citation: Erpyleva, N. Yu., Get'man-Pavlova, I.V., Kasatkina, A.S. (2025). Codification of Private International Law of France: evolution of conflict-of-laws regulation // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 8, pp. 138–153.

Введение

Международное частное право Франции — одно из самых парадоксальных явлений как в истории нашей науки, так и в специфике законодательного регулирования трансграничных частных отношений. Французские ученые стояли у самых истоков зарождения учения о коллизии законов¹, французская судебная практика сталкивается с необходимостью решения коллизионных вопросов

с начала XIII в.², первая кодификация отдельных коллизионных норм произведена в 1804 г. — казалось бы, есть все основания опережать другие страны по уровню развития национального международного частного права. Учитывая при этом, что и в наше время французская школа международного частного права — одна из ведущих в мире, лидерство этой страны являлось бы вполне ожидаемым и естественным.

Между тем международное частное право Франции, в котором царит «прецедентное право по-французски» (в том смысле, что решения

¹ Один пример: Вильгельм Дурантис (Гийом Дюран — Guilelmus Durantis, Wilhelmus Durantis) — знаменитый французский юрист, клирик и канонист, в своей знаменитой энциклопедии “Speculum judiciaire sen juris” (1265–1275) пишет о коллизиях законов и предлагает решения ряда конфликтных казусов.

² См.: Ancel B. Histoire du droit international privé. Paris, 2008. Pp. 10, 54.

Кассационного суда не являются прецедентами в классическом их понимании, а наоборот, Суд постоянно меняет свои собственные подходы), находится в трудноустановимом состоянии. Сами французские ученые подчеркивают парадоксальность того, что «правовая система страны, так рано испытывавшая благотворное влияние кодификации, не подвергалась ей в сфере международного частного права»³. В течение XX в. во Франции был предпринят целый ряд попыток принять автономный закон о международном частном праве, но все они окончились неудачей. В 1950–1967 гг. было подготовлено три масштабных проекта, в разработке которых принимали участие не только ученые, но и практикующие юристы, и чиновники Министерства юстиции, но все их труды не получили легального воплощения — они даже не рассматривались как законопроекты.

В течение почти 50 лет после 1970 г. вопросы кодификации международного частного права поднимала только доктрина, да и то не особо активно. Многие представители академического сообщества отказались от идеи национальной кодификации международного частного права, считая, что время для этого упущено, и в современных условиях безусловный приоритет имеет разработка общеевропейского регулирования. По этому поводу в литературе с истинно французской куртуазностью отмечалось: «Французская кодификация — это старая леди, чей брак с международным частным правом ждали так долго, что мы, кажется, должны смириться с тем, что она останется старой девой»⁴.

Однако в 2010-х годах настроения изменились, как представляется, в том числе и в связи с тем, что унификация европейского международного частного права идет медленно, является фрагментарной, оставляя большинство вопросов на откуп национального регулятора (в частности, так и не удалось выработать регламент «Рим 0», который должен был быть посвящен институтам Общей части международного частного права). В 2018 г. министр юстиции Н. Беллубе (N. Belloubet) поручила известному ученому и почетному председателю Первой гражданской палаты Кассационного суда Ж.-П. Анселю (J.-P. Ancel) создать и возглавить Рабочую группу для «размышления над проектом кодификации французского международного частного права»⁵. В марте 2022 г. проект Кодекса

международного частного права был обнародован и вынесен на обсуждение общественности.

Проект Кодекса — это попытка полномасштабной автономной комплексной кодификации международного частного права (207 статей — по объему больше любого из действующих в других странах закона). В рамках одной статьи, естественно, невозможно дать какой-либо подробный анализ этого интереснейшего документа, все нормы которого заслуживают отдельного исследования. Ввиду этого мы вынуждены ограничиться только тремя аспектами: 1) история вопроса; 2) общая структура проекта; 3) «авторитет» коллизионных норм.

1. История вопроса

Попытки кодификации французского международного частного права предпринимались в течение 1920–1970 гг. Первый проект был подготовлен Обществом законодательных исследований (*Société d'Etudes Législatives*) в 1929 г., второй — Французским комитетом международного частного права (*Comité Français de Droit International Privé*) в 1939 г.⁶ Оба проекта были полностью академическими и по разным причинам (в том числе текущим историческим) какого-либо широкого отклика и практических обсуждений не получили. После Второй мировой войны идея кодификации снова актуализировалась в немалой степени в связи с готовящейся реформой Французского гражданского кодекса. Между 1948 и 1950 гг. в рамках Комиссии по реформе Гражданского кодекса был подготовлен «проект Нибуайе»⁷, опубликованный в 1955 г. «Проект Нибуайе» предполагал масштабную переработку легального французского международного частного права, на тот период времени самым минимальным образом отраженного в законодательстве.

Он состоял из 150 статей, сгруппированных в семь глав и детально регламентирующих: положение иностранцев, определение места жительства, вопросы применимого права и юрисдикции французских властей, особенности судопроизводства по делам сферы международного частного права, признание и приведение в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений⁸. Необходимо при этом подчеркнуть, что «проект Нибуайе» не предполагал принятия автономного закона о международном частном праве, более того, не планировалось даже принятия отдельной Книги

³ Remy B. Les codifications récentes du droit international privé // *Revue internationale de droit comparé*. 2010. No. 2. P. 291.

⁴ Guillemard S., Prujiner A. La codification internationale du droit international privé: un échec? // *Les Cahiers de droit*. 2005. Vol. 46 (1–2). P. 180.

⁵ Projet de code de droit international privé. Rapport du Groupe de travail présidé par Jean-Pierre Ancel. Mars 2022. Pp. 6, 7. Available at: URL: <https://www.cfdir.fr/wp-content/uploads/2024/10/>

Rapport_projet-de-code_mars-2022.pdf (дата обращения: 10.05.2025)

⁶ См.: Delaume G.R. A Codification of French Private International Law // *Canadian Bar Review*. 1951. No. 29. P. 723.

⁷ Назван по имени его основного автора — проф. Ж.-П. Нибуайе (J.-P. Niboyet).

⁸ См.: Remy B. Op. cit. P. 292.

ФГК, посвященной международному частному праву. Новые нормы планировалось поместить во Вводный титул ФГК⁹, дополняя и развивая таким образом наполеоновскую кодификацию 1804 г.

В литературе звучали оценки «проекта Нибуайе» как крайне консервативного «в своей почти постоянной опоре на существующую судебную практику», просто воспроизводящего большую часть классических и исторических принципов французского международного частного права, выведенных из прецедентного права¹⁰. «Важное меньшинство» (т.е. большинство юристов-практиков) выступило против кодификации, посчитав, что международное частное право еще не созрело для кодификации, которая могла бы парализовать его развитие¹¹. Сами составители проекта признавали, что многие вопросы пока не подлежат кодификации из-за неопределенности или отсутствия практики, поэтому необходимо сформулировать достаточно общий свод норм, но не разрабатывать окончательный и подробный кодекс, способный затруднить эволюцию прецедентного права. В текст много раз вносились поправки, тем не менее, в целом реакция на «проект Нибуайе» была неблагоприятной¹², и в процессе разработки он «сошел на нет»¹³.

С ретроспективно-исторических позиций «проект Нибуайе» (и его окончательный вариант, и предварительные наработки) представляет большой исследовательский интерес с точки зрения анализа как положительных, так и отрицательных моделей для регулирования отношений сферы международного частного права. Например, ст. 29 (не вошедшая в утвержденный текст) предусматривала возможность отказа от применения иностранного права на условиях негативной коллизионной взаимности¹⁴. Даже для того времени это являлось проявлением «юридического шовинизма» и опасной новеллой, порождавшей риски внесения политических соображений в разрешение

частноправовых ситуаций¹⁵. В наше время во многих законодательствах закреплён прямо противоположный подход, презюмирующий наличие коллизионной взаимности¹⁶.

К сожалению, для целей настоящей статьи следует ограничиться только следующим моментом: «проект Нибуайе» представлял собой серьезный шаг в сторону комплексной автономной кодификации международного частного права. Во-первых, наличие вводного титула к акту кодификации гражданского права «обособляет», «автономизирует» содержащиеся в таком законе нормы от иных положений кодекса. Во-вторых, наличие в Гражданском кодексе не только правил выбора применимого права, но и норм международного гражданского процесса — это уже не просто внутриотраслевая, а внутриотраслевая комплексная форма кодификации международного частного права. В-третьих, сам объем предлагаемого Вводного титула (150 статей) волей-неволей сделал бы этот раздел самостоятельной частью Французского гражданского кодекса.

Неудача «проекта Нибуайе» не заставила академическое сообщество Франции отказаться от идеи кодификации, и Комитет по международному частному праву подавляющим большинством голосов высказался в пользу продолжения работы. Новый «проект Батиффоль»¹⁷ был утвержден Комиссией по реформе Гражданского кодекса в 1959 г., но опубликован только в 1970 г. Он был неизмеримо менее амбициозен, нежели «проект Нибуайе», и состоял всего из 21 статьи, затрагивающих вопросы правового положения иностранцев, выбора права и юрисдикции. По своему духу «проект Батиффоль» был менее доктринальным и в большей степени соответствующим духу времени¹⁸, однако проиграл в конкуренции разработанному параллельно «проекту Фуайе»¹⁹ (хотя лег в его основу).

«Проект Фуайе» разрабатывался в 1965–1969 гг. Комиссией, специально организованной при Канцелярии Министерства юстиции. Эта Комиссия

⁹ См.: *Delaume G.R.* Op. cit. P. 723.

¹⁰ См.: *ibid.* Op. cit. P. 748.

¹¹ См.: *Loussouarn Y.* The French Draft on Private International Law and the French Conference on Codification of Private International Law // *The International and Comparative Law Quarterly*. 1956. Vol. 5. No. 3. P. 393.

¹² См.: *Nadelmann K.H., von Mehren A.T.* A French Draft of a Law on Private International Law // *The American Journal of Comparative Law*. 1970. Vol. 18. No. 3. P. 614. Например, при голосовании в Комитете по МЧП примерно треть его членов заявила о принципиальной нежелательности проекта, «поскольку он слишком сильно ограничивал судей» (см.: *Remy B.* Op. cit. P. 294).

¹³ *Remy B.* Op. cit. P. 292.

¹⁴ «Правительство в распоряжениях, принятых с одобрения Государственного совета, может принять решение о том, что французские суды не должны применять законодательство страны, которая сама не применяет французские законы в идентичных обстоятельствах» (цит. по: *Delaume G.R.* Op. cit. P. 733).

¹⁵ См.: *ibid.*

¹⁶ См., напр.: ст. 1189 ГК РФ, ст. 1098 ГК Беларуси, ст. 2.561 ГК Румынии, ст. 47 Кодекса международного частного права Болгарии. Если не указано иное, тексты упоминаемых в статье законодательных актов иностранных государств и их переводы русский язык, а также акты ЕС даны по: Проектная группа «Современная конструкция международного частного права» [Electronic resource]. Available at URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/> (дата обращения: 15.05.2025).

¹⁷ Назван по имени его основного автора — проф. А. Батиффоль (H. Batiffol).

¹⁸ См.: *Remy B.* Op. cit. P. 293.

¹⁹ Назван по имени Ж. Фуайе (J. Foyer), занимавшего в то время должность Хранителя Большой печати Франции (соответственно, и министра юстиции).

состояла как из ученых, так и судей, и других практикующих юристов, в связи с чем итоговый текст был более прагматичным, чем предыдущие. В литературе отмечалось, что «проект Фуайе» знаменует собой «затопление кодифицированным французским правом важного островка все еще существующего обычного права» и направлен на утверждение прецедентного права там, где оно хорошо устоялось, и на принятие законодательного решения там, где прецедентное право не отличается единообразием²⁰.

«Проект Фуайе» по объему очень сильно уступал «проекту Нибуайе», но был больше «проекта Батиффолья», — он включал 37 статей, посвященных, преимущественно, выбору применимого права. Регулирование вопросов международного гражданского процесса отсутствовало, за исключением одной нормы, подчинявшей процедуру разбирательства процессуальному праву суда. Таким образом, это было серьезное отступление от идеи комплексной всеобъемлющей автономизации международного частного права. Об этом свидетельствует и место, которое нормы международного частного права должны были занять во Французском гражданском кодексе — уже не во Вводном титуле, а в кн. IV «Право, применимое в международном частном праве»²¹. В результате международное частное право позиционировалось не как самостоятельная отрасль права, а как одна из подотраслей гражданского права.

«Проект Фуайе», как и предыдущие проекты, не увенчался успехом — «смена Хранителя печатей»²² свела на нет проект вскоре после завершения его разработки»²³. Разумеется, причина неудачи заключается далеко не только в административно-бюрократической смене ответственного должностного лица. Основная причина любой несостоявшейся кодификации — это отсутствие истинной политической воли²⁴. По-видимому, французский законодатель просто не видел острой необходимости в подобной кодификационной работе. К тому же попытки кодификации международного частного права всегда и везде вызывают прямо противоположное отношение: кто-то считает, что международное частное право — это правовой конгломерат, состоящий из норм различных отраслей права, который по определению невозможно систематизировать; либо что чрезмерное

обилие теоретических учений не позволит создать сбалансированный законодательный акт; либо что универсальные и региональные унификационные процессы сделали нецелесообразной реализацию любых кодификационных инициатив национального законодателя; либо что сам принцип кодификации оказывает негативное воздействие на развитие «живого права», потому что ограничивает свободу судейского усмотрения.

Во всяком случае на протяжении последующих почти 50 лет французский законодатель не возвращался к идее всеобъемлющей кодификации международного частного права, отдав предпочтение добавлению во Французский гражданский кодекс отдельных специальных правил выбора применимого права (к расторжению брака, легитимации, усыновлению и др.). Кроме того, международное частное право Франции динамично развивалось за счет имплементации в национальное право «международного измерения МЧП» — активного участия страны в конвенциях Гаагской конференции по международному частному праву и регламентах ЕС (в том числе в рамках расширенного сотрудничества). При этом многие представители французской доктрины отмечали, что такая «частичная кодификация» отдельных вопросов не столь удовлетворительна по сравнению с целостной кодификацией, поскольку представляет собой лишь добавление отдельных разрозненных норм, в котором отсутствует последовательность, прежде всего с методологической точки зрения. Кодификация — это комплексная работа по систематизации, а не простое суммирование правовых норм²⁵. В академическом сообществе Франции сохранялась идея разработать автономный закон о международном частном праве/международном гражданском процессе²⁶.

Наконец, в 2018 г. снова была проявлена политическая воля — министр юстиции Н. Беллуме поручила известному ученому и почетному председателю Первой гражданской палаты Кассационного суда Ж.-П. Анселю создать и возглавить Рабочую группу для «размышления над проектом кодификации французского международного частного права»²⁷. Хотелось бы подчеркнуть, что Министерство юстиции «вернуло кодификацию на чертежную доску»²⁸ не только благодаря усилиям представителей доктрины. Юристы-практики выразили не меньшую заинтересованность в наличии единого

²⁰ См.: *Nadelmann K.H., von Mehren A.T.* Op. cit. P. 614.

²¹ Ibid. Pp. 618–622.

²² То есть уход Ж. Фуайе с поста министра юстиции.

²³ *Remy B.* Op. cit. P. 293.

²⁴ См.: *Clavel S., Saclay P.* Projet de code de DIP [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/dossier/projet-de-code-de-dip> (дата обращения: 15.05.2025).

²⁵ См.: *Remy B.* Op. cit. P. 295.

²⁶ См., напр.: *Guillemard S., Prujiner A.* Op. cit. Pp. 175–192.

²⁷ *Projet de code de droit international privé. Rapport du Groupe de travail preside par Jean-Pierre Ancel.* Pp. 6, 7.

²⁸ *Foussard D., Niboyet M.-L., Nourissat C.* Réflexions méthodologiques sur le projet de code de droit international privé // *Revue critique de droit international privé.* 2022. No. 3. P. 479.

писаного закона о международном частном праве — в частности, на 115-м Конгрессе французских нотариусов (2019) прозвучал призыв «принять кодекс международного частного права, включающий нормы права и действующих законов и предусматривающий их согласование с международными конвенциями и европейскими нормами»²⁹. Не случайно в связи с этим в состав Рабочей группы вошли как университетские профессора, судьи и советники Кассационного суда, так и практикующие юристы — адвокат, нотариус.

Итогом более чем трехлетней деятельности Рабочей группы стал объемный и масштабный проект Кодекса международного частного права (207 статей), который весной 2022 г. был опубликован Министерством юстиции; одновременно Министерство начало публичные консультации, чтобы «дать возможность всем заинтересованным сторонам высказать свои замечания по проекту кодекса»³⁰; заинтересованным сторонам предложено представить свои комментарии до конца ноября 2022 г. В октябре 2022 г. проект был представлен на итоговое обсуждение Комитету по международному частному праву.

2. Общая характеристика проекта

Структура проекта отражает задачу, четко сформулированную министром юстиции: «Подготовить текст, в котором должны быть представлены в максимально последовательной форме нормы, относящиеся к трем основным вопросам: международной юрисдикции французских судов, коллизионного права, а также признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений»³¹. В соответствии с этим проект концептуально представляет собой трехчастную кодификацию международного частного права/международного гражданского процесса, отражающую знаменитую «триаду Чешира»: выбор юрисдикции — выбор применимого права — признание / исполнение иностранных актов. Подобная форма кодификации — это оптимальный вариант законодательного регулирования трансграничных частных отношений, воспринятый в глобальном масштабе; кроме того, такой комплексный подход отражает предпочтительный законодательный метод, применяемый в настоящее время в ЕС³².

При этом структура проекта отнюдь не является ригидной; коллизионные и процессуальные блоки норм выстраиваются гармоничным и гибким образом. Проект состоит не из четырех книг (как можно было бы предположить исходя из концепции трехчастной кодификации)³³, а из шести, принципиально различных по объему, охвату регулируемых проблем, значимости с точки зрения целей кодификации³⁴. Книги разбиты на титулы, титулы — на главы, далее — разделы и подразделы, в общей сложности составляющие 207 статей.

Для целей системного восприятия регулирования и дисциплины в целом наиболее важной, естественно, является кн. I — Общие положения. Что особенно интересно — книга разбита на «общие общие» (как для решения коллизионного вопроса, так и для выбора юрисдикции) правила (ст. 1–4) и «специальные общие» правила (отдельно для выбора применимого права, отдельно — для определения компетентной юрисдикции). В немецкой доктрине отмечается, что такое решение «кажется особенно впечатляющим и разумным»³⁵. К этой оценке можно присоединиться, но серьезных инноваций здесь нет — точно такая же модель закреплена в Кодексе международного частного права Бельгии; похожий подход предложил законодатель Монако; еще раньше — швейцарский и итальянский законодатели³⁶.

То, что нормы об определении личного закона физических лиц, понятия их domicilio и обычного места нахождения позиционируются как «общие общие» правила и предшествуют всему остальному тексту, неудивительно: это отражение традиционной французской концепции о том, что право иностранцев — часть международного частного права. Разумеется, что материально-правовые (в основном, из области административного права) нормы о статусе иностранцев в современном законодательстве по международному частному праву не включаются. Однако коль скоро речь

³³ Во всех трехчастных кодификациях, как правило, четыре раздела: нормы Общей части международного частного права всегда «выносятся за скобки».

³⁴ I — Общие правила, II — Особые правила, III — Процедура, IV — Признание и приведение в исполнение иностранных актов и судебных решений, V — Обеспечительные меры, VI — Переходные положения (см.: *Projet de code de droit international privé* [Electronic resource]. Available at URL: <https://alaindeversavocat.com/wp-content/uploads/2023/02/Projet-de-Code-de-DIP-mars-2022.pdf> (дата обращения: 15.05.2025)).

³⁵ *Leible S., Wilke F.-M.* Op. cit. P. 509.

³⁶ Разделы 1–3 Кодекса международного частного права Бельгии, ст. 1–2 Кодекса международного частного права Монако. В ст. 1 Закона о международном частном праве Швейцарии и ст. 1–2 Закона о международном частном праве Италии охват «общих общих» правил уже — они не включают положения об определении личного закона физических и юридических лиц.

²⁹ *Foussard D., Niboyet M.-L., Nourissat C.* Op. cit. P. 482.

³⁰ *Lagarde P.* Quelques remarques sur le projet de codification du droit international privé français // *Revue critique de droit international privé*. 2022. No. 3. P. 516.

³¹ *Projet de code de droit international privé. Rapport du Groupe de travail preside par Jean-Pierre Ancel.* P. 67.

³² См.: *Leible S., Wilke F.-M.* Le Projet de Code de Droit International Privé — A View from Germany // *Revue critique de droit international privé*. 2022. No. 3. P. 508.

идет о ситуации, которая «подпадает под действие международного частного права, если в ней присутствует иностранный элемент» (ст. 1), то прежде всего необходимо определить статус субъекта — подчиняется ли он французскому или иностранному праву (ст. 2–4).

«Специальные общие» правила сгруппированы в два титула (Титул I — применимое право, Титул II — юрисдикционная компетенция) (ст. 5–33), при этом общие положения коллизионного права предшествуют общим юрисдикционным принципам. Такую очередность нельзя признать удачной, она ведет к логической инверсии, поскольку сначала всегда имеет место решение вопросов подсудности и только потом — вопросов компетентного закона. Солидарная позиция высказывается немецкими и бельгийскими учеными, которые указывают на нарушение логики последовательности, учитывая, тем более, что далее в специальных книгах проекта юрисдикционные нормы всегда располагаются перед нормами, определяющими применимое право³⁷. Хотелось бы надеяться, что в окончательном варианте Кодекса французские авторы учтут мнение их зарубежных коллег.

Общие правила Титула I представляются самыми интересными, поскольку их формулировка и легальное закрепление — это настоящая революция в развитии французского международного частного права. При этом разработчикам удалось добиться разумного баланса между традиционными и новаторскими подходами, сохранив достижения обычного и прецедентного права и добившись одновременной модернизации важнейших институтов Общей части международного частного права. Каждая статья заслуживает подробного полноценного анализа; мы, к сожалению, вынуждены ограничиться лишь самым беглым обзором.

Все положения Общей части международного частного права (кроме двух защитных оговорок о публичном порядке в позитивном и негативном вариантах) целиком и полностью представляют собой законодательную новеллу. Эти нормы никогда не знали легального закрепления во французском праве; они сформированы доктриной, обычным правом и судебной практикой. Необходимость их фиксации в писаном праве очевидна и не вызывает сомнений у современного кодификатора; во всех французских проектах 1950–1960 гг. они, естественно, также включались в предлагаемый текст. С уверенностью можно предположить, что если

нынешний проект станет законом, нормам Общей части международного частного права в нем будет отведено заслуженное место.

Институты Общей части, которые предлагается урегулировать законодательно: 1) сфера действия закона, его соотношение с международным изменением МЧП и принцип верховенства международного права (ст. 1); 2) методы международного частного права — коллизионный, материально-правовой (имеет приоритет), процедурного признания (ст. 5); 3) квалификация юридических понятий (ст. 6); 4) комплекс защитных оговорок: а) о публичном порядке в позитивном варианте (ст. 7), б) о публичном порядке в негативном варианте (ст. 11), в) о запрете обхода закона (ст. 12); 5) институт обратной отсылки (*renvoi*) (ст. 8); 6) обязательный характер коллизионных норм, возможность процедурных соглашений (ст. 9); 7) доказывание содержания иностранного права перед регистратором (ст. 10); 8) применение иностранного права (теория правового использования) (ст. 13); установление содержания иностранного права (ст. 14).

Даже с первого взгляда, ориентируясь только на кратчайший смысл нормы без какого-либо самого беглого анализа, прекрасно виден истинно национальный французский дух предлагаемого регулирования. Если сравнивать с трехчастными кодификациями в других континентальных странах³⁸, взяв при этом исключительно страны романской правовой семьи³⁹, сразу заметны коренные отличия, традиционные для французского международного частного права, — прямое закрепление процедурного признания как самостоятельного метода международного частного права (альтернативного коллизионному)⁴⁰, возможность отказаться от применения коллизионных норм, возложение бремени доказывания иностранного права на сторону. Безотносительно к тому, чего больше в таком подходе — достоинств или недостатков, хотелось бы подчеркнуть: национальная природа международного частного права одерживает верх. Несмотря на все процессы интернационализации, глобализации, европеизации и унификации, несмотря на сущностное и структурное сходство большинства современных законов о международном частном праве, оно сохраняет свой изначально национальный характер и всегда будет привязано к собственной национальной традиции.

³⁸ Например, Швейцария, Чехия, Венгрия, Хорватия.

³⁹ Италия, Бельгия, Монако.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Тариканов Д. В. Метод процедурного признания как антипод коллизионного метода в международном частном праве // Междунар. публичное и частное право. 2022. № 6. С. 25–29.

³⁷ См.: *Leible S., Wilke F.-M.* Op. cit. P. 509; *Fallon M.* Les règles générales sur le droit applicable du projet de code à la lumière de l'expérience du code Belge // *Clavel S.* Projet de code de droit international privé: Effets des jugements et des actes publics étrangers. Travaux du Comité français de droit international privé, 2020–2022. Paris, 2023.

Во французской литературе «еще до начала работы Рабочей группы некоторые авторы высказывали мнение, что время создания национального кодекса международного частного права прошло, и что сегодня, спустя более чем полвека после провала проекта Фуае 1967 года, практикам международного частного права необходима кодификация международного частного права Европейского союза... Существование двух сводов писаных правил, один из которых — европейский, естественное призвание которого — развиваться за счет второго — национального, рискует привести к недоразумениям, блокированию и усложнению развития европейского права»⁴¹.

Согласиться с этой позицией не представляется возможным. Национальные кодификационные и международные унификационные процессы идут одновременно и параллельно, не отменяя и не заменяя, а взаимно дополняя и обогащая друг друга. Представляется, что правы ученые, утверждающие полезность принятия национального кодекса по международному частному праву, который «может послужить основной точкой доступа ко всем вопросам, связанным с международным частным правом, повышая правовую ясность»⁴². В особенности это актуально для государства, где международное частное право в основном разрабатывается судами, но законодательство является основной отправной точкой для любого правового анализа. Франция относится к таким государствам.

Кодификация институтов Общей части международного частного права в проекте однако отнюдь не является исчерпывающей. Нет норм о применении права страны с множественностью правовых систем, соответственно, о разрешении интерлокальных, интертемпоральных и интерперсональных коллизий⁴³; о применении иностранного права вне зависимости от наличия коллизионной взаимности. Не предложены также модели коллизионного решения предварительных и побочных вопросов, адаптации и замещения. Между тем регулирование этих коллизионных проблем уже закреплено в законодательстве различных стран — Бельгии, Италии, Нидерландов, многих государств Латинской Америки. Во французской доктрине есть богатые теоретические наработки по всем этим вопросам, а во французском прецедентном праве — известная с XIX в. практика разрешения, в частности, интерперсональных коллизий⁴⁴. Вве-

дение данной проблематики в проект могло бы принести пользу судебной практике и послужить хорошим примером для законодательных моделей в иных юрисдикциях.

«Специальные общие» правила для определения юрисдикционной компетенции (Титул II, ст. 15–33) также представляют собой легальную новеллу. Прежде всего подтверждается правовой принцип распространения внутренних норм территориальной подсудности на международные дела. Среди положительных моментов следует отметить детальное регулирование механизма *lis alibi pendens* (ст. 22–24) и — чрезвычайно подробно — вопросов договорной подсудности (ст. 26–33). Явный негатив — сохранение консервативного французского подхода, закрепленного в ст. 14 и 15 ФГК: субсидиарным критерием международной подсудности выступает французское гражданство одной из сторон (ст. 17 проекта)⁴⁵. «Националистический и чрезмерный характер» данного критерия осознают и сами разработчики проекта, однако его решено было оставить в том виде, в каком он был установлен прецедентным правом, поскольку это «отвечает законным озабоченностям, которые очень хорошо выявлены практиками»⁴⁶.

Самая объемная часть проекта, естественно, — это кн. II «Особые правила» (ст. 34–129), посвященная институтам Особенной части международного частного права. Книга выстроена по традиционной институционной системе: лица, обязательства, вещи; сфера действия институций также является традиционно французской (например, вопросы наследования относятся к статусу лиц)⁴⁷. Однако классическая схема серьезно модернизирована, в частности, отдельный Титул V «Процедуры, применяемые к компаниям, находящимся в затруднительном положении» регламентирует трансграничное банкротство. Весь материал расположен по весьма корректной модели, около 40 лет назад предложенной швейцарским законодателем: сначала вопросы юрисдикции, потом — применимое право.

и Рабинович // Журнал Гражданского и Уголовного Права. 1879. Кн. 3 (Май — Июнь). С. 37–62.

⁴⁵ Отрицательные оценки сохранения в проекте юрисдикционного критерия гражданства высказаны и в зарубежной литературе: Yöney C. Mart 2022 Tarihli Fransız Milletlerarası Özel Hukuk Kanunu Tasarısının Genel Hükümlerine Dair Bazı Tespitler // Sakarya Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 2024. No. 12(2). P. 993; Leible S., Wilke F.-M. Op. cit. Pp. 511, 512.

⁴⁶ Projet de code de droit international privé. Rapport du Groupe de travail preside par Jean-Pierre Ancel. Pp. 16–18.

⁴⁷ В итоге в кн. II ее Титул I «Физические лица, имущество и неимущественное право семьи» занимает более половины объема — ст. 34–84.

⁴¹ Lagarde P. Op. cit. P. 517.

⁴² Leible S., Wilke F.-M. Op. cit. Pp. 506, 507.

⁴³ Косвенным образом решение таких коллизий предусматривает механизм ст. 13.

⁴⁴ См., напр.: Левенсон П. Наследницы русского откупщика перед парижским судом. Дело г-ж: Вуич, Гарфункель

Почти 100 статей Особенной части — это огромная, масштабная работа, представляющая собой весьма удачную попытку свести воедино все нормы позитивного французского международного частного права (прежде всего неписанные — из обычного и прецедентного права)⁴⁸, совместив их при этом с широким кругом международных обязательных положений. В проекте, кстати, довольно много материально-правовых норм, расположенных в разных статьях и разделах с тем, чтобы дать немедленный ответ на основной вопрос, если это является более корректным решением⁴⁹. В рамках настоящей статьи можно лишь обратить внимание на выработку юрисдикционных и коллизионных решений вопросов, новых для французского права. Среди таких вопросов: регулирование поддерживаемой медициной репродукции при помощи третьего лица-донора (ст. 62), проблемы суррогатного материнства (ст. 63), статус трастов и фондов (им посвящена отдельная гл. III (ст. 107–116)).

Специфической особенностью проекта⁵⁰ является наличие отдельной кн. III «Процедура». Прекрасное решение, аналоги которого уже известны мировой практике кодификации международного частного права, — законы Венгрии и Чехии также включают обособленные разделы, посвященные процессуальным вопросам рассмотрения трансграничных частных споров⁵¹. Во французском проекте правила международного гражданского процесса, таким образом, образуют последовательную внутреннюю подгруппу, своеобразный каскад: общие положения о юрисдикции (Титул I кн. I) — специальные юрисдикционные правила для всех институтов Особенной части (и для каждого института предусмотрены как общие, так и специальные положения)⁵² — процедурные правила, применимые

в ситуациях, подпадающих под действие международного частного права (кн. III).

Проект предлагает весьма подробное регулирование (ст. 130–165), устанавливающее внушительный спектр двусторонних процессуальных коллизионных норм, допускающих применение иностранных процедурных правил⁵³. Обращает на себя внимание наличие в этой книге специальных общих положений, в частности, установление особых требований к установлению содержания иностранных процессуальных норм (ст. 130). Общий постулат — судопроизводство во Франции подчиняется французскому праву — корректируется оговоркой «с учетом его адаптации к международным вопросам» (ст. 131). Во французской доктрине указывается, что таким образом «формулируется односторонняя коллизионная норма, столь же старая, сколь и неоспоримая», но отнюдь не процессуальный императив. Корректирующая оговорка обусловлена тем, что французские судьи давно признали за собой право «адаптировать» внутренние процессуальные нормы при их применении к международным делам. Эта способность к адаптации оправдывает широкую допустимость международных декларативных действий (ст. 135) и в конечном счете равносильна созданию материальных норм международного частного права, специфичных для международных процессуальных ситуаций⁵⁴.

В кн. IV «Признание и приведение в исполнение иностранных документов и судебных решений» (ст. 166–198) хотелось бы сделать акцент на ее Титуле II «Иностранные акты»⁵⁵. Проект включает специальную гл. II (ст. 195–198), посвященную иностранным нотариальным актам (что нехарактерно для кодификаций международного частного права в других странах, и представляет собой безусловное достоинство проекта), но даже такое новаторство является недостаточным, с точки зрения французских нотариусов. При обсуждении проекта практикующие юристы выступили с предложением расширить его за счет включения более широкого комплекса норм, регламентирующих нотариальную деятельность, поскольку «невозможно представить, чтобы нотариусы, которые являются государственными служащими, учеными юристами и практикующими юристами, не применяли

⁴⁸ В письме министра юстиции в качестве миссии Рабочей группы обозначено «перечислить все нормы международного частного права Франции, а также их применение, независимо от того, взяты ли они из прецедентного права или законодательных источников» (см.: *Projet de code de droit international privé. Rapport du Groupe de travail preside par Jean-Pierre Ancel*. P. 67).

⁴⁹ См.: *Foussard D., Niboyet M.-L., Nourissat C.* Op. cit. P. 491.

⁵⁰ В сравнении, например, с кодификациями Швейцарии, Италии, Бельгии, Монако.

⁵¹ Часть 2, разд. II «Положения о судопроизводстве» и ч. 5 «Правовая помощь в отношениях с иностранными государствами» Закона о международном частном праве Чехии (2012); гл. IX «Процедурные положения» Закона о международном частном праве Венгрии (2017).

⁵² Например, кн. II. Особые правила — Титул I. Физические лица, имущество и неимущественное право семьи — гл. I. Физические лица и личное неимущественное право семьи — разд. I. Общие положения — п/разд. I. Юрисдикция... Раздел 2. Особые положения — п/разд. I. Дееспособность, защита несовершеннолетних и совершеннолетних — § I. Юрисдикция.

⁵³ Например, отказ от права на предъявление иска в части его материально-правовых условий, бремя доказывания, допустимость доказательств, доказательная сила подчиняются праву существа отношения (ст. 143, 155–157).

⁵⁴ См.: *Foussard D., Niboyet M.-L., Nourissat C.* Op. cit. P. 495.

⁵⁵ Глава I. Акты гражданского состояния; гл. II. Нотариальные акты (ст. 192–198).

нормы международного частного права. Они являются частью нашей правовой системы»⁵⁶.

Книга IV «Признание и приведение в исполнение иностранных документов и судебных решений» по идее (с точки зрения концепции проекта) должна завершать кодификацию. Однако разработчики предлагают другое решение — финальной частью выступает самостоятельная кн. V «Обеспечительные меры». Подход новаторский, в других юрисдикциях аналогов пока не существует. В Докладе Рабочей группы отмечалось, что «временные и защитные меры на практике являются ключевым элементом дисциплины [международного частного права]. Поэтому было решено урегулировать их наиболее полным и точным образом. Будучи предметом отдельной книги, положения, касающиеся их, образуют автономное целое»⁵⁷.

Изначально планировалось, что проект будет включать отдельную Книгу, посвященную международному арбитражу. Однако в процессе работы от этой идеи отказались по двум основным причинам: 1) избежать умножения текстовых источников в сфере международного арбитража (Гражданский кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, к которым прибавляется Кодекс международного частного права); 2) не вставлять в Кодекс книгу, содержащую всего несколько статей⁵⁸. При этом в самом тексте упоминаются арбитражные запреты (ст. 153) и арбитражное соглашение (ст. 202). В связи с этим во французской доктрине высказывается критика проекта за его как «плохо обоснованное исключение арбитража», так и «необоснованное вторжение в арбитраж»⁵⁹.

3. Авторитет коллизионных норм

Поскольку центр любой кодификации международного частного права — это правила выбора компетентного права, то представляется естественным уделить особое внимание общей концепции проекта по отношению к характеру и применению коллизионных норм. Отношение французов к их собственным коллизионным нормам всегда вызывало и продолжает вызывать недоумение в континентальной правовой доктрине. Франция — типичный образец кодифицированного гражданского права, давшая миру глобальную, востребованную на всех континентах модель гражданского кодекса и фиксации в нем норм международного частного права,

но при этом львиная доля всех коллизионных правил с начала XIX в. формулируется не законодателем (даже не доктриной!), а непосредственно правоприменителем — судом (это при том, что в ст. 5 ФГК установлен прямой запрет судьям выступать в качестве законотворцев)⁶⁰. Ко всему прочему, созданные французским прецедентным правом⁶¹ правила выбора права имеют не обязательный, а факультативный для суда характер — судья применяет нормы французского международного частного права *sua sponte*.

Факультативный характер коллизионных норм был твердо установлен решением Кассационного суда по делу *Bisbal* (1959). В этом деле о разводе Кассационный суд отклонил апелляцию, поданную в связи с тем, что судья не применил французскую коллизионную норму, отсылающую к иностранному праву. Суд указал, что стороны должны сами требовать применения иностранного права; если они этого не сделали, то суд первой инстанции нельзя упрекнуть в том, что он *ex officio* не обратился к иностранному праву. Однако вскоре после вынесения этого решения Кассационный суд разъяснил, что, хотя суд первой инстанции не обязан применять иностранное право *ex officio*, тем не менее он имеет право это делать, даже если ни одна из сторон не заявила соответствующего ходатайства⁶².

Подход Кассационного суда базировался на принципиальном постулате, сложившемся во французской юриспруденции в XIX в., — любая ошибка в праве является апелляционным поводом, касающимся обоснования спорного решения, однако оснований для кассации нет, поскольку резолютивная часть решения является законной и соответствует правовым последствиям дела, установленным апелляционным судом. Иными словами, судебное решение не может быть отменено, даже когда судьи нижестоящих судов основали его на норме права, не соответствующей данному делу, если такое решение не причиняет вреда заявителю⁶³. Во французском праве такой подход

⁶⁰ Статья 5 ФГК: «Судьям запрещается выносить решение путем создания правовых и подзаконных положений по вопросам, поставленным перед ними».

⁶¹ Термин «прецедентное право» применительно к судебным решениям, затрагивающим сферу международного частного права, употребляется всеми французскими авторами и представляет собой устойчивое выражение.

⁶² См.: *Hausmann R.* Pleading and Proof of Foreign Law — a Comparative Analysis // *The European Legal Forum*. 2008. No. 1. P. 4.

⁶³ См.: Решения Кассационного суда по делам: *Macusson v. Camonin et Parmentier* (1834), *Lesage-Prieur v. Syndics Lepeltier* (1840), *Vassoudevamodely v. Sellatanny* (1864), *Mavroïdi et Banque impériale ottomane v. Compagnie d'assurances générales de Dresde et autres* (1892) (см.: *Billarant S.* The French Diptych on Foreign Law: An Analysis through Its Most Recent Retouching // *Yearbook of Private International Law*. 2006. Vol. VIII. P. 220).

⁵⁶ *Gasté J.* Le droit patrimonial de la famille / Clavel S. Op. cit.

⁵⁷ *Projet de code de droit international privé. Rapport du Groupe de travail preside par Jean-Pierre Ancel*. P. 64.

⁵⁸ См.: *ibid.* Pp. 10, 11.

⁵⁹ *Jourdan-Marques J.* *Projet de code de DIP et arbitrage: in or out?* [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/node/projet-de-code-de-dip-et-arbitrage-iin-or-out-i> (дата обращения: 15.05.2025).

называют принципом эквивалентности — *moyen de cassation* (кассационный довод), основанный на неправильном применении правовой нормы, не может добиться успеха, если решения, принимаемые в соответствии с правом, которое должно применяться по закону, и правом, которое суд фактически применил в результате ошибки, были идентичными.

Кассационный метод эквивалентности основан на практических соображениях и преследует чисто прагматическую цель — процессуальную экономию, в частности противодействие намеренному затягиванию процесса. Эквивалентность здесь является автономным, строго процедурным понятием⁶⁴. По существу, речь идет о достижении материальной, а не коллизионной справедливости — главное, результат применимой материальной нормы, а не средства, при помощи которых он достигается.

Правило *Bisbal* всегда критиковалось доктриной, но действовало более четверти века. Только в связи со вступлением в силу ст. 12 нового Гражданского процессуального кодекса Франции (1975) в 1986 г. Кассационный суд впервые постановил, что в особых ситуациях суды обязаны применять коллизионные нормы *ex officio*, а в 1988 г. в двух «великих решениях»⁶⁵ подтвердил, что суды *ex officio* должны решать вопрос о применении иностранного права. Невыполнение этого требования может привести к отмене решения в апелляционном порядке. Эти два решения были расценены во Франции как предлагающие окончательный разрыв с *Bisbal*⁶⁶ и «самое важное изменение судебных постановлений в области теории коллизионного права за последние 30 лет»⁶⁷.

Однако в 1990 г. было принято правило *Coveco*, согласно которому судья первой инстанции не обязан применять иностранное право *ex officio*, если дело касается области права, в которой стороны имеют «свободное распоряжение своими правами», и ни одна из сторон не ходатайствовала о применении иностранного права. Суд первой инстанции обязан применять иностранное право *ex officio* только в случаях, когда дело регулируется международной конвенцией или стороны не свободны

распоряжаться спорными правами⁶⁸. Правило *Coveco* стало вторым великим решением⁶⁹, установившем во французском международном частном праве деление прав на отчуждаемые и неотчуждаемые⁷⁰, что повлекло за собой серьезную трансформацию в отношении к коллизионным нормам.

В соответствии с правилом *Coveco*, если разбирательство связано с неотчуждаемыми правами, судья обязан применить французскую коллизионную норму *ex officio* и определить компетентное право, даже если стороны ссылались только на французский закон. Более того, коллизионная норма является обязательной не только для судьи, но и для сторон, которые не могут договориться о выборе другого права. Этот принцип подтвержден в целом ряде других великих решений и является неизменным принципом во французском прецедентном праве с 1999 г.⁷¹ Коллизионные нормы, устанавливающие выбор права по вопросам личного статуса и правоспособности, приобрели императивный характер, и участники процесса не могут избежать их применения.

Коллизионные нормы, устанавливающие выбор права для отчуждаемых прав, в общем и целом, сохранили свой факультативный характер. Судья обладает дискреционными полномочиями — он вправе, но не обязан их применять *ex officio*. Единственное, что может придать такой норме императивный характер, — это соответствующее ходатайство стороны. Если хотя бы одна из сторон ссылается на иностранное право, коллизионная норма становится обязательной для судьи и применяется в том же режиме, что и в делах, связанных с неотчуждаемыми правами.

Факультативный характер коллизионных норм для отчуждаемых прав подкрепляется возможностью для сторон заключить процессуальное

⁶⁸ См.: Hausmann R. Op. cit. P. 6.

⁶⁹ После правила Thinet (1984).

⁷⁰ *Droits indisponibles/droits disponibles*: неотчуждаемые права (нет свободы распоряжения правами) — недоступные, отсутствующие, неотъемлемые; отчуждаемые права (лица свободны распоряжаться правами) — доступные, имеющиеся, отказоспособные. Жесткой градации между отчуждаемыми и неотчуждаемыми правами нет. По общему правилу неотчуждаемые права касаются личного статуса и правоспособности — недействительность и расторжение брака, судебное разлучение супругов, происхождение детей, недееспособность. Отчуждаемые права — обязательственные (как из договора, так и из деликта), права на недвижимое имущество (включая супружеское), наследование, правосубъектность компаний.

⁷¹ Правила Maklouf (1992), Belaid (1999), Société Mutuelle du Mans (1999) (см.: Corneloup S. France — The Evolving Balance Between the Judge and the Parties in France / Y. Nishitani (ed.) Treatment of Foreign Law — Dynamics towards Convergence? (Ius Comparatum — Global Studies in Comparative Law Series, 26). Springer International Publishing, 2017. Pp. 162, 163).

⁶⁴ См.: Billarant S. Op. cit. P. 221.

⁶⁵ Среди множества выносимых Кассационным судом решений французская доктрина выделила несколько десятков, которым присвоен особый статус в силу их значимости — «великое решение» (*grand arrêt*) (см.: Тариканов Д. В. Иностранные судебные решения о личном статусе во французском правовом порядке // Закон. 2022. № 11. С. 189). «Великие решения» называют также «правила».

⁶⁶ Glenn H. P. Harmonization of Law, Foreign Law and Private International Law // European Review of Private Law. 1993. Vol. 1. P. 59.

⁶⁷ Правила Rebouh и Schule (1988) (см.: Hausmann R. Op. cit. P. 5).

соглашение о применении к их трансграничному спору французского права (*lex fori*). В отличие от соглашений о выборе права, которые опираются на автономию воли сторон, предоставленную коллизионной нормой, процессуальные соглашения являются не применением коллизионной нормы, а средством уклонения от ее применения, т.е. отказ от трансграничной составляющей дела, превращающий международный спор во внутренний⁷². Законность процессуальных соглашений была установлена решением Кассационного суда по делу *Roho* (1988); обычно требуется наличие прямого соглашения, но Кассационный суд допускает и неявные (молчаливые) процессуальные соглашения⁷³. Действие соглашения ограничено текущим разбирательством и не может затрагивать прав третьих лиц.

Необходимо подчеркнуть, что с 1990 г. (правило *Coveco*) до 1999 г. (новое правило *Société Mutuelle du Mans*) применение международных коллизионных норм было обязательным вне зависимости от характера оспариваемых прав. В 1999 г. правило *Coveco* в этой части было отменено, поскольку Кассационный суд посчитал, что характер прав является более значимым критерием, нежели источник коллизионной нормы⁷⁴. В настоящее время в любых спорах об отчуждаемых правах (даже урегулированных на международном уровне) можно избежать решения коллизионного вопроса — либо в связи с наличием процессуального соглашения сторон, либо в связи с тем, что судья по собственному усмотрению воспользовался правом не применять французскую коллизионную норму (если ни одна из сторон не ссылалась на иностранное право).

Французское позитивное право никогда не было равнодушным к «прелестям лексфоризма»⁷⁵, а французская юриспруденция всегда отличалась сугубо прагматичным подходом: коль скоро применение иностранного права увеличивает нагрузку на суды, усложняет и замедляет процесс — нужно создать механизмы, позволяющие уклониться от его применения. Кстати, «проект Фуайе» предлагал легализовать факультативный характер коллизионных норм: предусматривалось, что судья обращается к ним по собственному усмотрению⁷⁶. Однако современным тенденциям развития трансграничных частных отношений такой регулятивный подход явно не соответствует.

В проекте Кодекса международного частного права 2022 г. закреплена ст. 9, кардинальным образом меняющая существующее положение вещей⁷⁷. Как подчеркивается в Докладе Рабочей группы, было решено ввести новшества, которые отступают от правил, установленных прецедентным правом. В целях ясности, согласованности и правовой определенности необходимо восстановить авторитет коллизионных норм посредством придания им императивного характера⁷⁸. В п. 1 ст. 9 установлено общее правило — коллизионные нормы обязательны для применения судьей. Этот подход «отвечает пожеланиям правоведов»⁷⁹.

В соответствии с общим правилом деление прав на отчуждаемые и неотчуждаемые не должно иметь значения для целей выбора применимого права. Разработчики проекта отметили, что на начальном этапе применения коллизионной нормы сохранение различия между правами является нежелательным с точки зрения задач кодификации французского международного частного права. Обязанность применения коллизионных норм в зависимости от природы спорного права препятствует установлению единообразной судебной практики, приводит к частой смене подходов прецедентного права⁸⁰. Кроме того, как утверждает в доктрине (и французской, и других стран), современные изменения в понимании права затрудняют проведение границы между понятиями отчуждаемых и неотчуждаемых прав⁸¹. Обязанность в любых трансграничных спорах ставить коллизионный вопрос повысит правовую определенность и предсказуемость процесса, прежде всего, для самих судей.

Разработчики проекта полагают, что обязанность применять коллизионные нормы увеличит судебную нагрузку, стоимость разбирательства и сроки рассмотрения дел, усложнит задачу судьи.

⁷⁷ Статья 9. Применение права, определенного коллизионными нормами, является обязательным для суда. Когда стороны свободно распоряжаются своими правами, они могут посредством процессуального соглашения передать свой спор на урегулирование в соответствии с французским законодательством. Это соглашение является прямо выраженным или вытекает из согласованных и недвусмысленных документов. В вопросах развода процессуальное соглашение должно быть прямо выраженным. Если стороны воздерживаются от разъяснения применимого права, судья предлагает им сделать это и применяет при необходимости *ex officio* французскую коллизионную норму.

⁷⁸ См.: *Projet de code de droit international privé. Rapport du Groupe de travail preside par Jean-Pierre Ancel*. P. 25.

⁷⁹ *Foussard D., Niboyet M.-L., Nourissat C.* Op. cit. P. 492.

⁸⁰ См.: *Projet de code de droit international privé. Rapport du Groupe de travail preside par Jean-Pierre Ancel*. Pp. 25, 26.

⁸¹ См.: *Corneloup S.* Op. cit. Pp. 167, 168; *Yöney C.* Op. cit. P. 1000.

⁷² Процессуальные соглашения не являются французским эксклюзивом; они предусмотрены правилами международного гражданского процесса многих стран — Австрии, Бельгии, Дании, Германии, Финляндии, Швеции, Венгрии и др.

⁷³ См.: *Corneloup S.* Op. cit. Pp. 165, 166.

⁷⁴ См.: *ibid.* P. 167.

⁷⁵ *Billarant S.* Op. cit. P. 219.

⁷⁶ См.: *Nadelmann K.H., von Mehren A.T.* Op. cit. P. 617.

Однако это цена, которую необходимо заплатить для обеспечения эффективности коллизионного права⁸². Модель, предложенная в ст. 9, показывает, что Рабочая группа, выбирая между процессуальной экономией и справедливостью, отдала предпочтение международному частному праву как праву справедливости. Такое решение выгодно с точки зрения обеспечения предсказуемости при определении применимого права⁸³.

При этом авторитет коллизионной нормы для суда и для сторон далеко не одинаков⁸⁴, что явно вытекает из содержания п. 4 ст. 9. Суд всегда должен применять коллизионную норму, но стороны могут добросовестно расценивать свой спор как внутренний, не осознавая его международно-го характера и возможного применения иностранного права. Если у судьи есть сомнения в правильном восприятии сторон, он должен вынести вопрос о применимом праве на обсуждение и довести до сведения сторон указание коллизионной нормы. Если стороны умышленно скрывают иностранный элемент с единственной целью добиться применения французского права, судья должен по собственной инициативе восстановить международный характер спора, в противном случае его решение будет аннулировано за нарушение коллизионной нормы⁸⁵.

Несмотря на системную модернизацию общего отношения к коллизионным нормам, в ст. 9 сохраняются традиции французского прецедентного права. В норме закреплено исключение из общего правила обязательности норм международного частного права — стороны могут избежать их применения, заключив процессуальное соглашение о подчинении спора французскому праву. Процессуальное соглашение может быть как прямо выраженным, так и подразумеваемым (вытекать «из согласованных и недвусмысленных документов»), и допустимо в спорах о правах, которыми стороны могут «свободно распоряжаться» (п. 2 ст. 9). В итоге в целом ст. 9 представляет собой компромисс между новаторством доктрины и консервативностью судебной практики, возвращающий нас к учету характера спорных прав при решении коллизионного вопроса.

Более того, п. 3 ст. 9 устанавливает «исключение из исключения» и отказ от сложившейся практики — процессуальные соглашения возможны, в том числе в спорах о расторжении брака, которые затрагивают неотчуждаемые права. Правда, в таких

случаях процессуальное соглашение может быть только прямо выраженным. Понятно, что подобное решение связано с обязательствами Франции по Регламенту Рим III⁸⁶ и отражает общеевропейские тенденции. Тем не менее возникает опасность расширительного толкования прецедентным правом предписаний п. 3 — если одна разновидность неотчуждаемых прав позволяет сторонам устранить действие коллизионной нормы, то почему эта возможность не может быть распространена и на другие их разновидности? Авторитет коллизионных норм снова может быть поколеблен и вернуться к исходной точке — к признанию их факультативного характера, но уже исключительно по инициативе стороны.

Тем не менее в целом ст. 9 — это принципиальное серьезное изменение концепции французского международного частного права в целом. Если проект вступит в силу, это законным образом изменит процессуальный статус коллизионных норм. Для судьи (главного адресата этих норм) обращение к ним станет обязанностью в любом случае; избежать такого можно будет только в том случае, если стороны об этом договорятся. Кстати, как представляется, на практике количество ситуаций применения правил выбора права может остаться прежним (и даже сократиться в связи с п. 3 ст. 9) — суды будут решать коллизионный вопрос только в спорах из личного статуса и правоспособности, по спорам из отчуждаемых прав коллизионный вопрос снимается посредством процессуального соглашения. В принципе такая ситуация имеет место в действующей французской практике: если какая-либо сторона ходатайствует о применении иностранного права (что само по себе свидетельствует об отсутствии процессуального соглашения), то судья обращается к правилам международного частного права; если ни одна из сторон не ходатайствует о применении иностранного права (что может свидетельствовать о наличии имплицитного процессуального соглашения), то судья рассматривает спор на основе французского материального права.

Заключение

Если Кодекс международного частного права Франции будет принят и вступит в силу — мы станем свидетелями юридического события глобального масштаба. Какими бы ни были возможные изменения проекта, они вряд ли смогут преуменьшить то влияние, которое кодификация французского международного частного права способна оказать на мировой кодификационный процесс. Это будет прямым доказательством, что никакие (даже самые интенсивные) как универсальные, так

⁸² См.: *Foussard D., Niboyet M.-L., Nourissat C. Op. cit. P. 492.*

⁸³ См.: *Yöney C. Op. cit. P. 1001.*

⁸⁴ См.: *Lagarde P. Op. cit. P. 519.*

⁸⁵ См.: *Projet de code de droit international privé. Rapport du Groupe de travail preside par Jean-Pierre Ancel. P. 26.*

⁸⁶ См.: Council Regulation (EU) No 1259/2010 of 20 December 2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation // OJ L 343, 29.12.2010. Pp. 10–16.

и региональные интеграционные и унификационные усилия не могут заменить роли национального законодателя в регулировании трансграничных частных отношений. Международное частное право зарождалось и формировалось в национально-правовом пространстве и всегда применялось национальными судами, и такое положение вещей сохраняется в наше время. Вряд ли в обозримом будущем ситуация принципиально изменится, в связи с чем необходимость иметь развитое национальное измерение международного частного права остается очевидной. Французский опыт свидетельствует именно об этом.

Однако на данный момент о каком-либо активном движении проекта ничего не известно. В качестве закона Кодекс планировалось принять в январе 2023 г. (т.е. более двух лет назад). По словам члена Рабочей группы Сирила Нуриссы (Nourissat Cyril), проект был представлен Высшей комиссии по кодификации и Государственному совету. При этом Министерство юстиции высказывало опасение, что проект может быть подвергнут цензуре со стороны Конституционного совета⁸⁷. Во время парламентских слушаний в январе 2024 г. министру юстиции был задан вопрос о состоянии работы над проектом Кодекса. На этот вопрос было отвечено, что после публичных обсуждений, которые завершились 30 ноября 2022 г., Министерство занимается изучением поступивших от правоведов и профессиональных юридических организаций мнений. При этом продолжаются дискуссии о целесообразности кодификации такой отрасли права, которая в силу своего международного характера постоянно меняется⁸⁸.

Ситуация для всего юридического сообщества печальная, но знакомая — проекты комплексной автономной кодификации МЧП Боливии (2009), Сербии (2014), Мексики (2020), Чили (2020) находятся в аналогичном положении; такая же ситуация и на региональном международном уровне — проекты Типового закона о международном частном праве ОХАДАК (2014), регламентов Европейского парламента и Совета о праве, применимом к компаниям и другим организациям (2016), и о праве, применимом к внешним эффектам уступки требования (2018), так и не приняты до сих пор. Будет очень обидно, если французский проект пополнит этот список.

⁸⁷ См.: Desserre A. Le projet de Code de droit international privé passé à la loupe. 03/01/2024 [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.jss.fr/article-m.awp?P1=4097> (дата обращения: 15.05.2025).

⁸⁸ См.: Débats parlementaires: Questions — Réponses Assemblée nationale // Nationale journal officiel de la République Française. 2024. No. 5 A.N. (Q). P. 148 [Electronic resource]. Available at URL: https://www2.assemblee-nationale.fr/static/16/questions/jo/jo_anq_202405.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левенсон П. Наследники русского откупщика перед парижским судом. Дело г-ж: Вуич, Гарфункель и Рабинович // Журнал Гражданского и Уголовного Права. 1879. Кн. 3 (Май — Июнь). С. 37–62.
2. Тариканов Д. В. Иностранное судебное решение о личном статусе во французском правовом порядке // Закон. 2022. № 11. С. 189.
3. Тариканов Д. В. Метод процедурного признания как антипод коллизионного метода в международном частном праве // Междунар. публичное и частное право. 2022. № 6. С. 25–29.
4. Ancel B. Histoire du droit international privé. Paris, 2008. Pp. 10, 54.
5. Billarant S. The French Diptych on Foreign Law: An Analysis through Its Most Recent Retouching // Yearbook of Private International Law. 2006. Vol. VIII. Pp. 219–221.
6. Clavel S., Saclay P. Projet de code de DIP [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/dossier/projet-de-code-de-dip> (дата обращения: 15.05.2025).
7. Corneloup S. France — The Evolving Balance Between the Judge and the Parties in France / Y. Nishitani (ed.) Treatment of Foreign Law — Dynamics towards Convergence? (Ius Comparatum — Global Studies in Comparative Law Series, 26). Springer International Publishing, 2017. Pp. 162, 163, 165–168.
8. Débats parlementaires: Questions — Réponses Assemblée nationale // Nationale journal officiel de la République Française. 2024. No. 5 A.N. (Q). P. 148 [Electronic resource]. Available at URL: https://www2.assemblee-nationale.fr/static/16/questions/jo/jo_anq_202405.pdf (дата обращения: 15.05.2025).
9. Delaume G. R. A Codification of French Private International Law // Canadian Bar Review. 1951. No. 29. Pp. 723, 733, 748.
10. Desserre A. Le projet de Code de droit international privé passé à la loupe. 03/01/2024 [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.jss.fr/article-m.awp?P1=4097> (дата обращения: 15.05.2025).
11. Fallon M. Les règles générales sur le droit applicable du projet de code à la lumière de l'expérience du code Belge // Clavel S. Projet de code de droit international privé: Effets des jugements et des actes publics étrangers. Travaux du Comité français de droit international privé, 2020–2022. Paris, 2023.
12. Foussard D., Niboyet M.-L., Nourissat C. Réflexions méthodologiques sur le projet de code de droit international privé // Revue critique de droit international privé. 2022. No. 3. Pp. 479, 482, 491, 492, 495.
13. Gasté J. Le droit patrimonial de la famille / Clavel S. Projet de code de droit international privé: Effets des jugements et des actes publics étrangers. Travaux du Comité français de droit international privé, 2020–2022. Paris, 2023.
14. Glenn H. P. Harmonization of Law, Foreign Law and Private International Law // European Review of Private Law. 1993. Vol. 1. P. 59.
15. Guillemard S., Prujiner A. La codification internationale du droit international privé: un échec? // Les Cahiers de droit. 2005. Vol. 46 (1–2). Pp. 175–192.

16. *Hausmann R.* Pleading and Proof of Foreign Law – a Comparative Analysis // The European Legal Forum. 2008. No. 1. P. 4–6.
17. *Jourdan-Marques J.* Projet de code de DIP et arbitrage: *in or out?* [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/node/projet-de-code-de-dip-et-arbitrage-iin-or-out-i> (дата обращения: 15.05.2025).
18. *Lagarde P.* Quelques remarques sur le projet de codification du droit international privé français // Revue critique de droit international privé. 2022. No. 3. Pp. 516, 517, 519.
19. *Leible S., Wilke F.-M.* Le Projet de Code de Droit International Privé – A View from Germany // Revue critique de droit international privé. 2022. No. 3. Pp. 506–509, 511, 512.
20. *Loussouarn Y.* The French Draft on Private International Law and the French Conference on Codification of Private International Law // The International and Comparative Law Quarterly. 1956. Vol. 5. No. 3. P. 393.
21. *Nadelmann K.H., von Mehren A.T.* A French Draft of a Law on Private International Law // The American Journal of Comparative Law. 1970. Vol. 18. No. 3. Pp. 614, 617–622.
22. *Remy B.* Les codifications récentes du droit international privé // Revue internationale de droit comparé. 2010. No. 2. Pp. 291–295.
23. *Yöney C.* Mart 2022 Tarihli Fransız Milletlerarası Özel Hukuk Kanunu Tasarısının Genel Hükümlerine Dair Bazı Tespitler // Sakarya Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 2024. No. 12(2). Pp. 993, 1000, 1001.
9. *Delaume G.R.* A Codification of French Private International Law // Canadian Bar Review. 1951. No. 29. Pp. 723, 733, 748.
10. *Desserre A.* Le projet de Code de droit international privé passé à la loupe. 03/01/2024 [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.jss.fr/article-m.awp?P1=4097> (accessed: 15.05.2025).
11. *Fallon M.* Les règles générales sur le droit applicable du projet de code à la lumière de l'expérience du code Belge // Clavel S. Projet de code de droit international privé: Effets des jugements et des actes publics étrangers. Travaux du Comité français de droit international privé, 2020–2022. Paris, 2023.
12. *Foussard D., Niboyet M.-L., Nourissat C.* Réflexions méthodologiques sur le projet de code de droit international privé // Revue critique de droit international privé. 2022. No. 3. Pp. 479, 482, 491, 492, 495.
13. *Gasté J.* Le droit patrimonial de la famille / Clavel S. Projet de code de droit international privé: Effets des jugements et des actes publics étrangers. Travaux du Comité français de droit international privé, 2020–2022. Paris, 2023.
14. *Glenn H.P.* Harmonization of Law, Foreign Law and Private International Law // European Review of Private Law. 1993. Vol. 1. P. 59.
15. *Guillemard S., Prujiner A.* La codification internationale du droit international privé: un échec? // Les Cahiers de droit. 2005. Vol. 46 (1–2). Pp. 175–192.
16. *Hausmann R.* Pleading and Proof of Foreign Law – a Comparative Analysis // The European Legal Forum. 2008. No. 1. P. 4–6.
17. *Jourdan-Marques J.* Projet de code de DIP et arbitrage: *in or out?* [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/node/projet-de-code-de-dip-et-arbitrage-iin-or-out-i> (accessed: 15.05.2025).
18. *Lagarde P.* Quelques remarques sur le projet de codification du droit international privé français // Revue critique de droit international privé. 2022. No. 3. Pp. 516, 517, 519.
19. *Leible S., Wilke F.-M.* Le Projet de Code de Droit International Privé – A View from Germany // Revue critique de droit international privé. 2022. No. 3. Pp. 506–509, 511, 512.
20. *Loussouarn Y.* The French Draft on Private International Law and the French Conference on Codification of Private International Law // The International and Comparative Law Quarterly. 1956. Vol. 5. No. 3. P. 393.
21. *Nadelmann K.H., von Mehren A.T.* A French Draft of a Law on Private International Law // The American Journal of Comparative Law. 1970. Vol. 18. No. 3. Pp. 614, 617–622.
22. *Remy B.* Les codifications récentes du droit international privé // Revue internationale de droit comparé. 2010. No. 2. Pp. 291–295.
23. *Yöney C.* Mart 2022 Tarihli Fransız Milletlerarası Özel Hukuk Kanunu Tasarısının Genel Hükümlerine Dair Bazı Tespitler // Sakarya Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 2024. No. 12(2). Pp. 993, 1000, 1001.

REFERENCES

1. *Levenson P.* Heiresses of the Russian tax collector before the Paris court. The case of Ms. Vuich, Garfunkel and Rabinovich // Journal of Civil and Criminal Law. 1879. Book 3 (May – June). Pp. 37–62 (in Russ.).
2. *Tarikanov D.V.* Foreign judicial decisions on personal status in the French legal order // Law. 2022. No. 11. P. 189 (in Russ.).
3. *Tarikanov D.V.* Method of procedural recognition as the antipode of the conflict of laws method in Private International Law // Public International and Private International Law. 2022. No. 6. Pp. 25–29 (in Russ.).
4. *Ancl B.* Histoire du droit international privé. Paris, 2008. Pp. 10, 54.
5. *Billarant S.* The French Diptych on Foreign Law: An Analysis through Its Most Recent Retouching // Yearbook of Private International Law. 2006. Vol. VIII. Pp. 219–221.
6. *Clavel S., Saclay P.* Projet de code de DIP [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/dossier/projet-de-code-de-dip> (accessed: 15.05.2025).
7. *Corneloup S.* France – The Evolving Balance Between the Judge and the Parties in France / Y. Nishitani (ed.) Treatment of Foreign Law – Dynamics towards Convergence? (Ius Comparatum – Global Studies in Comparative Law Series, 26). Springer International Publishing, 2017. Pp. 162, 163, 165–168.
8. Débats parlementaires: Questions – Réponses Assemblée nationale // Nationale journal officiel de la République Française. 2024. No. 5 A.N. (Q). P. 148 [Electronic resource]. Available at URL: https://www2.assemblee-nationale.fr/static/16/questions/jo/jo_anq_202405.pdf (accessed: 15.05.2025).
9. *Delaume G.R.* A Codification of French Private International Law // Canadian Bar Review. 1951. No. 29. Pp. 723, 733, 748.
10. *Desserre A.* Le projet de Code de droit international privé passé à la loupe. 03/01/2024 [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.jss.fr/article-m.awp?P1=4097> (accessed: 15.05.2025).
11. *Fallon M.* Les règles générales sur le droit applicable du projet de code à la lumière de l'expérience du code Belge // Clavel S. Projet de code de droit international privé: Effets des jugements et des actes publics étrangers. Travaux du Comité français de droit international privé, 2020–2022. Paris, 2023.
12. *Foussard D., Niboyet M.-L., Nourissat C.* Réflexions méthodologiques sur le projet de code de droit international privé // Revue critique de droit international privé. 2022. No. 3. Pp. 479, 482, 491, 492, 495.
13. *Gasté J.* Le droit patrimonial de la famille / Clavel S. Projet de code de droit international privé: Effets des jugements et des actes publics étrangers. Travaux du Comité français de droit international privé, 2020–2022. Paris, 2023.
14. *Glenn H.P.* Harmonization of Law, Foreign Law and Private International Law // European Review of Private Law. 1993. Vol. 1. P. 59.
15. *Guillemard S., Prujiner A.* La codification internationale du droit international privé: un échec? // Les Cahiers de droit. 2005. Vol. 46 (1–2). Pp. 175–192.
16. *Hausmann R.* Pleading and Proof of Foreign Law – a Comparative Analysis // The European Legal Forum. 2008. No. 1. P. 4–6.
17. *Jourdan-Marques J.* Projet de code de DIP et arbitrage: *in or out?* [Electronic resource]. Available at URL: <https://www.dalloz-actualite.fr/node/projet-de-code-de-dip-et-arbitrage-iin-or-out-i> (accessed: 15.05.2025).
18. *Lagarde P.* Quelques remarques sur le projet de codification du droit international privé français // Revue critique de droit international privé. 2022. No. 3. Pp. 516, 517, 519.
19. *Leible S., Wilke F.-M.* Le Projet de Code de Droit International Privé – A View from Germany // Revue critique de droit international privé. 2022. No. 3. Pp. 506–509, 511, 512.
20. *Loussouarn Y.* The French Draft on Private International Law and the French Conference on Codification of Private International Law // The International and Comparative Law Quarterly. 1956. Vol. 5. No. 3. P. 393.
21. *Nadelmann K.H., von Mehren A.T.* A French Draft of a Law on Private International Law // The American Journal of Comparative Law. 1970. Vol. 18. No. 3. Pp. 614, 617–622.
22. *Remy B.* Les codifications récentes du droit international privé // Revue internationale de droit comparé. 2010. No. 2. Pp. 291–295.
23. *Yöney C.* Mart 2022 Tarihli Fransız Milletlerarası Özel Hukuk Kanunu Tasarısının Genel Hükümlerine Dair Bazı Tespitler // Sakarya Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 2024. No. 12(2). Pp. 993, 1000, 1001.

Сведения об авторах

ЕРПЫЛЕВА Наталия Юрьевна —
доктор юридических наук, профессор,
руководитель департамента правового
регулирования бизнеса факультета права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ГЕТЬМАН-ПАВЛОВА Ирина Викторовна —
кандидат юридических наук,
доцент департамента правового
регулирования бизнеса факультета права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

КАСАТКИНА Александра Сергеевна —
кандидат юридических наук,
доцент департамента правового регулирования
бизнеса факультета права Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Authors' information

ERPYLEVA Natalia Yu. —
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Legal Regulation
of Business, Faculty of Law, National Research
University Higher School of Economics;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

GET'MAN-PAVLOVA Irina V. —
PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Legal
Regulation of Business, Faculty of Law,
National Research University
Higher School of Economics;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

KASATKINA Alexandra S. —
PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Legal
Regulation of Business, Faculty of Law,
National Research University
Higher School of Economics;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

УДК 341

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В УСЛОВИЯХ СОХРАНЯЮЩЕГОСЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

© 2025 г. С. И. Коданева

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, г. Москва*

E-mail: kodanevas@gmail.com

Поступила в редакцию 13.01.2025 г.

Аннотация. В статье проанализировано конституционное устройство Боснии и Герцеговины. Показано, что оно представляет собой своеобразную политическую систему, созданную на основе договоренностей, направленных на прекращение войны, но не имеющую перспектив для построения устойчивого мира и развития. Чрезмерная сложность структуры органов власти ставит под угрозу управляемость, межэтническое примирение и реализацию декларируемых в конституции демократических ценностей. Внедрение принципов консociационализма в систему управления на всех уровнях привело не к формированию диалога между общинами, а к их еще большей разделенности, устранив даже те механизмы достижения межэтнического мира, которые существовали в Югославии до ее распада. В итоге конституционная система Боснии и Герцеговины де факто является недееспособной и поддерживается искусственно исключительно за счет международного участия. Сделан вывод, что в самой конституции заложены непреодолимые препятствия для демократического развития страны и защиты прав ее граждан.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, Балканские страны, консociационализм, этнические меньшинства, сецессия, право народов на самоопределение, этнический федерализм, международное право, конституционное право, Высокий представитель.

Цитирование: Коданева С.И. Особенности современного федеративного устройства Боснии и Герцеговины в условиях сохраняющегося межэтнического конфликта // Государство и право. 2025. № 8. С. 154–161.

DOI: 10.31857/S1026945225080151

FEATURES OF THE MODERN FEDERAL STRUCTURE OF BOSNIA AND HERZEGOVINA IN THE CONTEXT OF THE ONGOING INTERETHNIC CONFLICT

© 2025 S. I. Kodaneva

*Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: kodanevas@gmail.com

Received 13.01.2025

Abstract. The article analyzes the constitutional framework of Bosnia and Herzegovina, which is shown to be a political system based on agreements aimed at ending the war, but which lacks prospects for sustainable peace and development. Excessive complexity of the governance structure threatens effective governance, interethnic reconciliation, and realization of democratic values enshrined in the constitution. The introduction of consociational principles into the governance system at all levels has not led to dialogue between communities but rather to their further separation, eliminating any mechanisms for inter-ethnic peace that existed prior to the collapse of Yugoslavia. As a result, Bosnia and Herzegovina's constitutional system is ineffective and maintained artificially through international involvement. It has been concluded that the current constitution poses an insurmountable impediment to the democratic development of the country and the safeguarding of the rights of its citizens.

Key words: Bosnia and Herzegovina, Balkan countries, consociationalism, ethnic minorities, secession, peoples' right to self-determination, ethnic federalism, International Law, Constitutional Law, High Representative.

For citation: Kodaneva, S.I. (2025). Features of the modern federal structure of Bosnia and Herzegovina in the context of the ongoing interethnic conflict // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 154–161.

Введение

Босния и Герцеговина как государство образовалось в конце XX в. после распада Социалистической Федеративной Республики Югославии. Боснию и Герцеговину, располагавшуюся в самом центре страны, можно сравнить с Югославией в миниатюре. В отличие от пяти других республик, преимущественно этнически однородных, на ее территории проживают три народа (боснийцы, хорваты и сербы) и более десятка других национальных меньшинств. Следует отметить, что вплоть до 1990-х годов все они мирно сосуществовали на одной территории (так, около 40% семей, проживающих в городах Боснии и Герцеговины, были смешанными¹).

Однако после начала распада Югославии этот процесс согласно эффекту домино затронул и Боснию и Герцеговину, что привело к одной из самых кровопролитных гражданских войн в современной истории, сопровождавшихся случаями массового геноцида в отношении всех трех народов. Ситуацию усугубляло и желание соседних Сербии и Хорватии присоединить к себе части Боснии и Герцеговины, населенные, соответственно, сербами и хорватами. Конец войне положило вмешательство сил НАТО, выступивших на стороне боснийцев и посредством массированных бомбардировок уничтоживших превосходящие вооруженные силы самопровозглашенной Республики Сербской, добивавшейся отделения от Боснии и Герцеговины и вхождения в то, что на тот момент осталось от Югославии.

Под давлением и при содействии международного сообщества боснийцы и хорваты подписали в 1994 г. Вашингтонское мирное соглашение, которое привело к созданию Федерации Боснии

и Герцеговины, а 21 ноября 1995 г. в Дейтоне (штат Огайо, США) было согласовано общее рамочное соглашение о мире, подписанное 14 декабря 1995 г. в Париже. Интересно заметить, что противоборствующие стороны конфликта были представлены соседними государствами — Сербией и Хорватией, которые и подписали соглашение от имени соответствующих общин. Единственным национальным политическим деятелем, присутствовавшим за столом переговоров, был президент бывшей Республики Босния и Герцеговина, выступавший в качестве представителя боснийских интересов.

Конституционная система Боснии и Герцеговины

Дейтонское мирное соглашение является по своему знаковым, поскольку им не только был положен конец войне и создано единое государство Босния и Герцеговина, состоящее из двух образований: Республики Сербской с сербским большинством (49% территории) и Федерации Боснии и Герцеговины с боснийским и хорватским большинством (51% территории)². Но, что самое важное, этим соглашением была утверждена конституция страны, создавшая уникальную для современного конституционного права систему управления, которую некоторые исследователи сравнивают с протекторатом времен колониализма³. Гарантацией сохранения государственной целостности и жизнеспособности политических институтов должны были стать специальные органы, формируемые международным сообществом — Конституционный суд Боснии и Герцеговины (фактически находится под контролем международного сообщества, которое назначает трех его членов из девяти) и Управление Высокого представителя, который должен

² Согласно переписи 2013 г. в государстве проживали 50.1% боснийцев, 30.8% сербов, 15.4% хорватов и 3.7% остальных.

³ См.: Travaglini D. Constitutional Development Without Constitutional Amendments. The Case of Bosnia and Herzegovina. Università Degli Studi di Padova, 2021/2022. P. 27.

¹ См.: Rezza G., Mirkovic D. Divided Society in Bosnia and Herzegovina: A Field Study // New Balkan Politics. 2019/2020. Iss. 18. P. 2.

был изначально отвечать за координацию исполнения гражданских аспектов Соглашения. С 1997 г. его компетенция значительно расширилась и стала включать права в области правоохранительной деятельности и полномочия по отстранению государственных должностных лиц от должности (т.н. Боннские полномочия). Помимо этого на территории государства были размещены миротворческие силы НАТО. С 2004 г. их заменили вооруженные силы ЕС, которые среди прочего оказывают вооруженным силам Боснии и Герцеговины помощь в достижении стандартов НАТО.

Целью Дейтонской системы было исключительно сохранение единства государства Босния и Герцеговина и недопущение сецессии хорватской и сербской общин. Впрочем, следует отметить, что само по себе подписание Дейтонского мирного соглашения, хотя и позволило прекратить войну, но не устранило основные разногласия между общинами, которые сохраняются до сих, поддерживая сецессионистские настроения. Так, боснийцы считают Боснию и Герцеговину исключительно своим государством, воспринимая хорватов и сербов как меньшинства, которым предоставлены непропорционально большие права. Те, в свою очередь, на первых порах отказывались признавать соглашение, продолжая настаивать на своей независимости. В Республике Сербской подобные взгляды довольно сильно распространены и по сей день. Тем не менее в 2000-х годах дискуссии из политической плоскости (относительно целостности государства) перешли в конституционную плоскость и стали в большей степени касаться формы территориального устройства Боснии и Герцеговины и распределения полномочий между различными уровнями власти.

Дейтонское мирное соглашение состоит из одного рамочного и двенадцати специальных соглашений (именуемых приложениями к Общему рамочному мирному соглашению для Боснии и Герцеговины). Эти приложения регулируют военные (приложения 1-А и 1-В) и гражданские (приложения 2–11) вопросы. Приложение 4 содержит Конституцию Боснии и Герцеговины. Интересным моментом является то, что она была составлена и подписана только на английском языке. Официальных переводов на языки БиГ (боснийский, хорватский и сербский) не существует в силу опасений, что это отсутствие точных аналогов в славянских языках приведет к разночтениям, что спровоцирует новые споры между общинами относительно правильности толкования тех или иных положений. Конституция (так же, как и Дейтонское мирное соглашение) никогда не публиковались в официальных источниках.

Следует также отметить, что, хотя формально Босния и Герцеговина признана правопреемницей Республики Босния и Герцеговина, современная Конституция Боснии и Герцеговины строится на совершенно иных принципах. Под девизом «одно государство, два образования и три нации» была предпринята попытка создать баланс между противоположными интересами посредством формирования сложной политической системы с четырьмя административными уровнями и механизмами взаимного вето трех этнических групп. В политическую систему введен консоциационизм, который обеспечивает защиту и представительство коллективных прав трех этнических групп. Таким образом, в соответствии с Конституцией Боснии и Герцеговины в этой стране коллективные права имеют приоритет перед индивидуальными правами личности в политической сфере.

При этом в научной литературе активно обсуждался вопрос о том, что собой представляет Босния и Герцеговина в плане административно-территориального деления. Как было отмечено выше, что Конституция закрепила деление страны на Федерацию Боснии и Герцеговины и Республику Сербскую. Соответственно, первая представляет собой федерацию, состоящую из кантонов, в то время как вторая — унитарное образование. При этом разработчики Конституции старательно избегали определения статуса Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской, именуя их просто «Образованиями». Конституционный суд Боснии и Герцеговины также избегает таких слов, как «федерация» или «субъект федерации», используя следующие выражения: «сложность конституционной структуры Боснии и Герцеговины указывает на систему *sui generis*»; «сложная конституционная структура»; «сложная государственная структура»⁴.

В результате некоторые авторы рассматривают федерализм Боснии и Герцеговины как «форму согласованной на международном уровне федеральной системы, которая является неотъемлемой частью мирного плана, уникального для Боснии и Герцеговины»⁵. Следовательно, Босния и Герцеговина — это новая асимметричная модель федерализма⁶. Согласно другой точке зрения, Босния и Герцеговина — это федерация без федерализма, поскольку у ее населения и элит отсутствует культура федерализма. Это значит, что Босния и Герцеговина как федерация лишена связи с фундаментальными

⁴ Išerić H. Uloga Ustavnog suda BiH u profiliranju federalnog uređenja BiH. Fondacija Centar za javno parvo, 2019. P. 5.

⁵ Keil S. Multinational Federalism in Bosnia and Herzegovina. 1st ed. Routledge, 2013. P. 78.

⁶ См.: Popelier P., Sahadžić M. Constitutional asymmetry in multinational federalism: managing multinationalism in multi-tiered systems. Palgrave Macmillan, 2019. P. 68.

конституционными ценностями федерализма, что делает ее крайне неустойчивой⁷.

Некоторые полагают, что Босния и Герцеговина — это особая система, которая сочетает в себе федерацию и конфедерацию, т.е. представляет собой федерацию с отчетливыми элементами конфедерации⁸. Высказывалось также мнение, что речь идет о создании двух форм государства, которые очень редко возникают одновременно. Это форма политического режима консociационной демократии и федеральная форма правления⁹. Отсюда следует вывод, что Босния и Герцеговина — это все же федерация, признаками которой являются: плюралистическая конституционная система, состоящая из конституционной системы федерального уровня и конституционных систем федеральных единиц; иерархические отношения между конституционной системой федеративного государства и федеральными единицами, при которых первая превосходит вторую, т.е. существует только одна, но очень сложная конституционная система; разделение полномочий между федеративным государством и федеральными единицами, которое обычно предусматривается федеральной конституцией; федеральные единицы являются квазигосударствами, поскольку они имеют свои собственные конституционные системы, государственную организацию управления и власть индивидуального принятия решений; федеральные единицы имеют право на самоорганизацию; федеральные единицы представлены в федеральных органах власти¹⁰. Однако в то же время необходимость политического режима консociационной демократии вытекает из исторического контекста и крайней степени разделенности общества. Соответственно, консociационные механизмы имеют определенное преимущество перед принципами федеративного государства. Отсюда следует вывод, что Босния и Герцеговина — одна из редких полностью консociационных федераций, поскольку она содержит практически все черты как федерации, так и консociационной демократии¹¹.

Действительно, элементами последней являются особый состав властных институтов. Как было отмечено выше, основная цель Дейтонского мирного соглашения заключалась в прекращении насилия и установлении хоть хрупкого, но мира

между тремя враждующими этническими группами. Соответственно, созданная конституционная конструкция была призвана обеспечить баланс интересов всех сторон. Однако сама по себе выбранная модель не являлась на тот момент новой и уникальной. Так, коллективным главой Боснии и Герцеговины является Президиум, состоящий из представителей трех общин (сербов, хорватов и боснийцев). Этот орган сочетает в себе элементы президентской и парламентской модели. При этом за основу была взята югославская традиция — коллективное председательство было введено на федеральном уровне в Югославии в 1971 г. и в Социалистической Республике Босния и Герцеговина в 1974 г. Особенностью современного Президиума является то, что его сербского члена избирают граждане Республики Сербской, а боснийского и хорватского — граждане Федерации Боснии и Герцеговины без разделения по этническому принципу. В силу значительного численного перевеса боснийского населения следствием данного правила является то, что оба представителя от Федерации Боснии и Герцеговины фактически избираются боснийским большинством, что вынуждает хорватов регулярно поднимать вопрос о несправедливости данной системы и о том, что они *de facto* лишены представительства в центральных органах власти. Еще одним недостатком является то, что лица, принадлежащие к этническим меньшинствам, также как и представители трех основных этнических групп, проживающие не в своем «родном» образовании (например, сербы, проживающие в Федерации Боснии и Герцеговины, или наоборот) лишены пассивного избирательного права.

Что касается законодательной ветви власти, следует отметить, что Босния и Герцеговина не имеет давних парламентских традиций. Первый опыт создания институтов представительной демократии в Боснии и Герцеговине начался в 1990 г. еще в составе Югославии. Однако после основания Ассамблеи сербского народа большинство сербских депутатов покинули парламент, и регулярная парламентская работа была невозможна до 1996 г. Парламент в соответствии с Конституцией Боснии и Герцеговины состоит из двух палат: Палата представителей (*Predstavnički/Zastupnički dom*) и Палата народов (*Dom naroda*). Палата представителей состоит из 42 членов, избираемых прямыми выборами ($\frac{2}{3}$ от Федерации Боснии и Герцеговины и $\frac{1}{3}$ от Республики Сербской) по пропорциональной системе. Палата народов состоит из 15 членов (по пять от каждой этнической группы), избираемых Национальным собранием Республики Сербской, а также по отдельности боснийскими и хорватскими депутатами Палаты народов Федерации Боснии и Герцеговины. Таким образом,

⁷ См.: *Vanjek D. Federal Equality in Multinational Bosnia and Herzegovina // The Principle of Equality in Diverse States / eds. E.M. Belser, T. Bächler, S. Egli, L. Zünd. Leiden, 2021. P. 372.*

⁸ См.: *Stanković M. Uspostavljanje BiH-federalizma: agregacija ili devolucija? Fondacija Centar za javno parvo, 2019. Pp. 2–4.*

⁹ См.: *Marković G. Federalizam i konsocijacija u ustavnom sistemu BiH. Fondacija Centar za javno parvo, 2019. P. 1*

¹⁰ См.: *ibid. P. 2.*

¹¹ См.: *ibid. P. 13.*

в структуре парламента Боснии и Герцеговины реализован принцип паритета образований (в Палате представителей) и этнических групп (в Палате народов). По аналогии с Президиумом палаты имеют председателя и двух заместителей, представляющих три общины, которые сменяют друг друга каждые восемь месяцев. Полномочия Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины в Конституции определены нечетко. Этот конституционный пробел был восполнен двумя палатами путем принятия их Правил процедуры. Однако, как отмечают Д. Банович, С. Гаврич и М. Баррейро Марино, организация внутренней работы Парламентской ассамблеи оставляет желать лучшего. Так, после выборов в октябре 2018 г. Плата представителей собралась на первое заседание в декабре 2018 г., а Палата народов — только в конце февраля 2019 г. Комитеты (которые должны являться постоянно действующими органами, предварительно рассматривающими проекты законов и другие вопросы повестки дня), а также Совет министров были назначены только в декабре 2019 г. За весь 2019 г. Палата представителей собиралась всего четыре раза и не приняла ни одного закона¹².

Характерной особенностью системы управления Боснии и Герцеговины является то, что каждый из образующих ее народов наделен правом вето на принятие любых решений, которые могут ущемить права и интересы соответствующей общины. Следует отметить, что этим правом члены парламента и президиума пользуются постоянно, тем более что политические партии в Боснии и Герцеговине формируются исключительно по этническому принципу и в своих избирательных кампаниях активно используют националистическую риторику, которую затем невозможно реализовать на практике, не ущемляя прав других общин Боснии и Герцеговины.

Жизнеспособность данной искусственной конструкции поддерживается за счет права Высокого представителя вмешиваться во внутренние дела, в частности отменять или, наоборот, принимать законы как на федеральном уровне, так и на уровне образований, а также смещать с должности высших должностных лиц. Это фактически снимает с национальных политиков любую ответственность за будущее страны и делает возможным бесконечное сохранение политического тупика. В результате некоторые авторы указывают, что конституционная система Боснии и Герцеговины представляет собой «навязанный консоциационализм»¹³.

¹² См.: *Banović D., Gavrić S., Barreiro Mariño M.* The Political System of Bosnia and Herzegovina. Institutions — Actors — Processes. Springer Nature Switzerland AG, 2021. P. 33.

¹³ *Merdžanović A.* Democracy by Decree. Prospects and Limits of Imposed Consociational Democracy in Bosnia and Herzegovina. Stuttgart, 2015. Pp. 351—357.

В то же время ряд авторов отмечает динамику постепенного усиления федеративного элемента и, соответственно, утраты конфедеративных признаков¹⁴. Причем происходит это не в результате пересмотра конституции, а в рамках реализации заложенных в ней механизмов. Так, Конституция Боснии и Герцеговины закрепила за национальным уровнем власти следующие полномочия: внешняя политика, политика в области внешней торговли, таможенная политика, денежно-кредитная политика, финансирование институтов и международных обязательств Боснии и Герцеговины, политика и регулирование в области иммиграции, беженцев и убежища, обеспечение соблюдение уголовного законодательства на международном уровне и на уровне Образований, создание и эксплуатация общих и международных средств связи, регулирование транспортного сообщения между Образованиями и управление движением воздушного транспорта. Далее Конституция Боснии и Герцеговины гласит, что полномочия, прямо не закрепленные за институтами Боснии и Герцеговины, принадлежат Образованиям. Иными словами, Образования получили крайне широкую свободу в большинстве вопросов управления, включая военное дело и оборону, полицейскую деятельность, налогообложение и сбор налогов, политику экономического и социального обеспечения, а также право устанавливать особые параллельные отношения с соседними государствами¹⁵. Таким образом, Босния и Герцеговина стала одной из наиболее децентрализованных федеральных систем в мире¹⁶.

Однако в то же время Конституция Боснии и Герцеговины заложила конституционную основу для перераспределения полномочий между центром и Образованиями, поскольку согласно п. 5а ст. III Босния и Герцеговина несет ответственность за другие вопросы, которые 1) согласованы Образованиями; 2) предусмотрены в Приложениях 5—8 к Общему рамочному соглашению или 3) необходимы для сохранения суверенитета, территориальной целостности, политической независимости и международной правосубъектности Боснии и Герцеговины в соответствии с разделением обязанностей между институтами последней¹⁷. Соответственно, в рамках первого пункта согласованным решением

¹⁴ См.: *Išerić H.* Op. cit.; *Balić L.* Pravna priroda i političke refleksije bosansko-hercegovačkog federalizma. Fondacija Centar za javno parvo, 2019.

¹⁵ См.: Конституция Боснии и Герцеговины. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/constitution.pdf

¹⁶ См.: *Keil S.* Equality and Inequality in Bosnia and Herzegovina // The Principle of Equality in Diverse States / eds. E.M. Belser, T. Bächler, S. Egli, L. Zünd. P. 346.

¹⁷ См.: Конституция Боснии и Герцеговины. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/constitution.pdf

двух образований на федеральный уровень были переданы полномочия в области обороны, косвенного налогообложения, а также часть полномочий в области внутренних дел, за чем последовало создание новых общегосударственных органов власти (например, Государственной пограничной полиции, Управления по координации полицейских органов Боснии и Герцеговины и Управления косвенного налогообложения), укрепление центральных органов власти, а также создание новых судебных органов общегосударственного уровня, таких как Суд Боснии и Герцеговины, прокуратура Боснии и Герцеговины и Высший судебный и прокурорский совет.

Следует подчеркнуть, что в конституционном плане Босния и Герцеговина представляет собой одно из наиболее сложных образований в мире. Так, конституционная система страны состоит из 13 конституций (Боснии и Герцеговины, Федерации Боснии и Герцеговины, Республики Сербской и 10 кантонов) и устава округа Брчко. Каждое из этих образований имеет собственные парламенты, исполнительную и судебную власти, причем в Федерации Боснии и Герцеговины и Республике Сербской они формируются и функционируют аналогично общегосударственному уровню, т.е. на принципах консоциационализма.

Как можно видеть, Дейтонское соглашение создало уникальную для современного мира систему управления Боснии и Герцеговины, которая изначально имела значительные элементы конфедерации, которые, однако со временем, постепенно стали вытесняться в результате, преимущественно, нормотворчества международного сообщества в лице Высокого представителя. Считалось, что данная система позволит наладить мир, а со временем — и сотрудничество между враждующими общинами. Однако на деле система сегрегации только законсервировала конфликт, укоренив взаимное неприятие и недоверие между общинами. Как отмечает Д. Траваглини, институциональная сегрегация сама по себе не может создать доверия между группами. В лучшем случае она обеспечит безопасность, однако в результате в контексте формирования идентичности преобладает этнонациональное измерение, что препятствует формированию общей «светской» гражданской идентичности¹⁸. Конфликт, как пишет С. Кейл, стал замороженным и теперь продолжается политическими средствами, в которых каждая сторона пытается добиться своих собственных выгод и своего собственного видения Боснии, что в результате создает ситуацию

постоянного паралича институтов и застоя в плане политического прогресса¹⁹.

Примером законсервированной сегрегации может служить система «две школы под одной крышей», которая распространена в кантонах, населенных боснийцами и хорватами. Суть системы заключается в том, что здание школы физически разделено и имеет разные входы для каждой из этнических групп, чтобы учащиеся не пересекались. Для них также реализуются собственные учебные программы (радикально различающиеся) в зависимости от этнической принадлежности. Изначально эти меры предпринимались как поствоенные и переходные, но со временем стали общепринятой практикой, продолжая воспроизводить разделение между «составляющими народами».

Не улучшила ситуацию и рассмотренная выше система представительства в органах власти. Так, боснийские партии стараются включать в свои списки лояльных им представителей сербских и хорватских элит, преимущественно проживающих в Сараево, чтобы заполнять ими квоты²⁰. Распространенной практикой также является то, что представители основного «составляющего народа» заявляют о своей принадлежности к одному из двух оставшихся «составляющих народов» или «другим» национальным меньшинствам и при поддержке большинства занимают их квоты. В отношении хорватов ситуация усугубляется тем, что на выборах Президиума и Парламентской ассамблеи все граждане Федерации Боснии и Герцеговины голосуют на равных. Следовательно, в силу значительного численного перевеса боснийцев все мандаты от этого образования получают поддержанные ими кандидаты, в том числе и по хорватским квотам.

Таким образом, представители всех трех «составляющих народов» недовольны существующей системой. Наиболее многочисленные боснийцы считают, что два других народа перепредставлены из-за системы квот²¹. Кроме того, боснийцы воспринимают Боснию и Герцеговину как свою страну, а два других народа — как меньшинства. В результате боснийские партии, представляющие интересы своей группы, продвигают идею централизованной Боснии и Герцеговины, а некоторые из наиболее радикальных боснийских представителей даже призывают к упразднению Республики

¹⁹ См.: *Keil S. Equality and Inequality in Bosnia and Herzegovina*. P. 349.

²⁰ См.: *Ugo V. Myths and misconceptions about post-communist and post-war Bosnia and Herzegovina // Transformative Potential of the Euro-Atlantic Processes in Bosnia and Herzegovina*. 2021. P. 36.

²¹ См.: *Travaglini D. Op. cit.* P. 78.

¹⁸ См.: *Travaglini D. Op. cit.* P. 59.

Сербской как «творение геноцида»²². Хорваты — самый малочисленный народ, хорватские элиты опасаются оказаться под властью боснийцев, особенно в Федерации Боснии и Герцеговины, они призывают к более сильным механизмам защиты, включая территориальную реорганизацию и выделение хорватской части в отдельное образование²³ или по крайней мере к проведению реформы избирательного законодательства, направленной на усиление гарантий их политических прав. Эти требования активно поддерживает президент Хорватии З. Миланович, который даже угрожал наложить вето на планы Финляндии и Швеции вступить в НАТО, если не будут приняты во внимание хорватские интересы, потенциально ведущие к объединению районов хорватских поселений в Герцеговине с хорватской родиной²⁴.

Наконец, Республика Сербская традиционно противостоит боснийским притязаниям на унитаризацию страны, защищая свое право на сохранение национальной идентичности. При этом, как показывают исследования, в рамках Республики Сербской сербы преимущественно занимают не националистическую, а гражданскую позицию. Воспринимая данную территорию как свое национальное государство, они готовы реализовать в нем систему управления, основанную на общедемократических принципах, т.е. обеспечивать равную защиту прав и представительство в органах власти не только для сербов, но и для всех граждан. Как подмечает П. Пеппи, по отдельности Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербская вполне могли бы стать демократическими государствами, однако вынужденное сосуществование в рамках общих границ, осложненное глубоким взаимным недоверием, подкрепляемым консоциационалистским подходом к организации власти, делает это невозможным²⁵.

Заключение

Босния и Герцеговина представляет пример конституционной организации государств, образовавшихся в результате распада многонациональной федерации. Босния и Герцеговина вобрала в себя

многие черты и проблемы Югославии как многоэтнического государства, однако реализованные в ней принципы разрешения межэтнических конфликтов были иными. В результате, хотя эти принципы и были конституционно закреплены, их практическая реализация вызвала проблемы. Основным использованным инструментом должен был стать поиск консенсуса. Вероятно, в суверенных государствах такой консоциационалистский подход и дал бы положительный эффект, однако в государстве, фактически являющимся протекторатом, где наивысшей властью обладает Высокий представитель и Конституционный суд (на $\frac{1}{3}$ состоящий из иностранных судей), эффект оказался прямо противоположным. При этом ни один из известных центростремительных инструментов, обычно скрепляющих федеративные государства, в Боснии и Герцеговине не был конституционно закреплен и реализован на практике.

Напротив, сама конституционная система формализовала этнические разделения, которые препятствуют взаимозависимости между этническими группами. Территориальное и административное деление по этническому признаку сводит к минимуму межэтнические контакты, необходимые для содействия перспективам примирения. В то же время возникшая неопределенность используется в политической риторике этнических партий, разжигая межнациональную ненависть в обществе и выставляя представителей других этнических групп виновными за бедственное социально-экономическое состояние. Это не позволяет возродить культуру согласия, которая необходима для функционирования федеративной системы.

Таким образом, Дейтонская конституция, позволив остановить вооруженный конфликт, перевела его в политическую плоскость и законсервировала. Немаловажным является и то, что сама конституция была разработана и принята международным сообществом без участия населения Боснии и Герцеговины. Вероятно, чрезмерная роль внешних сил в создании и поддержании конституционной системы Боснии и Герцеговины также вызывает недоверие и отчуждение как у народа, так и у политических элит государства. Кроме того, возникает парадоксальная ситуация, когда международное сообщество (преимущественно в лице ЕС) добивается демократических преобразований в Боснии и Герцеговине посредством использования недемократических инструментов их внедрения (через Высокого представителя и без привлечения народа, чья воля сдерживается и игнорируется, что противоречит принципу демократии). Неудивительно, что все предложения конституционных реформ, также как указание на систематическое нарушение прав национальных меньшинств,

²² Moll N. Fragmented memories in a fragmented country: memory competition and political identity-building in today's Bosnia and Herzegovina. *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. No. 6. P. 915.

²³ См.: Becker J., Kulić I. Sliding into the abyss? Bosnia-Herzegovina 30 years after the start of the war // *SEER Journal for Labour and Social Affairs in Eastern Europe*. 2022. No. 1. P. 44.

²⁴ См.: Sebastian S. Constitutional Engineering in Post-Dayton Bosnia and Herzegovina // *International Peacekeeping*. 2012. Vol. 19. No. 5. P. 606.

²⁵ См.: Pepi P. The road to independence: historical background, legality, and legitimacy of the proposed secession of the Bosnian Serbs from Bosnia and Herzegovina // *Journal of Law and International Affairs*. Vol. 10. Iss. 1. 2022. P. 283.

требующее немедленного реагирования²⁶, отторгаются органами власти Боснии и Герцеговины (как законодательных, так и судебных).

Это позволяет сформулировать вывод о том, что модель консоциационалистской демократии, созданная искусственно и поддерживаемая исключительно за счет внешнего давления, не может служить основой для долгосрочного мирного и устойчивого развития государства. Она консервирует противостояние, формируя условия для роста межнациональной розни, а значит рано или поздно может привести к противостоянию открытому, в том числе вооруженному.

REFERENCES

1. *Balić L.* Pravna priroda i političke refleksije bosansko-hercegovačkog federalizma. Fondacija Centar za javno parvo, 2019.
2. *Banović D., Gavrić S., Barreiro Mariño M.* The Political System of Bosnia and Herzegovina. Institutions – Actors – Processes. Springer Nature Switzerland AG, 2021. P. 33.
3. *Becker J., Kulić I.* Sliding into the abyss? Bosnia-Herzegovina 30 years after the start of the war // SEER Journal for Labour and Social Affairs in Eastern Europe. 2022. No. 1. P. 44.
4. *Išerić H.* Uloga Ustavnog suda BiH u profiliranju federalnog uređenja BiH. Fondacija Centar za javno parvo, 2019. P. 5.
5. *Keil S.* Equality and Inequality in Bosnia and Herzegovina // The Principle of Equality in Diverse States / eds. E.M. Belser, T. Bächler, S. Egli, L. Zünd. Leiden, 2021. Pp. 346, 349.
6. *Keil S.* Multinational Federalism in Bosnia and Herzegovina. 1st ed. Routledge, 2013. P. 78.
7. *Marković G.* Federalizam i konsocijacija u ustavnom sistemu BiH. Fondacija Centar za javno parvo, 2019. Pp. 1, 2, 13.
8. *Merdžanović A.* Democracy by Decree. Prospects and Limits of Imposed Consociational Democracy in Bosnia and Herzegovina. Stuttgart, 2015. Pp. 351–357.
9. *Moll N.* Fragmented memories in a fragmented country: memory competition and political identity-building in today's Bosnia and Herzegovina. Nationalities Papers. 2013. Vol. 41. No. 6. P. 915.
10. *Pepi P.* The road to independence: historical background, legality, and legitimacy of the proposed secession of the Bosnian Serbs from Bosnia and Herzegovina // Journal of Law and International Affairs. Vol. 10. Iss. 1. 2022. P. 283.
11. *Popelier P., Sahadžić M.* Constitutional asymmetry in multinational federalism: managing multinationalism in multi-tiered systems. Palgrave Macmillan, 2019. P. 68.
12. *Rezza G., Mirković D.* Divided Society in Bosnia and Herzegovina: A Field Study // New Balkan Politics. 2019/2020. Iss. 18. P. 2.
13. *Sebastian S.* Constitutional Engineering in Post-Dayton Bosnia and Herzegovina // International Peacekeeping. 2012. Vol. 19. No. 5. P. 606.
14. *Stanković M.* Uspostavljanje BiH-federalizma: agregacija ili devolucija? Fondacija Centar za javno parvo, 2019. Pp. 2–4.
15. *Travaglini D.* Constitutional Development Without Constitutional Amendments. The Case of Bosnia and Herzegovina. Università Degli Studi di Padova, 2021/2022. Pp. 27, 59, 78.
16. *Ugo V.* Myths and misconceptions about post-communist and post-war Bosnia and Herzegovina // Transformative Potential of the Euro-Atlantic Processes in Bosnia and Herzegovina. 2021. P. 36.
17. *Vanjek D.* Federal Equality in Multinational Bosnia and Herzegovina // The Principle of Equality in Diverse States / eds. E.M. Belser, T. Bächler, S. Egli, L. Zünd. Leiden, 2021. P. 372.

Сведения об авторе

КОДАНЕВА Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; 117418 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Authors' information

KODANEVA Svetlana I. – PhD in Law, Associated Professor, Leading Researcher of the Department of Law, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 51/21 Nakhimovskiy Ave., 117418 Moscow, Russia

²⁶ Наиболее яркими примерами являются решения Европейского Суда по правам человека в делах «Сейдиç и Финци против Боснии и Герцеговины» (*Sejdić and Finci v. Bosnia and Herzegovina*) (№ 27996/06 и 34836/06), «Зорнич против Боснии и Герцеговины» (*Zornić v. Bosnia and Herzegovina*) (№ 3681/06), «Шлаку против Боснии и Герцеговины» (*Šlaku vs. Bosnia and Herzegovina*) (№ 56666/12) и «Пилав против Босния и Герцеговины» (*Pilav vs. Bosnia and Herzegovina*) (№ 41939/07).

УДК 343.2/.7

УЛОЖЕНИЕ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ: ВОПЛОЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВОЛИ И НАУЧНОЙ МЫСЛИ (К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПРИНЯТИЯ)

© 2025 г. А. И. Чучаев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.02.2025 г.

Аннотация. 15 августа 1845 г. император Николай I утвердил Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, действовавшее 71 год, причем 14 лет параллельно с Уголовным уложением 1903 г. (более продолжительный срок сохраняло свою силу только Соборное уложение — 196 лет). В статье показана подготовительная работа, предшествовавшая созданию Уложения о наказаниях, представлены проекты М. М. Сперанского, П. И. Дега и Д. Н. Блудова, дана общая характеристика принятого закона, впервые в законодательной практике России сформированного по пандектному принципу, определена юридическая природа, раскрыто соотношение со Сводом законов Российской империи, отражены его оценки в доктрине уголовного права.

Ключевые слова: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., проекты Сперанского, Дега, Блудова, принятие закона, перевод на иностранные языки, структура Уложения, пандектный принцип построения, юридическая природа, соотношение со Сводом законов Российской империи, значение Уложения о наказаниях, оценки русских криминалистов.

Цитирование: Чучаев А. И. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: воплощение государственной воли и научной мысли (к 180-летию со дня принятия) // Государство и право. 2025. № 8. С. 162–174.

DOI: 10.31857/S1026945225080161

THE CODE OF CRIMINAL PENALTIES AND CORRECTIONAL FACILITIES: THE EMBODIMENT OF THE STATE FREEDOM AND SCIENTIFIC THOUGHT (ON THE 180th ANNIVERSARY OF ITS ADOPTION)

© 2025 A. I. Chuchayev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 11.02.2025

Abstract. On August 15, 1845, Emperor Nicholas I approved the Code of Criminal and Correctional Punishments, which was in force for 71 years, and for 14 years in parallel with the 1903 Penal Code (for a longer period, only the Constitutional Code remained in force – 196 years). The article shows the preparatory work that preceded the creation of the Penal Code, and presents the projects of M. M. Speransky, P. I. Degay, and D. N. Bludov. The author gives a general description of the adopted law, which was formed for the first time in the legislative practice of Russia according to the pundect principle, defines the legal nature, reveals the relationship with the Code of Laws of the Russian Empire, reflects its assessment in the doctrine of Criminal Law.

Key words: The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845, the projects of Speransky, Degay, Bludov, the adoption of the law, translation into foreign languages, the structure of the Code, the punitive principle of construction, the legal nature, the relationship with the laws of the Russian Empire, the meaning of the Code of Punishments, assessments of Russian criminalists.

For citation: Chuchayev, A. I. (2025). The Code of Criminal and Correctional Punishments: a reflection of the state will and scientific thought (on the 180th anniversary of its adoption) // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 8, pp. 162–174.

Разработка проекта Уложения. Проблемы совершенствования российского законодательства вообще и уголовного в частности особенно остро встали после формирования Свода законов Российской империи 1832 г. Недостатки правового регулирования, в особенности уголовной ответственности, отрицательно сказывались на судебной практике. «Из всех областей права наиболее изменчивым является право уголовное: на понятиях о преступлении и наказании с наглядностью отражаются все политические и социальные перевороты народной жизни, и чем быстрее развивается жизнь, тем быстрее совершаются эти реформы»¹.

Д. Н. Блудов пишет, что «для исправления сих недостатков представлялись два средства, два различных образа действий: исправление *постепенное* или *отдельное*, как сказано о том его Императорскому величеству графом Сперанским и действительным тайным советником Дашковым в записке, и исправление *систематическое*. Исправление отдельное могло бы состоять в том, чтобы из нескольких статей закона, признанных неудобными, исправить сперва одну или две, потом еще две или

три и так далее, издавая каждый раз особые о том положения. Для исправления *систематического* надлежало, обзрев все статьи, все постановления кодекса законов гражданских или уголовных в их совокупности, составить общие начала для исправления их и усовершенствования и произвести сие исправление общим положением»². М. М. Сперанский и Д. В. Дашков признавали, что первый способ неэффективен, поскольку «статьи всякого кодекса законов тесно связаны между собой и почти невозможно исправить одной, не сделав изменений и во многих других, что отдельное исправление некоторых постановлений, может быть, доколе не исправятся и другие, повлекло бы за собой еще более против нынешнего порядка неудобств и что единственное исправление прочное есть *систематическое*»³.

Государь Император избрал второй путь, при этом указав, что необходимо начать подготовку новых законоположений с уголовных законов, «коих недостатки особо ощутительны»⁴. В литературе

² Общая объяснительная записка к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1844. С. 44.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же.

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 105.

отмечается: выбор уголовного права далеко не случаен, был обусловлен рядом обстоятельств; систематизация российского законодательства, проведенная при Николае I, в области уголовного права пошла дальше, чем в других отраслях права⁵.

Эта работа была поручена Сперанскому⁶; иначе говоря, министерству юстиции и Второму отделению собственной Его императорского Величества канцелярии. Последнее занималось подготовкой сравнительного изложения разных систем уголовных законов; министерство юстиции — обобщением судебной практики и систематизацией критических предложений, поступающих на действующие уголовные законы.

В литературе выделяются три проекта, которые были подготовлены под руководством М.М. Сперанского, П.И. Дега и Д.Н. Блудова.

По мнению И.В. Архипова, основанному на архивных данных, «получив санкцию императора, на систематическое исправление уголовных законов, Сперанский предполагал заняться обширной кодификационной работой по пересмотру материального и процессуального права. Однако осуществление его идей задерживалось в связи с окончанием работ над Сводом военных постановлений и Сводами местных законов, что требовало участия самого Сперанского»⁷.

В середине 1838 г. Сперанским был подготовлен и представлен в министерство юстиции «План работ по составлению проекта законов наказательных» (вместе с семью записками об основах будущих преобразований). План предполагал два этапа — подготовительный (был разработан детально) и заключительный (его формулировки не было). Первый этап охватывал: теоретические вопросы, предполагавшие, во-первых, выяснение сути «наказательных законов», их происхождения, определение связи с другими отраслями права, различий между преступлениями и другими правонарушениями; во-вторых, обоснование деления в проекте уложения преступлений по родам, составление лестницы наказаний, распределение наказаний по важности преступлений. Кроме того, предусматривались основы создания уложения

о проступках, уставов уголовного и исправительного судопроизводства, а также их теоретическое обоснование⁸; практические вопросы, которые охватывали обозрение проектов уголовных уложений 1754 и 1813 гг.; компаративистский анализ зарубежных уголовных кодексов; обобщение судебной практики в целях выявления имеющихся недостатков законодательства и др.⁹.

После смерти Сперанского подготовка проекта уложения была поручена Дегаю, по «высочайшему повелению» прикомандированному ко Второму отделению канцелярии Его Величества. В т.н. комитет Дега (по выражению Р.М. Губе) вошли: от Министерства юстиции — В.В. Ленц и В.Я. Можневский; от Министерства финансов — К.И. Циммерман, имевший опыт работы по составлению Свода законов; от Второго отделения — Н.И. Кутузов, С.Н. Урусов и И.Д. Делянов; от кодификационной Комиссии Царства Польского — Губе).

Вместо четырех уложений, планировавшихся Сперанским, было решено подготовить общее уголовное уложение, уголовное уложение для народов Сибири, устава о предупреждении преступлений и устава уголовного судопроизводства. Фактически же занимались разработкой только проекта общего уложения. Его составление осуществлял сам Дега. В мае 1840 г. все работы по общему уложению были завершены.

Проект уложения Дега состоял из двух частей, содержал 883 статьи. По сути, была использована пандектная система формирования кодифицированного законодательного акта. Первая часть проекта охватывала нормы общей части, распределенные по четырем разделам, фактически почти полностью копировала аналогичный раздел т. XV Свода законов. «Оценивая проект Дега в целом, — пишет Архипов, — можно отметить, что здесь были развиты основные положения программы Сперанского. В проекте закладывались те основы, которые потом были реализованы в проекте уложения о наказаниях»¹⁰.

Судьба проекта была предreshена личными отношениями Дега и Блудова. Как отмечает Ленц, «Блудов... не был расположен к Дегаю и в течение 12-ти лет не дал нам написать ни строчки»¹¹. Он полностью забраковал работу Дега, а уже в ноябре 1840 г.

⁵ См.: Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1988. С. 160. По этому вопросу также см.: Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888.

⁶ «Но это уже был не прежний Сперанский-реформатор <...> он уже убедительно доказывал преждевременность уложений и необходимость сводов» (см.: Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 103).

⁷ Архипов И.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (предпосылки, история создания, государственно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1990. С. 80.

⁸ Концептуальную основу проекта уложения составили семь упоминавшихся записок Сперанского (см., напр.: Солодкин И.И. Русское уголовное право в конце XVIII — первой трети XIX веков (образование, наука, законодательство): дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1966. С. 274; Архипов И.В. Указ. соч. С. 80).

⁹ См.: Архипов И.В. Указ. соч. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Приключения лифляндца в Петербурге // Русский архив. 1878. № 4. С. 445.

представил императору докладную записку, в которой изложил два предложения: 1) о порядке разработки проектов новых уложений о наказаниях как для империи, так и для Царства Польского; о порядке рассмотрения до внесения в Государственный совет, в том числе и во время их подготовки.

Следует заметить, что еще в 1839 г. для координации деятельности и «успеха... рассмотрения проектов новых уголовных уложений по мере составления оных» Николаем I была учреждена специальная Комиссия, в которую вошли: от второго отделения — М.А. Балугьянский, И.Х. Капгер, прикомандированный к отделению Дегай; Министр юстиции В.Н. Панин, директор и вице-директор Министерства юстиции Б.К. Данзас и М.Я. Рюмин; член от кодификационной Комиссии Царства Польского Губе¹². Помимо членов Комиссии в обсуждении материалов принимали участие: Святейший Правительствующий Синод (о преступлениях против веры и некоторых других, имеющих связь с церковными уставами); вице-канцлер (касающихся сношений с иностранными государствами); Министр внутренних дел (главы проекта о нарушении постановлений, ограждающих народное здравие или служащих для обеспечения народного продовольствия, а также уставов строительного, пожарного, о паспортах и беглых); главноначальствующий над Почтовым департаментом (глава проекта о проступках по почтовой части); главноуправляющий путей сообщения и публичными зданиями (главы проекта о нарушении постановлений о сухопутных и водных сообщениях, а также устава строительного); Министр финансов (в части проекта о преступлениях против имущества и доходов казны, о нарушении постановлений кредитных, торговых и ремесленных); Министр императорского двора (статьи о нарушении правил для приискания драгоценных камней в ведомстве Екатеринбургской гранильной фабрики); Министр государственных имуществ (о нарушении Устава лесного, а также постановлений о народном продовольствии и устава пожарного в отношении к селениям и казенным лесам; о нарушении правил об охоте, звериных и рыбных промыслах); Министр народного просвещения (главы о нарушении «прав литературной и художественной собственности», о преступлениях и проступках цензоров, о нарушении узаконений, касающихся книгопечатания и книжной торговли, постановлений о воспитании юношества); статс-секретарь управляющего временным отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (постановлений об инородцах Закавказского края).

¹² См. об этом подр.: Андрусенко О.В. Подготовка проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Правоохранительные органы: теория и практика. 2009. № 2. С. 109–117.

«Не довольствуясь еще и сею поверкою, мы сверх того нередко для основательнейшего суждения о некоторых частях проекта приглашали в заседания комитета людей, кои по званию своему или же по особенным и наиболее практическим в относящихся к сим частям предметах сведениями могли сими сведениями и советами своими содействовать успеху вверенного нам дела»¹³.

В процессе подготовительной работы были: 1) собраны и систематизированы все действовавшие в империи узаконения, по предмету регулирования относящиеся к уголовному законодательству; 2) подготовлен исторический обзор уголовного законодательства от «самых отдаленных времен до Свода законов России»; 3) систематизированы замечания на постановления XV Свода законов, представленные Министерству юстиции судами Империи; 4) сделан компаративистский анализ уложений: шведского (1734); прусского (1798); австрийского (1803); французского (1810); баварского (1813); неаполитанского (1819); греческого (1833); римского (1836); саксонского (1838); виртембергского (1839); сардинского (1839); брауншвейгского (1840); гессен-дармштадтского (1841); островов Ионических (1841); английских уголовных законов. Кроме того, были осуществлены извлечения из проектов уголовных кодексов: прусского (1830); баварского (1831); шведского (1832); баденского (1839)¹⁴.

К концу 1840 г. был готов «Подробный план проекта Уголовного уложения Российской империи». Уложение основывалось на Своде законов уголовных, но при этом также учитывалась необходимость имплементации в единый акт норм о дисциплинарной и полицейско-административной ответственности из других отраслей права. План представлял подробную структуру кодекса, определял основные направления детализации его норм. 2 января 1841 г. «Подробный проект Уголовного уложения Российской империи» получил высочайшее одобрение Николая I.

Дальнейшая работа над Уложением шла по указанному плану.

27 мая 1843 г. Блудов представил императору «бумаги, относящиеся к составлению Уложения о наказаниях уголовных и исправительных...»¹⁵. Николай I, ознакомившись с ходом подготовки

¹³ Общая объяснительная записка к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. С. 56, 57.

¹⁴ См. об этом: Алешкина Э.Н. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (к 160-летию принятия) // Процессуальное право и правовая культура. Проблемы взаимодействия и развития / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2005. Вып. 18. С. 7–23.

¹⁵ Общая объяснительная записка к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

проекта, распорядился завершить все законопроектные работы к ноябрю 1843 г.

Для рассмотрения проекта в Государственном совете был отпечатан в типографии Второго отделения «Проект нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных для империи с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений и следующими к оному приложениями: а) таблица указаний на статьи нового проекта, коим соответствуют постановления книги I тома XV общего Свода законов...; в) общая, но довольно подробная таблица преступлений и наказаний по новому проекту за оные определяемых...; е) алфавитный указатель предметов, вошедших в проект нового Уложения, и объяснительная о ходе работ по составлению проекта и принятых для того началах записка»¹⁶.

Работа по подготовке проекта Уложения была завершена к концу 1843 г. С ноября началось издание всех необходимых материалов для Государственного Совета¹⁷. По предложению председателя Государственного Совета И. В. Васильчикова до июля 1844 г. по экземпляру всех документов (для этого 55 комплектов проекта были изданы в особом переплете) было направлено всем членам совета, чтобы они «могли заблаговременно ознакомиться со всеми подробностями столь важного и многосложного документа»¹⁸.

В связи со значимостью принимаемого закона на высочайшем уровне было принято решение об изменении уже устоявшейся в течение многих лет практики: вместо предварительного обсуждения на заседаниях департаментов Государственного Совета, в Комитете министров или особых комитетах проект сразу был вынесен на суд общего собрания департаментов совета. А для предварительного рассмотрения законопроекта была организована специальная Комиссия¹⁹.

30 марта 1844 г. Николай I распорядился передать материалы по разработке Уложения в Государственный Совет, в составе которого учреждалась специальная Комиссия для рассмотрения представленного проекта²⁰. Последняя прове-

ла около 60 заседаний. В ходе обсуждения проекта было внесено 825 редакционных поправок, дополняющих или изменяющих формулировки отдельных положений.

15 августа 1845 г. Николай I утвердил Уложение, начертав на его титульном листе: «Быть по сему»²¹.

К середине 1846 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было переведено (это было сделано Дюгемелем, Мерцем и Бреверном), издано на французском и немецком языках и направлено русским европейским дипломатическим представительствам и зарубежным книготорговцам.

«Уложение кроме отдельной публикации вошло в издание официальной инкорпорации — Полное собрание законов Российской империи, в связи с его выходом особым Продолжением были внесены дополнения в Свод законов Российской империи 1842 г., а при переиздании Свода законов в 1857 г. соответствующие дополнения были внесены во все тома Свода»²².

Одновременно с Уложением специальным указом от 15 августа 1845 г. утверждены рассмотренные Государственным Советом законы, которыми карательная система государства приводилась в соответствие с Уложением: 1) дополнительные постановления о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы; 2) Положение об исправительных арестантских ротах гражданского ведомства; 3) Дополнительные правила к Уставу о содержащихся под стражей.

Концептуальные основы, правовая природа и общая характеристика Уложения. При оценке концептуальных основ рассматриваемого законодательного акта необходимо иметь в виду историческую обстановку его разработки и принятия, без этого любые выводы будут оторваны от тех политических, социально-экономических, идеологических и религиозных условий, а также устройства центральных органов власти и управления, которые сложились

государственной экономики); члены — председатель и два члена Департамента законов Д. Н. Блудов, тайные советники Д. В. Кочубей и М. А. Корф; председатель и член Департамента гражданских и духовных дел генерал-адъютант П. Г. Ольденбургский, тайный советник Д. Т. Бутурлин (директор Имперской публичной библиотеки); члены Департамента дел Царства Польского действительный тайный советник князь К. Ф. Друцкий-Любецкий и тайный советник И. Л. Туркуль (министр и статс-секретарь Царства Польского), а также Министр юстиции тайный советник граф В. Н. Панин.

²¹ После утверждения Уложения было принято решение о его публикации, причем в двух вариантах: большого формата (8 тыс. экз.) и малого формата (1.1 тыс. экз.). Первый был односторонним с форматом Свода законов Российской империи, второй составлял ½ большого формата.

²² Андрусенко О. В. Указ. соч. С. 117.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Организация издания возлагалась на Комитет для надзора за печатанием Полного собрания законов (председатель М. Л. Яковлев) и директора типографии И. И. Граффе. Работа по тиражированию проекта Уложения была завершена в начале апреля 1844 г., к маю были готовы и остальные документы.

¹⁸ Общая объяснительная записка к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

¹⁹ См.: Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказании. СПб., 1846. С. 133–137.

²⁰ В состав Комиссии входили: председатель — генерал-адъютант В. В. Левашов (председатель Департамента

в первой половине XIX в. в Российской Империи. Кроме того, следует учитывать уровень развития доктрины уголовного права, причем не только в России, но и за рубежом. В литературе подчеркивалось, что «с одной стороны, наука руководит к развитию основных начал правды и справедливости, к познанию условий преступности и наказательности и к установлению истинного отношения между преступлениями и наказаниями; с другой стороны, опыт предлагает материалы для узнания нравственных понятий народа и потребностей общества, сущности преступлений вообще и средств, служащих к достижению особенных целей законодательной деятельности. Наука и опыт, теория и практика, взаимно себя проникая и восполняя, приведенные в единство, образуют то твердое основание, на котором должно быть воздвигнуто здание уголовного уложения»²³.

По своей сути Уложение представляет собой модифицированный вариант Свода законов Российской империи, теоретическая основа которого покоится на положениях, разработанных М.М. Сперанским. Данное обстоятельство сказалось и на концепции рассматриваемого акта. В «Руководстве к познанию законов»²⁴ Сперанский пишет: «В государстве есть два союза; один из них именуется государственным, другой гражданским... Где есть союз, там и есть право и обязанности; посему в государстве есть права и обязанности государственные, и есть права и обязанности гражданские... Отсюда первое разделение законов общежительных на государственные и гражданские... Твердость обоих союзов, как государственных, так и гражданских, требует во первых общего надзора за пополнением законов, во вторых мер исправления и наказания в случае их нарушения; отсюда два разряда законов... Законы Полиции и Законы суда как исправительного, так и уголовного»²⁵.

В «Беседах графа М.М. Сперанского с Его Императорским Высочеством государем наследником цесаревичем Александром Николаевичем с 12 октября 1835 по 10 апреля 1837 года» отмечается: «Действие внешней власти — есть двояко: 1) надзор и предупреждение нарушения права, — действие полиции; 2) восстановление права, когда оно нарушено, — действие суда»²⁶. При оценке этого высказывания автора надо иметь в виду, что

он в понятие «суд» включал материальное и формальное право, т.е. уголовное право и уголовный процесс. Сперанский считал, что «сколько есть прав, столько может быть и виновных нарушений, а следовательно, столько есть родов преступлений». По его мнению, при отграничении уголовной неправды от гражданской следует исходить из того, что первая заключается в «нарушении чужого права при известности его, с насилием или обманом». В решимости совершить преступление «различаются три обстоятельства: умышленность, неосторожность и случайность. Во всяком преступлении предполагается умысел; но обвиняемому всегда предоставляются все способы доказывать неосторожность или случайность»²⁷.

Сперанский, как и многие ученые того времени (например, З. Горюшкин, П. Соколов и др.), воспринимал уголовное законодательство как совокупность определений, охраняющих остальные законы. Именно это положение и предлагалось им отразить в Уложении.

При подготовке Уложения были приняты во внимание исследования ряда ученых-криминалистов России, в частности О. Горегляда²⁸, Г.И. Солнцева²⁹ и др.

Для уяснения концептуальных основ рассматриваемого акта большой интерес представляют уголовно-правовые взгляды А.Н. Радищева³⁰, Н.С. Мордвинова, Н.И. Тургенева и др.³¹. Так, мыслитель-материалист, зачинатель революционного и демократического направления в науке Радищев имел опыт кодификации законодательства, принимал участие в составлении Свода законов Российской империи; в ряде научных работ и литературных произведений высказывал идеи о законодательской деятельности. Например, в трактате «О законоположении» утверждал, что «правило всякого законоположения, правило, долженствующее почитаться всегда аксиомою, есть: что лучше предупреждать преступления, нежели оные

цесаревичем Александром Николаевичем с 12 октября 1835 по 10 апреля 1837 года. СПб., 1880. С. 416.

²⁷ Там же. С. 417, 418, 424.

²⁸ См. подр.: *Грачева Ю.В., Чучаев А.И.* Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // *Lex russica*. № 3 (т. С). 2015. С. 112–123.

²⁹ См. об этом подр.: *Чучаев А.А.* Трудная судьба первого российского учебника уголовного права // *Росс. ежегодник уголовного права*. 2007. № 2. С. 665–695.

³⁰ См. об этом подр.: *Солодкин И.И.* Очерки по истории русского уголовного права. Л., 1961; *Ошерович Б.С.* Очерки по истории уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII — первая четверть XIX века). М., 1946.

³¹ См.: *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории уголовного права в России. М., 2003. С. 493.

²³ *Редькин П.* Об уголовной кодификации // *Юридические записки, издаваемые Петром Редькиным, доктором прав и ординарным профессором Императорского Московского университета*. М., 1842. Т. 2. С. 409.

²⁴ *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб., 1845.

²⁵ Там же. С. 41, 45.

²⁶ *Сперанский М.М.* Беседы графа М.М. Сперанского с Его Императорским Высочеством государем наследником

наказывать. Верховная власть многие имеет средства направлять деяния граждан в стезю закона, и все они могут быть предметом общего законоположения. Средства сии суть: 1-е) воспретительные, 2-е) побуждающие, 3-е) предупреждающие. Воспретительные средства суть положенные в законе наказания, побудительные суть награждения разного рода, и хотя многие везд находятся о награждениях постановления, но нигде еще нет о сем уложения систематического; предупредительные средства, исключая некоторые, относятся наипаче к средствам охранительным, как-то суть: учреждения полицейские, и к постановлениям, касающимся или до воспитания народного вообще, или до учрежденных училищ и пособий к учености, или — до постановлений, определяющих общие мнения»³².

Писатель считал необходимым иметь в комиссии из всех присутственных мест всех губерний ведомости о преступлениях; они, по его мнению, нужны потому, что уголовные законы во всех краях России «суть почти одни, а образ мыслей, нравы и обычаи суть различны, потому что народы, Россию поселяющие, суть разного происхождения, разных исповеданий и разным говорят языком, что законы и гражданские постановления суть не одинаковы; для того и побуждения к преступлениям и действительное оных произведение будет различно, и мало размышляющему уже может быть понятно, сколь много законы гражданские соразмерять должны законы уголовные, и что в них лежит предупреждение преступлений или к оным повод»³³. В этих ведомостях должно быть отражено: 1) происшествие или описание, как совершалось преступление; 2) какое было побуждение или какая причина обусловила совершение деяния; 3) какие применялись средства для истины; 4) какие были доказательства, что преступление было совершено; 5) каким законом руководствовались судьи в решении дела; 6) какое наказание было назначено преступнику³⁴.

Согласно уголовно-правовым взглядам военно-морского и государственного деятеля Н.С. Мордвинова³⁵, сложившимся под влиянием Наказа Екатерины II, трудов Монтескьё, Бентама и Беккариа, предполагалось исключить из области правосудия все то, что представлялось недопустимым с точки зрения этики. Он писал: «Сила и безопасность царств состоят... в нравственных опорах... сокрушались они худыми началами,

принимаемыми к их управлению... Коль скоро таковые начала воздействуют на потрясение... первых оснований правосудия, то неминуемо возрождают пагубное недоверие в сердцах всех состояний народных; а тогда само по себе должно уже разрушиться все, чем токмо управляются, возвышаются и утверждаются империи»³⁶. По мнению Мордвинова, неприемлемыми являются действия, которые сами по себе, как таковые законом дозволены, но осуждаются моралью (например, донос, «доказывающий в сердцах ужесточение, погашение последней искры любви... и действие злобы и мщения»). Этический критерий лежит и в основе оценки карательной системы в целом и отдельных ее составляющих: смертной казни, телесных наказаний, клеймения и др.

Н.И. Тургенев, высказываясь об уголовном законодательстве, опирался в том числе и на свой опыт: по возвращении из-за границы в 1816 г. он служил в Комиссии по составлению законов; имел познания в области уголовного права и судопроизводства: будучи за границей, слушал лекции по уголовному праву геттингенского проф. Гёде. Многие труды писателя сохранились в рукописном виде, ряд из них остались неоконченными³⁷. В 1823 г. он начал писать работу «Уголовное Уложение» (осталось не завершенной), в которой наиболее отчетливо отражена позиция автора по отношению к сложившейся практике наказаний, допросов с пытками, тюремной системе с ее бессмысленными режимными требованиями, уничтожающими «в сидельце» все человеческое. Его представления об уголовно-правовой оценке добровольного отказа от преступления фактически могут претендовать на прообраз современного регулирования этого института в уголовном законодательстве Российской Федерации³⁸.

На концепцию Уложения существенное влияние оказала историческая школа права вообще и уголовного права в частности³⁹. Она возникла в Германии, но не получила там достаточного развития. В России интерес к истории уголовного права стал активно проявляться в 40-е годы XIX столетия. Ученые стремились истолковать законодательные памятники, «чтобы вскрыть особенности

³² Радищев А.Н. О законоположении // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 7. С. 250.

³³ Там же. С. 252.

³⁴ См.: там же.

³⁵ О жизни и деятельности Николая Семеновича Мордвинова см.: Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов: историческая монография. СПб., 1873.

³⁶ Мордвинов Н.С. Мнение. 25 сентября 1811 года // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете: повременное издание. 1846. Кн. 2. С. 228.

³⁷ См.: Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 573 и сл.

³⁸ См.: Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 1907. С. 142.

³⁹ См. подр.: Маликов С.В., Чучаев А.И. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве // Антиномии. 2025. № 1.

национального духа постановлений»⁴⁰. В отличие от своих немецких предшественников российские криминалисты не абсолютизировали результаты более ранних исследований, не ограничивались старыми приемами изучения законодательных актов, инициировали новые подходы в историческом познании уголовного права. Одним из представителей исторической школы уголовного права являлся Губе, фактически возглавлявший работы по подготовке текста проекта уложения⁴¹.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных как по содержанию, так и по форме представляло собой феодально-монархический акт, оно не охватывало полностью все уголовное законодательство⁴². Помимо него вначале действовали Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Воинский устав о наказаниях 1869 г., а позднее еще и Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, содержащее специальный раздел о наказуемости деяний лиц, указанных в названии акта.

А.В. Пашковская замечает, что оценка Уложения о наказаниях уже дореволюционными исследователями была неоднозначной. С одной стороны, отмечалась прогрессивность некоторых положений Общей части уголовного права, характеризующих буржуазное уголовное право. С другой — в части регламентации наказания и отдельных видов преступлений говорилось об архаичности, казуистичности и ярко выраженном сословном характере установлений⁴³.

⁴⁰ Чучаев А.И. Историческая школа российского уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2009 г. М., 2009; *Его же*. Исторический метод и историческая школа уголовного права // Вестник Орловского гос. ун-та. 2009. № 4.

⁴¹ По мнению Н. Грача, для обеспечения правосудия необходимы: «1. Ясное, полное, и определительное Уголовное Уложение, не основанное на мечтательных предположениях, не заимствованное из постановлений других земель, но извлеченное из коренных древних законов отечества (курсив наш. — А.Ч.), приведенных в порядок, поясненных, согласенных и дополненных...» (см.: Грач Н. Записки о Париже. Уголовное судилище // Сын Отечества. 1818. Т. 43. № 5. С. 200).

⁴² Подробный анализ концептуальных основ Уложения см.: Архитов И.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (предпосылки, история создания, государственно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук; Кодан С.В. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в 1830–1840-е годы (к истории создания Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) // Кодификация законодательства: теория практика, техника: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижегород, 25–26 сентября 2008 г.). Н. Новгород, 2009. С. 481–491; Дудырев Ф.Ф. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и идейно-политическая борьба в России в 30-е — 40-е годы XIX века // Вестник СГАП. 2009. № 6 (70). С. 120–125; и др.

⁴³ См.: Пашковская А.В. К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Государство и право. 1995. № 11. С. 127.

«Уложение о наказаниях, — пишет Н.Д. Сергеевский, — не может быть названо уложением в том строгом смысле, в каком это слово понимается в современной юриспруденции, т.е. в смысле цельного и единого законодательного акта. По содержанию своему Уложение представляет собой упорядоченный свод отдельных законоположений различных эпох, несколько дополненный и исправленный, — со всеми теми недостатками, которые присущи подобным сводам: многостатейностью, казуистичностью и отсутствием единства в руководящих началах. Эти недостатки Уложения давно уже сделались избитым местом в литературе. Но несомненно, что в высшей степени ценным достоинством его является ближайшее родство по содержанию и по языку с действующим законодательством других областей нашего права»⁴⁴.

Главную концептуальную ошибку составителей Уложения о наказаниях Сергеевский видит в том, что они попытались соединить законоположения различных эпох, исключающих или по крайней мере противоречащих друг другу. Это привело к тому, что, во-первых, руководящие принципы, на которых основаны различные отделы Уложения, существенно разнятся между собой; во-вторых, отсутствует хоть сколько-нибудь точный масштаб при определении ответственности за преступные деяния не только различных категорий, но и одной и той же категории; в-третьих, имеет место формальное противоречие отдельных постановлений. Сергеевский указывает: «Независимо от этого, само представление составителей Уложения о том законодательном материале, с которым они имели дело, было в корне ошибочным: XV том Свода законов, определивший содержание Уложения, в действительности вовсе не представлял собой свода “прежних уголовных законов наших” и далеко не весь является “основанным на источниках отечественного права”. Наоборот, если судить не подстатейным ссылкам и примечаниям, сделанным в издании Свода 1832 года, а по действительному содержанию статей его, то нельзя не прийти к выводу, что почти вся общая часть (раздел 1) чисто иностранного происхождения и носит на себе сильнейшие следы отвлеченных формулировок немецкой доктрины начала XIX века. Немало таких же заимствований можно найти и в других отделах. Весь этот материал, в сущности “умозрительного” характера, вошел в Уложение под видом “исторического”, “национального”»⁴⁵.

Отсутствие системности, последовательности, громоздкость нормативного акта (и при этом неполнота некоторых постановлений) Уложения

⁴⁴ Цит. по: Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергеевского. М., 2010. С. 161.

⁴⁵ Там же. С. 163.

отмечает П. П. Пусторослев: «Это уложение не представляло законченной системы постановлений общего уг. права, проникнутой внутренним единством, последовательностью и полнотой, а поэтому не было уг. уложением в строгом научном смысле этого слова. Напротив, уложение о наказаниях составляло в действительности свод постановлений действующего рус. общего уг. права, пополненный некоторыми новыми постановлениями: частью под влиянием судебной практики, частью под влиянием иностранных законодательств, а частью под влиянием других различных обстоятельств». Исходя из этого, Пусторослев делает вывод: «Уложение о наказаниях 1845 г. уже с самого своего появления на свет страдало несколькими недостатками. Среди них особенно выдвигались на вид: казуистичность и некоторая неполнота постановлений в проведении принципов и излишнее многословие»⁴⁶.

Справедливости ради следует заметить, что многие положения, относящиеся к Общей части, например о вине, стадиях предварительной преступной деятельности, соучастии и др., ставили Уложение в один ряд с лучшими зарубежными кодексами. «Но редакция статей, громоздкость изложения, технико-юридическое оформление шли вразрез с новыми тенденциями, отражали требования следственного процесса. Ярким примером приспособленности Уложения к условиям следственного процесса явилась глава 3, где содержались четкие предписания по применению основных теоретических положений кодекса, тем самым усмотрение судьи максимально ограничивалось. По сути дела этот прием отражал стремление бороться с произволом бюрократическими методами»⁴⁷.

Вопрос о юридической природе Уложения о наказаниях уголовных и исправительных относится к числу дискуссионных. Можно выделить несколько точек зрения. Так, одни авторы признавали его стоящим между кодексом и сводом законов, при этом не определяя собственно природы Уложения (Губе, Таганцев, В. Д. Кузьмин-Караваев). Например, Н. С. Таганцев пишет, что «это уложение несравненно более походило на свод, чем на кодекс, систематически построенный на едином общем начале»⁴⁸. И. И. Солодкин видел в нем результат инкорпорации⁴⁹. Ряд ученых считают Уложение

кодексом в узком смысле слова⁵⁰. И. В. Архипов относит его к комплексному кодексу, содержащему нормы нескольких отраслей права⁵¹.

Рассматриваемый акт содержит 2224 статьи, объединенных в 12 разделов⁵² (разд. I охватывал 181 статью, в которых регламентировались положения, в современном законе относящиеся к Общей части Кодекса⁵³; остальные разделы интегрировали статьи, в которых давалось описание составов конкретных преступлений и проступков). Последние состояли из глав, некоторые главы — из отделений, а отделения — из отделов. В структуре просматривается деление закона на Общую и Особенную части, хотя эти элементы таковыми еще не именовались.

Раздел I Уложения посвящен понятию преступления и проступка; вине; стадиям совершения преступления; соучастию в совершении преступления; наказанию; вознаграждению за убытки, вред и обиды; особым наказаниям за преступления и проступки по службе; замене одних наказаний другими; определению наказаний по преступлениям; мере наказания; власти и обязанности суда в определении наказаний; смягчению и отмене наказаний; пространстве действия постановления Уложения; действию постановлений Уложения на российских подданных, находящихся вне государства⁵⁴.

В Уложении закреплено формальное определение понятий преступления и проступка. «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или

⁵⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. С. 160.

⁵¹ См.: Архипов И. В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (предпосылки, история создания, государственно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 16.

⁵² В. Д. Спасович по этому поводу замечал: «Память человеческая не может с ним справиться, и нет юриста — ни теоретика, ни практика — который бы знал Уложение в его основных принципах и чертах» (см.: Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. С. 359).

⁵³ В. М. Клеандрова отмечает, что впервые в истории уголовного права России общие понятия уголовно-правовых институтов были выделены в самостоятельный раздел в т. XV Свода законов. В Уложении это сделано значительно более четко и с точки зрения круга вопросов, вынесенных в Общую часть, и с точки зрения формулирования важнейших понятий. Из всех разделов Уложения первый — юридически наиболее совершенный и современный для той эпохи (см.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. С. 310).

⁵⁴ См. по этому вопросу: Коняхин В. П. Генезис структуры общей части в системе кодифицированного уголовного законодательства дореволюционной России // Уголовное право. 2003. № 3; Его же. Развитие структуры общей части УК в рамках кодифицированного уголовного законодательства России (1845–1996) // Право и политика. 2002. № 3; и др.

⁴⁶ Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев, 1912. С. 57.

⁴⁷ Архипов И. В. Указ. соч. С. 17.

⁴⁸ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 98.

⁴⁹ См.: Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права. С. 29.

безопасность общества или частных лиц, есть **преступление**» (ст. 1); «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется **проступком**» (ст. 2); «за преступления и проступки, по роду и мере важности оных, виновные подвергаются наказаниям **уголовным** или **исправительным**» (ст. 3); «преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано» (ст. 4). Из приведенных законодательных положений видно, что составителями Уложения сделана попытка различить преступление и проступок по объекту посягательства, отказавшись от такого критерия, применявшегося в Своде законов, как тяжесть наказания за содеянное. Деяние, посягающее на один тот же объект, могло быть признано как преступлением, так и проступком⁵⁵.

Наибольшее число норм регламентируют наказание⁵⁶. Это дало основание утверждать, что ожидания составителей Уложения, стремившихся, «во-первых, определить с точностью существо каждого наказания и относительную, по сравнению с другими большую или меньшую тягость одного; во-вторых, установить во всех наказаниях несколько степеней таким образом, чтобы строгость каждого отдельного наказания могла быть по мере надобности увеличена или уменьшаема в известной постепенности и чтобы последняя степень была естественным переходом от одного наказания к другому...»⁵⁷, не оправдались. Созданная ими лестница наказаний оказалась неудобной и громоздкой, сохраняла сословный характер наказуемости деяний и его главный атрибут — применимость к классам, не относящимся к привилегированным, телесного наказания.

Особенная часть Уложения по своему уровню намного уступает положениям его Общей части. Во-первых, составители не сумели (или не захотели?) согласовать указанные части нормативного акта, поэтому в Особенной части нередко встречаются нормы, которыми просто-напросто игнорируются или существенно ограничиваются действие норм Общей части. Во-вторых, она далеко не в полной мере отражает тенденции, имевшие место в российском обществе. Эта структурная часть Уложения несет в себе явный отпечаток

консервативного подхода к формированию системы норм о конкретных преступлениях. При ее разработке над составителями, на наш взгляд, довели три обстоятельства: а) максимальное следование системе Свода законов; б) устранение обнаруженной судебной практикой и доктриной уголовного права неполнота правового регулирования т. XV указанного Свода; в) необходимость устранения неопределенных санкций, имевших место в большом количестве в предыдущих нормативных актах.

Система норм о преступлениях в целом не претерпела существенных изменений, она шла вслед за Сводом законов. Однако следует заметить, что некоторые новеллы в архитектонике Уложения сделали эту его часть более последовательной и логичной. Избранный же авторами подход к формированию Особенной части в принципе не мог обеспечить создание надлежащей системы норм о преступлениях. Все дело в выборе основания систематизации. В основу системы были заложены два критерия (что уже само по себе обуславливает проблемы обоснованности интегрирования норм): объект уголовно-правовой охраны и критерий управленческой деятельности. Это не позволило избавиться от недостатков систематизации, имевшейся в т. XV Свода законов.

При определении санкций уголовно-правовых норм составители Уложения, по всей вероятности, во многом ориентировались на зарубежное законодательство; результатом этого стало создание относительно-определенных санкций⁵⁸. На степень наказуемости деяний не могло не сказаться влияние соответствующих ведомств, участвовавших, как уже говорилось, в обсуждении проекта Уложения. Последние, как правило, ратовали за усиление наказаний. Однако надо признать, что в целом этого не произошло, поскольку с ними согласовывались лишь незначительные проступки. Общее усиление репрессивности Уложения стало возможным за счет другого обстоятельства — объема криминализации деяний.

На Особенной части сказалось увеличение специальных норм о преступлениях, дополнительной дифференциации ответственности за их совершение, включение в структуру Уложения административных проступков и дисциплинарных нарушений. Этим самым составители стремились устранить отмеченную выше неполноту правового регулирования, однако законодательная техника реализации указанной цели оказалась на сравнительно низком уровне.

Большинство разделов Особенной части, по сравнению со Сводом Законов Российской Империи, концептуально не претерпели изменений. Это наглядно заметно по главам, посвященным уголовно-правовой

⁵⁵ См. об этом подр.: *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1 Общая часть. М., 2011. С. 89, 90.

⁵⁶ См. об этом подр.: *Алексеев В. И.* Нормативное регулирование уголовных наказаний по Уложению о наказаниях 1845 года // История государства и права. 2005. № 1.

⁵⁷ Общая объяснительная записка к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. С. 96.

⁵⁸ См. об этом подр.: *Поляков С. А.* Санкции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 2 (26). С. 34–38.

защите государственной власти и ее представителей⁵⁹. В то же время Уложение вобрало в себя буржуазные идеи о защите имущественных отношений⁶⁰. В целом Особенная часть отражает складывавшиеся тенденции максимальной регламентации всех сторон общественной жизни.

* * *

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. действовало в трех редакциях — 1857, 1866 и 1885 гг. В результате последних двух изменений были существенно модифицированы некоторые основополагающие институты уголовного права. Несмотря на критические замечания, высказывавшиеся учеными Российской Империи и Российской Федерации, в целом Уложение имеет непреходящее значение: во-первых, оно знаменует определенный этап развития уголовного права; во-вторых, явилось основой для разработки Уголовного уложения 1903 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаев Г.А. Ответственность за преступления против порядка управления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // История государства и права. 2005. № 5. С. 41–43.
2. Агузаров Т.К., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана власти (XI–XX в.): историко-правовые очерки. М., 2011. С. 90–130.
3. Алексеев В.И. Нормативное регулирование уголовных наказаний по Уложению о наказаниях 1845 года // История государства и права. 2005. № 1.
4. Алешкина Э.Н. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (к 160-летию принятия) // Процессуальное право и правовая культура. Проблемы взаимодействия и развития / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2005. Вып. 18. С. 7–23.
5. Андрусенко О.В. Подготовка проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Правоохранительные органы: теория и практика. 2009. № 2. С. 109–117.
6. Архипов И.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (предпосылки, история создания, государственно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1990. С. 16, 17.
7. Архипов И.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (предпосылки, история создания, государственно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1990. С. 80, 81, 99.
8. Грач Н. Записки о Париже. Уголовное судилище // Сын Отечества. 1818. Т. 43. № 5. С. 200.
9. Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // Lex russica. № 3 (т. С). 2015. С. 112–123.
10. Дудырев Ф.Ф. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и идейно-политическая борьба в России в 30-е — 40-е годы XIX века // Вестник СГАП. 2009. № 6 (70). С. 120–125.
11. Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов: историческая монография. СПб., 1873.
12. Кодан С.В. Кодификация уголовного законодательства Российской империи в 1830–1840-е годы (к истории создания Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) // Кодификация законодательства: теория практика, техника: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.). Н. Новгород, 2009. С. 481–491.
13. Коняхин В.П. Генезис структуры общей части в системе кодифицированного уголовного законодательства до-революционной России // Уголовное право. 2003. № 3.
14. Коняхин В.П. Развитие структуры общей части УК в рамках кодифицированного уголовного законодательства России (1845–1996) // Право и политика. 2002. № 3.
15. Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказании. СПб., 1846. С. 133–137.
16. Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888.
17. Маликов С.В., Чучаев А.И. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве // Антиномии. 2025. № 1.
18. Мордвинов Н.С. Мнение. 25 сентября 1811 года // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете: повременное издание. 1846. Кн. 2. С. 228.
19. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1 Общая часть. М., 2011. С. 89, 90.
20. Общая объяснительная записка к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1844. С. 44, 45, 56, 57, 96.
21. Ошерович Б.С. Очерки по истории уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII — первая четверть XIX века). М., 1946.
22. Пашковская А.В. К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Государство и право. 1995. № 11. С. 127.
23. Поляков С.А. Санкции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 2 (26). С. 34–38.
24. Помогалова Н.Н. Ответственность за преступления против собственности по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁵⁹ См. об этом подр.: Агаев Г.А. Ответственность за преступления против порядка управления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // История государства и права. 2005. № 5. С. 41–43; Агузаров Т.К., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана власти (XI–XX в.): историко-правовые очерки. М., 2011. С. 90–130.

⁶⁰ См. об этом подр.: Помогалова Н.Н. Ответственность за преступления против собственности по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

25. Приключения лифляндца в Петербурге // Русский архив. 1878. № 4. С. 445.
26. Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев, 1912. С. 57.
27. Радищев А. Н. О законоположении // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2017. № 7. С. 250, 252.
28. Редькин П. Об уголовной кодификации // Юридические записки, издаваемые Петром Редькиным, доктором прав и ординарным профессором Императорского Московского университета. М., 1842. Т. 2. С. 409.
29. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1988. С. 160, 310.
30. Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 573.
31. Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права. Л., 1961. С. 29.
32. Солодкин И. И. Русское уголовное право в конце XVIII – первой трети XIX веков (образование, наука, законодательство): дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1966. С. 274.
33. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. С. 359.
34. Сперанский М. М. Беседы графа М. М. Сперанского с Его Императорским Высочеством государем наследником цесаревичем Александром Николаевичем с 12 октября 1835 по 10 апреля 1837 года. СПб., 1880. С. 416–418, 424.
35. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 1845. С. 41, 45.
36. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 98, 103, 105.
37. Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1907. С. 142.
38. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории уголовного права в России. М., 2003. С. 493.
39. Чучаев А. А. Трудная судьба первого российского учебника уголовного права // Росс. ежегодник уголовного права. 2007. № 2. С. 665–695.
40. Чучаев А. И. Историческая школа российского уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2009 г. М., 2009.
41. Чучаев А. И. Исторический метод и историческая школа уголовного права // Вестник Орловского гос. ун-та. 2009. № 4.
42. Чучаев А. И. Уголовно-правовые взгляды Н. Д. Сергеевского. М., 2010. С. 161, 163.
3. Alekseev V. I. Regulatory regulation of criminal penalties under the Penal Code of 1845 // History of the State and Law. 2005. No. 1 (in Russ.).
4. Aleshkina E. N. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 (on the 160th anniversary of its adoption) // Procedural law and legal culture. Problems of interaction and development / ed. by Yu. N. Starilov. Voronezh, 2005. Iss. 18. Pp. 7–23 (in Russ.).
5. Andrusenko O. V. Preparation of the draft Code of Criminal and Correctional punishments of 1845 // Law enforcement agencies: theory and practice. 2009. No. 2. Pp. 109–117 (in Russ.).
6. Arkhipov I. V. The Code of Criminal and correctional punishments of 1845 (background, history of creation, state-legal analysis): abstract ... PhD in Law. Saratov, 1990. Pp. 16, 17 (in Russ.).
7. Arkhipov I. V. The Code of Criminal and correctional punishments of 1845 (background, history of creation, state-legal analysis): dis. ... PhD in Law. Saratov, 1990. Pp. 80, 81, 99 (in Russ.).
8. Grach N. Notes on Paris. Criminal court // Son of the Fatherland. 1818. Vol. 43. No. 5. P. 200 (in Russ.).
9. Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. The first textbook of Criminal Law (dedicated to the 200th anniversary of Osip Goreglyad's textbook "The experience of writing Russian Criminal Law") // Lex russica. No. 3 (vol. C). 2015. Pp. 112–123 (in Russ.).
10. Dudyrev F. F. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 and the ideological and political struggle in Russia in the 30s – 40s of the XIX century // Herald of the SSAP. 2009. No. 6 (70). Pp. 120–125 (in Russ.).
11. Ikonnikov V. S. Count N. S. Mordvinov: historical monograph. St. Petersburg, 1873 (in Russ.).
12. Kodan S. V. Codification of the criminal legislation of the Russian Empire in the 1830^s and 1840^s (on the history of the creation of the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845) // Codification of legislation: theory, practice, technique: materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, September 25–26, 2008). Nizhny Novgorod, 2009. Pp. 481–491 (in Russ.).
13. Konyakhin V. P. Genesis of the structure of the General part in the system of codified criminal legislation of pre-revolutionary Russia // Criminal Law. 2003. No. 3 (in Russ.).
14. Konyakhin V. P. The development of the structure of the General part of the Criminal Code within the framework of the codified criminal legislation of Russia (1845–1996) // Law and Politics. 2002. No. 3 (in Russ.).
15. A brief overview of the progress of work and assumptions on the drafting of a new Code of laws on punishment. St. Petersburg, 1846. Pp. 133–137 (in Russ.).
16. Latkin V. N. Lectures on the external history of Russian law. St. Petersburg, 1888 (in Russ.).
17. Malikov S. V., Chuchaev A. I. Historical school of law: reflection of ideas in Russian Criminal Law // Antinomies. 2025. No. 1 (in Russ.).
18. Mordvinov N. S. Opinion. September 25, 1811 // Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities

REFERENCES

1. Agaev G. A. Responsibility for crimes against the management procedure under the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 // History of the State and Law. 2005. No. 5. Pp. 41–43 (in Russ.).
2. Aguzarov T. K., Chuchaev A. I. Criminal law protection of power (XI–XX century): historical and legal essays. M., 2011. Pp. 90–130 (in Russ.).

- at Moscow University: a temporary edition. 1846. Book 2. P. 228 (in Russ.).
19. *Naumov A.V.* Russian Criminal Law. Course of lectures: in 3 vols. Vol. 1 General part. M., 2011. Pp. 89, 90 (in Russ.).
 20. General explanatory note to the draft of the new Code of Criminal and Correctional punishments. St. Petersburg, 1844. Pp. 44, 45, 56, 57, 96 (in Russ.).
 21. *Oshervich B.S.* Essays on the history of criminal- legal thought (the second half of the XVIII – the first quarter of the XIX century). M., 1946 (in Russ.).
 22. *Pashkovskaya A.V.* On the 150th anniversary of the Code on Criminal and Correctional punishments of 1845 // State and Law. 1995. No. 11. P. 127 (in Russ.).
 23. *Polyakov S.A.* Sanctions of the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 // Scientific herald of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 2 (26). Pp. 34–38 (in Russ.).
 24. *Pomogalova N.N.* Responsibility for crimes against property under the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845: dis. ... PhD in Law. M., 2003 (in Russ.).
 25. The adventures of a Liflian in St. Petersburg // Russian Archive. 1878. № 4. P. 445 (in Russ.).
 26. *Pustoroslev P.P.* Russian Criminal Law. The General part. Iss. 1. Introduction. Sources of Criminal Law. Crime. Yuriev, 1912. P. 57 (in Russ.).
 27. *Radishchev A.N.* On the legal regulation // Herald of Kutafin University. 2017. No. 7. Pp. 250, 252 (in Russ.).
 28. *Redkin P.* On criminal codification // Legal notes published by Peter Redkin, Doctor of Law and ordinary Professor of the Imperial Moscow University. M., 1842. Vol. 2. P. 409 (in Russ.).
 29. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vols. Vol. 6: Legislation of the first half of the XIX century / ed. by O.I. Chistyakov. M., 1988. Pp. 160, 310 (in Russ.).
 30. *Semevsky V.I.* Political and social ideas of the Decembrists. St. Petersburg, 1909. P. 573 (in Russ.).
 31. *Solodkin I.I.* Essays on the history of Russian Criminal Law. L., 1961. P. 29 (in Russ.).
 32. *Solodkin I.I.* Russian Criminal Law at the end of the XVIII – first third of the XIX centuries (education, science, legislation): dis. ... Doctor of Law. L., 1966. P. 274 (in Russ.).
 33. *Spasovich V.D.* Textbook of Criminal Law. St. Petersburg, 1863. P. 359 (in Russ.).
 34. *Speransky M.M.* Conversations of Count M.M. Speransky with His Imperial Highness the Sovereign heir Tsarevich Alexander Nikolaevich from October 12, 1835 to April 10, 1837. St. Petersburg, 1880. Pp. 416–418, 424 (in Russ.).
 35. *Speransky M.M.* Guide to the knowledge of laws. St. Petersburg, 1845. Pp. 41, 45 (in Russ.).
 36. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law. Lectures. Part General: in 2 vols. M., 1994. Vol. 1. Pp. 98, 103, 105 (in Russ.).
 37. *Turgenev N.I.* Russia and the Russians. M., 1907. P. 142 (in Russ.).
 38. *Feldstein G.S.* The main trends in the history of Criminal Law in Russia. M., 2003. P. 493 (in Russ.).
 39. *Chuchaev A.A.* The difficult fate of the first Russian textbook of Criminal Law // Russ. the yearbook of Criminal Law. 2007. No. 2. Pp. 665–695 (in Russ.).
 40. *Chuchaev A.I.* Historical school of Russian Criminal Law // Criminal Law: development strategy in the 21st century: proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference, January 29–30, 2009. M., 2009 (in Russ.).
 41. *Chuchaev A.I.* Historical method and historical school of Criminal Law // Herald of the Orel State University. 2009. No. 4 (in Russ.).
 42. *Chuchaev A.I.* Criminal law views of N.D. Sergeevsky. M., 2010. Pp. 161, 163 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧУЧАЕВ Александр Иванович —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий сектором уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHAEV Aleksandr I. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 347.214.2

ЗАЩИТА ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА ПРИ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОСТЬ

© 2025 г. А. В. Пушкина

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: ann-pushkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.06.2025 г.

Аннотация. В статье дается характеристика некоторых теоретических и практических проблем, связанных с государственной регистрацией недвижимости. При исследовании данного вопроса констатируется, что регистрация прав на недвижимость необходима для защиты не только частных, но и публичных интересов. Анализируются причины сбоев, происходящих при регистрации прав на недвижимость. В качестве одной из причин таких сбоев рассматривается противоречивость понятия недвижимости в отечественном законодательстве. Отмечается, что отсутствие четкости в трактовке круга объектов, относимых к недвижимости в настоящее время, приводит к появлению проблем в правоприменительной практике. С одной стороны, регистрируются объекты, отнесение которых к недвижимости спорно. С другой — растет число объектов, которые признаются недвижимостью безотносительно к их регистрации в качестве таковой. В частности, противоречива практика по вопросу о признании объектами недвижимости автомобильных дорог, оборудования предприятий. Делается вывод о невозможности в настоящее время введения в отечественное законодательство доктринально безупречной концепции недвижимости и необходимости в связи с этим точечной корректировки законодательства, уточняющей правовой режим отдельных видов объектов. Такой подход повысит правовую определенность для участников оборота и защитит публичные интересы, связанные с государственной регистрацией недвижимости.

Ключевые слова: недвижимое имущество, государственная регистрация недвижимости, единый государственный реестр недвижимости, автомобильные дороги, линейные объекты, единый недвижимый комплекс, оборудование предприятий.

Цитирование: Пушкина А. В. Защита публичного интереса при регистрации прав на недвижимость // Государство и право. 2025. № 8. С. 175–181.

DOI: 10.31857/S1026945225080171

PROTECTION OF PUBLIC INTEREST IN REGISTRATION OF RIGHTS TO REAL ESTATE

© 2025 A. V. Pushkina

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: ann-pushkina@yandex.ru

Received 11.06.2025

Abstract. The article provides characteristics of some theoretical and practical problems related to state registration of real estate. When studying this issue, it is stated that registration of rights to real estate is necessary to protect not only private but also public interests. The causes of failures that occur during registration of rights to real estate are analyzed. The inconsistency of the concept of real estate in domestic legislation is considered as one of the reasons for such failures. It is noted that the lack of clarity in the interpretation of the range of objects classified as real estate at present leads to problems in law enforcement practice. On the one hand, objects are registered whose classification as real estate is controversial. On the other hand, the number of objects recognized as real estate regardless of their registration as such is growing. In particular, the practice on the issue of recognizing highways and enterprise equipment as real estate is inconsistent. A conclusion is made about the current impossibility of introducing a doctrinally impeccable concept of real estate into domestic legislation, and the need in this regard for a targeted adjustment of the legislation clarifying the legal regime of certain types of objects. This approach will increase legal certainty for participants in the turnover and protect public interests related to state registration of real estate.

Key words: real estate, state registration of real estate, unified state register of real estate, highways, linear objects, unified real estate complex, equipment of enterprises.

For citation: Pushkina, A.V. (2025). Protection of public interest in registration of rights to real estate // *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, No. 8, pp. 175–181.

Введение

Недвижимости в силу ее высокой рыночной стоимости и огромной социальной значимости для общества всегда уделялось больше внимания со стороны государства, чем другим объектам гражданского права. Публично-правовые образования заинтересованы в наличии информации о правообладателях объектов недвижимости, в связи с чем установлена обязанность государственной регистрации недвижимости. Конституционный Суд РФ объяснял это так: «Законодательное закрепление необходимости государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество является <...> признанием со стороны государства публично-правового интереса в установлении принадлежности недвижимого имущества конкретному лицу, чем обеспечивается защита прав других лиц, стабильность гражданского оборота и предсказуемость его развития»¹.

¹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33

Таким образом, публичный интерес имеет место при государственной регистрации прав или обременений на любое недвижимое имущество — не только когда правообладателем является публично-правовое образование, но и в случае принадлежности недвижимости частному лицу (физическому или юридическому). В настоящее время налаживается межведомственное взаимодействие, и сведения о регистрации объекта недвижимости из Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) поступают в Федеральную налоговую службу (ФНС). Затем на основании этих сведений начисляются налоги на имущество. Но это не означает, что регистрация недвижимости имеет фискальные цели. Основная цель такой регистрации — стабилизировать оборот недвижимости, она является частноправовой, при этом публичный интерес состоит в налаживании системы государственной регистрации недвижимости таким образом, чтобы минимизировать ошибки и неточности в едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН),

и статьи 51 Федерального закона “Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 23, ст. 3356.

обеспечить его максимальную достоверность. Фискальная задача при этом решается попутно.

Институт государственной регистрации недвижимости стоит на стыке частного и публичного права. Формулировка ст. 131 ГК РФ дает основания полагать, что частноправовое регулирование в данной сфере первично. Но любая ошибка в ЕГРН угрожает не только частному, но и публичному интересу. Во-первых, недостоверность данных ЕГРН подрывает доверие граждан к публичной власти вообще. Во-вторых, если добросовестный приобретатель, полагаясь на данные ЕГРН, купил жилое помещение, которое затем было виндичировано, он может потребовать компенсации возникших у него убытков от Российской Федерации (когда их не удалось возместить за счет виновного лица)². Даже если никаких нарушений со стороны Росреестра не было, государство обязано выплатить компенсацию добросовестному приобретателю. Поэтому недостоверность данных ЕГРН угрожает не только имиджу, но и финансовому благополучию публично-правового образования.

Представляется, что для защиты публичного интереса в указанной сфере необходимо прежде всего устранить причины, вызывающие ошибки и неточности в ЕГРН. А их немало. Иногда причиной ошибки является мошенничество, но рамки настоящей статьи не позволяют исследовать пути устранения данного явления. Другой типичной причиной становится недостаточно четкое определение понятия «недвижимость» в законодательстве.

Круг вещей, относимых к недвижимости, постоянно корректируется, многие исследователи полагают, что законодательство в этой области нуждается в реформировании³. Не все ученые сходятся во мнении и относительно соотношения понятий «недвижимое имущество», «недвижимая вещь» и «недвижимость»⁴. Однако представляется, что, несмотря на разные оттенки смысла, эти термины можно использовать как взаимозаменяемые, что прямо следует из формулировки п. 1 ст. 130 ГК РФ.

Российское законодательство о недвижимости прошло непростой путь развития. То понимание недвижимости, которое сложилось в России сейчас, теоретически не безупречно, но оно отражает

потребности оборота. Представляется, что оно нуждается в конкретизации, но не в коренном пересмотре.

Неточности сведений ЕГРН способствуют и многочисленные исключения из «принципа внесения», которые позволяют избежать регистрации в ЕГРН некоторых прав и обременений на недвижимость⁵.

Еще одна проблема лежит в процессуальной плоскости. Если при государственной регистрации прав на недвижимость затрагивается публичный интерес, то в рамках какого процесса подлежат рассмотрению дела, связанные с правами на недвижимость — гражданского или административного? Соответственно, может ли третейский суд решать указанные дела или они могут разрешаться только государственным судом? Ведь получается, что любое судебное решение, требующее внесения изменений в запись ЕГРН о недвижимом имуществе, защищает не только частный интерес, связанный с подтверждением прав на данную недвижимость, но и интерес публичный, направленный на то, чтобы данные в ЕГРН были достоверными⁶.

Конечно, есть и другие проблемы в области защиты публичного интереса при регистрации прав на недвижимость. Но в рамках настоящей статьи будут рассмотрены только вопросы, связанные с конкретизацией понятия «недвижимость». Представляется, что данные проблемы нуждаются в первоочередном исследовании.

Понятие и виды недвижимости

Понятие недвижимости было известно дореволюционному российскому законодательству, а в советское время в связи с национализацией земли оно не использовалось. В постсоветский период вновь стала возможной частная собственность на земельные участки, стало возрождаться понятие «недвижимой вещи». Однако при этом приходилось учитывать и наследие советских времен, и решения, принятые в «переходный период»⁷.

Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» законодательство было дополнено существенными уточнениями, касающимися видов и правового

² См.: Статья 68.1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I), ст. 4344.

³ См. об этом, напр.: Суханов Е.А. Еще раз о недвижимости и о вещном праве // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2021.

⁴ Емелькина И.А. Современные теории о сущности недвижимого имущества // Вестник Мордовского ун-та. 2006. Т. 16. № 1. С. 51–56.

⁵ См. об этом напр.: Пушкина А.В., Лебедев К.А. Актуальные вопросы защиты прав граждан в сфере недвижимости // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 72–76.

⁶ Подробнее об этом см.: Михайлова Е.В. Третейское разбирательство как процессуальная форма защиты публичных интересов // Государство и право. 2024. № 3. С. 65; Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М., 2015.

⁷ Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции / под ред. Е.В. Михайловой. М., 2024. С. 324–342.

режима недвижимого имущества. Однако концепция «единого объекта недвижимости»⁸, которая могла бы стать фундаментом для построения непротиворечивой системы объектов недвижимости, данным законом не предусмотрена. Наряду с земельным участком к самостоятельным объектам недвижимости Гражданский кодекс РФ относит здания и сооружения, помещения, объекты незавершенного строительства, машиноместа и др. Верховный Суд РФ разъяснил: «При этом по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости. <...> При разрешении вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) необходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы»⁹.

А. Егоров и В. Величко, анализируя данное разъяснение, писали: «Получается, право возникает в результате юридического поступка (фактических действий в виде возведения фундамента, с которыми закон — при таком истолковании ВС РФ — связывает правовые последствия), а не в результате воли собственника. Там самым на одну ошибку — законодательную (она состоит в допущении разделения собственности на здание и земельный участок под зданием) — накладывается вторая ошибка — правоприменительная (она в том, что разделение здания и земельного участка происходит не по воле собственника, а объективно)»¹⁰.

Однако в единой концепции недвижимости появится смысл только тогда, когда доля земельных участков, находящихся в частной собственности, немного подрастет. По данным Росреестра, в 2023 г. в государственной и муниципальной собственности находилось 92.1% всех земель

в Российской Федерации¹¹. В настоящее время продолжается переходный период, когда российское законодательство пытается сформировать понятие недвижимости с учетом преобладания государственной собственности на землю и опыта приватизации квартир, провозглашенных самостоятельными объектами недвижимости. Представляется, что здесь нельзя говорить о глобальных «ошибках» законодателя или правоприменителя. У российской цивилизации — свой путь¹² и, возможно, — «единая концепция недвижимости», характерная для западных стран, у нас работать не будет.

Пока что допустима лишь точечная корректировка специфического понимания недвижимости, которое постепенно формируется в российском законодательстве. Есть некоторые объекты, по поводу которых на практике не сложилось единообразия в понимании: относятся они к недвижимости или нет. При этом публичный интерес страдает сразу по двум направлениям. Во-первых, возможна ошибочная регистрация таких объектов как недвижимости. Во-вторых, отнесение государственными органами к недвижимости некоторых не зарегистрированных в таком качестве объектов подрывает стабильность осуществления экономической деятельности субъектами предпринимательства.

Автомобильная дорога как объект недвижимости

Дискуссионным является вопрос о том, возможно ли отнести к объектам недвижимости автомобильные дороги. Согласно п. 10.1 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ автомобильные дороги являются разновидностью линейных объектов. Статья 133.1 ГК РФ позволяет рассматривать линейные объекты в качестве единого недвижимого комплекса, который выделен в качестве специфической недвижимой вещи. Однако в Федеральном законе от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не говорится о возможности регистрации автомобильных дорог в качестве объектов недвижимости.

В связи с неопределенностью законодательства противоречиво складывается и практика. Нередко суды отказывают в признании автомобильной дороги

⁸ Данная концепция была отражена в проекте федерального закона № 47538–6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», который п. 1 ст. 130 ГК РФ предлагал изложить в следующей редакции: «Недвижимой вещью (недвижимым имуществом, недвижимостью) является земельный участок. Расположенные на земельном участке здания, сооружения, объекты незавершенного строительства и иные объекты, прочно связанные с участком, являются его составными частями, за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей». (см.: URL: <https://old.privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/projects/> (дата обращения: 31.08.2024)).

⁹ Пункт 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

¹⁰ Егоров А., Величко В. Единый недвижимый комплекс — противоречивый продукт реформы. На пути к правильному понятию недвижимости // Цивилистика. 2019. № 6. С. 80, 81.

¹¹ См.: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2023 году. Росреестр, 2024 год. С. 181. URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/Doc_Nation_report_2023.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

¹² См. об этом, напр.: Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024; Основы российской государственности: учеб. пособие для студ., изучающих социогуманитарные науки / под ред. С. В. Перевезенцева. М., 2023.

самостоятельным объектом недвижимости¹³. Однако есть и решения, признающие правомерность государственной регистрации дорог в качестве недвижимого имущества¹⁴.

Минэкономразвития разъяснило: «По мнению Департамента недвижимости, линейные объекты, в том числе подземные, являющиеся сооружениями, введенными в эксплуатацию как объекты капитального строительства в соответствии со статьей 55 Градостроительного кодекса Российской Федерации, с большой степенью вероятности относятся к недвижимости. Линейные объекты, не вводимые в эксплуатацию в указанном порядке, скорее всего, не являются недвижимостью»¹⁵.

В.В. Михольская и Ю.С. Петропавловская высказали следующую точку зрения по данному вопросу: «Право собственности на сооружение — дорогу как на самостоятельный объект гражданских прав может возникнуть в том случае, если она создана именно как объект недвижимости в установленном порядке и индивидуализирована в качестве объекта недвижимости»¹⁶.

А. Егоров и В. Величко, проанализировав указанную проблему, сделали другой вывод: «Покрытие автомобильных дорог <...> является составной частью земельных участков, на которых оно расположено. Таким образом, обобщенное понятие “линейного объекта”, актуальное для производственных целей, не выдерживает критики с точки зрения гражданского права»¹⁷.

Представляется, что необходимо конкретизировать в законодательстве случаи, когда дороги можно отнести к объектам недвижимости, а когда — нет. Нельзя забывать, что после регистрации дороги в качестве недвижимого имущества неизбежно встанет вопрос об основаниях пользования собственником дороги земельным участком, расположенным под ней.

Недвижимость как объект налога на имущество организаций

С неопределенностью понятия «недвижимость» связана и другая проблема, возникшая на практике

при налогообложении имущества организаций. В соответствии со ст. 374 НК РФ данным налогом облагается только недвижимое имущество юридических лиц. Споры возникают в связи с разными подходами налогоплательщиков и налоговых инспекций к квалификации оборудования, которым пользуются на производствах. Налогоплательщики рассматривают его как движимое имущество и не включают в налоговую базу по налогу на имущество организаций. Налоговые органы нередко квалифицируют такое имущество как недвижимость, усматривают в ином подходе организаций налоговое правонарушение, доначисляют налог, а также применяют штрафные санкции.

Налоговые органы исходят из физических характеристик спорного оборудования, поскольку налогоплательщиками не осуществлялась его государственная регистрация как объектов недвижимости. В этом случае они опираются на заложенную в законе возможность признать вещь недвижимостью в силу ее природных свойств, даже если она не зарегистрирована в этом качестве¹⁸.

При оспаривании таких решений налоговых органов суды нередко вставали на сторону налоговых инспекций¹⁹. Однако в последнее время наметился поворот в практике в сторону защиты позиции налогоплательщиков. В одном из дел налоговая инспекция рассматривала оборудование как составную часть единого недвижимого комплекса

¹⁸ Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «По смыслу статьи 131 ГК РФ закон в целях обеспечения стабильности гражданского оборота устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. При этом по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости (пункт 1 статьи 130 ГК РФ)» (см.: Пункт 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8).

¹⁹ Так, по одному из дел Верховный Суд РФ рассуждал следующим образом: «Исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства в их совокупности и взаимосвязи с учетом результатов комплексных строительно-технических экспертиз, суды установили, что гидроэлектростанция представляет собой комплекс объединенных единым производственным назначением и технологическим режимом работы зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, возведенных по единому проекту и расположенных на одном земельном участке. Спорные объекты, входящие в состав гидроэлектростанции, являются ее составной частью и относятся к сложной вещи. В этой связи суды... пришли к выводу о правомерном отнесении инспекцией спорных объектов к недвижимому имуществу и законности доначисления соответствующих сумм налога» (см.: Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2022 № 306-ЭС22-7514 по делу № А55-35398/2020 // В официальных источниках опубликовано не было).

¹³ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.12.2014 № Ф02-5307/2014 по делу № А33-9649/2013 // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁴ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2014 № 304-ЭС14-77 по делу № А67-761/2013 // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁵ См.: Письмо Минэкономразвития России от 11.10.2016 № Д23и-4847 // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁶ Михольская В.В., Петропавловская Ю.С. Проблемы правовой квалификации автомобильных дорог как объектов недвижимости и охраны земель при их размещении // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 4 (187). С. 14.

¹⁷ Егоров А., Величко В. Указ. соч. 2019. № 6. С. 92.

при отсутствии регистрации последнего в ЕГРН. Между тем ст. 133.1 ГК РФ содержит специальную норму применительно к единым недвижимым комплексам, в соответствии с которой они возникают как единый объект недвижимости только по воле собственника после их государственной регистрации в таком качестве. Правомерность доначисления налога подтверждена апелляционной и кассационной инстанциями, однако были выявлены основания для рассмотрения указанного спора в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ²⁰.

Разночтения в связи с квалификацией оборудования в качестве движимого или недвижимого имущества несут угрозу не только частному, но и публичному интересу. Одним из последствий таких разночтений является невозможность разграничить инвестиции в обновление производственного оборудования и создание некапитальных сооружений от инвестиций в создание (улучшение) объектов недвижимости — зданий и капитальных сооружений. Правовая неопределенность по данному вопросу может способствовать утрате организациями стимулов к обновлению основных средств.

Представляется, что оборудование и некапитальные сооружения типа трансформаторных будок нельзя рассматривать как объекты недвижимости, если сам собственник не зарегистрировал их в этом качестве в составе единого недвижимого комплекса. Публичный интерес состоит не в том, чтобы отнести их к числу объектов налогообложения и таким образом пополнить казну. Наоборот, в интересах государства стимулировать отечественного производителя к осуществлению инвестиций в оборудование.

Выводы

Таким образом, необходимость государственной регистрации недвижимости отражает особую значимость для общества данного объекта права. Решая частноправовую задачу стабилизации оборота недвижимости, система государственной регистрации стоит на страже не только частных, но и публичных интересов. Любой сбой в данной системе может привести как к снижению доверия населения к государственным структурам, так и к дополнительным затратам бюджетных средств. Поэтому важно, чтобы система государственной регистрации недвижимости работала эффективно. С одной стороны, необходимо минимизировать регистрацию в качестве недвижимости тех объектов, которые ею не являются. С другой — следует сокращать количество незарегистрированных объектов недвижимости. Для достижения

указанной цели необходимо уточнение понятия недвижимости, заложенного в законодательстве (например, определение правового режима автомобильных дорог, оборудования и т.п.). Это послужит прежде всего защите публичных интересов, связанных с регистрацией прав на недвижимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Егоров А., Величко В.* Единый недвижимый комплекс — противоречивый продукт реформы. На пути к правильному понятию недвижимости // *Цивилистика*. 2019. № 6. С. 80, 81, 92.
2. *Елисеев Н.Г.* Процессуальный договор. М., 2015.
3. *Емелькина И.А.* Современные теории о сущности недвижимого имущества // *Вестник Мордовского ун-та*. 2006. Т. 16. № 1. С. 51—56.
4. Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции / под ред. Е.В. Михайловой. М., 2024. С. 324—342.
5. *Михайлова Е.В.* Третейское разбирательство как процессуальная форма защиты публичных интересов // *Государство и право*. 2024. № 3. С. 65.
6. *Михольская В.В., Петропавловская Ю.С.* Проблемы правовой квалификации автомобильных дорог как объектов недвижимости и охраны земель при их размещении // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2017. № 4 (187). С. 14.
7. Основы российской государственности: учеб. пособие для студ., изучающих социогуманитарные науки / под ред. С.В. Перевезенцева. М., 2023.
8. *Пушкина А.В., Лебедь К.А.* Актуальные вопросы защиты прав граждан в сфере недвижимости // *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 12. С. 72—76.
9. *Савенков А.Н.* Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024.
10. *Суханов Е.А.* Еще раз о недвижимости и о вещном праве // *Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского* / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2021.

REFERENCES

1. *Egorov A., Velichko V.* A single real estate complex is a controversial product of the reform. On the way to the correct concept of real estate // *Civics*. 2019. No. 6. Pp. 80, 81, 92 (in Russ.).
2. *Eliseev N. G.* Procedural contract. M., 2015 (in Russ.).
3. *Emelkina I. A.* Modern theories about the essence of real estate // *Herald of the Mordovian University*. 2006. Vol. 16. No. 1. Pp. 51—56 (in Russ.).
4. Institutions for the protection of state interests in the sphere of civil jurisdiction / ed. by E. V. Mikhailova. M., 2024. Pp. 324—342 (in Russ.).

²⁰ См.: Определение Верховного Суда РФ от 26.08.2024 № 303-ЭС24-8693 по делу № А73-513/2023// СПС «КонсультантПлюс».

5. *Mikhailova E.V.* Arbitration proceedings as a procedural form of protection of public interests // *State and Law*. 2024. No. 3. P. 65 (in Russ.).
6. *Mikholskaya V.V., Petropavlovskaya Yu. S.* Problems of legal qualification of highways as objects of real estate and protection of lands during their placement // *Property relations in the Russian Federation*. 2017. No. 4 (187). P. 14 (in Russ.).
7. *Fundamentals of Russian Statehood: textbook for students studying socio-humanitarian sciences* / ed. by S.V. Perevezentsev. M., 2023 (in Russ.).
8. *Pushkina A.V., Lebed K.A.* Actual issues of protection of citizens' rights in the field of real estate // *Constitutional and Municipal Law*. 2022. No. 12. Pp. 72–76 (in Russ.).
9. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024 (in Russ.).
10. *Sukhanov E.A.* Once again about real estate and property law // *Problems of Civil Law in judicial practice and legislation: a collection of articles dedicated to the anniversary of Professor Vasily Vladimirovich Vitryansky* / ed. by E.A. Sukhanov. M., 2021 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПУШКИНА Анна Викторовна —
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

PUSHKINA Anna V. —
PhD in Law, Associate Professor,
Senior Researcher, Procedural Law Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 347.6

К ВОПРОСУ О ЗАКРЕПЛЕНИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ПРАВА РЕБЕНКА БЫТЬ ЗАСЛУШАНЫМ В ХОДЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛУ

© 2025 г. Е. В. Карпеева

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

E-mail: spelli1@mail.ru

Поступила в редакцию 19.03.2025 г.

Аннотация. Надлежащая реализация права ребенка быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства требует проработки процедуры, одновременно учитывающей как особенности и интересы детей, так и способствующей повышению качества процесса, установлению судебной истины по делу и как следствие, принятию обоснованного и справедливого решения. Право ребенка быть заслушанным в ходе гражданского судопроизводства является важнейшим аспектом дружественного к ребенку правосудия. В статье исследуется эволюция права ребенка быть заслушанным в международной правовой системе, в частности, рассматриваются международные конвенции, такие как Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка и национальные акты, в которых признается право детей на участие в процессах принятия решений, затрагивающих их права и интересы. Обсуждается взаимосвязь между правом ребенка быть заслушанным и принципом обеспечения наилучших интересов несовершеннолетних. Подчеркивается необходимость обеспечения междисциплинарного подхода при рассмотрении дел, связанных с детьми. Рассматриваются обстоятельства, ограничивающие это право, такие как: способность к выражению своего мнения, возраст и зрелость. Предлагаются изменения в законодательство России, способствующие реализации права ребенка быть заслушанным.

Ключевые слова: дети, несовершеннолетние, право быть заслушанным, психодиагностическое обследование ребенка, способность выражать свое мнение, учет мнения ребенка.

Цитирование: Карпеева Е. В. К вопросу о закреплении в национальном законодательстве России права ребенка быть заслушанным в ходе разбирательства по делу // Государство и право. 2025. № 8. С. 182–188.

DOI: 10.31857/S1026945225080181

ON THE ISSUE OF SECURING IN THE NATIONAL LEGISLATION OF RUSSIA THE RIGHT OF THE CHILD TO BE HEARD DURING THE PROCEEDINGS IN THE CASE

© 2025 Е. V. Karpeeva

Baikal State University, Irkutsk

E-mail: spelli1@mail.ru

Received 19.03.2025

Abstract. The proper realization of the child's right to be heard during any judicial or administrative proceedings requires the elaboration of a procedure that simultaneously takes into account both the characteristics and interests of children, and contributes to improving the quality of the process, establishing the judicial truth in the case and, as a result, making an informed and fair decision. The right of a child to be heard in civil proceedings is an essential aspect of child-friendly justice. The article examines the evolution of the child's right to be heard in the international legal system, in particular, international conventions such as the United Nations Convention on the Rights of the Child and national instruments that recognize the right of children to participate in decision-making processes affecting their rights and interests. The relationship between the child's right to be heard and the principle of ensuring the best interests of minors is discussed. The need to ensure an interdisciplinary approach in dealing with cases involving children is emphasized. Circumstances limiting this right are considered, such as the ability to express one's opinion, age and maturity. Amendments to Russian legislation are proposed to promote the realization of the child's right to be heard.

Keywords: children, minors, the right to be heard, psychodiagnostic examination of the child, the ability to express one's opinion, consideration of the child's opinion.

For citation: Karpeeva, E.V. (2025). On the issue of securing in the national legislation of Russia the right of the child to be heard during the proceedings in the case // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 182–188.

Введение

В меняющемся мире претерпевает изменения и роль родителей. Если в древние времена дети находились в потестарной (отцовской) власти и фактически были собственностью отца¹, то сегодня дети не просто признаны самостоятельными субъектами права, но и субъектами, нуждающимися в особой защите. Родители вправе и обязаны обеспечивать своих детей одеждой и обувью по сезону и размеру, едой, жильем, оказывать детям финансовую поддержку, оказывать медицинскую помощь, обеспечивать детям безопасную среду, тем самым защищая их от неблагоприятного воздействия, предотвращая причинение вреда ребенку. Но иногда, к сожалению, необходимо обеспечение защиты ребенка от действий (бездействия) его родителя. Примером такой ситуации является блокирование родителем права ребенка на участие в разбирательствах по делам, затрагивающим права и интересы ребенка.

Ситуация о правовой регламентации способов обеспечения права ребенка быть заслушанным в ходе гражданского судопроизводства является актуальным и значимым. Актуальность этого вопроса обоснована тем, что в период действия Кодекса о браке и семье РСФСР права несовершеннолетних детей были закреплены фрагментарно, затем с принятием в 1995 г. Семейного кодекса РФ права несовершеннолетних детей нашли свое отражение в гл. 11. Так, в ст. 57 Кодекса нашли свое отражение: 1) право ребенка на выражение своего мнения при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также 2) право быть заслушанным в ходе любого судебного или административного

разбирательства и 3) необходимость учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет (право ребенка на учет его мнения).

Следует отметить, что ст. 57 СК РФ существует в первоначальном виде уже практически 30 лет. Один из недостатков этой статьи проявляется в том, что законодатель не предусмотрел способов реализации права ребенка выражать свое мнение быть заслушанным. Нарушение права ребенка быть заслушанным или неадекватное обеспечение этого права могут привести к принятию несправедливого решения в отношении ребенка. Другой недостаток заключается в установлении административного барьера для учета мнения ребенка — обязателен учет мнения детей, достигших 10 лет.

Цель статьи — изучить правовую природу права ребенка быть заслушанным, выявить обстоятельства, которые могут ограничивать или препятствовать полному осуществлению этого права, выявить нормы, препятствующие реализации этого права, сформулировать рекомендации по совершенствованию национального законодательства.

В ходе исследования автор опирается на грамматическое и телеологическое толкование правовых норм, а также методы анализа и обобщения для выявления правовых пробелов и выработки рекомендаций.

Исследование

Признание ребенка самостоятельной личностью с определенными правами и интересами неразрывно связано с принятием нескольких международных актов. В первую очередь с принятием Генеральной Ассамблеей в 1959 г. Декларации прав ребенка². Следует отметить, что хотя в Декларации

¹ См.: Атарщикова Е.Н. Отцовская власть в Древнем Риме: моральный и правовой аспекты // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 189, 190.

² См.: Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М., 1990.

и признается право детей на особую заботу и помощь, в ней прямо не упоминается право быть заслушанным. Значение Декларации состоит в том, что она заложила основу для будущих изменений в области прав несовершеннолетних, подчеркнула значимость своевременного учета потребностей и интересов несовершеннолетних. Затем с принятием в 1989 г. Конвенции о правах ребенка³ и ее ратификацией СССР в 1990 г. Значение Конвенции заключается в двух аспектах: 1) в ней представлен подход к ребенку как к полноправному, самостоятельному субъекту права, наделенному широким спектром прав, а не как к пассивному получателю заботы — объекту; 2) сформулированы четыре базовых принципа защиты прав несовершеннолетних (недискриминация; наилучшее обеспечение интересов ребенка; право на жизнь, развитие и выживание; уважение взглядов ребенка).

Принцип уважения взглядов ребенка включает в себя право быть заслушанным (ст. 12 Конвенции). В абз. 1 ст. 12 Конвенции указано: «Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка». Из грамматического толкования приведенной нормы следует, что на Россию возложена ответственность за обеспечение возможности реализации права свободно выражать свои взгляды в отношении детей, способных эти взгляды сформулировать. В связи с этим возникает вопрос: что следует понимать под способностью сформулировать свои собственные взгляды (способностью выразить свое мнение)?

В юридической периодике по этому вопросу предложен подход, согласно которому способность ребенка сформулировать свое мнение приравнивается к интеллектуально-волевому процессу достижения цели правообладателем, в ходе которого субъект осознанно действует, выбирает ту или иную модель поведения, обеспечивая достижение правовой цели (получая благо), т.е. может воспользоваться правом, выбрать способ, условия, средства достижения цели либо не удовлетворять свою потребность⁴. Так, М.В. Ульянова отмечает, что «возникает важный вопрос: возможно ли восполнение осознанности ребенка волей родителя (что присуще имущественным отношениям в гражданском праве) в ситуации выражения мнения ребенком при решении любого вопроса, затрагивающего

интересы ребенка в семье, как внутри семьи, так и при административных или судебных разбирательствах. Думается, что в тех случаях, когда речь идет о представлениях ребенка, о его желании, именно на родителей возложено право и обязанность «руководить ребенком в осуществлении его права методом, согласующимся с развивающимися способностями ребенка» (как то закреплено в п. 2 ст. 14 Конвенции о правах ребенка)».

Не оценивая предложенный подход, попробуем найти альтернативный ответ на вопрос о том, что представляет собой «способность сформулировать свои собственные взгляды».

По нашему мнению, способность сформулировать свои собственные взгляды прежде всего связана с психическими познавательными процессами. Если обратиться к академическим воззрениям психологии развития и возрастной психологии, то увидим, что становление когнитивной сферы происходит еще в младенческом возрасте, когда ребенок сначала осваивает реакцию сосредоточения, концентрации (учится выделять из всего многообразия предметов вокруг один и затем взаимодействовать с ним), то есть формируется внимание. Помимо внимания у ребенка формируется память, ребенок узнает маму и маму, к примеру. У ребенка также начинают развиваться мышление и речь. В раннем возрасте (от года до трех лет) все эти процессы оттачиваются и уже «к трем годам у детей появляются т.н. личные действия. У ребенка наступает всеобъемлющее осознание и выражение себя как отдельного, активного и самостоятельного субъекта деятельности и общения, — “Я сам”»⁵, «у ребенка появляются первые сложные мыслительные операции: сравнение и обобщение»⁶. «В среднем (от 3 до 5 лет) и старшем (от 5 до 6—7 лет) дошкольном возрасте ребенок может словесно передать свои впечатления об увиденном на улице, услышанном в детском саду и т.д. Особенности развития речи в дошкольном возрасте: — речь “отрывается” от конкретной ситуации, теряет ситуативность, превращаясь в универсальное средство общения; — появляются связные формы речи, возрастает ее выразительность; — ребенок учится излагать свои мысли связно, логично, рассуждения превращаются в способ решения интеллектуальных задач, а речь становится орудием мышления и средством познания, интеллектуализации познавательных процессов»⁷. Можно привести подобные цитаты и о школьном возрасте, однако это уже не имеет значения, поскольку самое главное,

³ См.: Ведомости СНД и Верховного Совета СССР. 1990. № 45, ст. 955.

⁴ См.: Ульянова М.В. Право ребенка выражать свое мнение: содержание, порядок и пределы осуществления // Lex russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 34.

⁵ Поляков Е.А. Становление когнитивной сферы личности в младенческом, раннем, дошкольном, младшем школьном возрастах // Sciences of Europe. 2017. № 14-2 (14). С. 85.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Там же. С. 88, 89.

по нашему мнению, заключено в формировании у ребенка осознания себя как отдельного, активного и самостоятельного субъекта деятельности и общения, что происходит в среднем к трем годам.

В качестве аргумента в пользу достоверности вывода о способности детей, достигших возраста трех лет сформулировать и выразить свое мнение, приведем использование такого доказательства в гражданском процессе как заключение специалиста. При рассмотрении дел об определении места жительства ребенка, установлении порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя, реже по делам о лишении родителя родительских прав проводится психодиагностическое обследование несовершеннолетних. Как правило целями психодиагностического обследования несовершеннолетних является изучение эмоционального состояния ребенка, определение уровня привязанности к каждому из родителей, отношение к каждому из родителей и прочие обстоятельства, имеющие значение для дела. При проведении психодиагностического обследования детей дошкольного возраста (от трех до шести-семи лет) используют следующие методы: наблюдение за ребенком; структурированная психологическая беседа; проективная методика «Домики» О.А. Ореховой; проективный тест методики «Цветовой тест отношений» Н.Я. Семаго, М.М. Семаго; шкалу определения привязанности К. Кернс; проективную методику «Рисунок семьи» Е.С. Романова, О.Ф. Потемкина; методику «Дерево, люди, жизнь» Ю.И. Чепик и др. В ходе применения каждой из обозначенных методик можно выявить мнение⁸ ребенка по тому или иному вопросу. Например, в ходе беседы ребенок трех-четырех лет отвечает на вопрос нужны ли детям родители и если да, то зачем. В ходе применения методики «Цветовой тест отношений» ребенок излагает свое мнение (свое восприятие, характеристику) о маме, папе, других родственниках или событиях.

При этом следует отметить, что буквальное толкование ст. 12 Конвенции обязывает нас признавать и уважать даже невербальные формы общения, включая игру, язык тела, рисование и др., с помощью которых самые маленькие дети демонстрируют свой выбор и желания (сюжетно-ролевые игры). А административный барьер в виде установления возраста 10 лет по достижении которого учет мнения ребенка становится обязательным основан на неверной трактовке части фразы: «взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка» (абз. 1 ст. 12 Конвенции).

⁸ Мнение — это суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к кому-чему-нибудь, взгляд на что-нибудь (см.: Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 19.03.2025)).

Практически нет работ, в которых бы анализировалось понятие «зрелость» применительно к исследуемому вопросу. По мнению Б.Г. Ананьева зрелость может выступать качестве категории качественной оценки общего развития человека: как индивида (физическая зрелость), личности (гражданская зрелость), субъекта познания (умственная зрелость), субъекта труда (трудоспособность)⁹. В научной литературе понятие «зрелость» используется в отношении формирования конкретных свойств человека или отдельных возрастных этапов, этапов социального становления — «школьная зрелость», «половое созревание» и т.п. Так, например, психическая зрелость как показатель психологической готовности ребенка к школе рассматривается как уровень развития эмоциональной, интеллектуальной и социальной сфер. Где «сфера эмоциональной зрелости проявляется в эмоциональной устойчивости. Интеллектуальная сфера — дифференциация восприятия (перцептивная зрелость), произвольная концентрация внимания, аналитическое мышление, логическое запоминание, сознательное (реальное) отношение к действительности, интерес к получению новых знаний, устная речь, умение понимать и использовать символы. Социальная зрелость проявляется в потребности общаться с другими детьми, подчиняться интересам и традициям детского коллектива, уметь выполнять роль ученика в школьных образовательных ситуациях»¹⁰. В.Б. Войнов полагает, что «уровень здоровья ребенка в значительной степени идентичен понятию “уровень зрелости” в отношении обеспечения определенного набора функциональных возможностей»¹¹.

Полагаем, что «зрелость» еще более субъективное понятие и потому сложно определить возрастные рамки ее наступления. А огульное применение этого термина для ограничения права ребенка на учет его мнения при принятии решения недопустимо. Если обратиться к законодательству иностранных государств, то автору удалось обнаружить, что в отличие от установления возрастных ограничений, законодательство различных стран практически не содержит легальных дефиниций «зрелости ребенка». Например, в Хорватии и Франции определение и оценка уровня зрелости ребенка и его наилучших интересов часто

⁹ См.: Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.

¹⁰ Джалилова С.Х. Психическая зрелость как показатель психологической готовности ребенка к школьному обучению // Наука и мир. 2023. № 10 (122). С. 61.

¹¹ Войнов В.Б. Представления о зрелости ребенка в аспекте оценки уровня его здоровья // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Естественные науки. 2003. № 3 (123). С. 105.

проводятся на индивидуальной основе¹². Польское гражданское законодательство разъясняет, что дети могут быть заслушаны в ходе судебного разбирательства, если их зрелость, развитие и здоровье позволяют им участвовать в нем, но закон не содержит легального определения термина «зрелость»¹³.

Таким образом, выражаем убежденность в том, что ребенок дошкольного возраста начиная с трех лет может выражать свое мнение и психологами разработаны методики для выяснения мнения ребенка. Но, к сожалению, эти наработки ученых-психологов по каким-то причинам не учитываются учеными-юристами. Более того, ст. 57 СК РФ, закрепляя необходимость учитывать мнение детей лишь по достижении возраста 10 лет, обесценивает право детей, не достигших указанного возраста, быть заслушанными и выразить свое мнение. Вместе с тем проведение таких психодиагностических обследований ребенка без присутствия (а равно исключая возможность родителя руководить ребенком в процессе обследования) представляется эффективным способом обеспечения права ребенка быть заслушанным поскольку позволяет выявить мнение ребенка без причинения вреда его психологическому здоровью и обеспечить заслушивание мнения ребенка в гражданском процессе пусть и опосредованно — через оглашение заключения по результатам психодиагностического обследования несовершеннолетнего.

В качестве аргумента, развивая нить повествования, снова обратим внимание на текст абз. 1 ст. 12 Конвенции о правах ребенка, немного поменяв местами словосочетания: ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, государства-участники обеспечивают право свободно выражать эти взгляды. Иными словами, государства-участники прежде всего обязаны оценить способность/неспособность ребенка сформулировать свои взгляды, выражать свое мнение. Затем обеспечить беспрепятственную реализацию ребенком права свободно выражать свои взгляды без какого-либо давления. Единственное ограничение права ребенка быть заслушанным, которое содержится в ст. 12 Конвенции о правах детей, это круг вопросов, по которым ребенок может выражать свое мнение. Ребенок вправе выражать свои взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка. А большего и не нужно.

¹² См.: European union agency for fundamental rights (2015). Child-friendly justice, perspectives and experiences of professionals on children's participation in Civil and Criminal Judicial Proceedings in 10 EU Member States. P. 40. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra-2015-child-friendly-justice-professionals_en.pdf?fbclid=IwAR1JvYYDOd20VeCSM5MJF_1UZJcQ4SSXhaZ-kqSiwqnUGEa0_jAq57x2oQ (дата обращения: 19.03.2025).

¹³ Ibid.

При буквальном толковании ст. 57 СК РФ складывается ощущение, что действующее национальное законодательство негласно налагает на ребенка обязанность доказать способность формулировать и выражать свое мнение, что противоречит смыслу ст. 12 Конвенции. Способность формулировать свои взгляды, выражать мнение должны быть признаны за каждым ребенком, достигшим возраста трех лет, если по результатам психодиагностического обследования (с учетом диагноза или, например, педагогической запущенности ребенка) не выявлено иное.

Переходя к абз. 2 ст. 12 Конвенции, следует отметить ее процессуальный характер: «ребенку, в частности, представляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства». Как видим из цитаты, Конвенция не содержит конкретных указаний относительно формы или процедур обеспечения участия детей в судебных разбирательствах.

В соответствии с толкованием Комитета ООН по правам ребенка, который следит за соблюдением положений Конвенции государствами-участниками, для реализации права ребенка быть заслушанным необходимо предпринять следующие шаги: 1) проинформировать ребенка о его правах (лицо, ответственное за заслушивание ребенка, должно обеспечить доведение до ребенка информации о том, что он может высказать свое мнение по всем затрагивающим его вопросам); 2) заслушать ребенка в благоприятной обстановке, причем заслушивать ребенка может не только суд, но и иное лицо, вовлеченное в решение вопросов, связанных с ребенком (воспитатель, учитель, социальные работники или лицо, осуществляющее уход, сам судья). В этом аспекте полагаем, что лицо, осуществляющее уход, получит возможность руководить ребенком в процессе выяснения его мнения, что может повлечь искажение взглядов ребенка. Судьи, школьные учителя не всегда могут уделить этой процедуре достаточное количество времени ввиду загруженности, а также могут не владеть полной мере психологическими навыками, необходимыми для корректного проведения обследования. По нашему мнению, оптимальным вариантом является привлечение к участию в деле независимого специалиста-психолога, имеющего опыт работы с соответствующей возрастной категорией; 3) придать мнению ребенка должное значение¹⁴; 4) обеспечить

¹⁴ Придание должного значения не означает принятия решения, о котором просит ребенок (см. подр.: Карпеева Е. В. Юридический (процессуальный) интерес несовершеннолетних в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 10. С. 9).

возможность обжалования решения в случае, если право ребенка быть заслушанным и выражать свое мнение было проигнорировано или не осуществлено должным образом (формально).

Заслушивание мнения ребенка представляет собой не столько формальную процедуру, обеспечивающую ребенку возможность высказаться, сколько надлежащий учет этого мнения и его отражение в судебном или административном решении.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что заслушивание ребенка — это сложная процедура, требующая нормативного закрепления. Участие ребенка в гражданском процессе способствует повышению качества процесса, установлению судебной истины по делу и, как следствие, принятию обоснованного и справедливого решения.

В тексте ст. 12 Конвенции подчеркивается важность учета взглядов ребенка в соответствии с его возрастом и зрелостью, что, с одной стороны, означает необязательность следования мнению ребенка (допускается принятие иного, отличного от мнения ребенка решения, если это будет соответствовать его наилучшим интересам), с другой — позволяет прийти к выводу о том, что право ребенка быть заслушанным не является абсолютным и может быть ограничено.

В этом контексте прежде всего необходимо оценить степень, в которой права ребенка могут быть ограничены по отношению к другим правам, предусмотренным Конвенцией. Например, при определении приоритета принципа наилучших интересов ребенка над принципом уважения взглядов ребенка. Так, согласно абз. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка «во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка имеет двойственное значение (об этом автор уже были изложены некоторые выводы в другой статье¹⁵) и наравне с принципом уважения взглядов ребенка является основополагающим принципом Конвенции. Поэтому понимание взаимосвязи между правом ребенка быть заслушанным и стандартами защиты наилучших интересов имеет решающее значение для обеспечения того, чтобы ни одно из этих прав не было необоснованно ограничено в ущерб другому.

¹⁵ См.: *Карпеева Е.В.* О реализации принципа «наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних» в гражданском процессе // Вопросы рос. и междунар. права. 2021. Т. 11. № 9А. С. 337.

Применительно к этому вопросу о соотношении принципов, Руководящие принципы Комитета Министров Совета Европы по правосудию, учитывающему интересы детей, принятые Комитетом Министров Совета Европы 17 ноября 2010 г., содержат любопытные разъяснения. Так, указывается, что оценка наилучших интересов каждого отдельно взятого ребенка проводится индивидуально, с учетом мнения ребенка, с принятием во внимание всех других прав ребенка (включая право на достоинство, свободу в выражении мнения и недискриминацию), используя междисциплинарный комплексный подход, учитывающий все интересы ребенка (психологическое и физическое благополучие ребенка, юридические, социальные, экономические интересы). А государствам-участникам рекомендовано принимать усилия по внедрению междисциплинарных подходов с целью оценки наилучших интересов детей в ходе процедур, затрагивающих их интересы¹⁶.

Соответственно, только выслушав мнение ребенка, оценив его доводы, можно определить наилучшие интересы ребенка. Следовательно, при определении наилучших интересов ребенка должен участвовать ребенок. Именно поэтому ст. 3 и ст. 12 Конвенции не противоречат друг другу, а напротив, ст. 3 подчеркивает важность и значимость ст. 12 Конвенции.

Таким образом, можно опровергнуть вывод о том, что право ребенка быть заслушанным вступает в противоречие с правом на обеспечение наилучших интересов.

Заключение

Подводя итог, следует еще раз отметить, что ст. 12 Конвенции о правах ребенка не устанавливает возрастных ограничений в отношении права ребенка выражать свои взгляды поскольку это право распространяется на всех детей, независимо от возраста. Установление в национальном законодательстве возрастных ограничений для реализации права ребенка быть заслушанным в суде противоречит Конвенции и позволяет заключить, что на практике дети все еще рассматриваются не как субъекты права, а как объекты защиты.

Соответственно, для обеспечения права ребенка выражать свое мнение и быть заслушанным в ходе судебного или административного разбирательства в законодательство Российской Федерации должны быть внесены следующие уточнения:

¹⁶ См.: Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe 1–4. P. 19. URL: https://violenceagainstchildren.un.org/sites/violenceagainstchildren.un.org/files/documents/political_declarations/europe/guidelines_of_the_committee_of_ministers_of_the_council_of_europe_on_child_friendly_justice.pdf (дата обращения: 19.03.2025).

1. Право быть заслушанным гарантируется каждому ребенку, вне зависимости от его возраста и степени зрелости. Ограничение данного права по причине возраста не допускается.

2. Ребенку должна быть обеспечена возможность быть заслушанным непосредственно судьей или представителем органа, принимающего решение в административном порядке, либо опосредованно через проведение психодиагностического обследования.

3. Обязателен учет мнения каждого ребенка при решении любой ситуации, связанной с его правами или затрагивающего его интересы.

4. В Гражданском процессуальном кодексе РФ также следует закрепить право ребенка быть заслушанным с помощью соответствующих процедур и механизмов. Соответственно, в Кодексе также должно быть определено в чью компетенцию входит информирование ребенка о праве выразить свое мнение по делу и способах его реализации. Определены правовые механизмы проведения слушаний, выбора подходящей обстановки и присутствующих лиц. Психодиагностическое обследование ребенка должно быть включено в стандарт доказывания как минимум по делам, вытекающим из семейно-правовых споров, затрагивающим права и интересы ребенка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.
2. *Атаршичкова Е.Н.* Отцовская власть в Древнем Риме: моральный и правовой аспекты // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 189, 190.
3. *Воинов В.Б.* Представления о зрелости ребенка в аспекте оценки уровня его здоровья // Известия высших учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Естественные науки. 2003. № 3 (123). С. 105.
4. *Джалилова С.Х.* Психическая зрелость как показатель психологической готовности ребенка к школьному обучению // Наука и мир. 2023. № 10 (122). С. 61.
5. *Карпеева Е.В.* О реализации принципа «наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних» в гражданском процессе // Вопросы рос. и междунар. права. 2021. Т. 11. № 9А. С. 337.
6. *Карпеева Е.В.* Юридический (процессуальный) интерес несовершеннолетних в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 10. С. 9.
7. Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М., 1990.
8. *Поляков Е.А.* Становление когнитивной сферы личности в младенческом, раннем, дошкольном, младшем школьном возрастах // Sciences of Europe. 2017. № 14-2 (14). С. 85, 86, 88, 89.
9. *Ульянова М.В.* Право ребенка выражать свое мнение: содержание, порядок и пределы осуществления // Lex russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 34.

REFERENCES

1. *Ananyev B. G.* Man as an object of knowledge. L., 1968 (in Russ.).
2. *Atarshchikova E. N.* Paternal power in Ancient Rome: moral and legal aspects // Humanities and Social Sciences. 2014. No. 5. Pp. 189, 190 (in Russ.).
3. *Voinov V. B.* Ideas about the maturity of a child in the aspect of assessing his level of health // News of higher educational institutions. North Caucasus region. Ser.: Natural Sciences. 2003. No. 3 (123). P. 105 (in Russ.).
4. *Jalilova S. H.* Mental maturity as an indicator of a child's psychological readiness for schooling // Science and the world. 2023. No. 10 (122). P. 61 (in Russ.).
5. *Karpeeva E. V.* On the implementation of the principle of "the best interests of minors" in Civil Proceedings // Issues of Russian and International Law 2021. Vol. 11. No. 9A. P. 337 (in Russ.).
6. *Karpeeva E. V.* The legal (procedural) interest of minors in Civil Proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2022. No. 10. P. 9 (in Russ.).
7. International protection of human rights and freedoms: collection of doc. M., 1990 (in Russ.).
8. *Polyakov E. A.* Formation of the cognitive sphere of personality in infancy, early childhood, preschool, primary school age // Sciences of Europe. 2017. No. 14-2 (14). Pp. 85, 86, 88, 89 (in Russ.).
9. *Ulyanova M. V.* The child's right to express his opinion: content, procedure and limits of implementation // Lex russica. 2022. Vol. 75. No. 11. P. 34 (in Russ.).

Сведения об авторе

КАРПЕЕВА Екатерина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Байкальского государственного университета; 664003 г. Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, корп. 6
ORCID: 0000-0002-8224-0168

Authors' information

KARPEEVA Ekaterina V. — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Baikal State University; 11, bld. 6 Lenin str., 664003 Irkutsk Region, Irkutsk, Russia

УДК 349.2

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ТРУД И ОБЩЕСТВО /
под ред. А.П. дель Кастильо. Брюссель, 2024. — 255 с.

© 2025 г. К. Л. Томашевский^{1, *}, И. А. Филипова^{2, **}

¹Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

²Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

*E-mail: k_tomashevski@mail.ru

**E-mail: irinafilipova@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.06.2025 г.

Аннотация. Проводится обзорный анализ коллективной монографии, в написании которой принимали участие ведущие ученые-юристы из европейских научных центров, профсоюзных объединений и правоведы из США. Авторы монографии исследуют весьма значимые вопросы применения искусственных интеллектуальных систем в трудовых и непосредственно связанных с ними отношениях: при найме, в процессе алгоритмического управления работниками в период их трудовой деятельности, при ведении коллективных переговоров и т.д. На страницах монографии подробно разбираются положения Директивы ЕС об улучшении условий труда при работе на платформе (2024), Регламента ЕС об искусственном интеллекте (2024), актуальная судебная и коллективно-договорная практика государств — членов ЕС. Высказываются выводы и предложения по совершенствованию законодательства и практики внедрения искусственного интеллекта в сфере труда на основе антропоцентрического подхода.

Ключевые слова: искусственный интеллект, алгоритм, труд, работник, работодатель, алгоритмическое управление, социально направленное регулирование.

Цитирование: Томашевский К.Л., Филипова И.А. Искусственный интеллект, труд и общество. Брюссель, 2024 // Государство и право. 2025. № 8. С. 189–194.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00511, <https://rscf.ru/project/25-28-00511/>

DOI: 10.31857/S1026945225080191

ARTIFICIAL INTELLIGENCE, LABOUR AND SOCIETY /
ed. by A.P. Del Castillo. Brussels, 2024. — 255 pp.

© 2025 К. Л. Tomashevski^{1, *}, I. A. Filipova^{2, **}

¹Timiryasov Kazan Innovative University (IEMU)

²Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

*E-mail: k_tomashevski@iut.by

**E-mail: irinafilipova@yandex.ru

Received 14.06.2025

Abstract. The article provides an overview analysis of a collective monograph written by leading legal scholars from European research centres, trade unions and legal scholars from the United States. The authors of the monograph study very important issues of application of AI systems in labour and directly related relations: in hiring, in the process of algorithmic management of employees during their labour activity, in collective bargaining, etc. On the pages of this monograph legal scholars examine in detail the provisions of the EU Directive on improving working conditions in platform work (2024), the EU Artificial Intelligence Act (2024), they provide examples from the current judicial and collective bargaining practice of the EU Member States. Conclusions and proposals are made to improve the legislation and practice of introducing AI in the field of labour on the basis of an anthropocentric approach.

Key words: Artificial Intelligence, algorithm, labour, employee, employer, algorithmic management, socially based regulation.

For citation: *Tomashevski, K.L., Filipova, I.A. (2025). Ponce Del Castillo A. et al. Artificial Intelligence, labour and society / ed. by A.P. Del Castillo. Brussels, 2024 // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 189–194.*

The study was carried out by the co-authors using the grant of the Russian Science Foundation № 25-28-00511, <https://rscf.ru/project/25-28-00511/>

Монография, подготовленная группой зарубежных авторов, посвящена влиянию искусственного интеллекта на различные общественные отношения, прежде всего относящиеся к сфере труда. Как и большинство научных изданий по теме искусственного интеллекта, подготовленных исследователями, специализирующимися на общественных науках, книга носит междисциплинарный характер. Данная коллективная монография¹ стала результатом многолетнего проекта ее редактора А. Понсе дель Кастильо, собравшей благодаря своим подкастам и вебинарам под рубрикой “*AI Talks*” ведущих академических экспертов по вопросам искусственного интеллекта и права из разных стран.

Рассматриваемая книга является далеко не единственной по указанной проблематике. Примерно в то же время были опубликованы и другие научные издания, касающиеся влияния искусственного интеллекта на сферу труда, в их числе: «Кембриджский справочник по технологическим прорывам в трудовом праве»², одним из редакторов которого выступил известный ученый-юрист в области трудового права М. Де Во; «Справочник по искусственному интеллекту в сфере труда» под редакцией А. Ренда, И. Макиннес, М. Гарсия-Мурильо³, затрагивающий правовые вопросы в сочетании с вопросами здравоохранения, образования и государственного управления; монография Л. Роджерс «Трудовое право и личность: повестка дня для социальной справедливости», изданная Бристольским университетом, содержащая в качестве одного из основных блоков «ИИ, технологии

и труд» и определяющая растущее проникновение искусственного интеллекта на рабочие места как одну из острейших этических и социальных проблем современности⁴.

Особенностью рецензируемой монографии «Искусственный интеллект, труд и общество» является то, что она подготовлена для публикации в издательстве Европейского института профсоюзов (ETUI) как научно-исследовательского центра Европейской конфедерации профсоюзов (крупнейшего объединения профсоюзов на европейском пространстве). В силу того, что профессиональные союзы выступают защитниками интересов работников, в данной книге подробно рассмотрено влияние ИИ на труд применительно к работнику, его статусу и условиям труда.

Монография поделена на пять частей, каждая из которых посвящена соответствующему блоку вопросов.

В первой части книги «Искусственный интеллект в обществе» дается общая характеристика ИИ как явления и описываются возможности, которые развитие технологий предоставляет обществу, открывая «эпоху ИИ» и соответствующее социально-экономическое будущее. Подчеркивается, что не существует единого и неизбежного пути развития ИИ, этот путь зависит от выбранного людьми подхода к регулированию отношений, возникающих вследствие распространения продуктов на основе ИИ. Сторонники различных подходов к регулированию, как справедливо отмечает А. Понсе дель Кастильо, располагаются между двумя крайностями: необходимостью создания жесткого регулирования ИИ в целях защиты общества от новых рисков и, наоборот — приоритетом внедрения технологий ИИ без подавляющего инновации жесткого регулирования. Какой бы подход в итоге не был выбран (более жесткий или более гибкий), важное

¹ См.: Artificial Intelligence, labour and society / ed. by A.P. Del Castillo. Brussels: ETUI, 2024. — 225 pp.

² The Cambridge Handbook of Technological Disruption in Labour and Employment Law / ed. by M. De Vos, G. Anderson, E. Verhulp. Cambridge University Press, 2023.

³ См.: Handbook of Artificial Intelligence at Work: Interconnections and Policy Implications / ed. by A. Renda, I. MacInnes, M. Garcia-Murillo. Edward Elgar Publishing, 2024.

⁴ См.: Rodgers L. Labour Law and the Person: An Agenda for Social Justice. Bristol University Press, 2024.

значение имеет и время вмешательства. Напоминается о «дилемме Коллингриджа»: чем раньше осуществить вмешательство и начать корректировать развитие технологии, тем легче это будет сделать и тем меньше потребуются затрат, но возможные последствия развития технологии пока не в полной мере известны, если же ожидать, когда технология выйдет на новый уровень, и эти последствия станут очевидными, то, скорее всего, потребуются гораздо больше усилий на корректировку курса, которая в принципе будет возможна лишь в ограниченном объеме⁵. Предупредительное регулирование и возможность контроля человека над происходящей интеллектуальной автоматизацией процессов — центральные черты предлагаемого авторами подхода к правовому регулированию в сфере ИИ. Предложение объясняется тем, что с началом доминирования машинного обучения в развитии ИИ и, соответственно, с переходом к принятию ИИ-системами решений по модели «черного ящика», все больше власти сосредотачивается в руках тех, кто проектирует и распространяет эти системы, в сфере труда такими субъектами могут выступать работодатели. При этом, как подчеркивается *В. Галаносом* и *Дж.К. Стюартом*, надо учитывать, что спрос на включение ИИ в повседневную жизнь людей увеличивается. С ними соглашается *Х.Р. Экбия*, считающий отказ от технологий нереалистичным вариантом. Появляется задача гарантировать разработку и развертывание ИИ-технологий таким образом, чтобы они отвечали потребностям общества в целом, а это включает распределение юридической ответственности между пользователями ИИ-продуктов, их разработчиками, производителями, владельцами и самими регуляторами. По мнению *Х. Новотны*, решение указанной задачи поможет обществу прийти к «цифровому гуманизму», когда ИИ будет приносить пользу всем людям.

Вторая часть монографии посвящена **глобальным и экологическим перспективам, складывающимся с учетом развития ИИ**. Ставится вопрос: какие цели должна прежде всего учитывать формируемая политика в области ИИ? Нужно ли ее выстраивать, ориентируясь на победу в глобальной гонке, или отдавать приоритет социальным вызовам? Чьи интересы, ценности и нормы представляют первоочередную цель? Нередко экономическая конкурентоспособность ставится во главу угла даже национальными правительствами, в результате чего ведется «игра с нулевой суммой», когда победитель получает все. Одновременно в политической среде разворачивается и иной дискурс, основанный на понимании важности решения сопутствующих развитию технологий социальных проблем. *И. Ульшикане* с сожалением констатирует, что размышления о совместимости обеих целей и потенциальных

компромиссах между ними отсутствуют. В свою очередь, *Б. Бревини* обращает внимание на то, что развитие ИИ и его распространение на практике требуют гигантских расходов энергии, повышения уровня добычи редкоземельных металлов, дополнительного потребления воды, а это крайне неблагоприятно сказывается на экологии планеты. Хотя данный исследователь демонстрирует скептицизм по поводу скорого появления сильного ИИ, она признает, что масштабы развития ИИ вызывают сильное беспокойство, тем более что уже сформулированные руководящие принципы фокусируются на способности машинного обучения решать этические проблемы, не акцентируясь на социально-экономических факторах. С ней соглашается и *А.А. Касили*, приводящий пример о присутствии влияния со стороны ИИ-технологий на работников задолго до распространения соответствующих ИИ-продуктов. Ведь помимо разработчиков в процесс создания ИИ-систем вовлечено множество «скрытых» работников, их задачи сильно фрагментированы. Это люди, которые участвуют в обучении ИИ. Наряду с признанием высокой ценности «видимой» рабочей силы (разработчиков и инженеров), ИИ-индустрия игнорирует работников низших звеньев, условия труда которых зачастую нельзя назвать достойными, а набор прав минимален.

В третьей части книги авторы сосредотачиваются на **технологических перспективах ИИ**, удерживая рамку исследования как трудового и проецируя результаты развития ИИ на положение работников. Проблема воздействия ИИ на работников становится все более острой с распространением алгоритмического управления. *Л. Хондрич* и *Э. Моллен* отмечают, что даже риск-ориентированный Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (далее — Регламент ЕС об ИИ)⁶ 2024 года, поддерживающий стратегию смягчения рисков, может быть назван базовым, но недостаточным элементом защиты работников. Регламент ЕС об ИИ не позволяет наиболее опасным системам выйти на европейский рынок, но не решает проблемы непрозрачности ИИ-систем. Авторы считают, что ИИ-системы, автоматически принимающие решения, не просто должны формулировать решения, объяснимые для работников, но само обучение этих систем надо вести с учетом интересов работников. Работники, как и работодатели, вправе рассчитывать на получение выгоды от потенциальных преимуществ ИИ. Пока же, по словам *С. Дж. Гуд*, работодатели нередко злоупотребляют

⁵ См.: *Collingridge D.* The social control of technology. Palgrave Macmillan, 1982.

⁶ См.: Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828. URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689 (дата обращения: 13.06.2025).

наблюдением за рабочими местами, ставшим доступным благодаря ИИ, причем польза от подобного наблюдения иногда сомнительна. Использование ИИ-систем в сфере труда не должно осуществляться за счет прав и интересов работников, и задача профсоюзов, как уточняет *Н. Георги*, — обеспечивать контроль за соблюдением прав работников на информацию, проведение консультаций, участие в установлении условий труда при внедрении ИИ-систем на рабочих местах и при отборе данных, которыми эти системы оперируют. Такой контроль профсоюзов возможен с помощью создания соответствующей правовой базы.

Четвертая часть рецензируемой монографии посвящена **юридическим перспективам урегулирования использования ИИ-систем в трудовых отношениях и отношениях в сфере занятости**. *М. Гульельметти* анализируются вопросы автоматизированной работы и прав работников, в первую очередь платформенной занятости и алгоритмического менеджмента. Интерес к этим вопросам не случаен, поскольку платформенные занятые в наибольшей степени подвержены алгоритмическому контролю со стороны операторов цифровых трудовых платформ. Отношения между ними лишь недавно стали предметом законодательного регулирования на наднациональном уровне, когда в Европейском союзе была принята Директива ЕС 2024/2831 об улучшении условий труда при работе на платформе⁷, вступившая в силу 1 декабря 2024 г. До этого только в отдельных государствах — членах ЕС были установлены некоторые законодательные рамки такого автоматизированного контроля и алгоритмического менеджмента. В основном же кадровая и иная правоприменительная практика формировалась под влиянием судебных прецедентов⁸. Анализируя тексты будущих Директивы и Регламента ЕС об ИИ, еще не принятых на момент подготовки монографии, автор выявляет ряд пробелов в защите прав работников и предлагает возможные решения, которые, по крайней мере, частично устраняют эти пробелы. *Т.Р. де лас Эрас Баллел* также исследует проблемы автоматизации занятости, в особенности таксономию ключевых правовых вопросов и вопрос ответственности. Отмечая интенсивно расширяющееся использование автоматизации в отношениях, связанных с занятостью, автор пытается найти ответы на следующие вопросы. Законна ли автоматизация в занятости? Должно ли использование ИИ быть признано и разрешено законом? Являются ли автоматизированные

решения действительными и исполнимыми, даже для решений, которые могут повлиять на права работников? К кому следует отнести правовые последствия таких автоматизированных действий и решений? Кто несет ответственность за мониторинг результатов или смягчение предвзятости ИИ-системы? Кто несет ответственность за ущерб, причиненный ИИ на рабочем месте или при использовании в целях трудоустройства? Основной вывод: последовательное и комбинированное применение правил, предусмотренных в отношении ИИ различными правовыми актами ЕС, необходимо для полного решения вопросов, возникающих из-за автоматизации в области занятости. Таким образом, Регламент ЕС об ИИ должен применяться в сочетании с рядом других положений, установленных либо инструментами ЕС, либо национальными правилами. В частности, нормы Директивы 2024/2831, касающиеся вопросов ответственности, имеют особое значение, поскольку они направлены на решение особенностей ущерба, причиненного ИИ-системами.

Далее *А. Понсе дель Кастильо* и *М. Моле* совместно анализируют практики мониторинга работников и наблюдения за работниками, обосновывая необходимость их правовой дифференциации. Цель авторов — подсветить растущий интерес работодателей к постоянному измерению показателей работников, обеспечиваемому новыми цифровыми продуктами. Приводятся аргументы, которые поддерживают необходимость проведения границы между концепциями «мониторинга работников» и «наблюдения за работниками». Авторами утверждается, что такое наблюдение создает ситуацию структурной асимметрии между работодателями и работниками с точки зрения информации и контроля на рабочем месте, а также приводит к нарушениям прав работников. Последнее вызывает необходимость установления границ прерогатив работодателей в отношении мониторинга, которые сами по себе значительно улучшились за счет развития новых и мощных технологий наблюдения.

Завершая четвертую часть коллективной монографии, *Ф. Паскуале* обнаруживает весьма интересную проблему, находящуюся на стыке права и психологии — проблему использования инструментов на основе ИИ для осуществления т.н. аффективных или эмоциональных вычислений в целях влияния на человеческие эмоции и манипулирования людьми. Речь ведется о попытках считывать, моделировать, предсказывать и стимулировать эмоции людей с помощью программного обеспечения. По утверждениям сторонников эмоциональных вычислений применительно к сфере труда это позволит повысить его эффективность, определить лучшие и худшие методы выполнения работ и оценить вовлеченность работников в процесс. Представляется, автором озвучена скорее постановка проблемы, но не ее решение. Действительно, теперь IT-команды программируют роботов,

⁷ См.: Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work // OJ L, 2024/2831, 11.11.2024.

⁸ См.: Aloisi A., De Stefano V. Your boss Is an Algorithm: Artificial Intelligence, Platform Work and Labour, Bloomsbury Publishing, London, 2022; Adams-Prassl J. Regulating algorithms at work: Lessons for a 'European approach to artificial intelligence' // European Labour Law Journal. 2022. Vol. 13(1). Pp. 30–50.

чат-ботов и виртуальных агентов, чтобы они выражали грусть, сочувствие, любопытство и многое другое, «подражая» людям. Автором описаны по крайней мере четыре опасения по поводу сценариев алгоритмического управления посредством эмоциональных вычислений: нераспознавание, вторжение в частную жизнь, модуляция и отчуждение. По его мнению, применение подобных инструментов должно жестко регулироваться и контролироваться. Например, через запрет работодателям использовать интерпретацию эмоций при найме работников или через установление строгих требований к ее использованию. Сохранение конфиденциальности, уважение к интеллектуальной и эмоциональной автономии работника должно иметь приоритет, а само приобретение таких ИИ-систем работодателем — зависеть от результатов переговоров с работниками.

Пятая часть монографии посвящена собственно **трудовым перспективам использования ИИ-систем**. В ней **Ф. Пот** анализирует перспективы применения ИИ-систем для создания качественных условий труда. Он настаивает на том, что использование ИИ в сфере труда не приводит автоматически ни к появлению «хороших» рабочих мест, ни к исчезновению «плохих». Результат скорее зависит от организационной структуры и режимов управления, а также от участия или неучастия работников в принятии решений, т.е. от итогов борьбы за организационный контроль. В конечном итоге главной проблемой внедрения ИИ-систем на рабочем месте видится установление и развитие производственной демократии.

О. Шаньи и **Н. Блан** упоминают о возможностях социального диалога как формы управления ИИ «снизу вверх», опираясь на опыт Франции. Они приходят к заключению, что подобное управление ИИ является единственным способом развертывания надежного ИИ, приносящего пользу всем заинтересованным сторонам, включая работников. Отталкиваясь от исследований Международной организации труда, авторы прогнозируют, что воздействие ИИ на труд управленческого характера будет значительным, и поэтому считают, что профсоюзам предстоит сформулировать правила для технологизированного социального диалога завтрашнего дня. **Л. Гуальяноне** анализирует влияние ИИ на проведение коллективных переговоров в Италии. Здесь уместно вспомнить, что проблема коллективных переговоров уже была предметом монографических исследований в Европе⁹, но по-прежнему остается актуальной как в региональном, так и в национальном контексте. Применительно к Италии, по крайней мере в отношении права социальных партнеров совместно определять изменения, вызванные новыми технологиями, автором

выявлена напряженность между нормативными моделями, предложенными законодателями и волей социальных партнеров. Тем самым имеется разрыв между воображаемыми методами участия и фактической практикой коллективных переговоров. Только один из рассмотренных автором коллективных договоров включает обязанность консультироваться по ИИ-системам, причем предмет обсуждения довольно обобщенно обозначен как «планы технологических инноваций». **М.Л. Родригез-Фернандес** продолжает анализ коллективных переговоров в наступающую ИИ-эпоху, но уже применительно к Испании. Приводится интересная статистика. В настоящее время только 9.6% испанских компаний используют ИИ, но в цифровом плане Испании 2025 г. правительством поставлена цель, чтобы 25% компаний использовали ИИ уже к концу года. По мере увеличения числа компаний, использующих ИИ, количество коллективных договоров, касающихся его регулирования, также будет расти. Испания уже стала пионером в области законодательства об алгоритмической прозрачности в компаниях. В результате заключения соглашения о социальном диалоге статья 64(4)(d) Статута трудящихся теперь обязывает компании предоставлять представителям работников информацию о «параметрах, правилах и инструкциях», которые составляют основу алгоритмов или ИИ-систем, используемых для принятия решений, влияющих на условия труда, на доступ к работе и на сохранение работы, включая профилирование. Это положение дополняется рядом пунктов Хартии цифровых прав, которые включают не только требование оценивать влияние решений, принятых с помощью алгоритмов или ИИ-систем, но и обязывают обеспечивать проверяемость, антропоцентризм и реализацию принципа «не навреди». Правда, положения Хартии цифровых прав не имеют юридической силы, относясь к «мягкому» праву. Еще один исследователь, **Г. Бендер**, рассматривает влияние права ЕС на использование ИИ-систем в Швеции. Опираясь на имеющийся опыт и недавно опубликованные научные работы, он приходит к следующим выводам. Во-первых, шведское профсоюзное движение до настоящего времени в значительной степени избегало судебных исков против работодателей. Вместо этого основная стратегия заключалась в том, чтобы продвигать коллективные переговоры и другие формы механизмов выражения мнений работников. Во-вторых, действия и стратегии профсоюзов преимущественно не были направлены на то, чтобы повлиять на собственно ИИ-технологии. Вместо этого они были сосредоточены на том, что можно было бы назвать социотехническими переговорами, пытаясь повлиять на контекст и последствия использования ИИ-систем. В итоге автор заключает, что трудовое право остается необходимой, но недостаточной защитой на современном рынке труда. Усиление влияния профсоюзов будет иметь важное значение для

⁹ См.: Boto J.M.M., Brameshuber E. Collective Bargaining and the Gig Economy: A Traditional Tool for New Business Models. Oxford, 2022.

предотвращения дальнейшей эрозии жизненно важных общественных интересов, таких как заработная плата, условия труда и гарантии занятости.

Последняя глава монографии, написанная совместно *В. Мандинауд* и *А. Понсе дель Кастильо*, посвящена ИИ-системам, рискам и условиям труда. В этой главе рассматриваются условия, при которых ИИ-системы не смогут наносить вред или ухудшать условия труда, а станут способствовать их улучшению. Как надо их внедрять и контролировать, чтобы обеспечить это? И как этому будут способствовать правовое регулирование, коллективные переговоры и другие инструменты воздействия? Согласно гипотезе авторов, улучшение условий труда, вызванное ИИ, зависит не только от качеств этих технических систем, но также от способности социальных систем контролировать их использование.

* * *

Завершая краткий обзор коллективной монографии «Искусственный интеллект, труд и общество» под редакцией А. Понсе дель Кастильо, отметим, что это одно из первых комплексных сравнительно-правовых исследований в данном проблемном поле. Оно ставит ряд актуальных вопросов относительно внедрения ИИ-систем в комплекс трудовых и непосредственно связанных с ними отношений в европейском контексте. Междисциплинарный подход и анализ новейшего европейского законодательства, судебной и коллективно-договорной практики позволил авторам сделать ряд значимых выводов и предложений по дальнейшему совершенствованию как нормативной базы ЕС, так и практики коллективных

переговоров, форм взаимодействия социальных партнеров. С учетом всего вышесказанного этот опыт будет весьма интересно и полезно учесть в работе над формированием и совершенствованием российского законодательства в сфере ИИ и юридических моделей адаптации ИИ-систем к отраслевым, в том числе трудовым, особенностям.

REFERENCES

1. *Adams-Prassl J.* Regulating algorithms at work: Lessons for a 'European approach to artificial intelligence' // *European Labour Law Journal*. 2022. Vol. 13(1). Pp. 30–50.
2. *Aloisi A., De Stefano V.* Your boss Is an Algorithm: Artificial Intelligence, Platform Work and Labour, Bloomsbury Publishing, London, 2022.
3. *Artificial Intelligence, labour and society* / ed. by A.P. Del Castillo. Brussels, 2024.
4. *Boto J.M.M., Brameshuber E.* Collective Bargaining and the Gig Economy: A Traditional Tool for New Business Models. Oxford, 2022.
5. *The Cambridge Handbook of Technological Disruption in Labour and Employment Law* / ed. by M. De Vos, G. Anderson, E. Verhulp. Cambridge University Press, 2023.
6. *Collingridge D.* The social control of technology. Palgrave Macmillan, 1982.
7. *Handbook of Artificial Intelligence at Work: Interconnections and Policy Implications* / ed. by A. Renda, I. MacInnes, M. Garcia-Murillo. Edward Elgar Publishing, 2024.
8. *Rodgers L.* Labour Law and the Person: An Agenda for Social Justice. Bristol University Press, 2024.

Сведения об авторах

ТОМАШЕВСКИЙ Кирилл Леонидович — доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП); 420111 г. Казань, ул. Московская, д. 42
ORCID: 0000-0002-4098-4943

ФИЛИПОВА Ирина Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603022 г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23
ORCID: 0000-0003-1773-5268

Authors' information

TOMASHEVSKI Kirill L. — Doctor of Law, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Law for Scientific Research, Professor of the Department of Civil and Business Law, Timiryasov Kazan Innovative University (IEML); 42 Moskovskaya str., 420111 Kazan, Russia

FILIPOVA Irina A. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labour and Environmental Law, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University; 23 Gagarin Ave., 603022 Nizhny Novgorod, Russia